

Ф. ЛЕЛОТТ

Решение Проблемы Жизни

Иеромонах Фернанд ЛЕЛОТТ

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНИ

Христианское мировоззрение

Издательство „Жизнь с Богом”
Брюссель. 1959 г.

С разрешения церковных властей.

„ Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением. ”

(I Петра III, 15)

I

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

В В Е Д Е Н И Е

Предлагаемый труд Отца Лелотта «Решение Проблемы Жизни» есть явление единственное в своем роде, принимая во внимание исключительность переживаемой нами эпохи.

Этот труд представляет особый интерес для православного читателя так как ничего подобного еще не появлялось на русском языке.

Имеются очень ценные, иногда гениальные, научно-богословские труды, вроде произведений о. Сергия Булгакова, Павла Флоренского, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, Л. А. Шестова, Лосева, Н. О. Лосского, В. Н. Лосского и др.

О. Протоиерей Сергий Булгаков прославился произведением «Свет Невечерний» имеющим большое апологетическое значение. О. Прот. Павел Флоренский, знаменитый энциклопедист, физик, математик написал огромный, отмеченный печатью гениальности труд «Столп и утверждение истины». Самый подзаголовок этого труда — Опыт православной теодицеи показывает, что мы имеем здесь дело с грандиозно построенной апологетикой, т. е. защитой церковного христианства, для чего мобилизованы все силы и все отрасли человеческого знания. Н. А. Бердяев в своем труде «Философия неравенства», задевши кстати сказать многие темы общие с о. Лелоттом, показал всю несостоятельность материалистического мирозерцания, исходя из принципов христианской культуры. А в «Философии свободного духа» он построил мирозерцание исходящее из основных догматов христианства во главе с догматом Пресвятой Троицы. Этот мыслитель сверх того прославился главным образом защитой личности и ее творческой свободы.

Л. И. Шестов в таких произведениях как «На весах Иова», «Скованный Парменид», «Афины и Иерусалим» с огромной силой темперамента и эрудиции отстаивает веру против неоязычества. То же самое следует сказать и о произведениях Франка, Лосского и Лосева, Карсавина (автора лучшего труда о жизни св. Франциска Ассизского), Вышеславцева — «Кризис индустриальной культуры» и т. д.

Но популярного апологетического труда в хорошем смысле этого слова на русском языке еще не появлялось... Исключение составляет «Апологетика» проф. Киевского университета Протоиерея

А. Светлова. Этот труд надо теперь считать устаревшим не по причине его несовершенства, но в силу многочисленных открытий совершенно революционизировавших науку и жизнь, а также в силу того состояния, в которое пришло человечество после двух мировых войн.

Пришлось пересмотреть проблемы христианского мировоззрения в свете совершившихся событий и в этом именно смысле произведение отца Лелотта является единственным в своем роде. Этим и объясняется его огромный успех и появление этого труда на 12 языках — очевидно в таком труде назрела самая жгучая потребность.

Отец Иермонах Лелотт принадлежит к обществу Иисуса — ордену известному своей передовитостью, независимостью и научностью. Число первоклассных ученых с мировыми именами вышедшими из этого ордена буквально не поддается учету. Достаточно назвать хотя бы отца Секки, основателя астрофизической обсерватории по изучению солнца и вообще положившего краеугольный камень в изучение нашего светила, астронома Брауна, биолога Васмана, Рюримейера, Ги, Тейард де Шардена.

Чтобы получить понятие о научных заслугах представителей этого ордена, достаточно прочесть объемистый труд Мюллера - Франсфельса, где собран внушительный материал.

Книгу отца Лелотта дышащую юношеской свежестью и жизнерадостью можно рассматривать как написанную от имени христианской молодежи и обращенную к молодежи всего мира.

Характерна для самого автора и его среды здоровая поносторонность. Это тем более важно, что отрешенная мистика часто считающаяся единственным аспектом христианства много вредит церковному делу в глазах молодежи.

Автор очень хорошо показал, что с христианством вполне и до конца может быть соединено жизнерадостное и поностороннее мироощущение, творческая поносторонняя организация мира ради человечества и его прогресса во всех отраслях.

Не нужно забывать, что католическая Церковь сурово осудила апокалиптику в том смысле, что человек не должен пренебрегать историей и вообще временным, искусственно противопоставляя его вечному. Человек должен жить, действовать и регулировать свою жизнь в целях завершить замысел Творца о вселенной и такого рода установка одна уже бросает отблеск вечности на все временное, совершаемое с целями гармонирующими с волею Божией о мире.

Мудрость всей организации католической Церкви, которая влилась в произведение отца Лелотта, заключается в том, что она дей

стает вне апокалиптического террора, мудро устраивая жизнь на земле. Не исключено, что апокалиптический террор к которому всегда, а в наше время в особенности так любят прибегать некоторые представители Церкви есть нечто условное, подобно угрозе уничтожения тяготевшее над Ниневией и отмененной вследствие раскаяния ее жителей. Вполне допустимо думать, что если бы мир следовал учению Церкви, угрозы апокалипсиса не сбылись бы. Так думал Н. Федоров (см. его труд «Философия общего дела»).

На этой почве отец Лелотт показал как католическая Церковь разрешает самое трудное философское задание — симфонию светской и церковной власти.

Об этой симфонии восточная Церковь грезит с самого своего начала. Ее заслуга в том, что она постоянно устремлена из истории и из времени в вечность и во всем, что она ни делает, во всем ее литургическом и богословском творчестве дышит мечта о последнем свершении и о соединении с Богом по слову Ап. Павла.

«Желание имею разрешиться и со Христом быть». Этим желанием всегда был пропитан русский народ и весь стиль его благочестия и церковной жизни. Нет сомнения, что в этом состоит его положительное призвание и его миссия в мире. Сиянием нового Иерусалима светится и такой труд как «Столп и утверждение истины» отца Павла Флоренского. Этой мыслью проникнута православная иконопись — это «богословие в красках» и знаменный распев, который тоже можно назвать «богословием в звуках».

Революция оборвала эту культурно-церковную традицию и как бы заглушила память о ней в современной советской молодежи. Однако отзвуки этого благочестия продолжают жить в жертвенной незаинтересованности современной русской молодежи и тем бескорыстным жаром с которым она бросается строить новую жизнь. Этот творческий жар надлежит вновь обратить к его первоисточнику Христу - Богу, Творцу и Спасителю вселенной.

Русский народ и русская молодежь находится сейчас на одном из тех великих перепутий, которые так характерны для трагической и мучительной русской истории. Одним из таких перепутий было начало 17 века. Россия доведенная тогда до последней крайности в своих страданиях, спаслась молитвой и явлением Пресвятой Богородицы, памятником чего является икона Казанской Божьей Матери, тропарь которой живо говорит о перенесенных страданиях и об избавлении от них.

В своем стремлении к творчеству новой жизни русская молодежь может быть слишком увлеклась западным духом в том, что в нем было безбожного и материалистического.

Современный Запад не только погряз в материализме и искании наживы, он также отмечен и исканием Царства Божия. Огромная литература посвященная этому вопросу, как в католичестве так и в протестанстве, могла бы содействовать раскрытию глаз у русской молодежи, быть может слишком ослепленной односторонним пониманием Запада как исключительно технической цивилизации. Следует вспомнить, что один из величайших русских философов — Владимир Соловьев, будучи вполне национальным русским религиозным метафизиком, в то же время до конца воспринял и ценил религиозные искания и религиозную мудрость Запада. Наступило время учиться у этого мыслителя как оценивать происходящие исторические события в свете провозглашенных им принципов богочеловечества.

Молодежь, в руках которой будущее, найдет, в книге Лелотта вдохновляющие мотивы для объединения ее деятельности, творческих порывов и молодой жажды жизни со спасительными указаниями, направляющими творческий темперамент молодежи по вечному пути. Она сможет смело смотреть в будущее исполненное надежд на счастье, зная, что ее надежды и творческие мечты всецело приняты и благословлены Церковью.

Владимир ИЛЬИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Познать в чем смысл их жизни — вот в чем остро нуждаются люди.

Некоторые из них могут объявлять праздным и бессмысленным делом искание ответа на этот вопрос: он все же стоит перед ними, беспокоя и мучая их в часы размышлений или же в переломные периоды их жизни. Нельзя безнаказанно идти против замысла, который Бог предначертал и вписал в сокровенные глубины нашего существа.

Люди обретут покой только тогда, когда поймут, ради чего они живут и умирают.

Тогда то именно они откроют в самих себе неисчерпаемый источник веры и уверенности, надежды и любви, который исполнит их радости и преобразит их жизнь.

Христианство, и оно одно, открывает смысл жизни, к нахождению которого стремятся все, кто задумывается над этим вопросом.

Но надо правильно понять христианское мирозерцание и претворить его в жизнь.

Слишком велико еще число христиан, не знающих даже, какой ответ дает христианское учение на основные вопросы жизни.

Слишком велико число христиан, опошляющих христианскую жизнь, сводя ее к нескольким рутинным обрядам, не имеющим влияния на их действительную жизнь.

Слишком велико число христиан падающих духом при виде злостных нападок врагов Церкви.

Но разве Христос не предупреждал нас, что нам придется вести борьбу? Разве века расцвета христианства не совпадали с веками испытаний и гонений?

Слишком велико еще число христиан, критикующих — иногда справедливо — поступки или суждения представителей Церкви, забывая, что, хотя Церковь божественного происхождения, Бог доверил ее человеческим рукам. Обладая очень несовершенным знанием, эти люди заигнотизированы мелочами и упускают из вида

главное. Они заслоняют от ищущих истину подлинный лик христианства.

Вот почему, в числе многих других, мы сочли своей обязанностью изложить основы церковного учения о жизни.

Стремясь проникнуть как можно глубже в понимании реальности, мы попытались показать, до какой степени христианское учение ей соответствует и насколько оно отвечает потребностям душ нашего времени ищущих верного направления и захватывающего идеала.

Мы попытались исполнить желание многих верующих и даже неверующих — иметь под руками синтез христианского учения по этому вопросу.

Мы надеемся принести верующим новую радость более глубокой жизни во Христе и помочь им стать более достойными свидетелями Его правды в мире.

Мы решаемся обещать неверующим, что чтение этих страниц поможет им устранить некоторые недоразумения и пробудит в честных душах живую симпатию к животворному учению, с которым они слишком мало знакомы.

Чтобы избежать всякого рода смещения перспектив, скажем сразу, что наша цель не доказать, а показать христианское решение этого вопроса. Слова Жака Ривьера в его «Записках пленного» точно выражают нашу цель и нашу мечту :

«Вместо того, чтобы доказывать христианскую веру, гораздо интереснее привлечь к ней и, для этого, описать ее достаточно подробно и выявить с достаточной силой ее замечательную связность, чтобы у неверующего закружилась голова и ему только оставалось броситься в ее объятия».

Когда Апостол Филипп сказал Нафанаилу, что они нашли Мессию, сына Иосифа, Иисуса из Назарета, Нафанаил ответил : «из Назарета может ли быть что доброе?»

Тогда у Филиппа оставался один только аргумент : «Пойди и посмотри». (Ио. 1,46). И Нафанаил, познав Христа, уверовал в Него и полюбил Его. То-же самое можно сказать и о Церкви : достаточно ближе рассмотреть ее учение, чтобы уверовать в нее и полюбить ее.

Но невозможно передать на нескольких безжизненных страницах бьющую через край жизненность христианства.

По мере того, как мы углубляемся в жизнь во Христе, все большие просторы раскрываются перед нами. И может ли быть иначе, раз источник этой жизни — Христос, в котором пребывает полнота истины и жизни ?

Нет сомнения в том, что излагая читателю синтез Христова благовестия, каждый автор с болью сознает свое бессилие перед грандиозностью задачи. Есть, однако, основание думать, что эта книга отвечает сгремлениям нашего времени и требованиям образованных людей, раз она переведена на 12 языков и многие учебные заведения приняли его в качестве учебника для старших классов. Да поможет Бог этим молодым людям найти в этих страницах пламенеющую веру во Христа и полную непоколебимую верность Церкви.

С этим молитвенным пожеланием приступаем к изданию русского перевода этой книги. Да благословит Божественное Провидение русскую молодежь и да покроет Пресвятая Богородица святым Своим омофором землю русскую, где борьба против религии, против правды Христовой достигла небывалой остроты и напряжения, но где светит все более ясным блеском неугасимая лампада веры во Христа.

Выражаем нашу глубокую благодарность нашим православным сотрудникам, профессору В. Н. Ильину и князю С.С. Оболенскому, а также центру русско-католических изданий « Жизнь с Богом » за прекрасный перевод и дополнения к русскому тексту.

Да укрепит это братское сотрудничество во славу Божию православных и католиков нашу надежду на скорое единение всех нас во единой Церкви Христовой во исполнение желания Спасителя « Да будут все едино ».

Иеромонах Лелотт.

I. ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I.

ЗАГАДКИ ЖИЗНИ.

1. Зачем жить ?

Странная вещь — жизнь !

Вот уже года протекли с того момента, когда без моего согласия я оказался помещенным на шарообразный механизм земли, к которой я пристал как муха к глобусу.

На противоположной стороне этого шара в области Тихого океана живут другие человеческие существа, головой вниз, не чувствуя при этом ни малейшего головокружения.

Говорят, что носящий меня шар ничем не поддержан и ни к чему не подвешен,

что за один день он совершает поворот вокруг оси со скоростью приблизительно 1.000 клм. в час по касательной и описывает вокруг солнца эллиптическую орбиту со средней скоростью 108.000 клм. в час,

что само солнце, увлекая за собой множество своих спутников, среди которых находится и наша земля, направляется к блестящей Веге в созвездии Лиры со скоростью 70.000 клм. в час,

что 3.000 или 4.000 звезд, которыми я люблюсь вечером и которые мне кажутся неподвижными, так же движутся с головокружительными скоростями в пространстве.

Хотя это и противоречит моим впечатлениям, ничто в мире не находится в покое. Мир является как бы балетной сценой, где исступленные балерины кружатся без передышки.

И я, пишуший или читающий эти строки, безнадежно прикреплен к одной из них и вместе с этой спутницей солнца кружусь, кружусь, кружусь. Завтра в тот же час мы совершим только

один кругооборот, но мы пробежим за это время сотни тысяч клм. междузвездных пространств.

И самое любопытное, что я при этом ничего не чувствую. Это действительно очень странно.

День за днем проходит моя жизнь на этом шаре : я двигаю руками и ногами, ем, передвигаю предметы, иногда разбираю некоторые из них, затем ложусь в постель, теряю сознание на несколько часов...

Тогда как на другом полушарии половина человечества, ласкаемая лучами восходящего солнца, потягивается, ест, работает, а затем ложится спать, когда я должен встать !

И завтра и послезавтра та-же игра возобновится. Это удивительно !

Я живу потому, что в моей груди бьется сердце, находящееся день и ночь в движении, хотя я ему и не дал первого толчка и не в силах остановить его биение усилием моей воли. 100.000 раз в день этот орган сжимается и расширяется. Кто пустил его в ход и как он может так биться ?

Вот что еще удивительно — я часто живу там... где не нахожусь ! С одной стороны, я чувствую себя локализованным в определенной точке пространства; с другой стороны, во мне есть **дух**, постоянно покидающий меня и способный мгновенно пересекать пространство и переноситься в самые отдаленные концы вселенной.

И этот дух, всецело пребывая в настоящем, постоянно исследует прошлое и прозревает в будущее. Не поразительно ли все это ?

И в самом деле, каков смысл моего существования ?

Когда же дело касается моего пребывания на земле, неужели я не поставлю себе никакого вопроса ? Не попытаюсь узнать о том ,что от меня требуется ?..

„ Но, говорят некоторые, не проще ли сделать вид, что вопрос не существует или предположить, что он разрешен. Жизнь прекрасна ! Так будем же жить ! ”

2. Зачем умирать?

Да, будем жить. Но как ни велика моя радость жизни, я все же не удовлетворен; потому что ежедневно я приближаюсь к таинственному пределу... Вопреки моему желанию, я думаю о том, что моя жизнь придет **к концу** :

я думаю о неумолимом законе смерти... его никто не избежал по сей день... он велит мне исчезнуть, не давая возможности определить ни дня, ни часа моего отхода.

После двух или трех десятков тысяч дней, более или менее подобных сегодняшнему дню, после нескольких кругообращений земли вокруг солнца, **я исчезну**, как и пришел.

Я вышел из тени, и вернусь в тень.

Было время, когда я не существовал; придет время, когда меня не будет.

До меня миллиарды существ передвигались на планете называемой землей; они ходили, ели, работали, смеялись, плакали как и я; у них были зубные боли, иллюзии, кошмары, разочарования.

Огромная безымянная толпа родилась таким образом, жила и умерла, не оставив ни малейшего следа, даже в памяти людей.

Все прошлое ушло и погрузилось в забвение :

Река времен в своем теченьи
Уносит все дела людей;
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

А если что и остается
От звона лиры иль трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

(Предсмертное стихотворение Державина)

Ни римские легионеры, ни армии крестоносцев, ни орды татар, ни богатые караваны торговцев 16 века, ни гвардия Наполеона, ни полки Суворова, ни все те, кто были занесены на скрижали истории не подают больше признаков своего существования.

Все они некогда были полны жизни, все они теперь безмолвствуют.

Есть чему удивляться !

Все, что живет в наше время — включая и меня — в некий день застынет в мертвой неподвижности, а потом превратится в прах и исчезнет.

Воистину это трагично.

После меня, будут чередоваться новые поколения, они еще не существуют и однако они появятся в положенный срок на земле;

улицы наших городов, набережные портов, дачные места, поезда... все будет переполнено несметной толпой, радостной или беспокойной,

а меня не будет, чтобы увидеть ее !

И они даже не будут иметь представления о моем существовании в прошлом.

Как это удивительно ! Их равнодушие меня ранит, меня, который...

А пока я пребываю в данном отрезке времени, играя прошлым и будущим в своем воображении,

как гребец, сидящий в уютной ладье и ударяющий веслами с обеих сторон по поверхности воды, уходящей в таинственные глубины,

я уносим потоком жизни, зная что придет день, когда моя ладья тоже потонет.

И однако я чувствую, насколько этот роковой исход — смерть — находится в вопиющем противоречии с живущей во мне глубокой жадной жизни,

В таком случае, зачем умирать ?

Ничтожен человек и ничтожно все, что имеет конец... Срок моей жизни не больше 80 лет; скажем — сто лет : сколько же было времени, когда меня не было; и сколько же будет еще, когда и меня уже более не будет ! И какое незначительное место я занимаю в бездне времени ? Я ничто; этот маленький промежуток времени не может меня выделить из небытия, куда мне должно уйти.

(Босюэ)

Я противлюсь хотящему меня повалить. Однако скоро придет день, когда я буду превращен в прах, свободно умещающийся в горсти ребенка.

Ежедневно около 200.000 человек — мне подобных существ, обладающих как и я мыслью, чувствами, желаниями и опасениями, —

200.000 человек перестают двигаться и их спешат выключить из потока жизни.

8.000 человек в час, 133 в минуту...

Нас приводит в ужас сознание того, что атомная бомба может стоить жизни 200.000 человек... Однако, столько же человеческих существ исчезает ежедневно даже в мирное время...

В этой гекатомбе когда-нибудь окажусь и я.

Почему этот предел, когда я стремлюсь к жизни ? Почему ?

Да и полно : является ли смерть уничтожением всего моего существа ?

Кладёт ли на самом деле смерть предел моему существованию? Да или нет? Вот тревожная дилемма, одно из решений которой я должен избрать.

Я согласен, чтобы человек не углублялся во взгляды Коперника, но вот: для всей жизни важно знать, бессмертна или смертна душа? (Паскаль)

1 сентября 1926 года рано утром будят приговоренного к смерти, чтобы вести его на казнь: „меня казнят? Но куда я теперь пойду?“

Нет ли возможности забыть, о смерти и удовольствоваться периодом жизни, данным мне до этого рокового исхода?

Хочу тебя забыть над тяжкою работой, но миг один —
И ты в глазах с бездонностью своей. (А. Фет)

Люди, не будучи в состоянии исцелиться от смерти, решили не думать о ней, чтобы стать счастливыми. Это единственное, что им удалось изобрести для своего утешения. (Паскаль)

Увы нет! — И это не помогает, потому что новый вопрос нарушает мой покой.

3. Зачем страдать?

И действительно, почему мое тело, почему моя душа, вместо того, чтобы спокойно наслаждаться небольшим периодом времени, предоставленным мне для жизни, становятся бессильными свидетелями того, как страдания посещают мою жизнь и жизнь моих близких, или даже утверждают в них на время.

Я думаю о всех телесных страданиях, перенесенных мною с детских лет. И еще более о моих тревогах, разочарованиях, неудачах и утратах,

О зависти одних, о неблагодарности других, о борьбе за существование, которую мне пришлось вести.

Потом, забывая свои страдания, я думаю о страданиях других людей и стараюсь с наибольшей чувствительностью на какую только способен, уловить до малейших оттенков гигантский вопль поднимающийся от земли.

Вспомним здесь ужасы, описанные в девятой симфонии Бетховена и шестой патетической Чайковского.

Во-первых, — физические страдания.

Мое воображение проникает в тысячи клиник, госпиталей к страдальческому одру больных и внимают голосу страждущих, как пользующихся уходом, так и лишенных его.

Я хочу быть внимательным к их воплям, почувствовать боль их ран; я думаю о слепых всего мира...

Я склоняюсь к одру всех заключенных в гипс на многие годы,

хотя им так хочется ходить и жить.

Я присутствую при агонии тысяч умирающих, ожидающих с минуты на минуту наступления смерти.

Но страдания их — не только физические... Я стараюсь понять и нравственные страдания этих больных и раненых,

всех окружающих их,

скорбь всех осиротевших сегодня семей — они увеличат еще число очагов, в чьи двери смерть постучалась в предыдущие дни.

Я думаю о мучительных переживаниях тех, кто страдал и еще страдает в тюрьмах и концлагерях,

о миллионах несчастных и „перемещенных” по политическим причинам лиц, вырванных из их родной почвы...

Я думаю о моральных страданиях стариков, брошенных в домах престарелых, о матерях, с тревогой ожидающих возвращения детей...

об отцах, не имеющих возможности прокормить свою семью, об обманутых женах и мужьях, о непонятой любви, о тысячах брошенных или осиротевших детях.

Нет на земле места, пощаженного страданиями; нигде нет абсолютного счастья...

И у нас самих, хотя бывают периоды спокойной жизни, к ним всегда примешиваются воспоминания об уже испытанных страданиях и боязнь снова встретить скорбь, эту немую посетительницу, не объясняющую, **почему** она приходит смущать наше существование.

Почему же существует страдание, если все от него отшатываются ?

Сила человека не велика; ни один из его проэктв не осуществляется. Его краткая жизнь есть лишь нагромождение страдания и смерть, неизбежная смерть нависла над ним.

(Симонид)

**Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мелхиседек :
Рабом родился человек,
Рабом в могилу ляжет
И смерть ему едва ли скажет
Зачем он шел долиной скорбной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.**

(Батюшков)

Если бы я по крайней мере имел возможность утверждать, что страдания мне причиняются в силу независящих от меня обстоятельств и что я неповинен в моих собственных муках и в муках ближних.

Так нет же! В тайниках моей совести возникает новый вопрос.

4. Зачем делать зло ?

Я не могу считать себя ни в чем неповинным и редко действую вполне сообразно моему человеческому достоинству.

Хотя я часто желаю добра, однако я делаю зло. Я чувствую себя одновременно свободным и заключенным в цепи. Откуда происходит во мне это разногласие ?

Случается так, что я положительно ищущу зла и наслаждаюсь им. Почему это ?

Я смотрю на окружающих меня людей. Кто среди них осмелится сказать, что он ни в чем неповинен ? На этот вызов люди вынуждены ответить гробовым молчанием.

„ Кто из вас без греха, первый брось на нее камень ” (Ио. 8,7)

И однако я чувствую глубочайшим образом, как и многие другие, насколько было бы хорошо не увеличивать по своей вине страданий, царствующих в мире, сеять только радость и следовать только добру.

В таком случае, зачем совершать дурные поступки ?

Закключение.

Все эти вопросы меня волнуют. Их нельзя сравнивать с геометрическими задачами, не имеющими никакого отношения к моей жизни.

Тревожно ищущая молодежь обращает к вам свои взоры, стремясь найти интеллектуальный синтез, могущий внести смысл и порядок во всю ее жизнь. Пока не будет дан окончательный надлежащий ответ на вопросы : каков смысл жизни, страдания, смерти — будет оставаться впечатление, что почва уходит из под ног.

(Пий XII, речь членам интер. конгресса филос. в 1946 г.)

Жажда полноты существования является основой человеческой тревоги, нашей жизненной тоски. Эта жажда бытия и ужас перед небытием никогда не были так сильны, как в наши дни. Этим объясняется, почему в наши дни все формы мысли и искусства, связанные с экзистенциализмом пользуются таким успехом.

(Р. Левек).

Нет, тут дело идет о глубоко личных и вполне естественных вопросах.

Я живу, я умру, я страдаю, я делаю зло. Все это относится ко мне. Этим вопросом — жизни, смерти, страдания и зла — я посвящаю даже большую часть моей деятельности.

Я стараюсь продлить мою жизнь и отодвинуть роковой предел смерти; я стараюсь избегать страдания и иногда даже зла.

Основной вопрос жизни главным образом заключается в резком, непонятном и мучительном противоречии существующим между той жизнью, которой человек желает и жизнью какова она есть.

Человека от животного отличает именно то, что жизнь для него — проблема. Можно сказать, что он становится действительно человеком, когда эта проблема им сознается.

(Сюллеро).

Если в груди у меня бьется подлинно человеческое сердце и если мой ум отзывчив на запросы других людей, я не могу забыть о том, что эти же проблемы ставятся в жизни окружающих меня, и не могу оставаться равнодушным к их страданию и исканию. Я сознаю, что было бы очень благородным делом помочь другим разрешить эти проблемы.

Но прежде чем искать их разрешения, рассмотрим бегло, как люди реагируют на эти проблемы.

ГЛАВА II

ОТНОШЕНИЕ ЛЮДЕЙ К ПРОБЛЕМЕ ЖИЗНИ

1. Не задумывающиеся над этим вопросом.

а) По причине своего воспитания.

Вопрос о смысле жизни не ставился ни в их семье, ни в их школьные годы. Поэтому некоторые люди, хотя и одаренные умом, никогда не задавали себе вопроса о смысле своей жизни.

Не малое число из них, инстинктивно повинувшись голосу совести ведут безупречную жизнь, трудовую и жертвенную. Они вполне заслуживают нашего уважения; не удивительно, что когда вопрос о смысле жизни встает перед ними, эти души принимают без больших колебаний Бога и Его Волю.

б) Из-за легкомыслия.

Большое число людей, давших себе отчет в существовании этой проблемы, не заботятся о ясном, разумном и полном решении ее.

Почему вы так настойчиво желаете понять, откуда пришли и куда идете? Вы никогда ровно ничего не узнаете об этом. Забудьте эти бредни. Подобные вопросы — просто болезнь; способ излечиться от них — не думать на эту тему.

(Литтре — он уверовал в Бога на смертном одре)

Если я буду останавливать прохожих на улице, спрашивая их размышляли ли они о цели жизни и нашли ли они ответ — и какой — многие примут меня за надоедливую субъекта или за психопата и пройдут мимо, пожимая плечами.

Но если я их спрошу, в каком направлении находится вокзал или центральная почта, они охотно укажут мне дорогу.

Как это нелогично! Они готовы дать мне второстепенное указание, но когда речь идет о главном вопросе жизни, они остаются с открытым ртом и, что еще хуже — равнодушными.

На могиле скольких людей можно было бы написать эти слова :
Здесь покоятся останки человека, никогда не знавшего, зачем он
жил на земле. (Бопп)

Растерянность людей происходит от того, что вечером они не
знают, почему они утром встали, и почему завтра они опять нач-
нут ту же самую канитель. (Донкер)

У большинства людей глаза открываются только раз в жизни —
в минуту смерти... и тогда спешат закрыть глаза прозревшим.
(Г. Бордо.)

Однако, надо жить. Поэтому всякий человек должен избрать
правильный подход к проблемам жизни.

Каков будет практически **подход** равнодушных ? Он будет
обыкновенно внушен заинтересованностью или капризом.

Они сами не обдумали проблему жизни и хватают справа
и слева обрывки разных учений, соединяют их как попало, и
одевают этот шутовской наряд, сшитый из тряпок всех цветов.

Они постоянно меняют свои одеяния, приспособляясь ко
вкусам текущего дня и капризам своей фантазии.

Вот почему они будут то католиками, то протестантами, то
коммунистами, то капиталистами :

католиками, потому что это соответствует их семейным тра-
дициям; **протестантами**, потому что они считают нужным **про-**
тестовать против некоторых предписаний католической Церкви,
к которой они однако хотя и принадлежать;

коммунистами — если соседу лучше живется; **капиталистами**,
когда им надо будет защищать свою личную собственность.

Сегодня они провозглашают себя защитниками справедливости,
потому что они стали жертвой злодейских махинаций; но
завтра они отвергнут нравственные принципы, потому что это
их стесняет.

Деньги, находящиеся в своем кармане, кажутся чем-то свя-
щенным; но деньги соседа принадлежат, понятно, самому лов-
кому.

Они жалуются на недостаток рабочей силы; но они не хотят
иметь детей.

Они проклинают войну, но используют всеми способами ок-
купанта и союзника.

Их решение проблемы жизни — **жить изо дня в день**, меняя
направление — как прилив и отлив морской волны — в зависи-
мости от приятных или неприятных впечатлений, событий и
непосредственных выгод.

Для большинства людей главное в жизни это временное, преходящее, осязаемое. Духовное может быть в их глазах теоретической истиной; на деле же — это непроницаемый туман.

Многие люди как будто находятся в зале ожидания, где они ничего не ждут. Они оказались в жизни, не спрашивая себя зачем они здесь; они живут потому, что они увлечены потоком жизни и подчиняются темному инстинкту, цепляющемуся за жизнь. Но делать им в жизни нечего.

Изо дня в день они устраивают свое существование так, чтобы оно было получше и по возможности безболезненное. Они работают, если это необходимо для существования. Иначе они ничего не делают. Они предвидят в той мере в какой это нужно для непосредственных целей. О смерти они предпочитают вовсе не думать и они влчат свое существование, потому что они как-бы чего то ожидают и вместе с тем не ждут решительно ничего.

(Леклерк, Диалог человека с Богом)

— Скажи же мне, хоть веруешь ты в Бога ?

— Смотря по обстоятельствам, синьор.

— Ну, вижу я, что ты мошенник откровенный.

(А.К. Толстой. Дон Жуан)

в) Из-за предвидимых ими последствий.

Многие избегают искать разрешения смысла жизни, отдавая себе отчет в том, что открывшаяся истина свяжет их нравственными требованиями, пугающими их.

Отход разума от Бога часто является последствием нравственного падения. Под влиянием страсти человек хочет, чтобы Бог не существовал, и под действием этого желания он в конце концов убеждает себя в том, что Бог не существует.

(Дюпlessи)

Человек удаляясь от веры срывается главным образом с цепи невыносимой для его жадности наслаждений. Я не удивлю никого из учившихся в наших учебных заведениях, утверждая, что раннее равнодушие к религии так называемых свободомыслящих имеет отравленной точкой слабость плоти, соединенную с отвращением, которое они испытывают перед необходимостью признания своих грехов на исповеди. Размышление — но какого рода размышление ! — следует затем и приносит доказательства в подтверждение отрицательного тезиса, который был сначала принять из практических побуждений.

(Бурже).

То, что случилось со св. Августином повторяется сплошь рядом с каждым из нас : потеря веры совпадает с пробуждением чувственности. Подростка удаляет от Бога не разум, а плоть. Неверие только приносит „оправдание“ новой жизни, которую он теперь ведет.

(Л. Бертран).

Из-за материальных забот.

Обратимся теперь к категории честных людей, получивших недостаточное религиозное образование и потерявших веру, потому что материальные нужды поглощают все их время. Сколько рабочих, например, принадлежат к этой категории! Не легкомыслие и не отказ от требований истины, но тяжелые условия жизни препятствуют им сохранить живую веру.

2. Ищущие и не находящие.

К этой категории принадлежат все любящие истину, стремящиеся ее найти, готовые всем пожертвовать ради нее, но еще не открывшие ее.

Существуют честные по природе души, не принявшие христианского вероучения или даже незнакомые с ним, но живущие по строгим правилам естественной нравственности и дающие своим ближним прекрасный пример трудолюбия, справедливости и любви к ближнему.

У многих протестантов нравственный уровень жизни превосходит качество их теоретических принципов, а у многих католиков жизнь значительно ниже их учения.

(Де Бональд)

Все делающие себя центром жизни, на деле — безбожники, даже если они ходят в церковь. А все покоряющиеся идеалу — чему-то абсолютному, за которым они признают властное право господствовать в их деятельности и направлять их жизнь — и утверждающие существование высшего добра — находятся на стороне верующих — даже если они занесены в списки безбожников.

(Аббат Жоли)

Эти души наследники двадцати веков христианства, даже если они не отдадут себе в этом отчета.

Возможно, не принадлежа к Церкви, воспринимать в себя доброе влияние, излучающееся из нее... Есть души, согревающиеся теплом, исходящим из очага, существование которого они отказываются признать.

(Де Монтшей)

Сын может отказаться от своей матери; но он и тогда не перестает быть биологически связанным с ней. Таким же образом, находясь далеко от отчего дома, ставшего для них чуждым, эти неверующие слышат еще, даже не отдавая себе в этом отчета, отзвуки христианского наследия, которые часто в их решениях или в их действиях охраняют их от полного подчинения и следования ложным идеям, принятым ими.

(Папа Пий XII)

Ясно, что эти души заслуживают нашего уважения и нашей симпатии.

Иногда сами верующие, не соответствующим их учению образом жизни или неуместным проявлением своих убеждений мешают этим искателям истины освободиться от сомнений и нерешительности.

Наряду с подобного рода людьми, заставившими себя подчиниться строгим правилам нравственности, можно встретить других, также ищущих истину, но предающихся худшим формам разгула страстей, потому что они не находят истину.

Адольф Ретте и Карл де Фуко вели в течение долгих лет недостойный образ жизни; но, несмотря на это, они продолжали стремиться к истине. И в тот день, когда они ее открыли, они всем пожертвовали ради нее.

Нам, несомненно, случается встречаться с людьми, подобными Ретте или Фуко в годы их неверия и безнравственной жизни. Осудим грех, но пойдем богатые возможности, таящиеся в грешнике.

Ищущая душа, даже не следующая принципам нравственности, привлекательна, более привлекательна, чем душа погрязшая в мещанском благополучии и не имеющая мужества им пожертвовать в случае надобности. Такая жизнь подобна стоячей воде; другая же подобна воде потока, который несет порой нечистоту, но впоследствии станет прозрачным, благодаря углублению в почву, где наконец он найдет непоколебимую скалу истины.

Господь не может не присутствовать в тревоге души ищущей Его и устремляющейся к Нему — Он Сам в глубине сердца направляет ее.
(Р. Швоб)

Сама Истина побуждает нас искать истину.
(Св. Макарий Египетский).

Я хочу любить особой любовью тех, кого их рождение, вера или убеждения отдалают от меня; главным образом их я должна понять.
(Елисавета Лесер)

3. Искавшие истину и утверждающие, что нашли.

Мир изобилует мыслителями, которые утверждают, что они могут дать полный ответ на вопрос о смысле жизни : христиане, коммунисты, расисты, экзистенциалисты, буддисты, мусульмане и т. д.

Между всеми этими учителями придется сделать выбор; их теории противоречат друг другу частично или полностью и согласовать их невозможно.

Ведь истина одна.

Между всеми учениями стремящимися преобладать в мире, только одно может быть истинным; все остальные ложны, конечно, не в целом, но частично; отдельные элементы истины всегда входят в состав ложных учений.

Но какое учение избрать ?

Идеалом было бы подвергнуть все предложенные мировоззрения решительному испытанию, благодаря которому можно было бы без колебания открыть, которое из них истинно.

Возможно ли такое испытание ? Существует ли верный критерий с помощью которого можно судить о ценности данного мировоззрения ?

4. Критерий для открытия истинного решения вопроса.

Этот критерий существует :

Предложенное решение должно дать разумный, полный и гармонично сочетающийся со всеми главными аспектами жизни ответ;

более того, оно должно быть применимо ко всем людям; наконец, оно должно оставаться тождественным самому себе во всех обстоятельствах жизни.

Во первых — решение всех важнейших проблем жизни.

Не трудно, в самом деле, выработать очень заманчивое решение, но относящееся только к одному аспекту нашей земной жизни.

Можно, например, выработать новую систему распределения материальных благ, не заботясь о смысле жизни и не стремясь выснить существует-ли потусторонняя жизнь.

Можно создать новый порядок жизни, вполне соответствующий социальным потребностям людей, но обходящий молчанием трудную проблему человеческого страдания.

Мы могли бы продолжить этот перечень.

Но признаемся, что это слишком легкий способ обходить трудности !

Нет, необходимо, чтобы предложенное учение вскрыло смысл не только жизни, но и страдания и смерти, высказалось

бы о существовании потусторонней жизни, не пренебрегло бы ни индивидуальными, ни социальными проблемами, дало бы ответ на вопрос о происхождении зла, чтобы оно не оставило в тени ни один из главных аспектов нашей реальной жизни.

Это учение не должно калечить нас, а должно уважать и даже вдохновлять все то доброе и прекрасное, что содержится в человеческой природе.

Учение, которое было бы не в состоянии удовлетворить нас во всех этих отношениях и в других вопросах, которые постепенно встанут перед нами, содержало бы в себе свое собственное осуждение.

Никто не может решить проблемы жизни, если он предварительно не решил проблемы страдания. Раз христианин — и только он — способен решить эту проблему, единственно он может понять смысл жизни.
(Свящ. Леклерк)

Но не будем удивляться, если искомое решение представляет некоторую сложность — жизнь сама по себе сложна и многогранна. Поэтому надо с самого начала отнестись с недоверием к слишком упрощенному решению вопроса.

Во-вторых — применимость ко всем людям.

В этой области тоже есть место для всевозможных уклонов.

Не трудно, например, удовлетворить тех, кто обладает богатством или отличается здоровьем; но истинное решение вопроса должно подходить всем без исключения,

богатым как и бедным,

одаренным как и неодаренным,

молодым и старым,

здоровым и больным;

оно должно подойти поденщице как и королю, быть способным вполне удовлетворить дельца и паралитика.

Наконец — тождественность самому себе при всех обстоятельствах жизни.

Решение должно быть полностью приложимо в мирное как и в военное время, в благополучии, как и в беде.

Оно должно быть вполне применимо к радостям и испытаниям моей жизни, независимо от того, нахожусь ли я на свободе или подвержен несправедливому заключению, осыпан ли я материальными благами или же доведен до нищеты,

спокойно ли я ужу рыбу или подвержен бомбардировке.

Учение, которое пришлось бы оставить в какой-нибудь период моей жизни, например, при приближении моей смерти, потому что к этим обстоятельствам оно больше не подходит, — подобное учение расписалось-бы тем самым в своей собственной несостоятельности.

5. Наша цель.

Мы, конечно, не в состоянии рассмотреть здесь все предложенные людьми решения и применить к каждому из них данные нами критерии. Этот исчерпывающий опыт фактически невозможен — для него нехватило бы человеческой жизни, а между тем надо жить и, следовательно, остановиться на каком-нибудь решении.

Наша цель более скромна — мы рассмотрим только христианское учение, но тем не менее мы приходим к убедительному заключению :

христианское решение проблемы победоносно выдерживает испытание.

И действительно, оно дает объяснение жизни, полностью соответствующее действительности, не пренебрегая ни одним из ее главных аспектов;

его можно предложить всякому человеку доброй воли, независимо от его возраста и его социального положения; оно вполне применимо к обстоятельствам всякой человеческой жизни и не нуждается в изменениях в зависимости от превратностей жизни.

Чтобы доказать наше утверждение, достаточно будет ясно и честно изложить христианское учение.

А раз есть только одно истинное решение вопроса жизни, не должен ли будет читатель заключить, что христианское решение является искомым ответом ? Мы предоставляем ему самому сделать этот вывод. (*)

(*) Вам не трудно будет возразить : „но ведь как много умных людей, утверждающих противоположное тому, что утверждаете вы ! Они тоже заслуживают нашего внимания”.

Ответ : Конечно, но вопрос от этого не меняется. Кому вы поверите ? Какое решение изберете ? . . . Ваше возражение ставит не нас, а вас самих в затруднительное положение, потому что оно заставляет вас лично занять определенную позицию и сделать самому выбор.

Если бы я не был католиком по убеждению, я хотел бы им быть лишь для того, чтобы иметь под ногами платформу, с которой бы я мог смотреть на больные и худосочные современные идеи.
(Бурже).

Почему я христианин?.. Потому что я чувствую, что человеческая жизнь ведет к чему-то иному, чем пустое отчаяние, пустое вопрошение или пустая беззаботность.

(Г. Тибо)

Зачем я живу? Кто мне ответит?

ГЛАВА III.

ОСНОВНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ДУШИ.

После того как мы отдали себе отчет в трагическом аспекте человеческого существования, рассмотрели отношение людей к проблеме жизни, установили критерий для отыскания правильного решения, скажем несколько слов о том расположении души, в котором человек должен находиться, чтобы найти истину.

1. Искать истину.

Прежде всего надо хотеть найти истину, пребывать в состоянии постоянной пробужденности сознания, жаждущего истины (усилие заключается в напряжении мысли), готового принять истину каковой бы она ни оказалась и откуда бы она ни происходила (сделать усилие, чтобы быть искренним с самим собой).

Это расположение души — основа всего; если не будет любви к истине, — любви, которая должна проникнуть до мозга костей — ложные принципы, руководящие теперь миром, в скором времени повлияют на нас и введут нас в заблуждение.

Истина так затуманена в наше время и ложь так утвердилась, что только любящие истину могут познать ее.

(Паскаль)

Тайна энергичного характера в силе убеждений. У беспринципных людей воля приспособляется к выгоде.

(Э. Каро)

Слова мавра французскому писателю А. Сэнт-Экзюпери : „В твоём распоряжении аэропланы, радио, французский офицер, но ты не обладаешь истиной. К чему аэропланы, радио и французский офицер, если у тебя нет истины ?”

Можно куда угодно полететь на аэроплане и все что угодно передать по радио, но с какой целью лететь и что передавать ?

(С.Л. Франк)

2. Следовать за истиной.

Кроме того надо иметь волю следовать за истиной, несмотря на жертвы, требуемые ею, и несмотря на слабости, которым мы будем подвержены.

Христианская жизнь не заключается в признании принципов; она подлинно жизнь и признание умом ее истины является только первым этапом.
(Свящ, Леклерк)

Пер-Гинт был подобен луковице, которую можно было облупить, никогда не доходя до прочного ядра. Его жизнь была последовательностью месяцев и годов : месяцы и года развеялись по ветру, не обнаружив ни малейшего центра сопротивления. Над его могилой можно было сделать такую надгробную надпись : „здесь погребен никто”.
(Ибсен)

Чтобы выработать в себе волю постоянно готовую следовать за истиной, надо подвергнуть ее продолжительным и терпеливым упражнениям и приучить себя к волевым действиям; это значит быть способным иногда отказать себе в законных удовлетворениях потому только, что я так хочу; тем более надо научиться отказывать себе без рассуждений во всяком удовлетворении, идущем против нравственного закона и повелительного требования долга.

Хотя бы раз в день принести небольшую жертву, отказать себе в удовлетворении своих потребностей, будь то еда или курение; отложить интересное чтение, продолжить на несколько минут работу, которую хочется бросить, не пользоваться креслом, встать на четверть часа раньше времени, не сообщить новость, которая привлечет на нас внимание слушателей... и всегда по той простой причине, что мы хотим владеть собою.

Вот прекрасная аскетическая школа, которая сделает нас более способными к восприятию истины и следованию за ней.

Совершайте каждые два дня что-нибудь по той простой причине, что вы предпочитаете этого не делать; и когда придет страшный час испытания, он не застанет вас безоружным.

(В. Джемс)

Что бы мы ни думали, истина потребует от нас жертв; надо быть готовым оплатить радость жить в свете.

В искании истины ужасно то, что иногда мы ее находим.

(Сертильланж)

Бог создал неразлучных брата и сестру : истину и неудобство, и я не думаю, что из-за брата хорошо было бы удушить сестру.
(Лямене)

Сила воли необходима, чтобы следовать за истиной, но еще больше, чтобы **подыматься** после падения.

Было бы легкомыслием считать себя иммунизированным по той причине, что мы питали в своей душе пламенную любовь к истине; человеческая воля часто сильно колеблется. На нашем пути встречаются неровности (западни) и мы не всегда в состоянии избежать их.

В таких случаях очень важно иметь мужество подняться и продолжать свой путь несмотря на неудачи и ошибки.

Трудность заключается не в начинании, а в возобновлении начатого после падения; только те, кто вновь начинают, заканчивают.
(Пирме)

Не бойтесь неудач; первая необходима для упражнения воли; вторая может быть полезной. Если вы поднимитесь после третьей — то вы человек.
(Базен)

Наша искренность должна заключаться в постоянном возобновлении нашего стремления к искренности.
(Аббат Флори)

Заключение.

Чтобы разрешить проблему жизни надо, следовательно, воспитать в себе следующие основные расположения : любить истину и быть готовым следовать за ней, не взирая ни на что.

Следует, как говорит св. Фома, стремиться к истине всей своей душой.

Наша душа, а не наше тело, должна руководить нашим существованием. Душа в ее тройственном составе — разума, чувства и воли — должна создать в нас единство мировоззрения, непобедимый динамизм и внутренний порядок, свойственные сильным личностям и деятельным натурам.

Вопрос порядка — основной вопрос в жизни человека...

Человек разрываем тысячами разного рода влечений и устремлений. Все эти стремления надо привести к единству, определить их относительную важность в отношении принципа единства и подчинить их закону единства, являющемуся началом порядка... Двойная проблема, идеологическая и практическая : — знать, каков должен быть порядок, и осуществить его.

(Леклерк)

II. ФОН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДРАМЫ

Прежде чем излагать христианское мировоззрение, остановимся несколько мгновений, созерцая сцену, на которой разыгрывается драма нашего существования. Этим наблюдением мы разовьем в себе новые расположения души, существенные для наших дальнейших изысканий.

ГЛАВА I.

БОЛЬШИЕ ВЕЛИЧИНЫ.

Выше мы уже говорили о звездах, среди которых наша земля кружится как пчела в большом рою; вернемся к ним.

Сегодня вечером вдыхая пряные осенние ароматы, я наблюдаю безоблачное небо.

Надо мной все кажется **неподвижным и очень близким.**

Но мои впечатления обманчивы : светила движутся и с огромной силой притягивают друг друга.

Интересуют ли вас цифры ? Курьерский поезд может идти со скоростью — 40 метров в секунду; самолет — 250-400 метров; снаряд — 900 метров; а земля кружится вокруг солнца со скоростью 108.000 клм. в час или 30 клм. в секунду.

Другие светила тоже движутся с головокружительными скоростями.

Однако вид неба не меняется; через 10, 20, 50 лет звезды не изменят заметным образом своего местонахождения.

Виргилий описывает в „Георгиках” созвездие „ГИАД”; через две тысячи лет мы видим его таким же, каким Виргилий его описал, тогда как звезды составляющие его переместились по отношению к нам на миллионы и миллиарды километров.

Все это располагает к мечтам... проникнем в эти междузвездные пространства, избрав способом передвижения световой луч.

Как известно, световой луч передвигается со скоростью трехсот тысяч километров в секунду. Можно было бы думать, что при такой скорости луч солнца доходит до нас за две-три секунды; на самом деле ему необходимо более 500 секунд, т. е. более 8 минут.

Таким образом, первый луч, появляющийся на горизонте и возвещающий нам о восходе солнца, доходит до нас только через восемь минут после своего отправления.

Земля отражает лучи солнца и в воображении я цепляюсь за один из этих лучей и пересекаю пространство со скоростью 300.000 клм. в секунду.

Через 1,3 сек. я достигаю луны; через 8 минут я уже на солнце; нужно еще несколько добавочных минут, чтобы выйти за орбиты планет, окружающих солнце.

Я решаюсь тогда устремиться к звезде наиболее близкой к нашей солнечной системы; это не должно быть слишком далеко !

И однако проходят секунды, минуты... часы... день заканчивается и я еще никуда не добрался.

Дни идут за днями, недели за неделями, месяца за месяцами и, несмотря на головокружительную скорость луча, я не достиг еще ближайшей звезды.

Прошел уже год и я все не достиг цели своего небесного путешествия, хотя уже промчался 300.000 клм. умноженных на 60 секунд, на 60 минут, на 24 часа и на 365 дней, т.е. более 9.460 миллиардов клм.

Чтобы упростить расчеты, ученые называют световым годом пространство, которое пробегает за год световой луч.

Только в конце четвертого года я, как болид, достигаю места своего назначения и „приземляюсь” к звезде „**Проксима Кентавра**”. Она находится на расстоянии 40.000 миллиардов клм. от нашей планеты !

Заметим, что она невидима простым глазом и находится в южном полушарии неба.

Между ней и нами развернулась бездна, в которой нет следов небесных тел, только иногда встречается ливень камней, превращающийся в дождь падающих звезд, когда он пересекает нашу атмосферу.

Следующая звезда — **Альфа Кентавра** находится от нас на расстоянии четырех лет и 128 дней. Ее можно видеть простым глазом. Но она тоже расположена в другом полушарии. Самым быстрым метеоритам надо было бы 5.000.000 лет чтобы достичь ее.

Итак, через четыре года мы еще не достигли ни одной из 3.000 звезд, сиянием которых мы любимся ночью.

Но продолжим наше путешествие и выберем хорошо знакомую всем нам Полярную звезду. Она лукаво смотрит на нас сегодня вечером и этому есть причины. Она находится от нас на расстоянии 47 световых лет, т.е. — покидая землю в 1959 году со скоростью 300.000 клм. в секунду я достигну ее в 2.006 году; — я ее вижу сегодня благодаря лучу отправленному ею 47 лет тому назад — в 1912 году; с помощью сильного телескопа я смогу в 1987 году наблюдать с Полярной звезды войну 1940 года.

Если в день моего крещения солнце осветило своими лучами мои белые одежды, я смогу наблюдать 47 лет спустя с Полярной звезды как надо мной совершали таинство крещения.

Но достигнув полярной звезды, я совершил только несколько шагов во вселенной. Нашим современным телескопам доступны 1,5 миллиарда звезд и чем больше люди усовершенствуют свои инструменты, тем больше звезд они открывают !

Большинство этих звезд находится на невообразимых расстояниях.

Наиболее близкое нам скопление млечного пути так отдалено от земли, что свет его достигает нас приблизительно через 18.400 лет.

Мы не видим его, каким оно теперь есть, ни где оно теперь находится; но мы видим, где оно было и каким оно было 18.400 лет тому назад, т.е. гораздо раньше чем человек вышел из первобытного состояния.

За время, в течение которого лучи этих звезд совершили свое путешествие, чтобы достичь до нас, совершилась вся история человечества; 600 поколений людей родились, жили и умерли. Империи были основаны и исчезли...

Это скопление содержит сотни тысяч звезд, большинство которых обладает гораздо большим сиянием чем солнце...

Если бы на этом скоплении находились жители и среди них астрономы изучающие нас, как мы изучаем их, орбита описанная ежегодно землей вокруг солнца показалась бы им величиной с булавочную головку, наблюдаемую на расстоянии 640 клм.

(Джемс Джинс)

Наука хладнокровно продолжает давить на меня цифрами сообщая, что :

Наиболее удаленное скопление звезд млечного пути находится на расстоянии 185.000 световых лет от нашей земли;

в неизмеримых небесах другие вселенные подобные нашей тоже состоят из сотен миллиардов звезд, т. е. солнц;

астрономы наблюдают в наше время 40.000 таких вселенных, но они зарегистрировали астрофизическими фотографиями существование нескольких миллионов;

одна из этих вселенных — большая спиральная туманность Андромеды, единственная из них видимая простым глазом, действует на сетчатую оболочку моих глаз благодаря свету, который путешествовал без перерыва в течение 900.000 лет, чтобы достичь до меня;

самые отдаленные туманности, которые видимы в телескоп находятся на расстоянии не менее 140.000.000 световых лет.

Эти спиральные туманности удаляются от нас со скоростью 8.000 км. в секунду.

Я пытаюсь теперь рассмотреть с одной из этих туманностей, место которое занимает в пространстве солнечная система... место земли в этой системе... на этой земле Европу... мою родину... город, где я живу, улицу... дом... комнату, где я читаю... и в этой комнате самого себя...

Себя со своими проэктами, страхами, амбициями, тщеславием, личными счетами...

Нечто ничтожное... а сказать по правде — ничто ! (*)

О суетный человек ! облеченный ничтожною властью, ты разыгрываешь перед небесами такие смехотворные комедии, что ты мог бы заставить плакать ангелов.

(Шекспир)

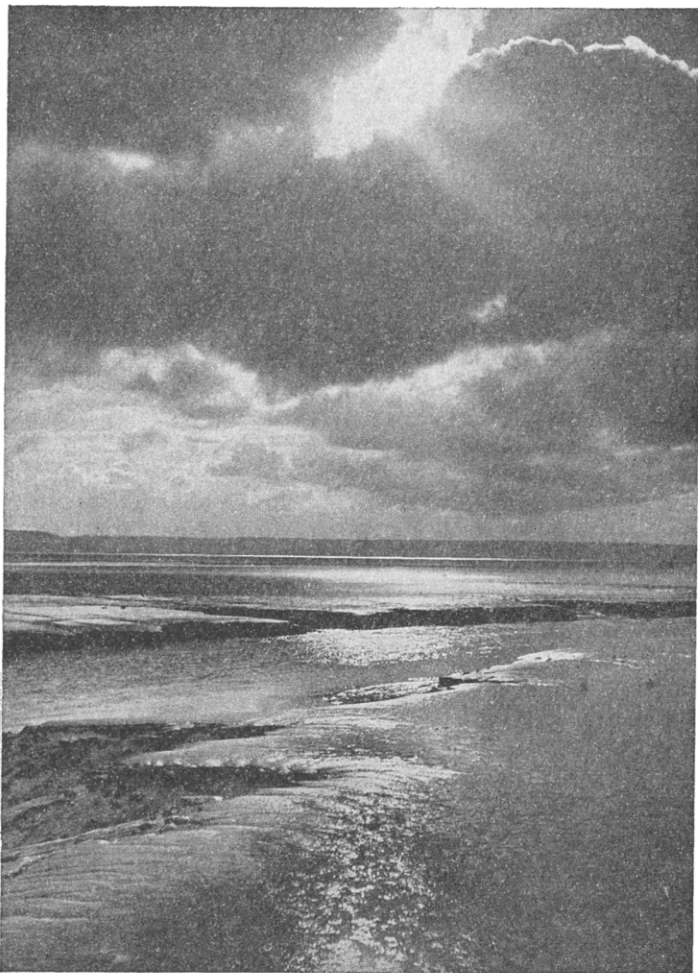
Филипп или Александр падает с лошади на песок и видя тень своего тела восклицает : „ как мал человек по сравнению с миром ” !
(Леклерк)

„ Из сего можете познать сколь жалок человек ” !
(Петр Великий, умирая в страшных мучениях)

Автомобиль, проезжающий по проспекту Нью-Йорка, поднимает за собой немного пыли... одна из этих пылинок наблюдаемая с места, где я нахожусь... больше земли, наблюдаемой с туманности Андромеды.

На этой пылинке живут более двух миллиардов человек и протекает моя жизнь.

(*) Этот „ взгляд издали ” на человеческое существование, конечно, односторонен. Читатель сам чувствует, что он больше, чем ничто. Но он должен по крайней мере заключить из вышеизложенного, что его ценность не количественного характера ! Это именно мы и хотели здесь показать.

Когда я размышляю о малом пространстве, занимаемом мною, и когда я вижу затерянные в бесконечности пространства, неизвестные мне и которым я неизвестен, я ужасаюсь и удивляюсь, видя себя здесь, а не в другом месте. Кто меня сюда забросил? По приказу и действию кого, это место и это время были предназначены мне?
(Паскаль)

То, что мы до сих пор рассмотрели, приводит нас в изумление и однако, если после больших величин мы перейдем к малым величинам, наше удивление еще увеличится.

ГЛАВА II.

МАЛЫЕ ВЕЛИЧИНЫ.

Я пользуюсь самопишущим пером, в состав которого входит эбонит, медь и резина.

И я спрашиваю у современных ученых, что они могут сказать относительно неодушевленной материи.

Они говорят мне, например :

что все материальные тела всего мира можно свести к 92 элементам; что эти элементы состоят из мельчайших атомов;

что эти атомы можно сравнить с солнечной системой, в центре которой находится ядро-солнце, обыкновенно составленное из протонов, несущих положительные электрические заряды, и нейтронов лишенных заряда; вокруг этого ядра кружатся со скоростью 297.000 км. в секунду электроны, заряженные отрицательным электричеством; что огромная энергия удерживает эти электроны в орбите их солнца и что освобождая эту энергию ядра мы получим энергию разложения исключительной силы;

что кубический миллиметр неодушевленной материи содержит миллионы этих маленьких солнечных систем.

Наука невозмутимо сообщает мне, что расщепляя еще лучше атом, в нем открывают четвертый вид частиц, называемых **мезонами**, обладающих весьма странными свойствами...

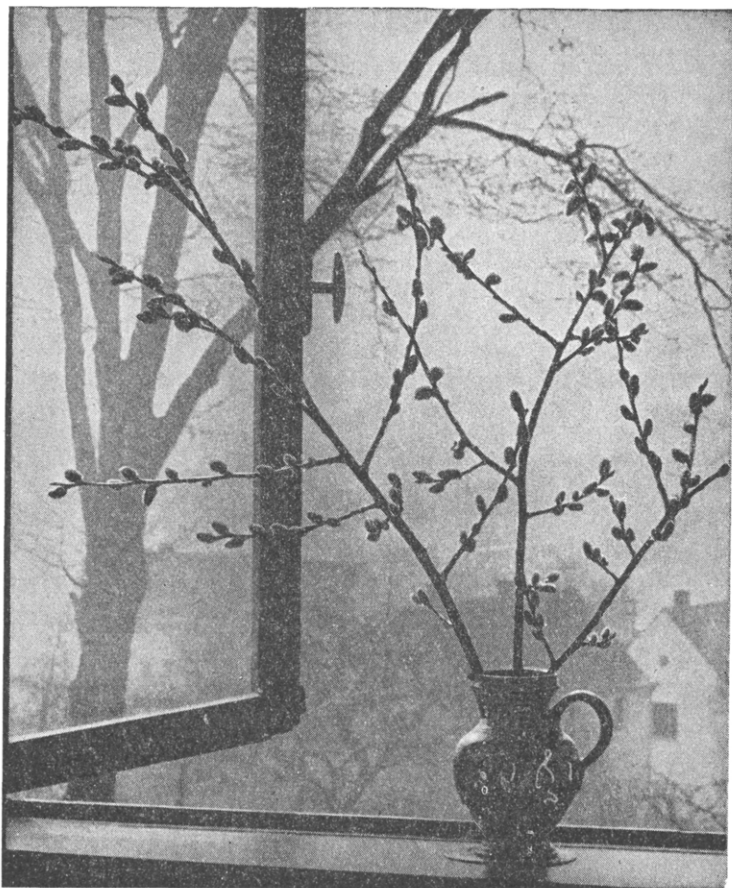
Как мы теперь далеки от непосредственных восприятий наших чувств ! Изумителен мир проходящий через наши руки !

Атомы... эти мельчайшие частицы, которых секстильоны вмещаются в кубическом миллиметре ! Секстильоны ! Иными словами 7 миллионов людей, подсчитывающих по два атома в секунду и работающих 12 часов в день должны были бы работать более ста лет ! А электроны кружатся вокруг своего солнца и совершают 500 триллионов оборотов в секунду, т.е. гораздо больше оборотов чем прошло секунд со времени христианской эры.

(Эймье)

Необъятный небесный свод склоняет нас к мечтаниям, а открытия, сделанные нами в глубинах материи, вселяют в нас известное беспокойство; речь идет не только о далеких звездах, а о привычных предметах нашего обихода, находящихся хотя бы на моем письменном столе: чернильница, книга, которую я держу в руках, стул, на котором сижу...

По отношению к звездным громадам мы — всего только атомы; по отношению к миру атомов мы — громады. (Сертильланж)

На фоне необъятного небесного свода... необъятный мир атомов — в каждой веточке вербы.

ГЛАВА III.

ГАММА ЧУДЕС ПРИРОДЫ.

Между макрокосмосом и микрокосмосом простерлась по лицу земли **неисчислимая гамма** чудес; достаточно открыть глаза, чтобы заметить их на каждом шагу.

Лепесток цветка, крыло бабочки, паутина, листик травы, снежинка — сколько чудес заключено во всем этом !

Целой библиотеки не хватит для описания подобных чудес природы.

Растительный и животный мир нас удивляют; работа муравья, пчелы, микрофора, коловратки приводит нас в изумление...

А что сказать о малом мире микробов, путешествующих в воде, по земле, в воздухе и в нас самих ! Положенные между двумя совершенно гладкими стеклышками под микроскоп они продолжают свободно двигаться !

Наши читатели найдут в книгах по насекомоведению и ботанике подробности обо всем этом.

То, что мы сказали о „фоне жизненной драмы”, позволит нам вывести теперь из этого некоторые поучения.

ГЛАВА IV.

НОВОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ДУШИ.

Все рассмотренное выше ведет к новому расположению души : умению восхищаться, признавать существование тайны и открывать ей свою душу.

1. Умение восхищаться.

Увы ! Слишком часто материальные заботы и эгоистические интересы препятствуют нам замечать окружающие нас красоты, в изобилии встречающиеся на нашем пути; нас влечет мир кажущегося и мелочной прибыли, и благодаря этому наши глаза постепенно стали близорукими.

Но лишь только мы сделаем усилие, чтобы разбить оковы, в которые нас заключает повседневная жизнь, нас изумляет и приводит в восторг то, что мы открываем.

Признак посредственности — быть неспособным к энтузиазму.
(Декарт)

Ценность человека определяется его способностью изумляться и восторгаться.
(Еп. Дюпанлу)

Почему эта способность удивляться необходима для наших будущих изысканий ?

Мы привыкли с детства к изложенным здесь истинам и рискуем утратить способность воспринимать прекрасное и трепетать при упоминании о нем.

В этом мы можем быть подобны крестьянам, не замечающим красоты окружающей их природы !..

Созерцание мира и всех его красот может поддерживать в состоянии бодрствования душу, способную восхищаться. Вот почему мы и остановились на этом вопросе.

2. Принятие тайны.

Мы целиком погружены в тайну; на каждом шагу мы встречаемся с ней на сцене мира.

Прошло время, когда полагали, что все можно объяснить наукой. В 19 веке, любители научного прогресса, ослепленные первыми открытиями, положившими основания современной науке, мечтали стать самодовлеющими во всех сферах и даже навязать свои закономерности самому Богу; они охотно употребляли выражения, которые в наше время вызывают только улыбку :

Современный мир не содержит больше тайн. (Бертолет)

Последнее слово современной науки — научно организовать человечество. Нет сомнения в том, что разум, организовав человечество, организует и Бога. (Ренан)

Ученые нашего века стали гораздо осторожнее.

а) Во-первых они свели к точным границам поле своих изысканий.

Истинный ученый не колеблясь утверждает, что его методы недостаточны для удовлетворения всех потребностей человеческой души (Лекорню, член франц. Акад. наук в книге „Религ. чувство и наука” Изд. СПЕС, 1928 г. Эта книга содержит анкету газеты „Фигаро”, произведенную среди членов парижской Акад. наук. В ней содержатся многочисленные свидетельства ученых, подтверждающих мнение Лекорню)

Каковы бы ни были в будущем успехи алгебры и анализа, великие проблемы существования Бога и бессмертия души всегда будут вне досягаемости их формул. Самый великий геометр мира знает по этим вопросам не больше, чем ученик начальной школы. (Гурса)

б) Ученые также сознают что их объяснения (*) часто являются гипотезами и что во многих случаях им пришлось — или еще придется — расставаться с теориями — как будто хорошо обоснованными, чтобы лучше охватить невмещающиеся в их синтез факты.

Наука — кладбище гипотез. (Леметр)

(*) Надо различать экспериментальную науку, заключающуюся в констатировании фактов, и умозрительную науку, пытающуюся объяснить факты.

Всемирное тяготение, электричество, последние основы материи, теплота, свет, цвета — все это остается таинственным в глазах ученых. Они устанавливают их существование и наблюдают их действие и последствия; но они не знают еще каковы их глубокие основы.

Невозможно дойти до первопричин: существование само по себе и гармония существующего, тайна мысли и жизни, тайны повсюду — вот достаточные основания для того чтобы наука провозгласила свое невежество.

(Джорж Клод)

Хорошо известны законы падения тел, но неизвестны причины движения. Видя, что все происходит, как если бы массы притягивали друг друга, бездоказательно приписывают материи, под именем мирового тяготения, таинственное притягательное свойство, подобное снотворному свойству опиума. Можно то-же самое сказать о теплоте, свете, электричестве. Разочаровавшись в возможности проникнуть когда бы то ни было в глубинную сущность этих явлений, человеческий разум создает гипотезы для их объяснения и скрывает свое неизлечимое невежество под миражем слов.

(Лаллеманд, член франц. Акад. Наук)

Все науки граничат с непознаваемым; все науки полны загадок, в большинстве случаев неразрешимых; все они скорее указывают на существование тайны, чем объясняют ее.

(Гермье)

Я не знаю, что мир думает о моей работе; но по собственному моему представлению, во всех моих научных изысканиях я только ребенок, играющий на пляже. Иногда я может-быть находил более круглый камушек или более красивую раковину, чем мои коллеги; но океан истины всегда оставался тайной в моих глазах.

(Ньютон)

в) Наконец, стало общим местом отмечать, что **тайна возрастает по мере того, как наука прогрессирует**. Каждое новое открытие удлиняет список вопросов ставящихся перед человеческим умом.

На каждый вопрос, ставящийся ей экспериментатором, наука дает ответ, но этот ответ подымает десятка два новых вопросов. Наука прежде всего — школа скромности и искренности.

(Дарсонваль)

Как бы далеко наука ни распространяла свои завоевания, ее область всегда останется ограниченной. Тайна охватывает ее на всем протяжении ее границ и чем дальше ее границы будут простирались, тем больше тайн будет окружать ее.

(М. Пуанкаре, математик; речь на приеме во франц. Академию)

На столь обширной периферии современных наук вопросы возникают в изумительном множестве и каждый новый шаг увеличивает их число в головокругительных размерах. Каждое открытие... ставит несколько новых вопросительных знаков и ответ на каждый из этих вопросов не может не возбудить множества новых вопросов.

(Жоли, в книге „ Дивный риск веры ”)

Таким образом, повсюду мы встречаем тайну; ученые искренне соглашаются с этим. С нашей стороны было бы необоснованной претензией хотеть во что бы то ни стало исключить тайну из нашей жизни.

Христианское решение проблемы жизни, изложенное в этой книге, содержит несколько таинственных элементов, недоступных одному разуму (и мы объясним, почему это должно быть так).

Но следует-ли сразу отбросить его, потому что в нем содержится не поддающиеся проверке элементы, истинность которых будет, однако, гарантирована высшим авторитетом, т. е. Богом ?

По какому праву могу я отстранить их до рассмотрения, под предлогом, что их глубинный смысл мне недоступен, тогда как ежедневно я принимаю тайну приносимую мне жизнью,

и когда сама наука опирается на многочисленные данные, недоказуемые разумом ?

Смысл слова тайна не может быть ограничен областью религии; он применим всякий раз, когда, восходя к причинам, логика и опыт перестают давать удовлетворение уму : потому что аксиома, научное понятие интуиции, не подвластны рассудку как и религиозная тайна. На том и другом пути исследования надо сначала уверовать.

(Десгре, проф. биологич. химии Пар. Университ.)

Жить — значит верить; но значит ли это всегда понимать ? Тот, кто видит колос, верит в пшеничное зерно, но проник-ли он в тайну прорастания зерна ?

(Ланглюа, франц. ботаник)

Тайна освещает по-своему подобно тени на гравюре; она выделяет светлые полосы и локализирует темные... Несмотря на наши претензии мы — психологи, космологи и метафизики — только месим тайны. Совершенно слеп не видящий этого.

(Сертильбанж)

Нет, я не имею права восставать только потому, что христианская религия, как и другие религии, предлагает мне несколько тайн, раз я принимаю без протеста те, которые приносит с собой наука.

Ничуть не возмущаясь, я, напротив, заранее соглашаюсь с необходимостью встретиться с тайной; по моему мнению одного моего ума далеко недостаточно, чтобы дать объяснение всему.

К счастью, в религии имеются тайны. Если бы их не было, то это возбудило бы во мне недоверие. Я мог бы подозревать, что она лишь искусственное построение человеческого ума. Тайна успокаивает мои сомнения. Она является печатью Божией.

(Карл Николь)

Тайна не является стеной, о которую разбивается ум, а океаном, в котором ум теряется.

(Тибон, „ Судьба человека ”)

Религия без сверхестественного элемента заставляет меня думать о рекламе, вычитанной мною в газете : „ вино без винограда ”.

(Де Жонкур)

3. Быть восприимчивым.

Созерцание фона человеческой драмы научает меня сознавать мои границы, быть смиренным и восприимчивым по отношению к могущим мне помочь.

Смирение — не есть добродетель нас унижающая.

Согласно учению Бердяева : смирение есть активная добродетель, а не пассивная, она показывает силу нашей души, а не ее немощь.

Смирение дает нам главным образом правильный критерий в оценке самих себя.

Унижаться или превозносить себя — значит терять смирение; оно является по преимуществу добродетелью истины.

На самом деле, мы так незначительны по сравнению с раскрывающимися перед нами силами и чудесными явлениями окружающими нас.

Ф О Н Т А Н

О смертной мысли водомет !

О водомет необозримый !

Какой порыв неисчислимый

Тебя стремится, тебя метет !

Как жадно к небу рвешься ты !

Но длань незримо роковая

Твой луч упорный преломляя

Свергает в брызгах с высоты.

(Тютчев)

Конечно, мы покажем в дальнейшем несоизмеримую ценность человека по отношению к материальному миру его окружающему:

не является ли он центром всего и причиною существования больших и малых величин ?

Но как человек преувеличивает свое значение и свои достоинства в некоторых областях ! Куда только тщеславие не проскальзывает ?! Быть владельцем 10 или 100 гектаров земли — так-ли чувствительна эта разница, если избрать мерилom сравнения неизмеримость вселенной ?

Являются ли наши человеческие достижения более замечательными, чем крыло бабочки или лилия полей ?

Сказанное нами выше о научном исследовании, встречающем на каждом шагу тайны материального мира, — дает-ли это нам повод к самовозвеличиванию ?

В науках мы видим две соприкасающиеся противоположности. Первая — естественное неведение, в котором находятся все люди при рождении. Вторая противоположность — та, до которой доходят великие души, познавшие все, что людям дано знать и утверждающие, что они ничего не знают и наталкиваются на то же незнание, познавшее само себя.

Те, кто вышли из естественного незнания и не смогли достичь другого, окрашены своей самодовольной наукой и делают вид, что они что-то понимают. Они мутят мир и рассуждают хуже всех других.
(Паскаль)

Большое знание помогает человеку открыть свое глубокое незнание.
(Юнг)

Истинное смирение, противопоставляющееся гордости, также необходимо нам для чтения последующих страниц; оно нам даст в особенности душевную восприимчивость.

Не будучи особенно самоуверенными, мы будем более благожелательны к тем, кто могут внести свет в тайну человеческой жизни и объяснить нам наше назначение.

Мы отнесемся с открытой душой ко всему тому, чего мы не знаем и если в один прекрасный день незнакомая нам истина постучится в наши двери, мы отнесемся к ней не свысока, а наоборот примем ее.

Не прекращая наших исследований, мы будем сохранять открытую душу, не только ожидающую, но желающую перейти границы своего ума и преграды своего сердца.

Мы охотно будем прислушиваться к свидетельству других — или даже Того, Кто нас во всем превосходит.

Определив ценность их свидетельства, мы охотно примем Его помощь, если Он предложит нам просветить нас и руководить нами в нашем земном странствовании.

III. ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ДРАМЫ

ГЛАВА I

ЧЕЛОВЕК

Описав, на каком фоне происходит драма, представим теперь действующих лиц.

Первое лицо бросающееся в глаза и заслуживающее нашего внимания, — это, конечно, **человек**.

Какое он тоже таинственное существо !

Находясь в тисках больших и малых величин, он сам является миром чудес и загадок.

Потому что все во мне чудесно и таинственно :

— **сердце** бьется, хотя я его и не приводил в движение, незримый служитель трудящийся день и ночь. Этот чудесный механизм посылает кровь до конечностей моего тела 70 раз в минуту 100.000 раз в сутки;

— **легкие**, получающие приток обедненной крови, очищающие ее от токсинов и в то же мгновение дающие ей кислород из воздуха;

— **кровь**, проникающая во все наше существо, питает, восстанавливает и возобновляет каждую из наших клеточек сердца, легких, костей, нервов и самих вен. При ранении ноги или уха, нарыве на слизистой оболочке рта, разрезе артерии, переломе кости... кровь приносит без моего вмешательства все, что необходимо для восстановления понесенного организмом ущерба;

— **желудок**, химически перерабатывающий — не переваривая себя самого — самые различные питательные вещества : хлеб, морковь, молоко, мороженное, и делающий их способными образовывать мускулы, кости, зубы и волосы ! Какая фабрика способна предельвать подобные переработки ?..

Как все замечательно организовано ! И какая тайна сокрыта в наших членах, пальцах, глазах ! Не удивительно-ли, что ученый XX века доктор КАРРЕЛЬ синтезировал медицинскую науку своего времени в книге озаглавленной „Человек — это неизвестное”.

Таким образом, после долгих веков изысканий, наука должна заключить о существовании тайны в этой области, как и в других.

Между представлением, которое наука может нам дать о человеке, и тем, каков он есть в действительности существует такое же различие, как между хорошо разработанным планом небольшого города и интимной жизнью его обитателей.

(Ле Конт де Нуй)

К этому надо добавить, что человек является тайной не только с точки зрения физиологической; он еще более таинственен в своем психологическом существе. Мы вернемся к этому позже...

Того что мы сказали, уже достаточно, чтобы укрепить уже приобретенные расположения нашей души : изумление, переживание тайны, душевную восприимчивость.

Поистине, чего еще ждать, чтобы предположить существование кроме человека, другого действующего лица — Бога ?

Вне всякого сомнения, не человек есть причина мирового порядка; он даже не вносит порядок в свое собственное тело, потому что сила его ума недостаточна для сотворения своих органов и для поддержания их функций.

(Сюллеро)

**Твое создание я, Создатель !
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь.**

(Г. Р. Державин)

ГЛАВА II

БОГ

А. СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА

1. Ответ разума.

Поистине, если устранить все предрассудки, если предоставить разуму его естественный ход, не подскажет-ли он нам бытие бесконечно нас превосходящего существа? Пусть разум собирает аргументы:

— чтобы составить расписание поездов требуется работа нескольких инженеров, — когда дело касается лишь урегулирования хода нескольких сот поездов;

А периодическое возвращение тех же звездных явлений — расписание которых так точно, что затмения могут быть предсказаны за тысячи лет с любой степенью точности, — не предполагает-ли оно по крайней мере одного Инженера?

Грубо отесанный кусочек кремня, несколько цветных рисунков на стенах пещеры убеждают меня, что я вижу здесь следы труда доисторического человека; а крыло бабочки — так тонко и изыскано раскрашенное без всякого человеческого вмешательства, — не побудит ли оно меня утверждать, что оно создано великим Художником?

Глаз и крыло бабочки достаточны, чтобы раздавить безбожника.
(Дидро)

Разум необходим человеку, чтобы **объяснить** мир; а для возникновения мира будто-бы не было необходимости в **разуме** бесконечно более высоком?

Того, кто открывает одну из тайн природы, считают гением. Но если столько ума проявляется в простых открытиях, то не противно-ли рассудку допустить, что для установления столь сложных и гармоничных законов не требовалось никакого ума?

(Лесетр)

Поистине, что еще должен был бы Бог изобрести, чтобы мы согласились утверждать Его существование? **Вся природа говорит нам о Нем**, нам остается только внимательно слушать ее благовестие.

Конечно, мы можем закрыть глаза и остановить ход нашей мысли; но этим мы не воспрепятствуем Богу существовать.

Куда бы я ни простер руку, всюду меня окружает великолепие Божие. (Клодель)

Когда солнечный луч проникает в комнату, он сам по себе невидим; видим хоровод пылинок в воздухе — они принимают и являют нам свет луча; подобно этому чистый свет творческой Мысли проявляется только косвенно в круговороте созданных вещей. (Сертильланж)

Мы можем отрицать Бога... утверждение Его включено однако, против нашего желания, в наше отрицание, потому что, если бы Его не было, то никто бы Его не отрицал. В самом отрицании Бога содержится в известном смысле утверждение Его существования, так как нельзя отрицать того, чего совсем нет. Фактически, нет отрицания Бога, есть только борьба с Ним.

Бог более нам близок, чем наша собственная мысль; каждый раз, когда наш **разум** ищет какую-либо истину, он ищет и утверждает абсолютную Истину.

Потому что, если познание материального предмета, каковым бы он ни был, не удовлетворяет нашей жажды познания и не останавливает хода нашей мысли,

если наш разум, даже с помощью всех существующих умов, не доходит до полного удовлетворения своей потребности в истине,

не является ли это очевидным доказательством того, что мы ищем чего-то другого, чем этот материальный предмет, чего-то превышающего ограниченные познания людей, и что наш разум стремится к бесконечному Существо. (*)

Всякий человек утверждает существование Бога, даже тот, кто Его отрицает, подобно тому как каждый человек утверждает существование истины, даже тот, кто говорит, что истины не существует. (Сертильланж)

(*) Это доказательство существования Бога — строже всех обоснованное с логической точки зрения — было разработано иеромонахом Маршалем в его труде „Отправная точка метафизики“.

И как это ты, государь, гонишь Того, Кто по твоему мнению давно убит и истлел во гробе? Не живет ли Он в твоём гонении и в твоей ненависти, как Он живет в нашей любви?

(Св. Макрина)

Каждое из наших **желаний** скрывает в себе стремление к Богу. Потому что каждое благо, к которому мы стремимся, не удовлетворяет нас. В нас всегда живет неудовлетворенное желание, хотя бы желание навсегда сохранить то благо, которое могло бы быть отнято от нас. Таким образом за пределами всех материальных и духовных благ, к которым мы стремимся, мы ищем постоянное, совершенное и вечное благо — т. е. Бога.

Прилив всегда свидетельствует о существовании за облаками победоносного светила; неужели же один только непрерывный прилив душ с благоговейным трепетом устремляется к пустому небу?

(Де Кюрель)

Сердце человека было с самого начала уязвлено стрелой,шедшей из бесконечности. Никто не исцелит этой раны, как только Тот, Кто ее нанес.

(Еп. Дхьюльст)

Ты создал меня для Себя, Господи, и не успокоится сердце мое, пока не обретет Тебя.

(Бл. Августин)

Помимо этого, все окружающие нас существа — как и мы сами — появляются и исчезают. Если бы мы носили в самих себе **источник жизни**, то были бы бессмертны.

При таких условиях, если мы перестаем существовать, это значит, что источник жизни не в нас; мы должны молить о жизни Того, Кто не только имеет жизнь в себе, но есть сама Жизнь...

Пресвятая Троица содержит в себе все условия вечной жизни и ни одного из условий исчезновения или смерти.

(Н.Ф. Федоров)

Мы могли бы без труда продолжать список аргументов, которыми разум подтверждает бытие Божие.

Без труда, потому что, если Бог является источником всего существующего, то на всем — на материальных предметах, в нашем разуме, в нашем сердце, в нашей воле, в сокровенных глубинах нашей совести — неизбежно лежит печать его действия и доказательство Его существования.

При таких обстоятельствах, аргументы, которые наш разум находит для утверждения существования Божия, должны быть бесчисленны.

Всякий искренний человек, свободный от предрассудков, должен рано или поздно найти путь — свой путь, — ведущий его к Богу.

Будь он художником, математиком, астрономом, пилотом, инженером, простым служащим или торговцем, он найдет отпечаток десницы Божией в своей профессии или своей работе.

И это именно объясняет почти единодушное согласие людей --- принять за истину существование Бога.

Какой народ, какая человеческая семья не имеет предварительного знания Божества прежде всякого другого знания?

(Цицерон)

Повсюду безбожие находится в неустойчивом состоянии.

Нигде и никогда народные массы не поддавались ему; нигде, ни одна из великих человеческих рас, ни даже сколько-нибудь значительная часть этих рас не принадлежала к атеистам.

(Катрофаж)

На нашей земле Бог является самым известным из всех существ.

(Лакордер)

2. Ответ ученых.

Утверждение нашего разума подтверждается свидетельством большого числа ученых. Приведем мнение некоторых из них :

Мир управляем бесконечным разумом. Чем больше я наблюдаю, тем больше я открываю этот разум, светящийся за тайною существующего. Я знаю, что надо мной будут смеяться, но я мало забочусь об этом. Легче содрать с меня кожу, чем отнять у меня веру в Бога... Бог! мне не надо верить в Него — я вижу Его.

(Фабр)

Все ученые знают, что существуют неразрешимые тайны. Только вера в высшее Существо, вера, требующая от нас повинования, дает нам мужество приступить к изучению тайн жизни.

(Маркони)

Именно потому, что я много размышлял и изучал, я продолжаю верить как бретонский мужик; если бы я размышлял и изучал еще больше, то я верил бы, как бретонская крестьянка.

(Пастер)

Именно мои работы привели меня к Богу к вере.
(Беккерель, знаменитый физик открывший радиоактивность)

Ввиду того, что разум и наука не могут проникнуть глубины жизни, не было смысла отходить от старой традиции... Что меня касается, я возвращаюсь к ней и без всякого труда преклоняюсь перед Господом.

(Карл Николь — в момент своего обращения.)

Науки в их совокупности предрасполагают ум признать существование Бога... Ученый, какова бы ни была его специальность, лучше подготовлен, чем кто-либо другой, к признанию, что все наблюдаемое в мире подвижно, имеет причину, относительно, сложно и несовершенно, подчиняется какому-то порядку и множественно; следовательно, ему легче, чем необразованному человеку, возвыситься до мысли о неподвижном, беспричинном, необходимом, простом и совершенном Существо, единственном устройтеле всего существующего... В этом смысле науки ведут к Богу; и в этом смысле, можно сказать, что физический мир есть таинство Божие.

(Термье)

Все мы знаем, что некоторые области души не подчинены никаким законам физики. В наших исканиях исполненных тоски по Богу, душа наша возвышается и стремится к осуществлению глубокого стремления нашей природы.

Оправдание этого стремления находится в нас самих, в могучем порыве, возникающем в нашем сознании на встречу внутреннему свету, приходящему нам от Бога. Наука не может поставить под сомнение это оправдание.

(Эдингтон, астроном умерший в 1946 г.)

Человек должен был бы постоянно находиться в беседе со своим Господом и Богом, ведущим его и руководящим им. Бог стал бы для него живой личностью, интимно беседующей с ним, несмотря на полную зависимость творения от Творца.

(Дакэ, палеонтолог, умерший в 1945 г.)

Для меня великая поддержка (в постигшем меня несчастии) что, с детства, глубоко укоренилась во мне непоколебимая уверенность во всемогуществе и всеблагости Бога... Религия и наука не исключают друг друга, как некоторые думают или опасаются этого в наше время, — они дополняют друг друга.

(Макс Планк, знам. физик, умерший в 1947 г.)

Можно было бы продолжить без конца серию этих цитат, но сказанное уже достаточно доказывает, что здравый рассудок не заблуждается, утверждая, что некое присутствие нас окружает со всех сторон и включает нас в свои деяния.

Наука не удовлетворяет ученых; видя красоту природы, их ум переходит границы, поставленные ими строго научным изысканием, и достигает Бога. Их восхищение перед тайной, их способность принять ее и глубокое смирение ведут их к Богу.

Самая прекрасная и глубокая эмоция, какую мы можем испытывать, — это ощущение тайны. В ней — источник всякого подлинного знания. Кому эта эмоция чужда, кто утратил способность удивляться и замирать в священном трепете — того можно считать мертвецом.

(Энштейн).

3. Ответ христианства.

Христианство, конечно, подтверждает вышеизложенное; но его ответ надо привести отдельно и вот почему : среди тех, кто утверждают существование Божие (их группируют под именем деистов) можно различать две категории :

1) утверждающие существование Бога, как мы только что сделали — во имя человеческого разума; их обыкновенно называют теистами;

2) утверждающие существование Бога во имя реальности, отличной от разума. Они не доверяют своему разуму; они считают его неспособным познать интимную сущность вещей и следовательно познать их истинные причины; по их мнению Бог непознаваем чистым разумом.

Однако они утверждают бытие Божие опираясь :

а) либо на **предание** — это группа традиционалистов (как например, Жозеф де Местр, де Бональд, Ламенне).

Бог, говорят они, открыл Свое существование первым людям, а они передали эту истину следующим поколениям; таким образом она дошла до нас и это — единственный путь, благодаря которому мы познали Бога.

б) либо на **чувство** — это группа некоторых имманентистов.

Бог, говорят они, открывается каждому из нас переживанием Его присутствия в нашей душе; мы познаем Его единственно путем этого переживания, которое создается в нас, когда мы думаем о Нем, и удовлетворением, которое дает нам эта вера.

Можно было бы предположить, что католическая Церковь имеет предпочтение либо к идее предания, ставящей нас в большую зависимость от Бога, либо к интимному чувству, благодаря которому мы переживаем присутствие Божие в нас самих.

В действительности, дело обстоит совершенно иначе : Церковь осуждает эти два решения, поскольку они исключают незаменимую роль человеческого разума;

и она утверждает, что разум, предоставленный **самому себе**, т. е. без помощи предания, откровения и чувства, способен доказать существование бытия Божия, основываясь только на рассмотрении тварного мира.

Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы.

(Ап. Павел к Рим. 1,20)

Следовательно, Церковь полностью доверяет человеческому разуму, его способности познать Бога.

Если кто-нибудь утверждает, что единый и истинный Бог, Творец и Господь, не может быть достоверно познан светом естественного разума, чрез посредство того, что Он сотворил, да будет анафема.

(Ватик. Собор, о вере и откров., кан. 1)

Итак, Бога можно познать и с уверенностью доказать Его существование естественным светом разума чрез посредство сотворенного им, т.е. чрез видимый мир, как причину по ее следствиям.

(Пий X-й — 1 сент. 1910 г.)

Вот первый **католический** догмат, встречающийся на нашем пути.

Обязывая нас принять эту истину, Церковь выдает человеческому разуму прекрасное свидетельство о его способностях и такое уважение к нему должно нас убедить с самого начала в ее положительном отношении к нему.

4. Ответ сторонников теории случая.

Объяснение мирового порядка даваемое некоторыми людьми, не требует большого умственного усилия.

Они говорят, что случай (*) установил порядок видимого мира, каким мы его наблюдаем. Современный мир является одной из многочисленных комбинаций, которые могли получиться из первоначального хаоса. В таком случае нет необходимости в Боге. Сказав это, они умолкают, не объяснив в сущности ничего.

Может-ли быть больший абсурд, чем утверждение, что материальная и слепая фатальность создала разумные существа.

(Монтескье)

Случай есть атеистический псевдоним чуда.

(Мюллер Фрайенфельс)

Во-первых, они не объясняют откуда произошел первоначальный хаос.

(*) Надо различать абсолютный и относительный случай.

Относительный случай — это непредвиденное нами совпадение — вследствие действия двух или нескольких естественных законов. Кусок скалы падает на велосипедиста проезжающего по дороге; этот кусок скалы и велосипедист двигались каждый по своему естественному закону. Они встретились случайно. Никто не отрицает существования подобных случайностей.

Абсолютный случай есть отсутствие всякого закона и всякого намеренного целесообразного порядка в мире. В данном случае речь идет о нем.

Затем, они не отдают себе отчета в том, что случай обыкновенно создает только беспорядок.

Встряхните в мешке пять букв : А, Р, Ж, И, П и бросьте их затем как придется. Мало шансов, что эти пять букв расположатся в порядке, который мы находим в слове Париж.

Если усложнить игру, прибавляя буквы, составляющие слово ГОРОД, число возможных комбинаций увеличится и шанс получения искомой комбинации уменьшится.

А что будет, если вы захотите положить в мешок все буквы энциклопедического словаря ?!

А если дело будет касаться миллиардов и миллиардов молекул, из которых состоит мир, когда сможем мы получить гармоническую комбинацию, находящуюся перед нашими глазами во всяком цветке, в каждом человеческом теле и т. д. ?

Однако, сторонников теории случая несколько не смущают астрономические цифры возможных комбинаций : в их представлении можно ждать вечность, пока организованный мир вдруг не предстанет перед их глазами.

Несомненно, мы должны согласиться с тем, что перебирая различные комбинации, можно было бы придти к той, которая действительно осуществилась.

Но как объяснить, что эта комбинация, получившись один раз, **постоянно** возобновляется, подчиняясь неизменным законам постоянного последования ?

На самом деле, из желудя всегда вырастает дуб; семя настурции, посаженное в цветочный горшок в моей комнате, ни в коем случае не превратится в слона ! И это хорошо !

Сторонники теории случая, улыбаясь, говорят что мир обладающий постоянными законами именно и был одной из возможных комбинаций.

На эту лазейку остается возразить следующее : как объяснить, что случай, по необходимости производящий непрерывную цепь сочетаний, вдруг прерывает эту цепь в тот момент, когда появляется данная комбинация ?

Иначе говоря, почему он остановился на этой комбинации, а не на другой ?

Это значило бы приписывать случаю большой ум, т. е. в конечном счете — одно из главных свойств Божества; в таком случае проще было бы прямо назвать его Богом.

Или же надо признать, что вне того, что подвержено множеству случайных комбинаций, есть разум, избирающий данную комбинацию и останавливающийся на ней.

На самом деле, после целого ряда бесплодных попыток, я останавливаюсь на комбинации ПАРИЖ, в момент когда она наконец появляется : это потому, что независимо от мешка и случайных комбинаций, имеется мой разум, ожидавший этого расположения букв и выбирающий его.

Тоже самое можно сказать и о вселенной : независимо от того, что подвержено случаю, должен быть налицо избирающий разум.

Так или иначе, мы приходим к тому же заключению : высшее Существо господствует над миром.

Конечно, найдутся еще люди, упорно и фанатично защищающие теорию случайностей, и они будут еще искать возможность „выкрутиться”.

Но мыслящий человек, любящий истину, независимо от того, откуда эта истина приходит, отдаст себе отчет в том, что признание теории случая не приносит разрешения данного вопроса.

Наблюдая замечательные инстинкты насекомых, тщетно пытаются найти в этом только удачные совпадения; случаем нельзя объяснить подобные гармонии. (Фабр)

Можно сколько угодно рассуждать и ухищряться, этим не убедить здравомыслящего человека, будто Илиада не имеет другого автора, чем случай... Почему же этот здравомыслящий человек поверит относительно вселенной, несомненно более замечательной, чем Илиада, в то самое, во что его здравый смысл никогда не позволит ему поверить относительно этой поэмы?

(Фенелон)

Относить систему мира к физическим законам, не считаясь с организующим Я, столь же абсурдно, как приписывать победу при Маренго стратегическим комбинациям, не считаясь с Наполеоном. (Прудон)

5. Ответ атеистов.

Побеседуем с ними, чтобы заключить серию наших интервью. Подчеркнем прежде всего, что не так легко найти подлинного атеиста.

Среди тех, кто называют себя атеистами, есть несметное число невежд, никогда не изучавших религиозных вопросов.

Существует атеист-любитель, разгуливающий посвистывая, удовлетворенный тем, что он избавился от призраков и не замечающий того, что он обрел землю на одиночество, где слышен только грубый смех, жалобы и рычания.

(Сертилланж в книге „Бог или ничто”)

Существуют атеисты просто потому, что они не доросли до постановки перед собой всей проблемы жизни. Так например, рабочий, угнетенный тяжелым трудом, будет бороться до конца за более достойную жизнь, за лучший социальный мир, но он не будет думать о Боге, потому что он слишком занят добыванием материальных благ, и это поглощает всю его способность мыслить.

Есть тоже много людей, поддающихся чувственным влечениям, которые уверовав сначала в Бога, затем оставили веру, потому что она стесняла их личную жизнь.

Чувственность искушает сердце желанием, чтобы не было Бога, — и таким образом не было бы ни сдерживающего начала, ни судьи. Вот почему бывает столько отпадений от веры среди молодежи, почему вера отмирает, когда рождается страсть.

(Дюплесси)

Я скоро перестал бы предаваться наслаждениям, говорит неверующий, если бы у меня была вера... А я вам скажу: вы скоро уверуете, если перестанете предаваться наслаждениям.

(Паскаль)

Может-ли беспокоить верующих суждение людей, не имеющих других аргументов против бытия Божия, кроме желания оправдать беспорядочность своей жизни?

(Гибер)

Никто не отрицает Бога, как только тот, кто заинтересован в том, чтобы Его не было.

(Бл. Августин)

Если бы люди были в этом заинтересованы, они начали бы сомневаться в основах Евклидовой геометрии и стали бы ее отрицать.

(Хоббс)

Наконец, есть **беспокойные** души, о которых мы уже говорили выше, — они ищут истину, но еще не нашли ее.

Их нельзя считать подлинными атеистами.

Атеистами можно назвать только честных людей, серьезно обдумавших этот вопрос и по зрелом размышлении дошедших до спокойного и уверенного убеждения в том, что Бога не существует, и которые несмотря на печальные обстоятельства изменяющие течение их жизни (болезни, неудачи, потеря близких), остаются в невозмутимой уверенности, что они одиноки в пустыне мира. Даже приближение к смерти находит их в совершенно ясном и спокойном расположении духа.

При таких условиях сколько имеется подлинных атеистов ?

Сколько тех, кто даже в последний день своей жизни сохраняет спокойную и твердую уверенность в том, что Бога нет.

Где атеист, не сказавший „Боже мой !” у одра своей умирающей матери ?
(Прудон)

Заметим также, что умонастроение сторонников атеизма часто зависит, даже когда они не отдадут себе в этом отчета, от их ложного представления о Боге.

Они никогда не встречали честного и объективного изложения о Боге, и справедливо противостоят более или менее грубым карикатурам, которые им были представлены.

По моему мнению, есть большая разница между беззавотным атеистом, наслаждающимся жизнью, подобно животному, „ которое ковыряет рылом в луже не видя в глубине ее отблеск неба”, по выражению Ж. СЕРРА, и атеистом по заблуждению, основанному на идеологическом уклоне или даже на реакции против ложных религиозных представлений, которые он отбрасывает, не зная, чем их заменить.
(Сертильланж)

Или же они натолкнулись на кажущуюся им неразрешимой проблему, как например, одновременное существование благого Бога и зла в мире; считая себя вынужденными сделать выбор, они предпочли оставить мысль о Боге, чтобы сохранить то, что им казалось очевидным.

Часто случается тоже — как мы уже сказали — что поведение некоторых верующих способствует сохранению антирелигиозных убеждений у этих честных людей .

Б. ПРИРОДА БОГА.

Люди не могут удовольствоваться утверждением бытия Божия; они пытаются познать Его **природу**.

Но, предоставленные своим собственным силам, они не могут уйти далеко на этом пути, без возникновения между ними разногласий. Например :

1. Одни утверждают, что **Бог отличен от мира**. Но раз достигнув согласия по этому пункту, они расходятся, потому что : монотеисты утверждают, что Бог — один;

нет, есть два бога, отвечают дуалисты, приписывая доброму богу все существующее в мире добро, а остальное — злому богу

(это учение было в древности распространено в персидской империи);

имеется **множество** богов — утверждают политеисты (это — учение язычников, в особенности древних греков и римлян).

2. Другие утверждают, что Бог не отличен от мира, а сливается с ним; это учение о Боге-мире или пантеизм (оно вдохновило браманскую религию и отчасти буддизм).

Согласившись на этом, они снова расходятся во мнениях: одна группа утверждает, что Бог и мир составляют одну и ту же сущность; при этой гипотезе, в зависимости от того, ставить ли ударение на Боге или на „мире” последователи этого учения будут принадлежать к пантеистам-идеалистам или пантеистам-материалистам; другая группа утверждает, что мир является **эманацией** божественной сущности; мир не исчерпывает полноты Бога. Придерживайтесь этого учения и вы будете пантеистом - эманатистом...

В том, что касается природы Бога, Церковь и в данном случае учит, что человеческий разум может прийти без помощи откровения до познания личного, единого и отличного от мира Бога;

она утверждает, что этот же разум, предоставленный самому себе, может открыть некоторые совершенства Бога, пользуясь одновременно двумя методами: негативным методом, благодаря которому разум устраняет те несовершенства, которые он встречает в творениях;

позитивным методом заключающимся в приписывании Богу качеств и совершенств, которые разум признает и открывает в тварном мире, возвышая их до бесконечности.

Таким образом, Бог представляется нашему разуму бесконечным, личным, неизменяемым, вечным, разумным, волевым, могущественным, мудрым, справедливым, истинным, любящим, милосердным.

Когда в глубине моего существа поднимается вопль последней скорби к непознанной причине этого существа, я не могу поверить, что источник всякой мысли не имеет Мысли и что начало всякой любви не есть Любовь.
(Бурже)

Но надо признаться, что прежде чем дойти до этого человеческого разум встречается в своих исследованиях неисчислимы трудности; часто он находится на распутье и только благодаря осторожным умственным усилиям ему удается различить правильный путь и продвинуться в своих изысканиях о природе Бога.

Как набегающая волна отликает и замирает на прибрежном песке, человеческий ум скоро истощается пред безграничностью высшего Существа и удаляется, унося с собой очень малое приобретение.

Одновременно он отдает себе отчет в том, что его представления только в очень несовершенной степени охватывают совершенство Бога.

Вот почему предоставленный своим собственным силам, человек и даже философ легко соглашается с тем, что **Бог для него непонятен**; один Бог знает себя, каков Он есть.

Если даже незначительные предметы, находящиеся в моем распоряжении, окружены для меня тайной, то что сказать о Боге, бесконечно превышающем нас ?

Объясните мне песчинку, и я объясню вам Бога.

(Ламенне)

Жизнь и смерть нам непонятны; мы сами себе непонятны — и мы хотели бы ясно проникнуть во все тайны неба и Бога?

(Вейль)

Блуждающему огоньку неизвестны глубины земли; так бледная жизнь, которую мы ведем на этой земле, не знает глубин Божиих, из которых она возникает как мерцающее пламя.

(Сертильланж)

ГЛАВА III.

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ БОГОМ И ЛЮДЬМИ.

1. НАШЕ ЖЕЛАНИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА БОЖИЯ.

Желание большей ясности.

Рассматривая совокупность проблем, возникающих в его жизни, человек испытывает неприятное ощущение, свойственное путешественнику, потерявшему ориентацию и заблудившемуся ночью, в то время как он наблюдает всюду вокруг себя движение таинственных сил.

В нем вполне естественно пробуждается желание видеть яснее — желание получить совет и руководство.

Если он обратится с вопросом к подобным ему, в их ответе он не найдет ничего кроме колебания, равнодушия и расплывчатости.

Ему остается только — по примеру многих других — обратиться к **Богу**.

Тебе необходимо ждать, чтобы кто-то научил тебя как вести себя по отношению к богам и по отношению к людям. — Когда же придет это время и кто должен меня научить? — Тот, кто бдит над тобою ... К тому же Он возлюбил тебя дивной любовью.
(Платон, II, диалог „Алкивиад”)

Замолчи, глупый разум, слушай Бога.

(Паскаль)

Итак, человек, размышляющий о проблемах жизни, поддерживает в себе желание, чтобы Бог все более просвещал его и помогал ему жить.

Желание большей близости.

Исчерпывается ли мое желание только этим : познать истину и получить руководство ?

Не могу-ли я надеяться войти в **более близкую связь** с тем, кто является совершенным и бесконечным источником счастья, к которому я стремлюсь ?

Не могу ли я мечтать о том, чтобы обладать Им каким-то образом даже здесь на земле, приобщиться к его интимной жизни и в этом найти несказанное счастье ?

Несомненно, если считаться с одними моими возможностями, я без труда признаю себя неспособным установить этот контакт и непосредственно приникнуть к самому источнику счастья, быть причастным к жизни Бога.

С другой стороны, я не имею никакого права требовать от Бога этой милости.

Но, хотя мои возможности ограничены и прав я никаких не имею, мои желания бесконечны :

я знаю, что Бог существует, что Он благ и всемогущ и меня окрыляет надежда обладать Им Самим.

Это может-быть глупая надежда, но все же она живет во мне !

Наличие у всякого человека естественного желания проникнуть в область, превышающую его возможности, т.е. в сверхестественную область, является в наше время твердо установленным и общепризнанным богословским тезисом... Нельзя рассматривать это желание как право, или власть данную человеку, или необходимость или проэкт созданный человеком, еще менее как законное его требование. Но эта все превышающая божественная жизнь дает смысл самому святому желанию человечества.

(Мазюр)

2. ВОЗМОЖНОСТЬ ВХОЖДЕНИЯ БОГА В НАШУ ЖИЗНЬ.

После того как был поставлен вопрос о существовании Бога и о моем естественном желании просвещаться от Него и наслаждаться Его близостью, разрешение проблемы уточняется :

1. Может ли Бог иметь общение со мной ?

Способен ли я принять Его весть и в таком случае быть причастным Его жизни ?

Что Бог может войти в нашу жизнь сверхестественным способом — это представляется очевидным : как могли бы осмелиться ограничить могущество Того, Кто установил законы вселенной и урегулировал, например, замечательный механизм человеческого тела ?

а) Как отказать Ему в возможности сообщить нам **некоторые истины**, недоступные нам, чтобы мы могли их воспринять ?

Вокруг нас все материальные существа влияют друг на друга :

Звуки скрипки музыканта играющего в Америке или грохот лавины в Альпах проникают в мою комнату; достаточно открыть радиоприемник, чтобы воспринимать исходящие издалека вибрации.

Почему же в таком случае высшее Существо не может придать достаточную мощь своему голосу, чтобы Он стал слышен нам ?

Языческий философ Аристотель задавал вопрос : можем ли мы отрицать за Богом силу привлекающую нас к Нему ? и отвечал : все твари движутся вокруг Бога, как-бы влекомые к Нему любовью.

Материальный предмет может придать нам свою форму или передать свои качества (радиатор передает нам свою теплоту не уменьшаясь, не разрушая нас и не вредя нам).

А почему бы Бог не мог сделать нас способными воспринимать Его духовную жизнь, не разрушая нашей жизни, но делая ее прекраснее и плодотворнее ?

2. И можем-ли мы заранее отрицать возможность, с помощью Божией, принять Его весть и даже Его жизнь, тогда как все, чем мы обладаем, дано нам Им без всяких прав с нашей стороны ?

Всякая душа обладает естественной способностью принять благодать; именно потому, что она сотворена по образу Божию, она способна принять Бога благодатью, как это говорит Св. Августин.
(Св. Фома Аквинат)

Не может-ли Он дать нам необходимые, специально приспособленные, „антенны“, чтобы мы могли воспринять то, о чем Он нам вещает ? Не может-ли Он сделать наше существо способным участвовать в Его собственной жизни ?

Великие гении даже среди язычников верили в возможность такого вхождения Бога в наше существование :

Тело — орудие души, а душа орудие Бога. И как всякому телу принадлежат соответствующие его природе движения, — но другие более прекрасные движения вдохновляются душой — в свою очередь душа обладает свойственным ей порядком действий и движений, но может тоже, как самое совершенное орудие, быть руководима и движима Богом действующим в ней.

Раз огонь, ветер, вода, облако являются орудиями Бога для жизни и для смерти, то кто поверит, что живые существа не могут воспринимать силу Божию и действовать под влиянием этой силы и вдохновляться велениями Божиими, как стрела повинуется скифам и лира грекам ?

(Плутарх, Банкет 7 мудрецов)

Надо избрать наилучшее человеческое учение, и как в утлой ладье поместиться в нем и переплыть таким образом, не без опасностей реку жизни если только нам не удастся переплыть ее на более совершенном судне, т.е. на божественном учении

(Платон, „Федон“, 35)

Установив теперь с той и с другой стороны возможность войти в связь, — мыслящий человеческий ум встречает дальнейший вопрос — самый страшный из всех.

Действительно ли, да или нет, Бог говорил человечеству ?

Надо сделать выбор :

— Или же Бог, дав Свои законы миру, сохранил полное молчание о Своих намерениях, избегая всякой связи с созданными Им существами;

— или же Он вошел в связь с человечеством.

То, что языческая древность предчувствовала, все религии, основанные на откровении, утверждают : Бог действительно говорил миру.

Итак, огромное большинство человечества верит в особое вмешательство Бога в его жизнь.

Если Бог говорил миру, что Он сказал ? Что Он повелел ? К чему Он нас призывает ? Вот основные вопросы, которыми не может пренебречь здравомыслящий человек.

Тот, кто не хочет внимать шопоту вечности будет вынужден внимать ее громам.

(С. Трубецкой)

Я хотел бы сказать моим соотечественникам : прочтите же Евангелие... Вчитайтесь во все страницы истории Церкви, включая несколько страниц, запятнанных слабостью и лукавством некоторых людей... воздайте всему должное : людское — людям и божественное — Богу, и вы заключите о существовании все превышающего и единственного социального факта. Может быть тогда вы зададите вопрос : открыл ли Себя Творец миру ?

Петр. Келестин Лу, китайский премьер-министр, ставший потом католич. монахом)

Люди видели благодать Божию не в мечтах воображения расстроенного, а воочию, лицом к лицу.

(Серафим Саровский)

ГЛАВА IV.

НОВОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ДУШИ.

Раз нет основания считать невозможным божественное откровение миру, то для восприятия его от нас потребуется новое расположение души.

1. Дух веры.

Под этим мы понимаем постоянное расположение к подвигу веры, т. е. к принятию истины, опираясь на свидетельство другого, когда мы считаем разумным довериться тому, кто сообщает нам эту истину. Есть люди, которые сразу протестуют, объявляя, что такое унижительное расположение ума противоречит правам рассудка.

Успокоим их : ни в коем случае здесь не идет речь о нарушении прав рассудка.

Не следует-ли опять напомнить, что человеческий ум ограничен, что не все области доступны ему. Почему в таком случае отказать себе в возможном источнике знания ?

Почему отказать себя принять свидетельство, более компетентное, чем наше ?

Вполне благоразумно обратиться к другому, если он может нас просветить.

Заметим, что в обыденной жизни это случается очень часто : даже не замечая этого, мы постоянно принимаем истины, не потому, что они очевидны для нас, не потому, что мы их проконтролировали, а потому, что свидетельство тех, кто нам их сообщил, нам кажется достоверным.

Действуя так, мы доверяемся людям, т.е. мы верим, по свидетельству **человека**, не поддающейся контролю истине или по крайней мере истине, которой мы не контролировали.

Знакомые сообщают мне о смерти друга, о результате футбольного матча, о взятии города, о продаже дома, об издании

новой книги. Мне невозможно все проверить; если эти люди достойны доверия, я доверяю им и принимаю на веру их слова.

Жизнь стала бы для меня невозможной, если бы я хотел контролировать подлинность, хотя бы только того, что имеет для меня некоторое значение.

Сеятель не выходил бы сеять, если бы не было уверенности в сборе урожая. Никто не ездил бы по железной дороге, не будучи уверен в том, что локомотив в полной исправности и что машинист не выпил лишнего;

больной не принимал бы лекарств, не имея возможности проконтролировать добросовестность аптекаря... при таких условиях нормальный ход жизни и человеческих отношений стал бы совершенно невозможным.

Кроме того, многие из фактов не подлежат уже больше контролю, потому что они стали достоянием прошлого. Как я могу проверить, что Наполеон существовал, если я не могу проконтролировать этого факта?

Следовательно, верить на слово — это самая распространенная и обыденная вещь.

Легко понять, что это заключение имеет огромное значение для нашего изложения; потому что, если действительно Бог захотел беседовать со мной, открыть мне, прямо или посредством избранных Им людей, истину, которую я не могу сам найти или проконтролировать, — по какому праву могу я отказать слушать Его? По какому праву я буду отвергать заранее Его свидетельство или их свидетельство, тогда как я ежеминутно верю на слово подобным мне людям?

По какому праву я буду отказываться поверить Богу, когда вся моя жизнь есть сплошная ткань веры в человека?

Несомненно, прежде чем принять то, чему приписывают божественный авторитет, я позабочусь о применении правил осторожности, которыми руководствуюсь в обыденной жизни;

человеческий разум, являясь даром Божиим, имеет права, которыми он должен пользоваться, и обязанности, которыми он не может пренебрегать, особенно, когда речь идет о таком значительном вопросе — какое направление дать моей жизни?

Чем больше разум знает, что последствия свидетельства (откровения) будут для него чрезвычайно значительны и обяжут его принять важные решения, тем больше он ищет гарантии против всех возможных заблуждений. Прежде чем уверовать в Откровение, он следовательно требует, чтобы откровение предъявило свои вверительные грамоты.

(Лесетр)

Раз предварительные шаги были сделаны, т.е. если я счел благоразумным довериться такому-то лицу, я должен сделать решительный шаг и высказать ему свое доверие.

С этого момента я предаю себя другому; но я действую благоразумно, даже в случае, что мне придется принять истину, которую я не могу оправдать одним разумом или проконтролировать своими глазами.

Несомненно, вера опирается на доказательства, потому что до некоторой степени она есть понимание истины. Но она одновременно является свободным решением нашей воли, которая бросается с доверием в объятия Бога, когда мы дошли до той черты, за пределами которой науке уже нечего больше сказать.

(Кальве)

Решающее значение сердца в делах веры является очевидностью; всегда найдутся фарисеи, желающие предаваться бесконечным спорам и отрицающие чудо исцеления слепорожденного, и всегда найдутся святые Иоанны, которые узнают Учителя в утреннем тумане.

(Жоли, „Дивный риск веры”)

Церковь утверждает, что Бог говорил людям; но она первая признает права разума и требует, чтобы наша вера была разумной.

Человеческий разум, чтобы избежать всякого обмана и заблуждения в деле столь исключительного значения, должен прибегнуть к самому тщательному исследованию реальности божественного откровения, чтобы дойти до полного убеждения, что Бог действительно говорил.

(Папа Пий IX, Энциклика Кви Плюрибус)

Это лишний раз доказывает положительное отношение Церкви к человеческому разуму.

2. Дух молитвы.

Раз Бог существует, раз весь мир говорит мне о Нем, раз я завишу от Него всеми фибрами моего существа, я не могу жить так, как если бы я был один на сцене мира; я должен считаться с Его присутствием; я должен войти с Ним в живую связь.

Совокупность этих отношений — помимо откровения — составляет так называемую естественную религию („Религаре” по латыни значит связывать); она объединяет все обязательства, которые человек в силу своей природы берет на себя по отношению к Богу. Первое расположение, которое от этого должно появиться у меня, — это молитва.

Молиться — значит помнить о Боге и беседовать с Ним.

Если мы поняли изложенное до сих пор, то уже благодарно молиться, даже, если мы не исповедуем никакой религии, основанной на откровении.

Обращаться к Богу — так же нормально как приветствовать свое начальство до и после работы, по правилам общепринятой вежливости.

Богу можно поклоняться всюду и во всякое время; важно только, когда мы входим в сношение с Ним — находиться в состоянии благоговения и сосредоточенности.

Молитва есть прежде всего средство поклонения Богу, выражения Ему благодарности за Его благодеяния и раскаяния в нашем нерадении.

Она служит так же средством испрашивать Его милости.

Но если мы допускаем, что Бог дал откровение людям, то не естественно-ли просить Его прежде всего о милости принять и усвоить Его благовестие ?

Поэтому, дойдя до этого места нашего изложения, следует помолиться.

С таким расположением души — с духом веры и с духом молитвы, — расположением вполне благоразумным и достойным человека, — мы можем наконец приступить к рассмотрению христианского решения проблемы жизни.

II

**ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА
ДО ХРИСТА**

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ХРИСТИАНСКОГО ОТВЕТА

ПЯТЬ АКТОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДРАМЫ

Прежде чем приступить к подробному изложению христианского решения проблемы жизни, укажем его основные черты. Это позволит яснее установить в дальнейшем связь между отдельными частями, составляющими этот ответ.

Вкратце все может быть сведено к следующему :

Бог творил по определенному плану; человек с этим планом не считается : отсюда — драма.

Если я хочу пользоваться домом, я должен приспособиться к плану архитектора, или я сам создам себе неприятность. Например, если я буду окно в верхнем этаже упорно принимать за выходную дверь, не придется удивляться последствиям этого упорства.

Так обстоит дело и в мире, в котором мы живем : все осложнения возникают оттого, что не соблюдается или не соблюдался Божий план.

Поэтому, самое необходимое знать, в чем заключается план, для осуществления которого Бог призвал нас к жизни. Все, что Бог делает по отношению к нам, протекает по этому плану; по нему-же должна протекать и вся человеческая деятельность.

В чем-же состоит план Божий ?

Христианство отвечает :

1. Бог есть любовь и поэтому Он, без всякой выгоды и без всякой необходимости для Него Самого, от вечности хочет призвать к существованию другие существа и дать им вечное счастье, как вечно счастлив Он Сам.

Для этого Он их создает подобными Ему Самому, наделенными разумом и свободными, и дает им возможность зас-

лужить вечное счастье, подвергая их предварительно переходящему испытанию, во время их краткой земной жизни.

Это мы рассмотрим более подробно в **первом** акте драмы.

2. Бог в вечности хочет, кроме того, уже и в то время, когда Его создания подвергаются этому испытанию, призвать их к очень большой близости с Ним, и уже тогда дает им возможность участвовать в Его божественной жизни (1).

Таков **второй акт** драмы.

3. Бог в вечности предвидит, что Его создания, которых Он наделяет Своими благодеяниями, откажутся следовать Его призыву.

Это — **третий акт** драмы.

4. Такова сила Его любви, что Бог в вечности решает не смотреть безучастно на частичную неудачу дела, вызванную злоупотреблением человеческой свободы, но Самому исправить отклонения людей,

становясь для этого Тем, Кого мы называем Иисусом Христом, устанавливающим, как Бог и человек одновременно, ценою жертвы Своею жизнью, новый союз между Создателем и Его созданиями.

Это будет **четвертый акт**.

5. Бог в вечности хочет, чтобы люди, принимающие Его план, объединились между собою,

невидимо — через Христа, со Христом и во Христе,

и видимо — в определенном учреждении, в „Церкви”, видимой и установленной Христом,

чтобы все вместе они сотрудничали с Богом для счастья, земного и вечного, великой человеческой семьи.

Таков **пятый акт** человеческой драмы.

То, что Бог предрешил или предвидел в вечности, произошло или еще происходит во времени; и мы — участники этого пятого акта.

Таково, в пяти пунктах, основное содержание церковного учения; конечно, оно изложено нами пока слишком сгущенно и слишком упрощенно, чтоб можно было с первого взгляда о нем

(1) Согласно церковному богословию эта близость в основном доступна человеку с момента творения; но для большей ясности мы различаем в нашем изложении эти две стороны дара Бога человеку: **творение** и **участие в божественной жизни**.

судить; в дальнейшем мы полнее осветим его неисчерпаемое богатство.

Все-же этот краткий пересказ уже позволяет дать самую общую картину истории человечества, какую она является перед Богом.

Разумеется Бог, неизменный и вечный, видит не чередование событий, которое видим мы. Перед Ним история человечества едина и проста; в ней имеется центр, к которому сходится все, или, вернее, имеется центральный очаг, который своими лучами освещает и объясняет все остальное.

И то, что Бог в вечности видит на первом плане Своего дела, то, что составляет **центр Его дела** и предмет Его единственной воли,

это — не первоначальный мир, составлявший только набросок картины, не мир, поднятый в первых людях на сверхъестественный уровень, но являвшийся лишь мимолетным осуществлением идеала, о котором Бог знал, что человеческая свобода его скоро разрушит;

это — не грешный мир, который, если его рассматривать отдельно, означал-бы неудачу;

это — **мир искупленный и объединенный во Христе**, потому что это тот мир, в котором Бог приводит, наконец, к торжеству Своей любви и осуществляет Свой план.

Таким образом, перед Богом в центре мира, над всем господствуя, все освещая, есть только Христос,

искупляющий и объединяющий мир Своим крестом,

возносящийся над землею как Царь,

простирающий руки, чтобы охватить весь мир и привести его обратно к Богу.

Все остальное — будь то творение, будь то грех, будь то каждый из нас, — все это Бог видит только через Христа и во Христе.

Таково поразительное откровение, распространяемое христианством :

Бог сотворил мир для того, чтобы наделенные разумом существа стали свободно и навечно Его усыновленными детьми со Христом, во Христе и через Христа, пришедшего на землю искупить их проступки.

Именно это апостол Павел, громоздким, но богатым по внутреннему содержанию стилем, напоминает в послании к Ефесянам :

Благословен Бог и Отец Господа Нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе...

Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви,

Предопределив усыновить нас Себе через Иисуса Христа, по благоволению воли Своей...

В котором мы имеем искупление кровью Его, прощение грехов, по богатству благодати Его,

Каковую Он в избытке даровал нам...

Открыв нам тайну Своей воли...

Дабы все небесное и земное соединить под главою Христом.
(Еф. 1,3 - 10)

Так, следовательно, дело обстоит перед Богом: **Христос** искупает проступки людей и становится **центром мира**, объединяя и освещая его в той мере, в какой люди Его принимают.

Так дело обстоит перед Богом; так это и мы должны понимать, если желаем разумно разрешить проблемы, даже материальные, которые ставятся жизнью.

Это и значит быть христианином: быть страстным последователем Христа нерасторжимо связанным с Его жизнью и с Его делом.

Христианин это тот, кто последнюю правду о мире и жизни находит во Христе и нигде больше (П. Руссело).

Он — Тот, Кого с миллионами живущих и с миллиардами умерших я имею великую честь называть Господом Иисусом Христом (Р. Базен).

Какая сила — знать хоть немного об Иисусе Христе! (Л.Велльо)

Быть христианином это значит соединиться с Христом как с Личностью близкой, страстно любимой и вдохновляющей на героическое ей служение (Р. Клод).

Все сказанное выше требует дальнейшего развития. Мы глубже проникнем в нашу тему, последовательно рассматривая отдельные эпизоды человеческой драмы.

Первый акт

ДЕЛО ТВОРЦА

Драма начинается прологом, который в нескольких словах может быть выражен так :

Сотворив вселенную во всей ее совокупности, Бог сотворил человека, наделив его особой природой и вполне определенным призванием, которое человеку предстояло выполнить, по определенным законам, и притом в обществе.

Это побуждает нас рассмотреть последовательно :

- I. — Творение как таковое.
 - II. — Происхождение материального мира.
 - III. — Происхождение жизни до человека.
 - IV. — Происхождение человека.
 - V. — Призвание человека.
 - VI. — Природу человека.
 - VII. — Естественные законы.
 - VIII. — Жизнь в обществе.
-

ГЛАВА I.

ТВОРЕНИЕ КАК ТАКОВОЕ.

Основываясь на Священном Писании и на Предании, христианство учит, что **Бог** сотворил мир. Это значит :

не образуя мир из Своей сущности (вопреки утверждениям пантеизма, который, как мы уже говорили, рассматривает все вещи, как части или излучения божества),

не используя никаких ранее существовавших элементов (вопреки дуалистам, которые, как например Платон и Аристотель, а в наше время последователи индийских и персидских религий, предполагают, наряду с Богом, существование вечной и необходимой материи, не созданной Богом, а лишь организованной Им),

Он вызвал к бытию мир, которого не было.

Таким образом, **акт творения** это — акт, которым Бог, без каких-бы то ни было наличных материалов, без каких бы то ни было орудий и без изменения Своего существа, **осуществляет**, Один и полностью, предмет, задуманный Его разумом, и Один **поддерживает** бытие этого предмета.

Следовательно, это не только **первичный акт**, после которого Бог перестал-бы заниматься миром; это — **акт постоянный**, в каждый момент дающий бытие всему : мне как и предметам, находящимся на моем столе, деревьям в саду, как и звездам.

Бог — причина и опора бытия **всей вселенной**, если не непосредственно, то в первооснове : таково христианское учение.

Мы увидим далее, что вопрос о первопричине вселенной лежит вне компетенции **науки**, которая поэтому и не может находиться в противоречии с фактом ее сотворения; зато истинная **философия** может доказать этот факт, не прибегая к догматам веры.

Тем не менее, верным остается, что нам приходится признать для себя **невозможным понять, что значит творить.**

Причина этой невозможности проста : творение есть род деятельности, превосходящий способности человека, который и

не может ясно отдать себе отчет в том, чего он сам делать не может.

Представить себе переход от небытия к бытию — трудно. Но отсюда до вывода, что такой переход вообще невозможен, — еще далеко!... Как отмечает Спенсер, мы не можем представить себе земной шар в его действительных размерах: это не мешает нам верить в его существование!

(Дюпlessи : „Апологетика”, стр. 125)

Художник, выражающий свою мысль возможно меньшим количеством красок, довольствующийся легким полотном и немногими легкими движениями кисти, чтобы создать высокое произведение искусства, все еще бесконечно далек от творца, не нуждающегося ни в чем, кроме него самого.

Человек, что-бы он ни делал, всегда вынужден пользоваться, хотя-бы только в самой малой мере, материалами, его окружающими; иметь самого себя ему никогда не достаточно. Вся его деятельность сводится, в общем, к тому, чтобы исследовать сотворенное и находить управляющие им законы — это науки, — или к тому, чтобы видоизменять или воспроизводить сотворенное — это искусства.

Он открывает, соединяет, подражает; но **он не творит.**

Примирился-же с тем, что мы не можем понять внутренне и как таковой акт, давший бытие миру и поддерживающий его в абсолютной зависимости от Бога.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА.

Конечно, Бог есть первопричина материального мира, поскольку Он творец всего.

Но наша любознательность порождает в нас стремление узнать, была-ли вселенная сотворена такою, какою она существует теперь, или-же ее теперешнее состояние отличается от первоначального. Если верно последнее, то каковы были ее **первоначальная форма** и различные этапы ее изменения?

Ответ может быть нам дан или людьми **данные науки** или Богом (**данные веры**).

Рассмотрим последовательно те и другие.

1. Данные науки.

Напомним прежде всего, что задача **естественных наук** — **исследовать** материальный мир во времени и в пространстве, фиксировать известные **факты**, находить их **материальные причины**, обобщать эти данные в **частных законах** и наконец объединять эти законы в цельную **систему**, при помощи **гипотезы**, отвечающей установленным фактам.

Экспериментальная наука, занимающаяся установлением фактов, находит свое продолжение в теоретической науке, представляющей собою попытку объяснения.

Научная гипотеза дает науке единство и служит стимулом для новых исследований; бывает, что новые открытия ее подтверждают; но бывает и так, что появляются новые факты, которых она не может объяснить, и тогда приходится ее заменить другой, более правдоподобной гипотезой.

Таким образом, ученые, **в качестве ученых**, заняты только изысканием фактов, законов и причин **физико-химического порядка**; то, что превосходит материальный мир, не входит в поле их работ и в него входить не может.

Тем самым, в вопросе **происхождения материи** они не могут высказаться о том, существует-ли или нет вне-материальная

причина; Бог вне их поля зрения и, следовательно, вне их компетенции.

В лаборатории, ни религии, ни философии, ни атеизму, ни материализму, ни спиритуализму нечего делать. Изыскивать первопричину не входит в область науки. Наука знает только то, что она может доказать : факты, вторичные причины, явления природы.
(Пастер, по цитате, приведенной у М. Буало, „Жизнь Пастера”, стр. 45).

Как существа разумные, ученые могут, конечно, выходить за пределы своих чисто научных исследований и возвышаться до познания Бога, так-же, как они могут заниматься музыкой или любоваться великолепным закатом солнца, — хотя ни то, ни другое не входит в область науки!

Но вселенная, **однажды сотворенная**, представляется, как **материальный факт**; тем самым, наука может исследовать, в какой форме она существовала первоначально и через какие изменения она прошла.

Внимание ученых эти вопросы привлекли только в нашу эпоху.

Лаплас (ум. в 1827 г.) предположил, что наша солнечная система — которая одна только его занимала — представляла собою первоначально огромную **газообразную массу**, подверженную вращательному движению. Вследствие ускорения этого движения части газообразной материи отделились и образовали планеты, в том числе землю. С течением времени, газообразные элементы сгустились, переходя сначала в жидкое и затем в твердое состояние.

Таким образом, он объединял в блестяще изобретенной гипотезе ряд известных в то время экспериментальных данных, как например : различия в плотности материи звезд; присутствие под земною корою расплавленной массы; непосредственное движение планет вокруг солнца; наличие у некоторых планет спутников, и т. д.

Но в дальнейшем новые открытия заставили ученых пересматривать гипотезу Лапласа и в конце концов от нее отказаться.

В наше время, одна из наиболее принятых теорий — та, которую разработал католический священник Лемэтр, профессор Лувенского университета, лауреат премии Франки по астрономии. Эта теория отказывается от гипотезы первоначально неплотной и постепенно сгущавшейся туманности и вместо этого предполагает нечто в роде **первоначального радиоактивного атома**, затем расщепившегося в гигантском фейерверке. Его искры образовали светящиеся острова нынешней нашей вселенной, острова,

из которых каждый состоит из миллиардов звезд. Таким образом, получалось-бы, что этот радиоактивный атом — единый комоч сгущенной материи — содержал в себе, как богатейшую „ возможность, всю совокупность теперешнего мироздания ” (Р. Буажело, „ Происхождение вселенной ”, стр. 14). (*)

2. Данные веры.

Что-же говорит вера перед этими дерзновенными догадками науки ? Ничего не говорит вообще !

Лемэтр — католический священник и католическая Церковь предоставляет ему, как и всем **своим** ученым и всем ученым вообще, полную свободу выяснять все дальше и дальше цепь **физических** причин и выработать соответствующие гипотезы; с точки зрения Церкви, напротив, отрадно, что их исследования в конечном итоге позволяют более ясно отдать себе отчет в единстве и гармонии вселенной.

Церковь требует веры — если мы не сумеем доказать этого одними силами нашего разума — только в то, что именно не входит в область науки, т. е. в существование вне-материальной причины всего, — в существование Бога. Следовательно, нет никаких оснований бояться возникновения в этом вопросе конфликта между наукой и верой.

Что касается вопроса о **первоначальной форме**, которую миру дал Бог, положение ясно : об этом никакого церковного учения не существует и никакого догмата не предписывается, по той причине, что Бог об этом ничего не открыл.

О **продолжительности мира во времени**, Церковь учит, что мир **не вечен в прошлом**, иными словами, что, восходя назад по цепи времен, достигается первый момент, раньше которого нет ничего кроме вневременного Бога.

Что об этом говорят разум и наука?

Разум не отвергает мысли, что мир мог иметь начало; но также точно разум может допустить вечность мира в прошлом, иными словами, может представить себе бесконечную цепь материальных причин, по которой можно восходить все дальше и дальше назад, без необходимости остановиться где-бы то ни

(*) Хотя гипотеза единого атома очень яркая и талантливая, она встретила много непреодолимых затруднений, не меньше чем гипотеза Канта-Лапласа. Проф. киевского университета Штейн, предложил гипотезу нескольких исходных атомных взрывов, которая хотя и не разрешает многих затруднений теории Леметра, справляется с некоторыми из них, главным образом с вопросом образования спиральных и вихревых движений.

было. Впрочем, и в этой гипотезе разум допускает существование, вне этой вечной цепи материальных причин, Верховного Существа, господствующего над этой цепью.

Сказать, что вечность мира устраняет необходимость в Творце, равносильно утверждению, что часовой механизм не нуждается в пружине, если только его снабдить бесконечным количеством колес; или, что картина может быть написана одною кистью, без руки, держащей эту кисть, при том только условии, чтобы кисть была очень длинной !

(Дюпlessи, „Апологетика“, I, стр. 20)

Наука с своей стороны не может доказать, что мир вечен в прошлом, потому-что исследование этапов, следующих один за другим во времени, никогда не может покрыть всю цепь причин, раз эта цепь предполагается бесконечной во времени. На деле, современная наука не только не противоречит этому данному веры, а напротив, сама склоняется скорее к тому, что мир имел **начало во времени.**

Следовательно, и в этом вопросе не приходится опасаться какого-либо конфликта между верой и наукой.

Добавим, что время есть понятие относительное; оно появляется только там, где имеются существа, подверженные изменению. Следовательно, времени не было до сотворения материального мира; а это значит, что момент возникновения этого мира не мог находиться во времени. Таким образом, не точно говорить, что Бог, Который вне времени, творил **во времени.** Когда Церковь применяет это выражение — что „**Бог творил во времени**“, — это следует понимать просто в том смысле, что длительность сотворенного мира во времени не вечна и что эта длительность сотворена, как сотворено само временное бытие.

3. Сотворение мира по Библии.

Читатель может нам возразить ссылкой на то, что Священное Писание говорит о первоначальном образовании мира : что Бог, как-будто, совершил Свое дело творения в шесть дней, по определенному плану.

Остановимся на этом **возражении**, тем более, что оно дает нам очень удобный случай показать, с какой осторожностью следует обращаться с рассказами, содержащимися в Ветхом Завете. Действительно, затруднения с верой очень часто происходят от неточного понимания того, во что именно Церковь требует веры в этих вопросах.

Напомним во-первых, что первые страницы Библии содержат не один, а два рассказа о сотворении мира, которые не

тождественны! Давно известно, что автор, составлявший эти страницы, использовал более старые письменные материалы, приспособляя их, по вдохновению Божию, для объяснения религиозных истин; некоторые из них мы приведем ниже. Преследуя цель не научную, а религиозную, он и не затруднялся нашими теперешними возражениями!

Ограничимся первым рассказом, который вызывал и до сих пор вызывает больше всего затруднений у незнакомых с правильным толкованием Библии.

В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог : да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро : день один.

И сказал Бог : да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь... И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро : день второй.

И сказал Бог : да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша... И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями... И сказал Бог : да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодovitое, производящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень... И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро : день третий.

И сказал Бог : да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие : светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды... И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро : день четвертый.

И сказал Бог : да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро : день пятый.

И сказал Бог : да произведет земля душу живую по роду ее, скотов и гадов и зверей земных по роду их...

И сказал Бог : сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися на земле. И сотворил Бог человека по образу Своему... И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро : день шестой.

Так совершены небо и земля... И почил (Бог) в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмый день, и освятил его; ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.

(Бытие, 1)

Достаточно прочесть этот текст, чтобы заметить, что его **невозможно понимать буквально** : раньше творения первого дня, Бог уже сотворил небо и землю! В шестидневном ритме таким образом уже оказывается „ лишний такт. ”. Далее, Бог только в четвертый день сотворил солнце и луну, — как-же можно было уже ранее насчитать три дня и три ночи ? . .

Если придерживаться текста буквально, затруднения возникают со всех сторон; но в действительности, все гораздо проще.

Укажем во-первых, что имеет значение **для вероучения**, а затем посмотрим, как был задуман этот текст.

Священный автор имел в виду религиозное учение, а не научное. Он стремился, в частности, внушить следующие истины :

— **Бог сотворил вселенную и все, что она содержит**; Его дело хорошо и человек должен быть благодарен Ему за это;

— **Человек возник в силу особого действия Божия** (об этом — ниже, в главе IV);

— **Человек должен отдыхать в седьмой день и посвящать этот день Богу.**

Чтобы выразит конкретно эти истины, **священный автор воспользовался двумя народными рассказами**, которые замечательны тем, что они дают представление о Боге, как творце всего. Поскольку он стремился внушить людям обязательство освящать **седьмой** день, ему пришла счастливая мысль распределить дело творения в **шесть картин** : три дня на создание определенных мест и еще три дня на заселение этих мест! От этого, кстати, получится, что растения, прикрепленные к земле, появляются раньше солнца, которое движется по небу.

1) Прежде всего, чтобы привлечь внимание к дням недели и в особенности к седьмому дню, нужно было начать с сотворения **света**, по которому день отличается от ночи.

Логически, тьма предшествует свету; поэтому автор счет ведет с вечера : „ и был вечер и было утро ”. У евреев этот счет времени сохранился и в дальнейшем; сутки у них начинаются с вечера предыдущего дня.

2) В первичном беспорядке, небо и земля были смешаны. На второй день, Бог поставил на плоскую землю **небесный свод**, т. е. купол в форме полушария, и таким образом отделил землю, залитую водою, от вод, содержащихся на небесах. Ясно, что так еврейский народ представлял себе землю и небо : плоская тарелка и над нею купол, над которым задерживаются небесные воды!

3) После этого надо было землю устроить. На третий день Бог соответственно этому выделил „ твердь ”, собрав отдельно нижние воды; затем он украсил твердую землю **зеленью**. Заметим, что тем самым для автора растительность, прикрепленная к почве, сотворена одновременно с „ твердью „!

После этого начинается заполнение созданных таким образом пространств :

4) На четвертый день, сначала „небесный свод ” получает своих „ обитателей ” : **солнце, луну и звезды**, „ чтобы указывать день и ночь ”.

И понятно, почему эти светила, в особенности луна, получили почетное место в изложении хода творения : луна имеет хорошую привычку менять свой внешний вид и даже исчезать в определенные перерывы, благодаря чему евреи считали лунными месяцами, деля каждый из них на четыре части; эту отличную меру времени казалось вполне законным приписать самому Богу!

5) Затем будут заселены пространства, созданные во второй день; поэтому одновременно создаются **рыбы**, живущие в воде, и **птицы** в небе.

6) На шестой день, появляются **живые существа, населяющие** „ твердь ”, т. е. **сушу**, и в особенности **человек**.

Для одного дня, это немало !

7) И в седьмой день, Бог отдыхал...

Итак, свое учение о возникновении мира автор вставил в народный рассказ для того, чтобы **конкретно** выразить те истины, которые он стремился передать людям. Естественным образом, он при этом опирался на тогдашние представления : плоская земля окруженная водою, звезды вставленные в небесный свод, значение солнца и луны и т. д.; если-бы он поступал иначе, он только вызвал-бы напрасно смущение у своих слушателей.

Священный автор не задавался целью научно объяснить внутреннее устройство видимых вещей и полный порядок творения, а скорее хотел дать своим соплеменникам народное знание, каким оно распространялось разговорной речью той эпохи, соответственно идеям и умственному уровню современников.

(Библейская комиссия, 30 июня 1909 г.).

Таким образом, ясно : науке нет оснований считаться со сроками и с хронологическим порядком, которые автор „ Книги Бытия ” приписывает сотворению мира, также, как наука не считается с тем, что еще и в наше время люди говорят о вос-

ходе солнца, о небосводе и приписывают луне больше значения, чем звездам. В этих вопросах, конфликта между наукой и верой не может быть.

К сожалению, слишком много людей принимают за истины, открытые Богом, то, что было только приспособлением к умственному уровню данной эпохи; в памяти у них остаются рассказы, слышанные в детстве, когда они не были в состоянии различать, что касается веры и что ее не касается; может-быть виновны и те, кто невольно ставил их детское воображение на неправильный путь, придавая чрезмерное значение второстепенным подробностям.

В дальнейшем изложении еще представится случай выделить из народных представлений учение Церкви, когда речь пойдет о сотворении человека и о первородном грехе; как и здесь, мы покажем там, с какой осторожностью следует подходить к чтению и изучению рассказов Священной Истории.

ГЛАВА III.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ ДО ЧЕЛОВЕКА.

Две проблемы стоят перед нами :

А. Как появилась жизнь на земле ?

Б. Как объяснить множественность видов живых организмов ? (В одном только животном царстве их насчитывается теперь 800.000).

Подведем краткий итог данных, которыми на этот счет располагают наука и вера.

А. — ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ.

1. Данные науки.

Наука, ограничивающаяся, как мы говорили, материальной областью и стремящаяся для каждого материального факта находить материальную причину, выставляет различные **гипотезы** :

а) Некоторые ученые, вовсе и не отрицая, что первопричиной жизни может быть Бог, предполагают, что первая живая клетка, появившаяся на нашей планете, происходила с **другого космического тела**. По сути дела, это значит просто перенести вопрос, — правда, весьма далеко!

б) Другие выдвигают гипотезу, что неживая материя, будучи поставлена в некоторые благоприятные условия, может произвести живое существо. Это — гипотеза **самозарождения**.

В этой области прославился **Пастер** : вопреки безапелляционным заявлениям некоторых „ученых”, он старательно устанавливал, что в случаях будто-бы открытого ими самозарождения жизнь в действительности не появлялась из мертвой материи.

Вполне справедливо, Пастер не заключал из этого, что гипотеза неправильна, а говорил только, что она не доказана фактами, на которые ссылались в ее подтверждение.

2. Данные веры.

Вопреки тому, что многие думают, Церковь вовсе не требует веры в **прямое** вмешательство Божие как причину появления живой материи; можно быть христианином и в то-же время допускать, что жизнь самозародилась из мертвой материи.

В этой гипотезе, **Бог** тоже **необходим** — может-быть даже необходим еще более — и Его вмешательство остается решающим, хотя и представляется более отдаленным; действительно, если жизнь появилась из материи, то это значит, что Бог вложил в материю возможность, в силу которой она, будучи предоставленной самой себе, при определенных условиях своего строения, температуры и пр., могла оживиться.

Таким образом, с научной точки зрения не невозможно, что ученые, исходя из мертвой материи, когда-нибудь добьются создания жизни в лаборатории. Но и тогда эта жизнь будет создана не ими; они только откроют закон, установленный Богом, согласно которому неживая материя может, при известных условиях, произвести живую клетку, способную питаться и развиваться. (*)

Б. — ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ ДО ЧЕЛОВЕКА.

Но как объяснить происхождение множества видов, растительных и животных, нас окружающих? Как объяснить, что некоторых из этих видов не было в доисторические времена и что им предшествовали другие виды, исчезнувшие? Как объяснить некоторые черты сходства между различными видами и некоторые изменения, совершившиеся с течением времени у большинства из них? Как объяснить, что строение живых существ с течением времени становилось все более сложным?

Следует-ли предполагать каждый раз **особое** вмешательство Божие, или-же существуют законы, управляющие появлением, развитием и исчезновением видов?

(*) Существует точка зрения геолога академика петроградского университета В. И. Вернадского (он впервые применил к процессам совершающимся в земной коре и к определению геологических возрастов метод радиографии). Он — автор блестящей книги „Биосфера”, (на франц. яз.) в которой он утверждает, что безжизненных периодов — лишенных организованных существ — не было в жизни вселенной.

1. Данные науки.

Чтобы объяснить монгочисленные факты, зарегистрированные палеонтологией, сравнительной анатомией, эмбриологией, биологией и т.д., ученые прибегают к **эволюционной гипотезе**, согласно которой различные виды живых существ произошли одни от других, следуя различным законам и под влиянием различных условий, которые остается определить.

Действительно ученые установили, и наблюдают еще и теперь, факты **появления** новых разновидностей внутри одного и того-же вида.

Хотя до сих пор и не было случая, когда можно было-бы наблюдать возникновение одного вида из другого, эти ученые прибегают к гипотезе общности происхождения и родства между существующими видами живых существ.

Нет сомнения, что тут еще остается разрешить очень серьезные вопросы, в особенности о том, **по каким законам и под какими влияниями** происходило в прошлом видоизменение живых существ.

На эту тему были разработаны различные гипотезы, как **ламаркизм, дарвинизм, мутационная теория и гетерогенез**(*, представляющий комбинацию предыдущих теорий (чередование скачкообразных и длительных эволюционных моментов), но они оказываются недостаточными для объяснения всех установленных фактов. Ученые продолжают искать. В настоящее время многие из них отказываются от гипотезы эволюции и принимают теорию первоначальной множественности видов.

Как-бы то ни было, посмотрим, несовместима-ли вера с эволюционной гипотезой.

2. Данные веры.

И тут вера опять не говорит **ничего** о законах, управляющих появлением и исчезновением видов живых существ, стоящих ниже человека. И невозможно понять, как открытие этих законов могло-бы повлиять на наше жизненное поведение !

Вера говорит только, что Бог создал все; она не говорит, какими **средствами** Бог вызвал к бытию тот или иной вид.

Ясно совершенно, что для передачи жизни Бог применяет посредников. Для примера, Он не творит непосредственно котен-

(*) Эта теория предложена проф. биологии Каржинским в книге **Гетерогенез**, изданной в Москве.

ка. Однако, о Нем говорят, и это верно, что Он — творец и котенка.

А если это так, если Он дает кошке возможность производить на свет котят, то почему-бы Он не наделил различные виды возможностью передать жизнь другим, новым видам? Дело Творца этим не умалялось-бы никак; наоборот, оно от этого представлялось-бы еще более поразительным.

Таким образом, вера без всякого труда уживается с эволюционной гипотезой, которой она и не утверждает, и не отвергает, потому-что не имеет на этот счет никакого откровения от Бога.

Нет надобности подчеркивать, что между понятиями **творения** и **эволюции** нет противоречия; эволюция есть изменение состояния предмета уже существующего, который может быть сотворенным.

Таким образом, те, кто хлопочут о теории эволюции для того, чтобы отвергнуть Бога за ненадобностью, напрасно стараются. В этой теории, Бог необходим еще более, чтобы объяснить точность и мудрость, управляющие эволюцией.

Интересно отметить лишний раз, что уже **с первых веков христианства** знаменитейшие церковные авторы, без всякого сомнения верные церковному учению, истолковывали библейские рассказы с такою свободой, которой и теперь было-бы более, чем достаточно, чтобы допустить теорию эволюции и многое другое.

С первого творческого импульса, все вещи существовали в своей заданности, как-бы некоторой оплодотворяющей силой, внедренной в мироздание для рождения всех вещей; но ни одна не имела еще отдельного и действительного бытия.

(Св. Григорий Нисский, Патрология Миня, т.49, столбец 72)

Я думаю, что Бог, в начале, сотворил сразу все существа, одних действительно, других в их первоосновах... Подобно тому, как в зерне невидимо содержится все, что должно со временем развиться в дерево, так следует нам представлять себе, что и мир, в момент, когда Бог одновременно сотворил все вещи, contained в себе все вещи, которые земля произвела, как возможности и как причины, прежде, чем они развились во времени такими, какими их знаем мы.

(Блаж. Августин)

В итоге, верующий, если только он достаточно ясно представляет себе веру, не испытывает никаких затруднений, чтобы допустить гипотезу эволюции, при том лишь условии, что речь идет о **научной** гипотезе, а не о заумном философствовании, старающемся доказать, что можно обходиться без Бога, будто-бы ненужного для объяснения мироздания.

ГЛАВА IV

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Переходя к вопросу о нас, о **человечестве**, — следует-ли думать, что и мы, как растения и как животные, являемся **детьми эволюции**, или нужно признать, что Бог создал нас целиком и непосредственно ?

Своею способностью изобретать, мыслить, помнить и развиваться человек настолько отличается от ниже стоящих живых существ, что особое вмешательство Творца представляется здесь наиболее вероятным.

Обратимся опять к данным науки и веры.

1. Данные науки.

а) Открытие нескольких человеческих ископаемых побудило ученых распространить гипотезу эволюции на **тело человека**.

Действительно, ясно, что эти ископаемые принадлежат к типам органического строения, промежуточным между человеком и обезьяной.

А так-как наука предъявляемые ей факты стремится объяснить **материальными** причинами, то для ученых естественно сделать из этого вывод о родстве и об эволюции.

Но если гипотеза эволюции представляется твердо установленной, то теорий, старающихся объяснить эволюцию, существует несколько.

Факты, относящиеся к последствиям эволюции, известны в таком количестве, что некоторые авторы сочли возможным утверждать, что сама эволюция есть факт. Соображение методологического порядка не разрешает нам разделить это мнение. Факт должен быть установлен прямым наблюдением или опытом. А в вопросе превращения видов такое прямое доказательство невозможно.

Эволюция, следовательно, есть только чрезвычайно правдоподобная гипотеза, которая поддается проверке в своих многочисленных последствиях и может быть отвергнута только в том случае, если ее заменить другой гипотезой, по меньшей мере столь-же правдоподобной...

Если эволюционная гипотеза обладает той высшей степенью достоверности, которой научная гипотеза только может достичь, настолько, что можно было-бы даже говорить об историческом факте, дело обстоит совсем иначе с теориями, стремящимися эволюцию объяснить.

(Г. Ванденбрук, профессор Лувэнского университета, «Энциклика «Humani Generis» и естественные науки»).

б) Произошло-ли теперешнее человечество от **одного существа** или от нескольких пар, появившихся независимо друг от друга? Факты, установленные до сего дня, не делают ни ту, ни другую гипотезу обязательной для ученых. Чтобы решить этот вопрос, можно представить себе только один способ : разыскать эту пару или пары и — их спросить ! Таким образом, можно сказать, что эта проблема научно неразрешима : гипотеза, принимаемая тем или другим ученым, неизбежно остается только гипотезой.

в) Что касается наличия в нас **не материального начала**, которое мы называем **душой**, то экспериментальная наука, занимающаяся изысканием только **материальных** причин, отвечает весьма мудро, что этот вопрос — вне ее компетенции; она его предоставляет философии. Этот вопрос ставится, как для наших предков, так и для нас, поэтому мы разберем его в отдельной главе.

Ученый, принимающий эволюцию, утверждает по существу наличие, в плоскости чувственных явлений, подлинной преемственной связи между человеческим телом и ниже стоящими формами жизни. Научного исследования не касается вопрос, появилась-ли, при переходе к человеческому состоянию, духовная душа как результат мета-эмпирического действия одного Бога, подобно тому, как антропология, изучая последствия смешения различных человеческих типов, не занимается вопросом, откуда происходят души этих людей. Эта проблема начинает ставиться тогда, когда ученый, оставляя область фактов и научных гипотез, пытается создать философский синтез.
(о.Л. Ренварт, комментарии к Энциклике)

2. Данные веры.

Вот, вкратце, церковное учение о происхождении и природе человека :

а) Все теперешнее человечество произошло целиком **от одной единственной пары(*)** (значение этого догмата для церковного учения мы увидим ниже, когда будем говорить о первородном грехе).

(*) Не забудем, что согласно библейскому повествованию до первочеты существует Адам, человеческое существо андрогинного типа, где сам термин Адам - Кадмон по-еврейски и согласно древнейшим талмудическим комментариям означает : всеединое человечество.

б) Человек состоит из материального элемента — **тела** и духовного элемента — **души**.

в) **Душа** не может возникнуть путем превращения материи, мертвой или живой; она **непосредственно сотворена Богом**.

По этим трем пунктам, никакого конфликта между наукой и верой не может возникнуть, согласно тому, что мы говорили выше.

г) Что касается тела, свое существование и свой образ оно получило от Бога. Но вера не учит ничему определенному о том, получило-ли оно их **непосредственно** или **через посредство** каких-либо ранее существовавших живых существ.

Церковь не воспрещает учение об эволюции, поскольку оно исследует, было-ли человеческое тело образовано из ранее существовавшей живой материи, ... подвергать исследованию и обсуждению учеными того и другого направления.

(Папа Пий XII, энциклика «*Humani Generis*» 1950).

3. Библейский рассказ.

Читатель, естественно, вспоминает двойной рассказ Библии о сотворении человека.

Вот основное место второго из этих рассказов :

И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.

(Бытие II,7)

Бросается в глаза чисто антропоморфическая трактовка этого рассказа, что и свидетельствует лишний раз о народном характере этих страниц Ветхого Завета (1). Ясно, что этот текст нельзя принимать буквально.

Глиняная статуя, вылепленная по подобию человека и затем оживленная дуновением Творца, вряд-ли еще находит сегодня сторонников. Уже Блаж. Августин, именно по поводу такого буквального и слишком грубого толкования текста, содержащего множество символических выражений, советовал христианам его времени остерегаться и не принимать на веру того, что у неверующих вызывает смех.

(Де Синети, статья „Трансформизм” в „Апологетическом словаре католической веры” т. IV)

(1) Вопрос о ребре Адама особо прославился! „Мы склонны думать, что речь идет скорее об одной стороне мужчины... Цель рассказчика — показать, что женщина возникла из костей и плоти человека... Представление о женщине, образованной из половины мужчины, встречается, помимо „Книги Бытия”, и в других литературных произведениях”.

(о.Г. Ламбер, Комментарии к Энциклике «*Humani generis*»)

Согласно этому тексту, Бог творит человека по образу Своему, т.е. делает его духовным существом, наделенным разумом и волей, и для этого вселяет в него жизненное начало, которое есть **душа**.

Что касается **тела**, стоит отметить, что по этому библейскому рассказу, даже, если его брать буквально, Бог не сотворил — не создал из ничего — это человеческое тело, а использовал „прах земли”, т.е. нечто, сотворенное ранее.

Таким образом, этот рассказ не утверждает, что тело первого человека было сотворено в настоящем смысле этого слова; напротив, он говорит, что Бог использовал материю, существовавшую ранее, и не уточняет характера этой материи.

Тем самым, библейский текст вполне оставляет место для эволюционной теории, согласно которой тело представляет собою, именно, результат превращений ранее существовавшей материи.

Поэтому и большинство **современных богословов** сочувственно относятся к этой научной гипотезе, которую энциклика папы Пия XII официально разрешила принимать с некоторыми оговорками.

При этом они считают единогласно, что вмешательство Бога имело место, или путем управления эволюцией, или непосредственно, чтобы приспособить тело к душе, которую Бог в него вселил.

В этой области науки, как и в стольких других, католическая Церковь насчитывает многих своих представителей среди наиболее известных палеонтологов; упомянем, как примеры, о.П. Тельярда де Шарден, аббатов Брей, А. и Ж. Буисони. Не доказывает-ли это, что Церковь не боится научных открытий?

Ученые могут продолжать свои исследования; когда им удастся устанавливать несомненные факты, они могут быть уверены, что настоящего противоречия не возникнет между их открытиями и теми истинами, которые с точки зрения веры составляют откровение Божие.

ГЛАВА V

ПРИЗВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Сейчас не будем говорить о том, что Бог призвал человека к сверхестественной жизни, и предположим, что человек сотворен только с тем, что требуется для его естества.

Благодать не упраздняет естества, а возвышает его и облагораживает; поэтому, то, что мы скажем здесь о призвании человека в естественном порядке вещей, останется полностью верным и тогда, когда мы будем говорить о его возвышении на сверхестественный уровень.

Для человека естественно :

- 1) Все, что присуще его сотворенной природе (телу и душе);
 - 2) Все, что вытекает, как следствие, из этой сотворенной природы, из ее сил, способностей, потребностей и свойств;
 - 3) Равным образом, цели и обязанности, усилия и стремления, которые соответствуют этим сотворенным силам, а также те средства, при помощи которых эти цели достигаются.
- (Бартманн, „Очерк догматического богословия”, т.1, стр. 310)

Каково-же, в чисто естественном порядке, призвание человека на земле ?

Христианский ответ : знать Бога, любить Его и служить Ему. Будущая жизнь человека окажется счастливой или несчастной в зависимости от того, как он выполнил свою задачу на земле.

Эта задача не является обязательством, наложенным на него извне; она ему диктуется естественным и инстинктивным стремлением всего его существа.

Уточним, в чем она заключается :

1. Знать Бога.

Прежде всего, человек должен весь свой разум использовать для того, чтобы, на основании простого созерцания чудес природы, **утверждать существование Творца.**

Таково, повторяем, инстинктивное и естественное стремление человеческого разума, ищущего полноту бытия.

Насколько это ему позволяют его собственные возможности, он будет стремиться точнее представить себе природу этого Верховного Существа.

Но — как уже сказано выше — он не может в этом познании продвинуться очень далеко и поэтому он, естественно, будет стремиться получить от Самого Бога **дальнейшие сведения**.

2. Любить Бога.

Из знания Бога должно рождаться в сердце человека **чувство любви и поклонения**, которое он будет выражать **личной молитвой** и — поскольку он живет в обществе — **общественным культом**.

Следуя своей совести — о которой речь будет ниже — он будет стараться **жить соответственно прагилам морали**, продиктованным ему его природой и имеющим свой источник в Боге.

Сознавая Бога источником всякого блага и бесконечным совершенством, он ощутит **желание**, впрочем неясное и беспомощное, видеть Бога, **владеть** Им, таким, каков Он есть, и благодаря этому любить Его больше.

3. Служить Богу.

Не то, чтобы Бог нуждался в человеке. Очевидно, что Он не нуждается ни в чем; Его блаженство не может быть ни увеличено, ни уменьшено.

Поэтому служение Богу не может быть сравнено со службой слуги хозяину; но это означает, что человек призван к **сотрудничеству с Богом в Его творческом деле**, которое человек должен завершать.

Дело в том, что, сколь это ни кажется неожиданным, творение Божие не завершено; земля представляет собою „незаконченную симфонию”, притом по воле Самого Творца.

Если-бы Бог хотел делать все, Он должен был-бы Сам строить дома, выделывать столы, электрические лампочки, обувь, очки, детские коляски . . .

Должен был-бы печь хлеб, выдавать мясо в мясных, готовить еду . . .

Должен был-бы даже разжевывать пищу и ее переваривать . .

Он должен был-бы упразднить всякий рост, всякое дыхание, всякое перемещение, всякое движение.

Мир был-бы неподвижным, безмолвным, замерзшим.

Бог все устроил лучше, поставив нас в мир лишь **наполовину законченный**, предназначив нам завершить Его дело !

Как мать любит, чтобы дети помогали ей накрывать на стол, так Бог по Своей воле привлек людей к участию в Его творческом деле и для этого оставил его незаконченным, предоставляя людям продолжать Его творческий акт и обещая им награду по их труду.

Иными словами, Бог подверг людей этому испытанию — вместе с Ним завершить Его творение — для того именно, чтобы они могли проявить свою любовь к Нему в ответ на Его любовь.

На Божием строительстве, роль человека двойная :

а) он должен внутри себя самого продолжать дело творения.

Он должен **освоить таланты, полученные им от Бога**, развивать свое тело, расширять свои знания, все более согласовать свою жизнь с велениями совести, прогрессивно и гармонично развивать свою личность, **стать совершенным**, как совершен Бог.

Он — плодородная почва, богатая скрытыми энергиями, которые Бог в него вложил. Его призвание — не заглушать эти энергии, а в полной мере раскрыть их, освободить эти жизненные силы, гармонически развить свои возможности, — физические, умственные, художественные, нравственные.

Как скульптор из бесформенной глины создает высокое произведение искусства, так должен он работать над своим существом, чтобы осуществить тот прекрасный тип человека, которым он должен стать согласно Божией воле.

б) Он должен **вокруг себя** продолжать дело творения.

Он должен постепенно овладевать материей, **освоить богатства земли и ее недра**, управлять стихиями, извлекая из них больше пользы, чтобы окружающий мир содействовал его возвышению и сам возвышался-бы вместе с ним.

Таким образом, под этим углом зрения **всякий честный труд** продолжает дело Божие и одухотворяет материя,

будь то игра фокусника, забавляющего ребят,

или скромный труд матери, готовящей обед и штопающей носки,

или работа инженера, заставляющего силы природы служить благу человечества.

Каждый раз, материя приобретает большую ценность, получает отпечаток духа и становится более пригодной служить нашему временному и вечному благу. Груда камней и железа превращается в дом или в храм; из грубого куска дерева появляется рукоятка инструмента, письменный стол или пропеллер самолета;

с ничтожным количеством красок, художник создает картину, восхищающую взор и возвышающую душу.

Тем самым, завершая дело Божие вокруг себя и внутри себя человек служит Богу. Созданный по образу Божию, человек призван быть, в известной мере, творцом, хозяином, организатором.

Мир есть предприятие Божие для творения творцов, для того, чтобы приобщить к Себе существа, достойные Его любви.

(Анри Бергсон, „ Два источника морали и религии ”).

Вследствие этого, вся человеческая деятельность подчиняется двум законам :

а) **Закону труда.** Человек должен трудиться, он по существу — рабочий на стройках мира.

б) **Закону прогресса.** Человек находится на земле для того, чтобы совершенствовать дело Божие. Поэтому он должен сочувствовать всякому подлинному прогрессу, в любой области.

Подчеркиваем : всякому **подлинному** прогрессу. Не всякий прогресс бывает подлинным : вместо того, чтобы овладевать материей, человек современного мира приковывает себя к ней и слишком часто становится ее рабом.

Появилось стремление производить как можно больше, под предлогом сделать доступной для всех ту личину счастья, которая называется комфортом... Стремясь только иметь, человек перестал понимать, что значит быть. Таковы оковы, налагаемые материальным благополучием... В оупляющем заводском труде или в размягчающем комфорте, что стало с человеческой личностью ?

(Д. Перро, „ Стиль человека ”)

Подлинный прогресс должен быть не суетным блеском технического прогресса, но существенным улучшением человечества в области морали и права. (Папа Пий XII, речь 21 ноября 1946 г.)

Но принцип неизменен : человек находится на земле для того, чтобы работать на дело прогресса. Застой в какой-бы то ни было области — материальной, научной, технической, моральной — противен Божиему плану.

Тем самым, человек, принимающий христианское учение, должен быть сторонником **прогресса.**

4. Служить себе самому.

Уже из сказанного ясно : **служба Богу**, т.е. сотрудничая в завершении дела Божества, **человек, в конечном итоге, служит своему собственному делу, своим собственным интересам.**

Всякое человеческое существо, каково-бы оно ни было, **неизбежно стремится соблюдать свои интересы**; это верно и для монахини, посвятившей свою жизнь уходу за больными, и для богача, тайно от всех жертвующего на бедных : он, надо думать, ищет для себя удовлетворения в том, что своим богатством он приносит радость другим людям; она ищет только славы Божией, но при этом находит для себя утешение в том, что облегчает чужие страдания и во всяком случае приобретает для себя „сокровище на небе”.

Конечно, в разговорной речи говорят, что человек „не заботится о своих интересах”, если он не ищет ни материальной выгоды, ни одобрения других людей. Очевидно, что бывают человеческие действия, которые, в этом смысле, не продиктованы „собственными интересами”.

Мораль, утверждающая, что она не признает личной заинтересованности, философски незащитима, а психологически бесчеловечна. Ее „незаинтересованность” в том, что из счастья она делает не цель, а только результат.

(о.Ж. Леклер, „Жизнь в монашеской общине”)

В действительности, **заинтересованности нет** только у Бога, иными словами, Он один не имеет никакой выгоды от Своего дела и от человеческого труда. Никакого „собственного интереса” в творении Он не имеет.

Для Бога, никакого лишения, никакого страдания, никакого ущербления Его славы не может проистечь оттого, что человек отказывается с Ним сотрудничать; Бог неизменен, бесконечно блажен и совершен. (*)

Но всякое человеческое упущение сказывается **вне Бога**, в самом творении.

В конечном итоге, человеческая деятельность самому человеку и пойдет во вред или на пользу.

5. Служить другим.

Отец, когда дает бедному, часто говорит своим детям, чтоб деньги передали они : этим он их приобщает к своему доброму делу.

(*) Несомненно в такой точке зрения есть своя правда, принимая во внимание не могущую быть ничем ущербленной полноту божественных совершенств. Но уже факт, что Бог сорадуется и сострадает человеку, что Он из любви и сострадания к падшему человеку не пожалел Сына Своего Единородного : так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного — показывает, что Богу свойственны те же духовно-душевные состояния, которые переживал и Сын Человеческий — Сын Божий.

Бог действует так-же : он каждому человеку дает те или другие „ таланты ”, с обязательством, предварительно развив их, поставить их в распоряжение других людей.

Бог не бережет эгоистически для Себя одного могущество, великодушие и щедрость : Он дал нам **возможность быть**, как Он, **добрыми и могущественными**.

Одному Он дал ловкие руки, чтобы обрабатывать дерево, железо или шерсть и производить то, что необходимо не только ему самому, но и другим людям.

Другому Он дал ум, чтобы открывать новые богатства природы и ставить их в распоряжение ближних.

Третий получил от Него способности к музыке; четвертый, дар слова; пятый, способность сажать деревья и умело выращивать их, и т. д.

Таким образом, человек — не полновластный хозяин того, что он получил; он — **носитель** некоторой частицы тех благ, которые Бог предназначил человечеству. Он — только **посредник**, как ребенок, передающий помощь от отца, и он будет награжден в той мере, в какой он выполнит порученное ему дело любви и взаимопомощи.

Это означает, что человечество задумано Богом не как множество отдельных людей, из которых каждый работает для себя, а как **великая семья**, где каждый должен стараться, в подражание Богу и в меру своих дарований, увеличивать счастье других.

Таким образом, люди призваны к **единству** не только со своим Творцом — предлагающим им такую близость с Собою, степень которой мы увидим потом, — но и к единству **между собою**. Закон **любви**, определяющий отношения между человеком и Богом, должен также господствовать в отношениях между людьми.

Чтобы созданные им существа не замыкались в самих себе и не обособлялись, Бог сделал их нуждающимися во взаимной поддержке, тем, что... **неравно распределил Свои дары !**

Таков **очевидный факт**, ежедневно наблюдаемый: различные люди не получили одни и те-же дары.

Не будем говорить об одном только экономическом неравенстве, отличающем богатых от бедных — мы увидим в дальнейшем, что это неравенство создано главным образом самими людьми; но остановимся на неравенстве здоровья, физических сил, умственных способностей, возраста и т.д.

Отметим прежде всего, что **это неравенство сохранится всегда**, в той или иной форме, какие-бы усилия ни прилагались людьми для уравнивания жизненных условий для всех.

Причина этого проста : законом мира сделал это неравенство **Сам Бог**, так-же точно, как Он подчинил материальные тела закону всемирного тяготения.

Остается объяснить заложенный в этом **Божий план**.

Можно, конечно, заметить, что **Бог властен над Своими дарами** и распределяет их, как Ему угодно. Если Он дал моему соседу больше, чем мне ,то это не дает мне оснований обвинять Его в несправедливости, потому-что Он мне не обязан вообще ни в чем, а несправедливость означает нарушение существующего права. Однако, этот ответ как-бы предполагает у Бога некоторый произвол. . .

Можно, конечно, добавить, что **человеческая жизнь**, а вместе с тем и **прогресс, не были-бы возможны** без этого неравенства, как очень остроумно отметил о. Дюплесси :

„ Всем поровну богатство ” означает „ всем поровну бедность ”, потому-что в обществе существуют скромные, но необходимые задачи, которых в случае общего равенства никто не захочет выполнять, а без их выполнения жизнь станет скудной для всех.

Пример : попытайтесь при системе „ равенства ” поехать из Парижа в Марсель. Вы хотите ехать по железной дороге, — но кто даст себе труд ее строить ? Кто даст себе труд строить вагоны ? Предположим, однако, что железная дорога уже существует. В поезде нужны кочегар, механик, смазчик колес и т.д. Кто станет выполнять их работу ? Вы скажете, что поезд поведет самый умный. Но мы предположили, что живем при системе равенства, где никто не „ умнее ” других. Остается вести поезд каждому поочередно. Хорошо, — но тогда сколько-же раз придется ездить кочегаром, механиком и т.д. прежде, чем один раз поехать пассажиром ?

(Э. Дюплесси, „ Апологетика ”, т.1)

Но вот в чем основная и глубокая причина : это неравенство угодно Богу, потому-что благодаря ему люди могут давать, как дает Бог, и тем самым могут участвовать в Его деле любви.

Разве не это неравенство лежит в основе всеобъемлющей заботы матери о ее ребенке ?

Разве не это неравенство дает возможность шахтеру оказывать услугу себе подобным ?

Разве не благодаря ему люди могут работать с самоотвержением, на всевозможные лады, будь то как механики или инженеры, как клоуны или художники, как счетоводы или продавцы газет ?

В плане Божиим это **неравенство не безысходно** : способности каждого принадлежат всему обществу. Каждый Божий дар, полученный одним человеком, должен служить благу других : умный должен просвещать неученого; здоровый ходить за больным; взрослый помогать ребенку; богатый поддержи-

вать бедного : булочник давать сапожнику, сапожник врачу, врач мельнику, мельник булочнику, каждый по своим способностям. Дело обстоит так-же с различными народами, призванными один другому помогать.

Никто на земле не бывает до такой степени **обеспечен** всем, чтоб не нуждаться в своем ближнем;

никто не бывает до такой степени **лишен** всего, чтоб не быть в состоянии приносить пользу обществу.

Даже страдание — мы это покажем в дальнейшем — есть богатство, которое может служить благу других.

А поскольку это так, то неравенство, которое Бог как будто-бы внес в распределение Своих даров, исправляется восстанавливающим равновесие **естественным** законом :

это — **закон любви**, иными словами, **закон служения другим**, повелевающий каждому ставить свои дарования в распоряжение ближнего.

В дереве есть порядок, хотя его корни отличаются от ветвей.
(Сент-Эгзюпери, „ Военный пилот ”)

Очевидно, что без этих братских связей не было-бы ничего, кроме недовольства, вражды, зависти и анархии, — что и подтверждается опытом современного мира !

6. Служить свободно.

Бог, как мы видели, поставил человеку задачу : обеспечить свое счастье, временное и вечное, обеспечивая в то-же время счастье других.

Он призывает человека завершить Его дело любви, Его творение. Но любовь невозможна без свободы. Вот почему Бог не подчинил человека слепым законам, установленным Им для материальных существ; свое призвание человек может выполнить только свободно.

Абсолютно свободно отдав Себя Самого, Бог ждет свободной самоотдачи от человека.
(И. де Моншей, „ Строить ”, IX)

Любовь может обращаться только к свободным существам. Ни при каких условиях мы не можем вообразить себя строящими усовершенствованный автомат, который стал-бы повторять : „ Я тебя люблю ! ” Только одна любовь нам ценна : та, которую нам дает свободное существо; мы совершенно не ценим знаки внимания со стороны слишком заинтересованного подчиненного.

Все материальное творение, как и мир растительный и животный, были для Бога только прологом и Бог воплотился в свободном человеке, чтобы всю Вселенную, в порыве сыновней преданности, соединить с ее Источником. Человек „ свободный ”, это значит — способный сказать : Нет.

(А. Жоли, „ Дивный риск веры ”)

С того момента, что Бог создал свободное существо, **явилась возможность греха**. Чтобы этой возможности не было, нужно было-бы лишить это существо данной ему Богом свободы и тем самым обратить его в состояние животного, действующего по инстинкту.

Бог не есть причина греха. Если отец дал сыну денежную сумму для самостоятельной жизни и если сын эти деньги, вопреки воле отца, использовал плохо, то ответственность за это нельзя возлагать на отца.

Бог дает нам жизнь, разум, волю и другие дары, чтобы мы делали наше дело, как свободные личности подобно Ему самому. Нельзя возлагать ответственность на Него, если мы плохо используем то, что Он нам дал. Ни в какой мере Он не хочет зла; но препятствовать этому злу Он мог-бы только, отказавшись от Своего замысла и лишив нас подлинно человеческой жизни.

Само собою разумеется, что Бог, будучи верховным Добром, не может участвовать в лукавosti наших действий. Это легче понять на примере, взятом из естественной жизни. Душа принимает участие во всех действиях тела. Но в движении ноги у хромого присутствуют два момента : само движение и его неисправность. Душа содействует движению, но не его недостатку, который происходит только от тела. (Дюпlessи, „Апологетика”, 1)

Таким образом, грех происходит от **человеческой инициативы**; грех это — отказ сотрудничать с Богом, в том или ином определенном случае.

Грех влечет за собой неизбежные последствия : он вносит расстройство в дело Божие, а так-как творение служит единственно благу человека, то грех неумолимо падает бременем на человека и на ему подобных.

Все зло, которое мы теперь наблюдаем вокруг нас, происходит от человеческого греха, и только от него.

Почему он часто вызывает страдания невинных, мы скажем ниже.

Заключение.

Итак, призвание человека : знать Бога, любить Его и служить Ему.

Служить Ему, это значит служить самому себе и служить ближнему.

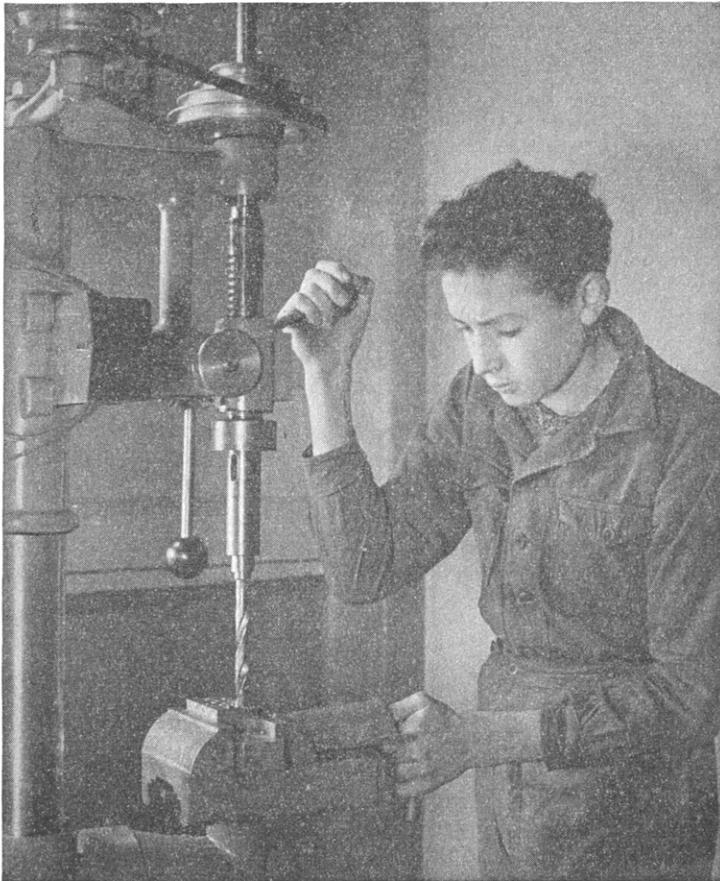
Это не три различных призвания. Нет : служить Богу значит служить ближнему; служить ближнему значит обеспечивать свое собственное счастье, временное и вечное; искать своего счастья значит служить Богу и обеспечивать счастье ближнего.

Поступая так, человек придерживается порядка вещей и в нем развивается; он живет согласно своей природе; он свободно

развивает свою личность и обеспечивает себе вечное блаженство.

Если хочешь идти путем, ведущим к успеху, т.е. к счастью, не только остерегайся скверных шутников, какими являются безбожники, но поставь свою религию в основу своей жизни... Что необходимо, я тебе скажу: прежде всего, признавать, что есть Бог. Затем, исполнять Его волю и как можно лучше использовать жизнь, которую Он нам дал, а в это входит в особенности любовь к ближнему. Вот настоящая вера, т.е. то, что вспоминают не только в воскресенье, и что претворяют в жизнь каждый момент, в любых состояниях текущего существования.

(Бэден-Поуелл, „Путь к успеху”)

Творение Божие не завершено; человек призван сотрудничать с Богом в Его творческом деле.

ГЛАВА VI

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА.

Бог нас сотворил; но в чем состоит наша природа?

Это нам предстоит рассмотреть более подробно; в самом деле, если мы хотим дать нашей жизни то направление, которое указано выше, нам необходимо выяснить главные силы, действующие в нас, и установить их равнодействующую;

нам необходимо составить карту течений, ежедневно уносящих нас то в одном, то в другом направлении, объяснить, какие вихри нас нередко захватывают, установить, в каких лабиринтах блуждает порой наша деятельность.

Потому-что великая боль человека заключается в том, что он смутно ощущает богатство своего существа и в то-же время не может вполне овладеть своими активными силами.

Имя мое легион; потому-что я не один, я не составляю единства; я — несколько, я — смутное и подвижное множество, странная анархия противоречивых стремлений, бессмысленное скопище лиц, толкающихся, друг друга вытесняющих и стремящихся каждое мной овладеть”.
(П. Шарль, „Ежечасная молитва”)

Что я? Психологически, расплавленная масса; морально, переплетение противоположных влияний. Однако, я чувствую себя нераздельным. Что это за тайна?

(Сертильянж, „Духовное сосредоточение”)

Приходится, действительно, признаться, что после столетий исследований человек для самого себя остается тайной : не только он не вполне владеет многообразными возможностями своей природы; но он и знает их едва.

Если врачи, как Каррель, становились в тупик перед загадкой физической жизни и признавали свое неведение, говоря о „Человеке — этом неизвестном”, то что сказать о психологах и философах, изучающих изумительную область, в которой действует дух?

Попытаемся все-же определить более точно нашу таинственную природу.

1. Наша оригинальность.

Важно подчеркнуть прежде всего, что мы характеризуемся, как существа, состоящие из плоти и духа, как взаимодействующая тела и души.

Что у нас есть **тело**, — очевидно (1).

Что у нас есть **душа**, — в этом, казалось-бы, можно убедиться путем даже небольшого размышления :

мы действительно, ограничены во времени (мы живем в XX веке, а не в XV) и в пространстве (наше место на планете измеряется несколькими десятками кубических дециметров, которые занимает наше тело);

однако, мы имеем поразительную **способность покидать** тесную тюрьму нашего тела и прорываться через преграды времени;

нам удается уйти вдаль, переноситься в веках и в пространстве, причем наше тело не останавливает нас и не следует за нами.

Эту способность выйти, так странно противоречащую скромным возможностям нашего тела, приходится приписать другому элементу нашего существа, который мы называем душой.

С другой стороны, мы томимся **потребностью в бесконечном**, которая также противоречит ограниченности, приковывающей нашу жизнь к определенному месту и к определенной эпохе.

Ничто материальное нас не удовлетворяет вполне; когда мы получаем то, что хотели приобрести, оно нас не насыщает. Мы ищем дальше и выше того, что может нам дать материальный мир.

Животное, когда насытилось, довольноно; а мы — нет. Лев разрывает свою жертву и спит. Человек бодрствует.

Опять это можно объяснить только присутствием в нас нематериального элемента , стремящегося к нематериальному благу, т. е. души.

(1) В последующем изложении, мы рассматриваем тело не только под углом зрения физики и химии, но и со всеми его растительными и животными реакциями, относя к душе только чисто духовную деятельность. В понятие тела таким образом входит чувственность.

Следовательно, оригинальность нашего существа, выделяющая его одного среди всех других существ, заключается в том, что оно **составлено** из двух, по всей видимости противоречивых, элементов.

Человек — ни ангел, ни зверь; ни животное, ни чистый разум; он — „ разумное животное ”; мы можем безразлично определить самих себя как **одушевленная плоть** или **воплощенная душа**.

Эти два элемента в нас не статичны, не неподвижны : тело действует, душа действует, то и другая развиваются согласно своей особой направленности, причем тело укореняет нас в материальном мире, а душа возносит нас в высшие сферы.

Нетрудно понять, какие проблемы ставит это положение на рубеже двух миров, какие внутренние разрывы и какие конфликты оно порождает!

Знаете вы, почему человек самое страдальческое из всех созданий ? Потому-что он одной ногой стоит в конечном, а другой ногой в бесконечном и разрывается между мирами. (Ламменэ)

Все человеческие проблемы имеют свою основу в таинственном союзе плоти и духа. Этот слишком широк, та слишком узка. Объединяющая их совместная жизнь требует согласования. (Цундель, „ Исследование личности ”)

2. Наши заимствования.

Проблема осложняется еще более тем, что нам приходится все получать извне.

Дело в том, что приходится исходить из факта, весьма неприятного для нашей гордости : **человек** сам по себе — **существо жалкое**, может-быть самое жалкое из всех сотворенных существ. Предоставленный своим собственным средствам, он не располагает как-бы ничем.

Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на новорожденного. Невозможно представить себе ничего более жалкого ! Даже его орудия труда, его чувства, его ум, его воля, еле намечены. Бабочка вылезаящая из кокона, цыпленок разбивающий скорлупу по-другому приспособлены к жизни !

Человек выходит из своей нищеты тем, что все насущно ему необходимое он испрашивает вокруг себя, в обоих мирах, к которым он принадлежит одновременно, как дерево, укорененное в почве и простирающее в воздух свои ветви, все получает из земли и с неба.

Таким образом, мы живем **заимствованиями**, с первого момента нашего существования. Тут возникает серьезный вопрос :

эти постоянные заимствования не закабаляют-ли нас тем, у кого мы берем?

Рассмотрим положение вещей более подробно.

Заимствования из материального мира.

а) Материальный мир доставляет телу пищу, одежду, жилище, орудия, современный комфорт, которым мы себя окружаем, и пр.

Но мы сразу догадываемся : если человек не остерегается, он подвергается риску, через эти заимствования, слишком крепко стянуть связи, прикрепляющие его к земле; он может потерять свое превосходство над неодушевленными вещами, жертвуя ради них своим телом, своей мыслью, даже своей душой и во всяком случае своей свободой действия.

И действительно, нас сковывают ничтожные пустяки и из-за них мы становимся несчастными. Это можно наблюдать на каждом шагу :

Я прихожу в отчаяние, когда троллейбус не идет, когда у меня нет табака, когда жаркое плохо прожарено, когда карандаш перестает у меня писать в самый неудачный момент, когда младенец в соседней квартире начинает орать, точно его режут !

С этой точки зрения, материальный прогресс, как мы уже говорили, не всегда равносителен действительному прогрессу; слишком часто он, к сожалению, влечет за собой ослабление наших средств действия; он ослабляет остроту наших чувств (содействует-ли радио развитию музыкального чувства и вкуса, отучая человека, за ненадобностью, играть самому на каком-либо инструменте?); он размягчает характер (представьте себе подростка, сидящего в мягком кресле, в пижаме, в туфлях и с трубкой в зубах!); он притупляет память (печатные книги, бумага, на которой мы предусмотрительно заносим наши мысли и наши подсчеты, избавляют нас от усилия, необходимого, чтобы сохранять в себе то, что нас лично касается), усыпляет ум (другие думают за нас), развинчивает волю (мягкие воротнички, просторная одежда, страховка от всего!).

Таким образом, для нашего тела мы нуждаемся в материальном мире; но при этом мы ясно чувствуем : мы должны придерживаться некоторых правил умеренности, если хотим оставаться хозяевами самих себя и того немного, что мы имеем. Мы должны заимствовать в меру, высчитывать дозы, исправлять возникающие при этом привычки; должны следить за тем, чтобы нам не раствориться в материи.

б) Материальный мир необходим не только для того, чтобы обеспечить телу все насущно ему необходимое, но и для того, чтобы питать **жизнь духа**.

Действительно, наш разум пробуждается и начинает рассуждать при том только условии, что он получает сначала, при посредстве чувств, представление о внешнем мире. Только рассматривая вещи, улавливая звуки, прикасаясь к предметам, обоняя запахи, мы приводим в движение наш дух.

Дух все время собирает плоды в саду чувств! Он заимствует из материального мира сырье, которое он обработает в дальнейшем по-своему.

Представляем-ли мы себе все множество чувственных опытов, которые были необходимы ребенку, например, для того, чтобы научиться различать расстояние, перспективу, разнообразие красок, высоту звуков? Представляем-ли мы себе бесчисленные беспомощные попытки, через которые он прошел прежде, чем научился читать, писать, считать?

Прежде, чем дойти до сложных вычислений, математик должен был, как все, подбирать палочки и считать по пальцам; философ с трудом одолевал букварь; инженер в колыбели, как все дети, не отдавая себе отчета в перспективе и в расстоянии, пытался поймать электрическую лампочку, свет от которой возбуждал его интерес...

Таким образом, дух зависит от чувств. Ниже мы увидим, как необходимо контролировать чувства, если мы хотим оставаться хозяевами у самих себя.

Заимствования из духовного мира.

Хотя он и имеет свою исходную точку в чувственном мире, человеческий разум может выйти за пределы этого мира и — как мы говорили в одной из предыдущих глав — сделать вывод о существовании Верховного Существа, от которого зависит все; человек может вступить с Ним в общение, мыслию и молитвой, может даже желать всеми силами своего существа, чтобы это Верховное Существо ясно открыло ему смысл жизни и полнее открылось Само.

Но повторим : **знание** о Боге, которое составляет себе человек, неизбежно имеет **материальный отпечаток**; потому-что здесь мыслит не дух, а человек, состоящий из духа и материи.

Такова зависимость нашего духа от материи, что вся его деятельность, даже за пределами чисто материального мира, отмечена этой зависимостью.

Как мы говорили, этим и объясняется **антропоморфическая сторона**, которую мы придаем нашим представлениям о Боге. Вопреки возражениям духа, мы воображаем Его существом во плоти, с человеческим лицом, с руками сделавшими мир; мы Его представляем себе добрым и справедливым, как лучшего из людей; приписываем Ему память, желания, сожаления, как у людей; нам кажется, что для Него, как для нас, время делится на прошлое, настоящее и будущее; мы Его помещаем в определенном месте, на небе, и так далее.

Впрочем, если нам приходится примириться с тем, что мы не имеем никакого **чисто духовного** знания, необходимо также признать, что у нас нет и знаний **чисто материальных**; наши чувственные восприятия, как только они становятся сколь-нибудь сознательными, тем самым пропитываются мыслью; я вижу и чувствую не как животное, а как человек.

Нет для человека **ангельского** знания; нет для него и знания **животного** : есть знание **человеческое**, т. е. составленное из духовного и чувственного.

Так вырисовывается строение нашего существа : мы — создания сложные (1), составленные из материи и духа, призванные созидать свою личность путем заимствования материалов из двух весьма различных миров. Все двери открыты : в сторону материального мира — чувства; в сторону духовного мира — дух. Наше дело — со смыслом открывать эти двери, выбирать материалы, доставлять их к месту строительства и использовать их.

Человек — загадка. На рубеже двух миров, он, чтобы быть самим собою, нуждается в обоих. Земля и небо, время и вечность соприкасаются в нем. Он находится в той точке земной реальности, где сотворенное приобретает сознание своей хрупкости, познает своего Творца, пробуждается для Бога и приходит в готовность услышать призыв божественной любви.

(К. Адам, „Иисус Христос“)

Тогда медленно воздвигнется здание — наша личность, построить которую нам поручено Богом. Будет это храм или барак? В этом — тайна судьбы каждого из нас.

(1) На предыдущих страницах, контраст между телом и душой подчеркивался усиленно; в действительности, единство существует в сложном человеческом существе. Но мы сочли целесообразным здесь остановиться в особенности на его сложности, для ясности дальнейшего изложения.

3. О некоторых естественных особенностях нашего существа.

Из того, что наша природа составлена из материи и духа, мы можем сделать вывод, что человек **по природе** подвержен невежеству, страданию, смерти и похоти.

Конечно, Бог мог-бы Своим особым вмешательством, устранить эти язвы; но такое вмешательство должно было-бы оправдываться не нашей природой, а чем-то иным.

а) Прежде всего, мы рождаемся, неизбежно, в **неведении** даже самых элементарных вещей.

Мы видели, действительно, что человеческий разум свою исходную точку имеет в чувственных познаниях; а эти познания — не врожденные; они приобретаются опытом.

Таким образом, всякое человеческое знание начинается с неведения и только медленным развитием и постепенным усилением сначала наши чувства и затем наш дух пробуждаются, приспособляются и наполняются содержанием.

Таким образом, мы по природе невежественны.

Чтобы у человека были готовые идеи, без посредства деятельности чувств, без заимствований из внешнего мира, требовалось-бы особое вмешательство Божие, непосредственно порождающее их в человеческом сознании.

Для такого вмешательства, противоречащего естественным законам нашего существа, требовалось-бы, как мы уже говорили, определенное оправдание.

б) Помимо этого, человек по природе подвержен страданию; это — неизбежное последствие того обстоятельства, что он частично — материя.

Отметим во-первых, что в известном смысле **всякое сотворенное существо „страдает“**. Причина этого в том, что Бог полноту Своего бытия может сообщать только внутри божества (мы к этому вернемся, говоря о Пресвятой Троице).

В силу этого, всякое сотворенное существо неизбежно ограничено, как в своей природе, так и в своей деятельности, и можно сказать, что эта ограниченность бытия порождает, не лишение, но недостаток в чем-то, а следовательно порождает страдание в широком смысле этого слова.

Но человек, как и всякое существо, **вовлеченное в материальный мир**, подвержен еще и иному страданию, оттого, что он вынужден занимать определенное пространство, в мире трех измерений, среди других существ, имеющих такие-же потребности.

Вследствие этого, если другое материальное тело вытесняет его с занимаемого им места, он вынужден во что-бы то ни стало быстро найти другое место, где поместиться; в противном случае, неизбежными станут неприятные соприкосновения, столкновения и удары, причиняющие страдание!

Так происходит, когда от стены отваливается камень и ранит меня; когда расплавленный металл вытекает и меня обжигает; каждая вещь сохраняет свою природу и по своей природе требует места под солнцем!

Но этот контакт может быть и менее грубым, не обязательно становясь от этого менее болезненным : когда микроб поселяется в моем организме и живет за мой счет, когда меняется температура, когда какой-либо запах становится слишком сильным, и пр.

Весь мир действует на меня. Если я заперся в своей комнате, без всякого видимого контакта с внешним миром, достаточно одного радиоаппарата, улавливающего распространяющиеся в мире волны, чтобы они врываются в мою комнату; они могут принести мне плохую новость и тем самым причинить мне страдание !

Человеческое слово, передающее мысли и чувства других и их материализующее, также может утомлять меня или болезненно уязвлять; более того, отсутствие слова, когда оно означает безразличие или презрение, может причинить мне немалую боль !

Как существа материальные, мы должны, следовательно, примириться с тем, что живем среди других материальных существ, терпим их присутствие, их контакт, их воздействие на нас, их требования и, тем самым, **страдаем**.

И опять, чтобы оградить человека от действия других материальных существ, нужно было-бы особое вмешательство Божие, вне законов природы; но чтобы такое вмешательство совершить, Бог, очевидно, действовал-бы уже не на основании одной только природы человека, а из побуждений иного порядка.

в) **Смерть** тоже присуща падшей природе человека. Она означает разделение двух составных элементов нашей природы, происходящее, когда материальный элемент перестает быть пригодным орудием, выполняющим свое назначение, потому-что он оказывается серьезно поврежденным или изношенным.

Тело тогда разлагается и превращается опять в неорганическую материю.

Для существа, так образованного, смерть неизбежна; мы увидим, что она явилась также наказанием за совершенный человечеством первоначальный проступок.

Отметим и тут, что могущество Божие достаточно, чтобы воспрепятствовать этому разделению.

Такое вмешательство оправдывалось-бы не нашей природой, а Божиим планом, направленным к осуществлению некой цели, стоящей вне нас.

г) Человек, как мы уже повторяли не раз, подвержен различным и, как будто, противоречивым стремлениям. Особые потребности имеются у души и, с другой стороны, у тела. Которая часть должна подчиняться другой? И где осуществится синтез?

Очевидно, что он может осуществиться только в области души. Человек, действительно, мечтает лишь об абсолютном счастье, об абсолютной истине, об абсолютной красоте; а эта жажда бесконечного и эта способность к нему вносятся в человеческую жизнь душою. Тем самым только душа может найти, в своей собственной области, полноту того, чего ищет человек.

Но происходит следующее : чувственное существо пугается стремлений и потребностей души. Оно боится потерять свои права и поэтому старается, напрягая все свои инстинкты, заставить душу осуществлять в материальном мире единство сложного человеческого целого. Душа, если она здорова, противодействует этому; но тогда она подвергается соблазну превысить свои права.

Эта противоположность влечений, проявляющаяся тогда в нашем существе, и есть то, что называется **похотью**, которая столь-же присуща природе человека, как неведение и как страдание.

Таким образом, похоть, как и смерть, не есть, **в своей основе**, последствие первоначальной вины и тем более не означает неуспеха творения; она — закономерный результат сложности человеческого целого, **вполне естественное взаимодействие двух элементов**, хотя в конечных планах Творца оба эти элемента созданы для того, чтобы, развиваясь и сочетаясь гармонически, образовать человеческую личность.

Существует, во-первых, **похоть плотская**.

В разыгрывающемся конфликте, тело привлекает душу, соблазняет ее, очаровывает, волнует, обещает ей удовлетворить ее законные стремления, убеждает ее в том, что все, что она ищет, совсем близко и может быть немедленно найдено ею в материальном мире.

И душа часто поддается этому влечению, до того момента, когда сознавая ошибку, она очнется — если еще не поздно — и заставит тело подчиниться ей и следовать ей в ее устремлении к благам более высоким и более прочным.

Такова, например, ухватка **обжоры** : привлеченный хорошим убранством стола, он думает утолить не только голод, но и все

желания вообще, поедая больше, чем следует. Душа уступает, но скоро разочаровывается и наступает раскаяние, — что не помешает обжоре, когда опять представится случай, повторить ту-же повадку !

Та-же ухватка проявляется в **сладострастии**, жертвой которого становится человек, думающий найти счастье в неумеренном, безудержном уголении инстинктов, которые правильны по природе; он свою душу приковывает к плоти, пока душа не заметит, что надежды, вызываемые пороком, обманчивы, что плод, по виду прекрасный, горек и что тело никогда не удовлетворит ищущего человека.

В том-же положении находится тот, кто превращает в жизненную необходимость деньги, любимую женщину или просто табак, сосредотачивая на этом свои мысли, желания и всю свою деятельность : свое призвание к бесконечному он думает заполнить чувственными вещами.

Когда мы желаем замкнуть бесконечную потребность в конечных вещах, когда определенную вещь, или лицо человека, мы любим так, как если-бы они могли нам дать Бога, избранное нами убогое богатство всегда рассыпается у нас на глазах, и в руках у нас остается лишь немного праха.

(Ж. Муру, „ Христианский смысл человека ”)

Человек создан для того, чтобы найти свое счастье в Боге. Его разочарования, его оскомины должны ему доказать, что он идет по неверному пути, когда пытается в материальной области осуществить единство своего существа. Он тогда поддается миру : ищет оазис, который существует, но существует не там, где он видит мимолетные и обманчивые отблески.

Как часто человек ищет небо в помойной яме !

Человек явным образом создан для того, чтобы мыслить : в этом все его достоинство и вся его заслуга. Весь его долг — мыслить, как следует; и порядок мысли — начинать с себя, с своего создателя и с своего назначения. Между тем, о чем думают в мире ? Никогда об этом; но о том, чтобы развлекаться, разбогатеть, приобрести известность, стать царем, не задумываясь над тем, что значит быть царем и быть человеком. (Паскаль)

Отметим, однако, что наряду с плотской похотью, жертвующей потребностями души в пользу тела, возможна и **похоть души**, заключающаяся в том, что душа живет, не считаясь с законными правами тела, и жертвует своим спутником, чтобы легче витать.

Если душа упорствует в таком одностороннем подходе, противоположность влечений скажется в глубине, без сомнения менее остро, чем в результате телесных излишеств, но столь же реально и может быть глубже; равновесие будет нарушено, по вине, на этот раз, чрезмерных требований души.

И опять, чтобы избавить нас от этого, часто вредоносного, взаимодействия тела и души, чтобы установить подчиненность в его совершенстве, необходимо было бы особое вмешательство Божие, и здесь оправдывающееся только высшим назначением человека, к этому назначению призванного и обязанного его осуществить.

Заключение.

В итоге, человек в естественном состоянии представляет собою сложное целое, состоящее из материи и духа, подверженное неведению, страданию и смерти, увлекаемое в разные стороны душевными и плотскими стремлениями, которые положительны сами по себе, но нуждаются в гармоническом сочетании.

Задача, поставленная человеку Богом, состоит, как мы говорили, отчасти в том, чтобы упорядочить и развить эти стремления, чтобы стать личностью, а не хаосом различных вожделений, и постепенно в себе самом завершить дело Творца, не жертвуя ни духом для тела, ни телом для духа.

Это постоянно возобновляющееся столкновение тела и души требует прекрасного синтеза; но призыв к нему слишком часто доходит до нас, когда наш слух занят шумом борьбы... Это конфликт более кажущийся, чем действительный, Мы сами желаем его, потому что не рассматриваем достаточно широко правду о нашем состоянии.

(Д. Перро, „Стиль человека“)

ГЛАВА VII

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ

Творя мир и, в частности, человека, Бог по заранее установленному плану оставил Свое дело **незавершенным** (как писал Клодель, — мы живем в октаве творения); поэтому Он вложил во все не только **стремление к завершению**, тенденцию к прогрессу, к полному развитию, но и **законы**, согласно которым все должно завершиться в общей гармонии.

Эти законы не навязаны бытию извне, в более или менее произвольном порядке; они представляют собою выражение самой природы бытия.

А. — ЗАКОНЫ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЕ

Открытия науки.

Как мы говорили, человеческий разум стремится открыть эти законы, формулировать их, свести их в отдельные группы (химия, физика, геология и т.д.), объединить их посредством гипотез, ценность которых он проверяет в дальнейшем.

Так, опираясь то на открытия, то на предположения, человеческий разум медленно продвигается по безмерно широкому и сложному полю физико-химических законов, которыми Бог определил удивительную деятельность всей вселенной.

Уступая „капризам” природы, современной науке пришлось, например, пересматривать законы классической физики; но подчеркнем: менять пришлось, конечно, не законы природы, а те приблизительные представления о них, которые составили себе ученые прошлых веков.

Наука, таким образом, не изобретает этих законов: она их лишь **открывает**. В конечном итоге, она, на свой лад, пишет гимн славы Божией, указывая на мудрость и могущество, лежащие в основе окружающего нас мира.

В науке, человек только выпрашивает у вещей часть тайн их повиновения Богу.
(Монс. Гика)

Чудо.

Физико-химический закон слеп; предоставленный самому себе, он производит свой результат. (1)

Но каждый законодатель может приостановить действие установленного им закона.

Разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив от того, что я добр? (Мф. 20,15).

Вследствие этого, мы должны допустить, что Бог может вмешиваться вопреки законам природы и делать **исключение** из них; Его всемогущество не ограничено тем, что Он создал.

Но для чего Бог менял-бы ход вещей?

Очевидно, не для того, чтобы исправить Свое дело, что противоречило-бы Его мудрости, а только для некой цели, превосходящей естественный порядок вещей, т. е. для **цели сверхестественной**, например в подтверждение данного Им нам откровения.

Чудо в прямом смысле этого слова, т.е. вмешательство Бога вопреки законам природы, **не обязательно поддается наблюдению**; может случиться, что Бог приостанавливает действие одного из Своих законов без нашего ведома, так, что мы этого не замечаем.

Например: мы проходим мимо дома в момент, когда от него отваливается труба; закон притяжения должен был-бы сказать-ся... на нас! Бог приостанавливает тяжелые для нас последствия этого закона, мы проходим, даже не подозревая о вмешательстве Божиим и об избегнутой нами опасности. Но с нами произошло чудо.

Бог, как мы увидим вскоре, призвал нас к сверхестественной жизни; Откровение есть факт; тем самым, следует думать, что Бог творит чудеса. А если так, то кто из нас может утверждать, что не был, сам того не ведая, предметом особого внимания Божия, что словом, в его жизни не было чуда? Поэтому в евхаристической тайной молитве священник благодарит за каждой литургией Бога „**за явленные и неявленные благодеяния**”.

Ясно, что вмешательство Божие может также происходить с тем, чтобы дать нам осознать Его действие и цели, ради которых Он нарушает естественный порядок вещей. На деле, Церковь

(1) Нужно, однако, отметить, что современная наука приходит к отрицанию строгого детерминизма законов и признает в их действии некоторую область случайности, — область, в которой разыгрываются исключения из закономерности.

В таком понимании, чудо совершалось-бы в этой именно области, расширяя ее или, наоборот, сужая.

Чудо оказывалось-бы тогда вмешательством Божиим, действующим на долю случайности в естественных законах, с тем, чтобы повлиять на наши умы.

останавливается только на этой категории чудес, т.е. она называет **чудом в точном смысле слова** всякое вмешательство Божие, противоречащее естественным законам и вместе с тем очевидное и совершающееся в подтверждение тех или иных сторон Откровения.

Поскольку-же Откровение может иметь целью только более полное раскрытие любви Божией к нам, то чудо, подтверждающее отдельные случаи откровения, всегда представляет собою **знак** не Божиего могущества, а **Божией любви**.

Если возможно вмешательство Божие в нашу жизнь без нашего ведома, путем приостановления действия того или иного естественного закона, то обратно, существует опасность приписать порою вмешательству Божию явление **чисто естественного порядка**.

Например : происходит пожар, распространяющийся на церковь; все горит, но огонь останавливается у стены, на которой висит икона Божией Матери; говорят, что произошло чудо, и это возможно; но могло быть и просто то, что огонь остановился за недостатком горючего и что икона уцелела по этой причине . . .

В каждом **определённом случае**, требуется осторожность, прежде, чем заключать о наличии чуда.

В этом вопросе, широкий простор для предвзятого недоверия одних и для наивности других : одни всегда отрицают упорно вмешательство Божие, другие его видят везде ! Но по здравому смыслу, в большинстве случаев не так трудно отличить подлинное от мишуры.

Ограничимся пока установлением того обстоятельства, что **Бог может творить чудеса**

и что Его вмешательство может оправдываться лишь некой **целью, превосходящей естественный порядок вещей**.

Б. — ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ ЧЕЛОВЕКА

Человек имеет определенное призвание; из этого вытекает, что для него также существуют, запечатленные в самой его природе, **правила, которых он должен придерживаться**, законы, которые он должен соблюдать.

Напомним, что эти законы не навязаны извне; они составляют выражение самых основных, самых существенных потребностей нашей природы и вне повиновения им не может быть счастья.

Но, в противоположность материальным существам, человек, как мы говорили, **свободен**. Тем самым, он имеет возможность отрицать эти законы. Они тем не менее остаются неприкосновенными и их отрицание повлечет за собой более или менее серьезные осложнения. Вывихнутая кость причиняет боль; неправиль-

ная жизненная установка рано или поздно вызовет страдание, которое явится наказанием.

Этот „естественный закон” предписывает человеку все необходимое для его гармонического развития и запрещает все, что мешает ему достичь этой цели. Тем самым он предписывает человеку некоторое количество **обязанностей по отношению к себе самому**.

Но человек по существу зависит от Бога; это значит, что он должен уважать эту зависимость, признавать права своего Творца, быть благодарным Ему за Его дары. Из этого вытекает ряд **обязанностей по отношению к Богу**.

Наконец, человек живет на земле не один. У других людей то-же призвание и те-же права, что у него; в частности, они имеют право требовать неприкосновенности того, что дал им Бог. Отсюда вытекает для каждого человека ряд **обязательств справедливости к ближнему**.

Помимо этого, как мы уже говорили, дары, каждым человеком получаемые от Бога, даются ему для того, чтобы продолжать дело любви по отношению к другим людям; это означает, что на каждом человеке лежит также **долг любви**, т.е. обязанность сотрудничать с Богом для блага других.

Совокупность всех этих обязанностей составляет естественный закон. Человек соблюдающий этот закон т.е. выполняющий эти обязанности, тем самым соблюдает и выполняет **естественную религию**, иными словами, он уважает связи, соединяющие его со всем, что его окружает.

Совесьть.

Естественный закон узнается благодаря **совести**, свету души, позволяющему нам различать добро, как должностное быть осуществленным, и зло, как подлежащее избеганию или исправлению.

Каждый человек может, путем размышления, открывать в себе самом некоторые **простые и очевидные принципы**, которые должны управлять его деятельностью и направлять ее к заданной ему цели : например, чтить Бога, не убивать, не красть. Другие принципы могут быть выведены логически : например, не обращаться неосторожно с оружием, которое может вызвать смерть ближнего; не лишать рабочего справедливого заработка, что было-бы скрытой формой кражи, и т.д.

Другие принципы могут быть выведены только с гораздо **большим усилием**; чтобы их найти, требуется уже очень развитая совесть.

Совесть применяет затем принципы естественного закона к **конкретным случаям** текущей жизни. Она говорит : это разрешается, то запрещается.

В этом применении, совесть встречает реакции всего человеческого существа, — воображения, а в особенности чувственности. Она выносит свой приговор; но ее голос легко может потеряться в шуме страстей; бывает даже, что страсти в конце концов извращают совесть.

Воля, просвещенная совестью, принимает решение, отвечать за которое в том или ином смысле будет все человеческое существо. Это будет означать, что человек послушался своей совести или ослушался ее.

Заповеди Божи.

Как мы говорили, естественный закон может быть постигнут просто человеческим разумом, предоставленным самому себе.

Но много-ли людей, способных углубиться в себя самого, чтобы овладеть этим путеводителем ?

При этих условиях, нельзя-ли надеяться, что Бог открывает человечеству, в достаточно ясных выражениях, те общие правила поведения и действия, которые Он написал в глубине человеческих душ ?

Еврейская религия, как и христианская (различных вероисповеданий) утверждает, что Бог передал людям некоторую совокупность повелений, которые не что иное, как свод основных принципов естественного закона.

Эти законы, данные Богом по откровению, мы называем **заповедями Божиими**.

Это — не ряд стеснительных предписаний, которые были-бы произвольно придуманы Богом для того, чтобы ограничить поле деятельности человека и подвергнуть испытанию его добрую волю.

Нет, это — копия закона, записанного в самой природе человека и имеющего целью его полный расцвет.

И действительно, начиная с первой заповеди, проходя через седьмую и кончая десятой, мы не найдем ничего противного природе, а только легко усвояемый метод, в десяти уроках, как человеку достичь своего счастья. (*)

(*) Согласно учению Сократа величайшим счастьем является чистая совесть, а величайшим несчастьем — нечистая совесть (см. Апология Сократа). Из этой идеи Сократа исходит естественная мораль Платона, Аристотеля и Канта. Важно отметить, что величайшие представители естественной морали не могут обойтись без идеи Божества как верховного законодателя.

ГЛАВА VIII

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА

По своей природе, человек принадлежит к двум обществам. Это :

— семья, — естественное общество, предназначенное служить рождению человека и обеспечивать его развитие до зрелого возраста;

— государство, — естественное общество, предназначенное помогать семьям и личностям в исполнении их назначения.

Эти два общества, **естественных** для человека, мы рассмотрим подробнее в дальнейшем; здесь мы ограничиваемся указанием на самый факт их существования.

Но не забудем, что человек принадлежит прежде всего к обществу гораздо более широкому, которому он обязан служить : **человечеству.**

Второй акт

ПРИЗЫВ К ВЫСШЕЙ ЖИЗНИ

Христианство учит нас не только тому, что Бог **сотворил** человека и сделал его **работником** на стройках вселенной.

Оно добавляет — и здесь мы ближе подходим к его единственности, — что по замыслу Творца человек должен быть приобщен, таинственным, но действительным образом, к собственной жизни Божества, в той мере, в какой ограниченное существо только может быть к ней приобщено.

Такова дерзновенная христианская точка зрения:

между **изоляциялизмом**, который оставляет Бога вдали от Его творения, и **пантеизмом**, который сливает их в одной единственной сущности,

христианство принимает то из промежуточных решений, которое **в наибольшей степени приближает** Творца к Его творению, **не сливая их**.

Сближение доводится до **крайнего предела**, поскольку сотворенная человеческая личность может участвовать в самой жизни Божества.

Но **смешения нет**; основное различие между Богом и Его творением остается четким:

Бог не снижается и не изменяется от контакта с человеком. Принимает-ли человек или отвергает этот ничем не обусловленный сверхестественный дар, много-ли или мало людей принимают участие в божественной жизни, — Бог остается неизменным.

И с другой стороны, вступая в сияние божественной жизни, **человеческая природа** не растворяется и не потухает. То, что она получает, — не противно природе; это — непредвиденное раскрытие.

Что могло-бы означать сверхестественное начало, искажающее естество? Как вообразить Бога-Спасителя, требующего от своих избранных отречения от Бога-Творца?.. Благодать не уничтожает природы; она, напротив, доводит ее до совершенства, благодаря своим особым, ей присущим, возможностям.

(Г. Тибон, „Кармелитские изучения“, 1939, т.I)

Благодать.

Эта милость дается нам Богом не по нашим заслугам и в особо исключительном порядке, поэтому на церковном языке именно она обозначается термином „благодать“ (т.е. дар не по заслугам) или „освящающая благодать“ (т.е. делающая нас святыми и угодными Богу).

Благодать есть таким образом возвышение нашего существа, связанное с тем, что Бог приобщает нас к Своей собственной жизни.

Ясно, что никакая тварь не могла-бы, на основании своей собственной природы, требовать участия в божественной жизни; тем самым, эта милость Божия есть **совершенно добровольный дар**.

Это проникновение в полноту жизни Божества вызывает **глубокие изменения** в нашем существе, пронизывая его излучениями, которые, не упраздняют нашей человеческой природы, а следовательно и свободы, т.е. свободы воли, которая как известно органически связана с природой человека, что видно из учений святого Мартина папы Римского и св. Максима Исповедника. Они сообщают ей новое, сверхчеловеческое, богоподобное качество, подобно тому, как железо при погружении в пламя приобретает исключительные качества, не меняя своей природы.

Поскольку Бог обитает в нас, освящающая благодать называется также **обитающей**.

Поскольку Бог, не остающийся бездейственным, сотрудничает с нами в каждом из наших **действий**, благодать называется **действенной**. Бог таким образом проявляет Свое присутствие последовательными вмешательствами, соответственно совершаемым нами действиями.

Проникая в нашу человеческую деятельность, сколь-бы ни была она скромной, Бог возвышает каждое наше действие и сообщает ему **богочеловеческую** и, тем самым, **вечную** ценность.

По Божиему замыслу, человек, возвышаемый таким образом на сверхестественный уровень, не перестает от этого подвергаться испытанию; но в той мере, в какой человек с рвением выполняет свое призвание, он все более укрепляет свою связь с Богом

до того момента, когда достигает окончательной близости с Божеством.

Так вырисовывается в основных чертах направление, которое Бог дает человечеству : уже на земле Он таинственно отдавал Себя человечеству, для того, чтобы увлечь его к вечной жизни, в семейном единении с Ним Самим.

Это прекрасно выразил Князь Гика : „ **Что такое благодать ? Нетерпеливое ожидание Божие** ”. (*) Здесь по-новому чувствуется поступь Бога, Который есть сама любовь.

Дополнительные дары благодати.

Чтобы ничто не нарушало эту внутреннюю близость, к которой Творец призывает Свое творение, Бог согласно церковному учению присоединил к освящающей благодати некоторые дополнительные дары, назначение которых заключается именно в том, чтобы преодолеть упомянутые нами выше природные „ слабости ” человека : неведение, болезнь, смерть, похоть.

1. Чтобы человек, в вопросе направленности своей жизни, не блуждал на трудном пути от неведения к ведению, Бог дал ему **дар знания**.

Благодаря этому дару, человек приобретал знание, не подверженное сомнению и не зависящее от чувств, **внутреннее** знание материальной и духовной реальности, или по крайней мере способность с исключительной легкостью улавливать реальность через посредство чувств.

Так исключались возможные блуждания и ошибки.

Деятельность чувств, разумеется, не упразднялась и не теряла своего значения; она продолжала давать человеку чувственное знание, имеющее свою привлекательность, но уже не способное сбить дух с правильного пути.

2. Чтобы человек не страдал от других материальных существ, Бог дал ему **дар бесстрастия**.

Человек оставался погруженным в мир со всем множеством существ его составляющих, но не встречал уже ничего, что могло-бы его ранить или препятствовать его стремлениям.

Он трудился без усилия и без мучения.

(*) Автор имеет ввиду переизбыток любви божественной, которая не довольствуется естественным и иногда очень долговременным ходом своего Промысла, но сокращает его сроки пламенем своей любви.

Если бы Бог не сократил эти дни не спаслась бы никакая плоть.
Это касается всех наших испытаний.

3. Чтобы человек не был подвержен неумолимому закону смерти, Бог дал ему **дар бессмертия**, обогащающий не душу, которая бессмертна сама по себе, а все человеческое целое, по природе своей неустойчивое.

Тем самым, человек должен был перейти от земного испытания к небесному блаженству, не проходя через резкий разрыв тела и души, т.е. не ведая смерти.

4. Чтобы человек, являющийся одновременно телом и душой существом разумным и чувственным, не был обречен на внутреннюю борьбу для обеспечения постоянного первенства разума над инстинктами, Бог дал ему **дар внутреннего единства**, охраняющий его от всякой похоти.

Тем самым, плоть, не лишаясь своих справедливых запросов, повиновалась душе; алчность чувств устранялась, как и необузданная тяга к материальному. Единство сложного человеческого целого осуществлялось на верхнем этаже.

Гармония творения.

Таким образом, благодать устанавливала в человеке и в творении **совершенную гармонию**, несоизмеримую с тем, чего природа могла-бы достичь одними своими собственными средствами :

внешний мир был совершенно покорен человеку и помогал ему в достижении его цели;

в самом человеке,

чувственность была совершенно покорна разуму,

тело совершенно покорно душе,

разум совершенно просветлен,

душа совершенно заполнена жизнью Божества, Ему Самому присущей, и в этой жизни она черпала силу и знание, позволяющие ей продолжать незаконченное дело Творца.

Через творение — дело любви — протекал мощный поток любви, объединявший между собою и с Богом все существа, от самого смиренного до самого высокого.

Душа имела возможность все больше проникаться воздействием на нее Божества, все глубже проникать в божественную жизнь и таким образом заслуживать более прекрасной награды в вечности.

Тело, свободное от слишком чувствительных уз, привязывающих его к материальным вещам, защищенное от неразумных преувеличений своих собственных стремлений, могло развивать до крайнего предела заложенные в нем возможности, под благо-

желательным руководством души, с которым оно должно было разделить вечное блаженство.

Сама **материя** принимала участие в сверхестественном возвышении человека, без усилия выполняя свое назначение, чтобы стать более прекрасной и уложиться в совокупность дела Божия.

Не только души, — весь мир и сама материальная природа переносятся на сверхестественный план. Сама материя, как и наш разум и наша воля, находят в сверхестественном даре высший центр равновесия и единства; подлинный принцип, отныне животворящий мир, это — внедренное в него сверхестественное начало.

(Ж. Леви, „Перед глазами неверующего“)

Возможность вины.

В этом изумительном здании, одна трещина оставалась возможной, одна единственная, через которую могло проникнуть все зло.

Произойти эта трещина могла в **человеческой воле**; потому-что эта воля, хотя и поддерживалась действием Божиим, тем не менее оставалась совершенно свободной.

Если-бы Бог упразднил эту свободу, Он тем самым отказался-бы от задуманного Им дела : потому-что Он сделал-бы из человека не сознательного сотрудника, а слепое орудие, простой комок мяса и костей, животное, движимое своими инстинктами.

По замыслу Божию, эта свобода должна была уважаться; но тем самым, человеку предоставлялась возможность противиться этому замыслу, восстать против Бога, разрушить общее дело, к великому ущербу, не Бога, конечно, но самого человека.

Сверх того, противиться делу Божию означало также, по существу, отказаться от жизни в близости с Ним, т.е. отвергнуть благодать, а тем самым лишить себя и тех исключительных милостей, которые сопровождают благодать.

Последствия такого бунта могли быть только катастрофичными.

Древо познания добра и зла.

Одна единственная жизненная установка предугазывалась человеку : довериться Богу и в вопросе своего собственного счастья целиком положиться на Него.

Повидимому, эту идею Библия представляет образно, когда, в рассказе о сотворении мира, она говорит, что человек, помещенный в райском саду, не должен был прикасаться к древу познания добра и зла, т.е. к преимущественным правам Самого Бога : он должен был предоставить Самому Богу определять, что добро и что зло для человечества.

Гуманизм и сверхестественное начало.

Замысел Божий заключался, таким образом, в том, чтобы ввести человека в Свою внутреннюю жизнь; все остальное было создано, в конечном итоге, лишь для этого.

А замысел Божий неизменен.

Следовательно, и теперешний человек остается призванным к этой близости с Богом; найти свое счастье он может только, живя в излучениях божественной жизни, принимая благодать.

Для него быть в равновесии значит быть на **сверхестественном** уровне.

Тем самым, всякая попытка созидать свою личность, помещая ее центр тяжести в любом ином месте, обречена на неудачу.

Если человек ограничивается тем, что гармонически развивает свои естественные способности, он строит башню, которая никогда не может быть им завершена и каждый момент угрожает падением.

Таким образом, **гуманизм** — та формула, которой ищут философы, мыслители, воспитатели, чтобы получить возможность осуществить **идеальный человеческий тип** — должен считаться с замыслом Божиим во всей его полноте.

Из этого следует, что при существующем порядке мироздания целостный гуманизм должен включать **сверхестественное начало**.

К этому очень серьезному вопросу мы вернемся в дальнейшем, пока-же ограничимся одним этим указанием.

Передача благодати.

Согласно церковному учению, каждое поколение людей имело задачу передать следующему поколению не только естественную жизнь, но и благодать, вместе с сопровождающими ее особыми дарами.

Закон солидарности, управляющий естественным порядком вещей и ставящий нас в зависимость от деятельности других людей, положительной или отрицательной, распространялся таким образом и на сверхестественный мир.

Если-бы родители утеряли сверхестественную жизнь, они уже не могли бы передать ее своим детям, как труп не может передать естественную жизнь.

Чтобы понять до конца, почему Бог вписал в человеческую природу этот таинственный закон солидарности, надо было-бы быть самим Богом.

Поскольку это невозможно, доля непонятого неизбежно остается.

Но мы можем уже утверждать, что, устанавливая этот закон, Бог действовал из любви, потому-что Он есть сама любовь.

Значение и красоту этого мы поймем лучше, изучая тайну Искушения.

Поэтому не будем забегать вперед и продолжим изложение церковного учения.

И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма.

**Сияющие глаза, приветливая улыбка, светлая радость.
Такова душа, живущая благодатной жизнью Бога.**

Третий акт

ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ

Научив нас тому, к какой близости с самим собой Бог призвал Свое творение, христианство утверждает, что первое поколение людей, свою виной, лишило себя предложенного им сверхестественного дара, которого после этого, в силу закона солидарности, лишились и все последующие поколения.

Принять эту истину очень трудно и она приводит в недоумение многих мыслителей. Верно, впрочем, также и то, что нет другого церковного догмата, который подвергался-бы такому количеству ошибочных и произвольных толкований, как этот.

Этому первоначальному проступку приписывают все зло, от которого мы страдаем.

Бывает даже, что идут еще дальше, обвиняя Бога в небрежении, непредусмотрительности, жестокости :

Почему Он плохо принял меры ? Почему из всех мыслимых вариантов Он выбрал именно то человечество, которое заведомо должно было согрешить ? Почему Он установил между людьми этот страшный закон солидарности, в силу которого невинные становятся жертвой чужой злой воли ? Почему Он дал возможность в первом-же поколении извратить Его дело ? И так далее...

Постараемся внести во все это некоторый свет.

Предвидение греха.

Напомним прежде всего, что Бог пожелал сотворить существа, способные, путем личного и добровольного сотрудничества в Его деле, заслужить вечное счастье.

Но, давая человеку власть сотрудничать с Ним, Бог неизбежно творил человека **способным согрешить**. Плохо используя

полученные дары, тварь приписывала себе нелепую возможность бороться с Богом и противиться осуществлению Его замысла.

Таким образом, творя человека, Бог предвидел **возможность греха**, как последствие злоупотребления даром свободы.

Если Бог не остановился перед Своим творческим актом, то будем уверены, что Он предвидел в Своем деле сумму добра, бесконечно превосходящую все зло, порожденное бунтом человека.

Грех Адама.

Теперь посмотрим ближе, в чем могла состоять эта вина на заре человечества.

Возможны различные представления :

а) Как мы говорили, уязвимую точку составляла воля человека, которая, оставаясь свободной, могла вступить в противоречие с волей Божией; следовательно, отказ от Бога был следствием дурного решения воли.

б) Другие богословы находят, что в грехе Адама разум, сердце и чувственность сыграли некоторую роль, но что воля несет за него главную ответственность, как во всяком тяжелом грехе. Это представление более органическое, близкое к человеческой природе, какой мы ее теперь знаем : весь человек участвует во грехе. Во всяком случае это не был грех детского незнания или только роковое стечение обстоятельств : Адам совершил его вполне сознательно.

Человек захотел искать свободы не в Боге, а в своеволии. Он ослушался в какой-то области, которая в Откровении не уточнена; но это ослушание содержало в себе искание независимости по отношению к Богу; оно было равносильно отказу от дружбы с Ним.

А это было равносильно упразднению элемента, существенного для каждого сотворенного существа.

Следовательно, это было шагом к самоуничтожению.

Это означало перестать находить в Боге свою точку опоры, превратить себя самого в свой собственный центр и потерять равновесие.

Это означало отвергнуть порядок, установленный Богом, и нарушить мировую гармонию.

Первый человеческий грех в основном совершился : грех гордости, неверности и неблагодарности.

Сотворенный бог, каким он был по сильному выражению Блаж. Августина, не понял того, что он не мог быть богом только волею своей собственной природы и мог стать таковым только, приобщаясь к истинному Богу.
(Католический Богословский Словарь, статья „Первородный грех”)

Библейский рассказ.

Вернемся еще раз к рассказу Книги Бытия; в нем мы найдем намеченным то, что мы сейчас изложили.

Получается, конечно, впечатление, что искушение явилось извне : в продолжении рассказа говорится о злом духе, демоне, который явился возбуждать аппетит первых людей !

Но надо-ли еще отмечать, что это изображение демона в виде говорящей змеи отражает материальное и образное восприятие вещей ?

Выделить надо то, что отмечает учение Церкви :

Раньше человека, Бог сотворил свободных чистых духов (здравая философия допускает возможность таких творений); некоторые из этих существ злоупотребили своей свободой, чтобы искать в самих себе источник своего счастья, тогда как этим источником мог быть только Бог; их гордость привела к их падению.

Но по закону солидарности, который объединяет все сотворенные существа, как материальные, так и духовные, эти мятежные ангелы стали, тем самым, вредоносными для других духовных тварей.

Таким образом, можно понять, что, стремясь распространить на других зло, которое они ввели в самих себя, эти падшие существа постарались внушить человеку мысль тоже обходиться без Бога.

Отметим в особенности форму, в которой представлено искушение. Дух зла говорит : „Если будете есть от этого плода, будете, как боги”.

Как мы говорили, это и была единственная вещь, недостававшая людям : быть как Бог, т.е. жить независимо, абсолютными хозяевами самих себя.

Последствия для Адама.

Они разнообразны : потрясена изумительная гармония всего творения. Трещины обнаружатся везде :

а) Прежде всего, в **неизбежном разрыве с Богом.**

Отказ уважать права Бога равносителен отказу от дружбы с Ним. Пожелав стать подобным Богу, человек стал Его соперником. *)

Тем самым, дружба с Богом становится невозможной, нет больше освящающей благодати, нет больше доступа к вечному блаженству.

Книга Бытия и говорит, что Бог изгнал Адама и Еву из Своего присутствия.

Человек — дитя Божие — вновь становится простою тварью; вместо того, чтобы подниматься все выше, он падает на чисто человеческий уровень.

Его падение влечет за собой лишение элемента, существенно необходимого для его счастья, — раз человек был, положительным образом, создан для того, чтобы получить освящающую благодать.

б) Далее происходит **разрыв с внешним миром.**

Человек терял всякий контроль над материальным миром. Лишь ценою труда, отныне тяжелого, он опять приобретает над ним некоторую власть; после тысячелетий усилий и жестоких неудач, он дойдет до той точки, где мы теперь, что уж не так далеко!

С другой стороны, по замыслу Творца материальный мир должен был помогать человеку в его восхождении к Богу. С того момента, что человек порвал свои отношения с Богом, существа, стоящие ниже его, уже не спешили повиноваться действию человека. Вместо того, чтобы быть ему в помощь, они часто становились препятствием...

Весь мир оказался затронутым первым грехом. Творение и человек составляют единство... с того дня, когда сердце человека отвратилось от Бога... все вещи для него оказались разъединенными, лишенными направленности, обращенными в состояние нераскрытых влечений, поддающимися любому произволу, в зависимости от влечений души.

(Ж. Муру, „Христианский смысл человека“)

*) Объяснить такое последствие грехопадения человека можно только признав человека стяженным и целостным центром всего тварного мироздания, что и соответствует замыслу Божию данному и в Св. Писании и в писании св. Отцов. Логическую возможность такого стяженного центра показана в философии неоплатонизма, одной из величайших философий мира, благодаря которой существует современная философия и современная наука в их теперешнем развитии. (Например родословную Гегеля, важнейшего представителя „Вюртембергской линии“ в развитии философии очень легко вывести из неоплатонизма).

Рассказ Книги Бытия здесь достаточно ясен: „Проклята земля за тебя”, — говорит Бог Адаму. Это значит: человек будет всюду встречать сопротивление и должен будет тяжело работать, чтобы добывать необходимое для жизни.

в) И наконец, это был также **разрыв равновесия в самом человеке**.

Дело в том, что дары знания, бесстрастия и пр. были связаны с благодатью; когда благодать была потеряна, исчезли и они.

Тело становится подверженным страданию и смерти; ему придется все время защищаться от действия других материальных существ и рано или поздно, оно не уйдет от смерти.

И Бог объявляет человеку это наказание: „**Умножу болезни твои**”, — говорит Он женщине, „**в муках будешь рождать детей твоих**”... „**В поте лица своего будешь есть хлеб свой**”, — говорит Он мужчине... Это — о страдании.

„**Прах ты и в прах возвратишься**”: это — о смерти (Быт. III, 9).

Душа уже не будет вполне владеть слепыми инстинктами тела. Появятся похоть плоти и похоть духа.

Разум, чтобы обогащаться, должен будет обращаться к одним только чувствам; исходя из полнейшего неведения, он будет продвигаться наощупь, предоставленный одним своим собственным средствам. Сложные и даже неразрешимые вопросы будут перед ним вставать со всех сторон.

Воля, недостаточно просвещаемая разумом, увлекаемая в разные стороны низшими вожелениями, легко будет сбиваться с пути, ища счастья там, где его нет.

Расстройство водворяется в мире.

Конечно, ничто не испорчено в своей основе. Каждый камень здания цел. Материальный мир не извращен; не извращены ни тело человека, ни его разум; воля еще способна на добро (1).

(1) Бедный от природы, человек опять становился бедным, после того, как узнал богатство. Как человек разорившийся страдает больше, чем нищий, никогда не знавший достатка, можно сказать в известном смысле, что человечество оказалось в положении худшем, чем то, в котором оно было-бы, если-бы Бог не призывал его жить в благодати.

Этим объясняется, почему Церковь, утверждая, что природа человека не извращена первородным грехом, порою применяет некоторые выражения, как-будто указывающие на падение самой этой природы.

Но все разрознено. Отныне человеку приходится самому собирать составные части своего существа и материального мира, тогда как Бог прежде предлагал ему избавление от этого усилия. Работу над незаконченным делом творения человеку приходится начинать на гораздо более низком уровне.

И в этом — вся история человечества, от каменного века до наших дней : долгое и упорное усилие человека, чтобы подчинить себе силы природы и извлечь из них некоторую пользу, — чтобы бороться с болезнью и отдалить неминуемую смерть, — чтобы расширить поле своего знания и решить проблемы своего существования, — чтобы овладеть разнообразными стремлениями своего существа и восстановить в себе самом некоторое равновесие.

А перестав сходить к одному центру любви, т.е. к Богу, люди поддаются стремлению действовать, при решении этой задачи, в отрыве друг от друга, тогда как все человеческое существо организовано для дела взаимопомощи.

Сохранение Божиего плана.

Вина одной твари не могла изменить замысла Божия, который неизменен.

Следовательно, план Творца, после первоначального падения, сохранялся во всей своей полноте : человек оставался призванным к жизни в близости с самим Божеством; свое совершенное равновесие он не мог найти иначе как в сверхестественном положении, в которое он был поставлен первоначально.

Что-бы он ни делал, человек был, таким образом, обречен на неудовлетворенность; по ту сторону своих земных радостей, он всегда будет желать возврата в потерянный рай.

Напрасно он будет, в поисках счастья на земле, создавать прекраснейшие философские, экономические, социальные системы; одно за другим, его усилия будут приводить к неудаче, потому-что в них недостает существеннейшего элемента : расцвета его существа в близости с Богом, иными словами, жизни в благодати.

Передача первородного греха и его последствий.

Случай с Адамом, в сущности, интересует нас весьма мало; нас удручает наша собственная униженность и она вызывает наше возмущение !

В этом вопросе идеи путаются в особенности, как бывает

обычно, когда идет спор, задевающий нас за живое.

Итак, мы стали жертвой оплошности далекого предка; по вине одного, и, казалось-бы без всякого нашего участия, мы отвержены невежеству, болезни, смерти! И такое злодейство совершает Бог?

Разве это не типичный пример несправедливости, какую мы осуждаем у людей?

Быть-может некоторые соображения внесут больше ясности в этот спор:

а) Отметим прежде всего, что в своих обвинениях люди заботятся только о дарах, сопровождающих благодать (защита от невежества, от страдания, от смерти), а **не о самой благодати**.

Быть детьми Божиими, участвовать во внутренней жизни Божества, не так уж их привлекает; избавиться от зубной боли, без труда найти решение математической задачи, — вот что устраивало-бы их!

Но это означает незаконное сужение данных проблемы, что влечет за собой невозможность принять то общее решение, которое мы увидим, когда будем говорить о Христе (1).

Вы жалуетесь, что закон солидарности повредил нам в Эдене; радуйтесь тому, что он действует в нашу пользу на Голгофе. Эти два события тесно связаны Промыслом; только отвлеченная игра ума может их разделять, и это — нехорошая игра; потому что печальный случай неблагодарности — отказывать в благодарении Богу за искупление, для того, чтобы приписывать Ему ошибки в творении.

(Сертильанж, „Катехизис неверующих“)

б) Кроме того, существует-ли уверенность, что **мы поступили-бы не так, как Адам**? Сохранили-ли-бы для себя сверхъестественные дары, им полученные? Не должны-ли мы признать, вспоминая о своих собственных провинностях, что в своих отношениях с Богом мы проявили-бы не меньше развязанности, чем он?

Ясно, что этим мы заслужили-бы, по собственной вине, то самое, что мы терпим теперь по вине другого. И тогда так-ли уж это различно?

(1) Мы увидим тогда, что нам возвращается **главное** и что, тем самым, мы оказываемся в состоянии почти столь же благоприятном, как то, в котором был Адам до своего падения: мы снова имеем возможность участвовать в жизни Божества. Что касается даров, сопровождающих благодать (**бесстрастность, бессмертие** и пр.), мы увидим, почему они нам не возвращены.

И если мы сопоставим беды, которые мы терпим вследствие первородного греха, и те, которые мы сами навлекаем на себя по своей личной вине, то всегда-ли перевес окажется на одной и той-же стороне ?

Во всяком случае, не следовало-ли-бы предоставить только тем, кто „праведен” перед Богом, право, обсуждать вопросы первородного греха и высказывать претензии ? Но оказывается, что если мы станем слушать святых, то узнаем, вероятно, к немалому своему удивлению, что они принимали беспрекословно догмат первородного греха и его последствия . . .

Хотя мы и понесли великие потери в результате первородного греха, но главное от нас не было отнято — человек остался образом и подобием Божиим.

Кто позволит себе говорить о несправедливости, если после нарушения законных требований, власть не только прощает, но и предоставляет виновным еще более исключительные льготы ? Но это именно и происходит : Бог прощает, даруя нам Христа, и остается сказать словами церковного песнопения, поющегося на Западе в Пасхальную Ночь : „ О счастливая вина, давшая нам возможность иметь такого Искупителя ! ”

г) Наконец, чтобы вполне понять первородный грех, нужно вернуться к этому, таинственному, но действительному, **закону солидарности**, который управляет движением звезд как и развитием клеток нашего тела,

и устанавливает, между всеми людьми, единство в первом человеке.

Конечно, нам тяжело страдать от **последствий** первоначального **греха**, как, впрочем, и от проступков и небрежения других людей; но не нужно забывать, что в силу этого-же закона мы получаем почти все **блага, которыми мы пользуемся !** Благодаря ему мы пользуемся заботою наших родителей, трудом шахтера, булочника, врача, пастуха, пасущего скот на горных откосах, хлопководы, трудящегося на поле далеко на Востоке, рыболова, плавающего в Арктике.

В мире ничто не обособлено одно от другого. От электрического тока солидарности вздрагивает вся цепь существ при каждом колебании малейшего из своих звеньев. Все дает и все получает. Все действует и вызывает встречные действия.

(Э. Элло, „ Философия и атеизм ”)

Все, что вокруг нас, все, что в нас и на нас, представляет собою плод труда бесчисленных безымянных труженников, орга-

низованного по закону солидарности, чтобы нам оказывать помощь.

Но тогда почему видеть только отрицательную сторону этого закона? Почему требовать от Бога, чтобы Он применял его односторонне в нашу пользу? Почему осуждать закон, в конечном итоге, благотворный?

Если только стремиться подвести честный и полный итог, то станет ясно, что солидарность действует неизмеримо больше на благо, чем на зло. . . . Нам рисуют невозможный мир, когда, уступая сентиментальным влечениям, требуют чтобы грандиозная и изумительная космическая солидарность, пронизывающая века, пространства и миры, действовала односторонне, единственно и исключительно для временного блага людей.

(Буажело, „Философские постулаты трансформизма“)

Заключение.

Вполне-ли читатель удовлетворен всем предыдущим? Нет. Остается много таинственного, и этого следовало ожидать: сама тема нас превосходит.

Мы видим лицо человека в целом и находим его гармоничным. Но вообразим разумного и рассуждающего муравья, который путешествовал-бы по нашему лицу и открывал-бы одну за другой его части: „Почему эти впадины рта и глаз? Почему гора в виде носа? Однообразная равнина была-бы много красивее и удобнее!“ Мы — муравьи этого мира; целое ускользает от наших взоров, мы видим лишь мельчайшие подробности и по ним мы хотели-бы судить обо всем!

(Дюпlessи, „Апологетика“, т.1)

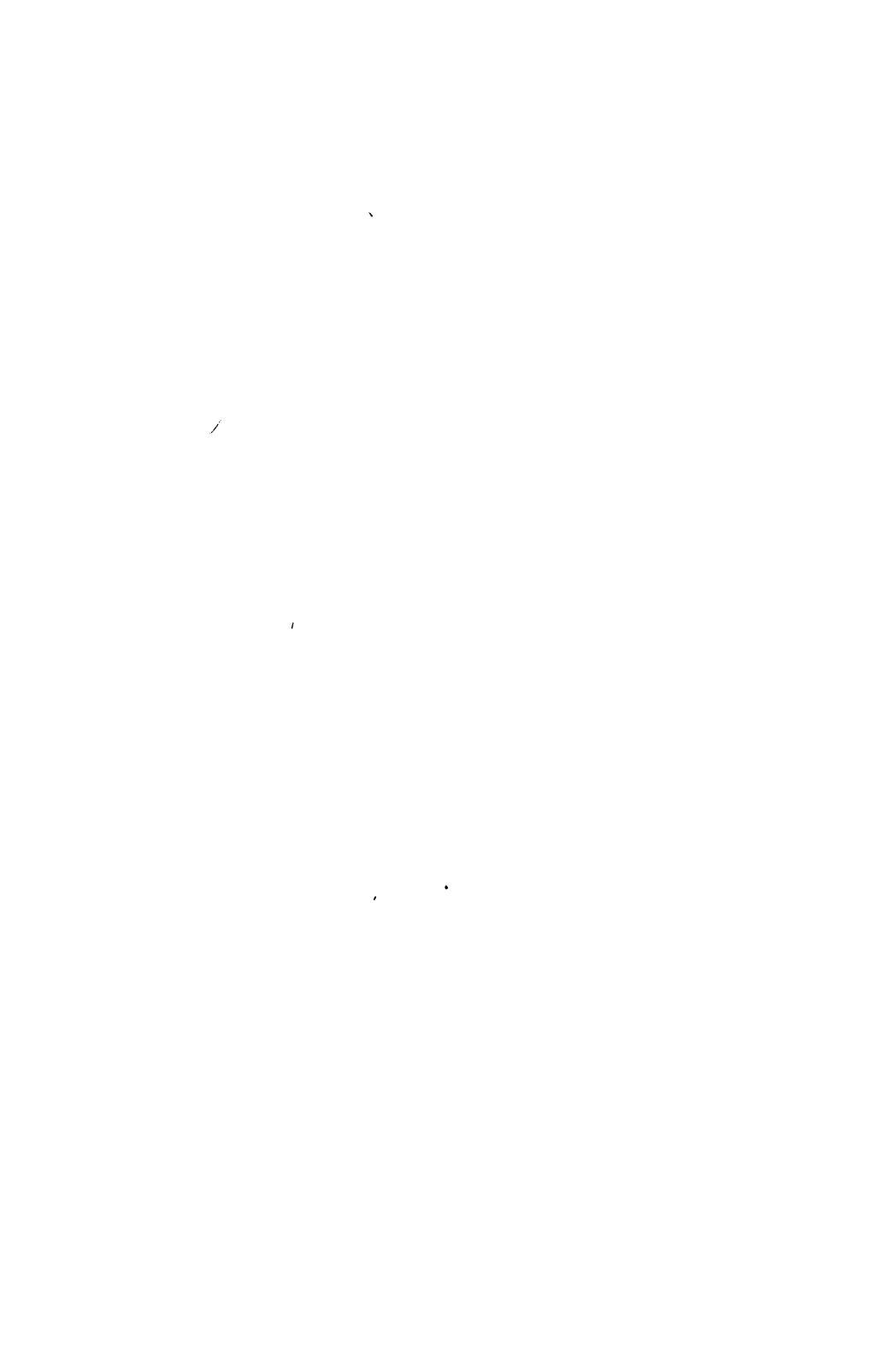
Только одно существо стоит над человеческой драмой и ее понимает: Бог, потому-что Он знает, куда Он ведет мир. И чтобы понимать точку зрения Бога, надо было-бы быть Богом.

Но все-же, чем больше мы будем углубляться в нашу тему, тем больше будет перед нами выясняться проблема первородного греха, хотя она и остается всегда тайной веры. В конце концов, это представится нам лишь как эпизод, второстепенного значения, в мировой драме, как случай, использованный Богом, чтобы дать нам новое доказательство Своей любви, в Искуплении.

III

ОТ ХРИСТА ДО НАС

ИСКУПЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

Решения Божии неизменны.

После первородного греха, человечество, как мы видели, оставалось призванным к сверхестественной жизни; но оно лишилось способности ответить этому призыванию.

Только Сам Бог мог вернуть людям Свою дружбу; **инициатива** примирения могла принадлежать только Ему.

Христианство учит, что Бог принял эту инициативу, потому-что Он — сама любовь.

Как только первородный грех совершился, в самый момент, когда наказание Божие стало неизбежным, Бог дал человечеству уверенность в будущем прощении.

Действительно, богословы всегда видели обещание будущего Спасителя в словах, обращенных Богом к символизирующей зло змее : „ **Положу вражду между тобою и женою, семенем твоим и семенем ее; и семя жены сотрет тебе главу** ” : указание на Христа, Который, происходя от рода человеческого через Деву Марию, победит грех.

И мы видим, что из поколения в поколение человечество, вместе с воспоминанием о некоей первоначальной вине, несет в себе смутную, но **неистребимую надежду**.

Обещание спасения к тому-же не раз повторяется Богом, голосами патриархов и пророков.

Одного слова Божия, одного знака Его благоволения было-бы достаточно, чтобы мы чувствовали себя прощенными.

На деле, Бог, по христианскому учению, решил сделать это иначе. Ему угодно было избрать средство, которого человек не мог-бы вообразить :

возвращение людям божественной жизни через воплощение, страдания и смерть Иисуса Христа, истинного Бога и истинного человека.

Бог как-бы решил :

„ Я все сделал, чтобы возвысить человека до Себя и этим обеспечить ему счастье, на земле и в вечности ”.

„ Он отвернулся от Меня ”.

„ Я сделаю новое усилие любви : раз он не захотел возвыситься до Меня, Я снизойду до него и сделаюсь подобным ему ”.

„ Я хотел из него сделать Бога, и он отверг Мое предложение. Я сделаюсь человеком, бедным, униженным, страдающим, чтобы он видел, что Я — любовь. Быть-может тогда он Меня полюбит, быть-может поймет, что только во Мне он может найти свое счастье, земное и вечное ”.

Чтобы присоединить к Себе усыновленных детей, Богу было угодно принести в жертву для этого дела Самого вечного Сына Его. Из Христа, воплощенного Логоса, Он сделал промежуточное звено, Мост, Посредника, имеющего обе природы и объединяющего их, сначала в Себе Самом и затем, по братской солидарности, в нас всех. Как говорят Св. Афанасий и Блаж. Августин : Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом.

(Сертильбанж, „ Что такое католичество ? ”)

Понятно, что столь изумительное решение возбуждает сначала наш скептицизм.

Остальные тайны религии представляются нам допустимыми : они только своим назначением превосходят те тайны естественного порядка, которые нас окружают.

Но пределы разумно допустимого превосходит, казалось-бы, эта тайна Божества, становящегося человеком, терпящего от сотворенных им существ, умирающего на кресте, как преступник, зная при этом, что для многих этот пароксизм любви останется не только бесплодным, но и станет предметом насмешек.

Понятно, что уже со времени первых проповедей апостола Павла проповедывавшаяся им новая религия вызывала негодование : разве возможно вовлекать Бога в наши слабости и в наши беды, снижать Его до такой степени, что Он становится игрушкой в руках Своих тварей?...

Немудрое Божие премудрее человек, и немощное Божие сильнее человек
(1 Кор. 1,25)

Но, к счастью, Божия правда — не наша правда.

Если-бы наше представление о **любси** было более правильным, если-бы мы не обесценили этого слова и самой вещи, нам, вероятно, было-бы легче понять божественный Промысел.

Но, может-быть, и нам доводилось видеть, до чего может доходить человеческая любовь.

Может-быть, мы например, встречали когда-нибудь **десушку**, наделенную, физически и морально, всеми качествами для счастливого брака и жертвующую всем, чтобы целиком посвятить себя уходу за больною матерью.

Или мы видели **мать**, окружающую своею заботой одного из своих детей, обездоленного природой, парализованного или идиота. Год за годом она склоняется в тревоге над постелью сына, никогда не получая в награду ни улыбки, ни слова благодарности.

Ей советуют, этой матери, поместить больного ребенка в специализированное учреждение, чтобы больше заниматься другими, здоровыми детьми.

Она отказывается.

Ее продолжают уговаривать, доказывая, что у нее есть другие обязанности и что это несчастное существо, которому она отдает свои заботы, даже не заметит, если за ним будет ходить чужой человек.

Она отвечает, что не понимает таких рассуждений, что она мать этого ребенка и что вопрос этим исчерпан..

Чтобы такая любовь могла проявляться у сотворенных существ, не требуется-ли, чтобы Сам **Творец** был высшей Любовью?

Тем самым, Бог говорит нам не обсуждать „ странность ” Его решения или видимую бесплодность этого решения для многих : Он — Любовь и вопрос этим исчерпан.

Евангелие говорит : „ Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную ” (Ио. III, 16).

И еще : „ В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши ” (I Ио. IV, 10).

И еще : „ Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих ” (Ио. XV, 13).

Забудет-ли женщина грудное дитя свое ? Но если-бы и она забыла, то я не забуду тебя. Вот, я начертал тебя на дланях моих... Не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой... Я, Я Господь, и нет спасителя кроме Меня... Изгладу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил Тебя.

(Книга Пророка Исаии 49,15)

Все тайны зла, все темное в глубине душ, все изобилие неправды всех веков, все продукты той фабрики зла, какой является мир, — все это видел Христос... И Он не отступил в ужасе перед Своею задачей ! Он видел, что такое христианин и что такое ос-

корбляющий Его разбойник, и Он не отвернулся с отвращением от этих обид и почитания! Он видел нас всех... И сказал: Мир вам!.. Каждый, кто всмотрится в эту тайну, будет ею потрясен и очнется от своего смятения лишь для того, чтобы насладиться в полной мере этим бездонным милосердием, этим безумием прощения и этой добротой, которая, по отношению к человечеству, могла вместить и высшую проницательность, и высшую любовь.
(Сертильланж, „Иисус“)

Что происходит в Божием сердце, Христос постарался дать нам понять **притчей о блудном сыне**, или еще, образом **доброго Пастыря**.

И евангелист Иоанн указывает совершенно ясно, что вера в эту бесконечную любовь Божию и составляет отличительный признак подлинных учеников Христа: „И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее” (I Ио. IV, 16).

Но признаем, что нам нелегко понять пути Божии, потому что сами мы эгоистичны, замкнуты в **себе самих**;

нам трудно без колебания отдаться этому **потoku любви**, который исходит от Бога, протекает через все творение и должен в конечном итоге, если мы сами тому не противимся, донести нас до Бога.

Между тем, такова наша единственная задача: верить в Любовь и любить. Свобода нам дана лишь для этого.

Католическая вера — кровь в моих жилах; если-бы ее биение прекратилось во мне, я не мог-бы сознавать себя существующим, и я не могу смотреть на людей иначе, как в свете двух фактов, к которым сводятся все остальные: грехопадения и искупления.

(Эмиль Боманн, „Три святых города”, предисловие)

Драму эволюции человечества через все вопли, слезы и кровь, да, мы ее можем принять, если все это ведет к Богочеловеку. Мы знаем, что мученичество Богочеловека имело единственной целью привести Его назад на Его место одесную Отца и вместе с Ним привести все искупленное Им человечество. Мы знаем, что больше нет решений, кроме христианского, таких решений, подразумеваю я, которые были-бы приемлемы для разума и для сердца.

(Р. Груссе, „Итог истории”, 1946)

ГЛАВА I.

ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦА.

При изучении Искупления, внимание привлекается множеством тем. Остановимся на некоторых из них и прежде всего на тайне Пресвятой Троицы, помня о том, что Церковь видит во Христе Ее Второе Лицо.

Бог, говорит Церковь, един по Своему существу и вместе с тем троичен в Лицах; и Его Второе Лицо воплотилось, чтобы изгладить человеческие грехи.

Заметим прежде всего, что Церковь не говорит, что три Лица составляют одно Лицо — что было-бы абсурдом; она говорит, что единая природа Божества присуща трем Лицам.

Природа и лицо.

Природа всякого существа составляет его действительную первооснову; в ней источник его действий и, когда это возможно, его реакций на действия других существ.

Бог неизменен и поэтому никакое другое существо не может действовать на Него (*); в силу этого, Его природа есть исключительно начало действия.

Лицо — личность — есть существо разумное и имеющее определенную природу, как первооснову своей деятельности, и оно отличается от других лиц, имеющих ту-же природу, тем, что оно обладает по крайней мере одним элементом, неотъемлемо присущим только ему.

Например, все люди имеют человеческую природу; но они в ней участвуют различным образом. Совокупность элементов, приводящих к тому; что данный человек есть данный человек и никто другой, то, что составляет его автономность, его „я”, есть человеческая личность. Каждый человек имеет душу, тело,

(*) Богу нельзя ничего причинить, но можно воздействовать на Него молитвой — любовью на Любовь.

качества, именно ему присущие; этим он отличается от других людей. Он имеет свое особое существование и один несет ответственность за свои действия.

В применении к существу, являющемуся не человеком, а Богом, это понятие личности — Лица — должно восприниматься лишь по аналогии. Говоря о божественном человеческими словами, мы всегда подвергаемся опасности смешать абсолютное и относительное. Бог допускает, чтоб мы говорили о Нем по аналогии с вещами, нам знакомыми; но осторожность необходима.

Христианство нам открывает, что в **природе Божества**, составляющем Его действительное начало, существуют **три Лица**, обладающие полнотой божественной природы и при этом обладающие каждое чем-то своим „личным“, другим непередаваемым и отличающим его от других.

Это — тайна Пресвятой Троицы, тайна трех Лиц, отдельно существующих в одной единой природе Божества.

Слово **Троица** (*trias* - Trinitas) и было образовано именно для того, чтобы выражать одновременно понятия „**один**“ и „**три**“.

Вечная деятельность Бога.

Как мы говорили, разум может доказать существование Бога, единого, независимого, предшествующего всякому творению и — в виду того, что Он имеет Свою Ему присущую природу — являющегося **принципом действия**.

Но далее разум ставит вопрос : какова может быть вечная деятельность Бога?

Не зная о том, что эта жизненная энергия могла находить в Нем Самом свой предмет и свое свершение, философы представляли себе различные решения :

Одни предполагали, наряду с вечным Богом, мир тоже вечный и необходимый, как предмет Его действия (теория сосуществования).

Другие противопоставили Богу противника, другого бога, представляющего собою принцип зла, с которым Ему приходилось бороться (дуализм).

Еще другая группа философов стала разлагать Бога на столько богов, сколько у Него есть различных свойств, чтобы ввести в Божество множественность и движение (политеизм);

Некоторые, наконец, пришли к отождествлению Бога с вселенной, жертвуя личностью и деятельностью Божества и растворяя их в множественности и деятельности ограниченных существ (пантеизм).

Откровение тайны.

Этим блужданиям Христос положил конец, открыв нам Бога живого, Который един, но не одинок;

Бога, несущего в Себе Самом жизненный поток такого напряжения, что одна и та-же божественная природа, единая и неделимая, раскрывается в трех различных Лицах;

Бога, Который, прежде чем свободно излить Свою любовь в творении, находит в Себе Самом вечную деятельность и вечный предмет любви во взаимном и необходимом общении Трех Лиц.

Христос, действительно, говорил нам об Отце : „Никто не знает Сына, кроме Отца, и Отца не знает никто, кроме Сына” (Мф. XI, 27) . . . „Я к Отцу Моему иду” . . . „Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас” . . . „Я сказал вам все, что слышал от Отца Моего” . . . „Как Отец послал Меня в мир, так и я послал вас в мир” . . . (Ио XIV - XVII) . . . „Как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе” (Ио. V, 26).

Христос говорил нам о Святом Духе : „Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, напомним вам все, что Я говорил вам” (Ио XIV, 26) . . . „Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца. Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне” (Ио. XV, 26) . . . „Я пошлю обетование Отца Моего на вас” (Лк XXIV, 49).

О Себе Самом Он говорил, что Он — Бог, и Он следующими словами определил задачу апостолов, в самый момент, когда их оставлял : „Идите, научите все народы, крестя их: во имя Отца и Сына и Святого Духа” (Мф. XXVIII, 19)

Разум просвещаемый верой.

Итак, Христос открыл нам тайну внутренней природы Божества.

Но человек не склонен принимать чистую тайну; поэтому стремится он хоть немного постичь неисповедимую действительность Пресвятой Троицы. Объяснения, им вырабатываемые, не составляют данных веры; их ценность не превышает ценности гипотез.

Не имея возможности исходить из божественной реальности, католическое богословие исходит из реальности человеческой и говорит следующее :

так-как человек обладает разумом и волей, а душа человечес-

кая сотворена Богом по Его подобию, Бог должен обладать **полнотой** разума и воли. (*)

Если затем мысленно следовать за действием Его разума и Его воли, то мы увидим в Боге три различных Лица :

а) Как **совершенный разум, Бог имеет совершенное знание Себя Самого.**

Имея о Себе Самом совершенное знание, Бог рождает в Себе Самом **божественную мысль**, идею, содержащую все, что есть Бог, и необходимую в такой-же мере, как сам Бог.

Все, что в Боге, есть Бог, и поэтому это представление о Боге, рождающееся в Нем действием Его разума, обладает полнотой божественной природы и вечно.

Тем самым мы уже предчувствуем в Боге два Лица, обладающие оба полнотой божественной природы, но кроме того каждое еще и чем-то особым, другому непередаваемым, „личным” :

— Бог, как совершенный разум порождающий в Себе Самом Свой собственный образ, имеет то отличие, что Он **не имеет начала** и дает Себя.

Божественная природа с этой отличительной, единственной чертой составляет божественное Лицо, Которое мы называем **Отцом**, потому, что Его отличие именно в том, что Он рождает.

— Мысль, рожденная в Боге божественным разумом, имеет то отличие, что она все свое бытие получает от этого разума; она — излучение познавательного действия Божия.

Божественная природа, рассматриваемая с этой отличительной чертой, относительно к божественному разуму, составляет божественное Лицо, Которое мы называем **Сыном**, потому-что Оно рождено.

Эту мысль Отца, которою выражается вся полнота божественного существа, мы называем также **Логосом, Словом**, по аналогии с человеческим словом, порождаемым разумом и выражающим его деятельность.

б) Как **совершенная воля, Бог имеет совершенную любовь к Себе Самому.**

От этой любви исходит третье Лицо Пресвятой Троицы.
Действительно :

(*) Исходя из библейской терминологии восточное христианство присоединяет к этому еще понятие сердца, как символ божественной Любви и внутри-божественной Жизни, что несколько не противоречит католичеству, приняв во внимание культ Сердца Иисусова.

Бог Отец любит слово, в котором Он находит полноту и совершенство Своего божества.

Бог Сын — Обладающий полнотой божественной природы и, следовательно, любящий, как Отец, — любит Того, от Кого он получает все, что Он есть.

Таким образом один и тот-же порыв любви влечет Отца к Сыну и Сына к Отцу; Отец любит совершенно совершенство, которое Он видит в Сыне; Сын любит совершенно Того, Кто Его рождает.

Этот порыв един : Сын его получил от Отца; он присущ Им Обоим.

Этот единый порыв любви, это взаимное влечение, исходящее от Отца и Сына, есть в Боге : следовательно, это есть Бог.

Ему присуща полнота божественной природы, с тем различием, что Он **исходит** от Отца через Сына.

Божественная природа, рассматриваемая как взаимная Любовь, соединяющая Отца и Сына, являет собою третье божественное Лицо, которое мы называем Святой Любовью или **Святым Духом** (понимая под словом „дух” не разум, а имеющее личность, дуновение, влечение, порыв, любовь). Из этого следует, что личность представляет собою предельную ценность, коренящуюся в самом Существовании Божием.

Эти попытки объяснений, предпринятые католическими богословами, позволяют предчувствовать, каким образом в Боге, при Его необходимом единстве, могут быть Три Лица; они дают некоторое удовлетворение нашим ограниченным умам!

Для чего открыта нам эта тайна.

Бог не без цели открывает нам Свои тайны.

Было-бы нелепо видеть в этом испытание, которому Он подвергает нашу добрую волю, или стены, поставленные Им для того, чтобы о них разбился наш разум.

Нет, открытие всякой тайны с Его стороны не может быть ничем иным, как только знаком любви и источником обогащения нашей жизни.

Тайна Пресвятой Троицы открывает нам именно, что **подлинная природа** Божества есть **любовь** : „Бог есть любовь”, как повторяет евангелист Иоанн.

В лоне Божества происходит вечный обмен : Отец дает и любит; Сын получает и любит; Дух — поток любви, идущий от Отца к Сыну и от Сына к Отцу.

И тогда — если этот поток любви, переполняя себя самого, свободно излился в **творении** любимых существ,

если он вновь свободно излился в том деле любви, каким было **Искупление**,

если он, с тех пор, изливается все время в мир, в котором мы живем,

то что во всем этом есть еще удивительного?

Чему также удивляться, если, созданные по любви, мы видим, что любовь составляет закон нашей жизни?

Чему удивляться, наконец, если Бог составляет последнюю цель и единственный полноценный предмет этой любви, вызывающей всю нашу деятельность?

Таким образом, тайна Пресвятой Троицы дает нам представление о побуждениях Божиих; она позволяет нам лучше понять Творение и Искупление.

Она объясняет также, каким образом Христос, Сам будучи Богом, мог быть послан Богом, и каким образом, после Его вознесения, Бог продолжает действовать на нашу возрожденную землю, как Святой Дух, Дух Любви.

Вся церковная литургия пронизана этой центральной тайной, от которой, в конечном итоге, исходят все остальные :

Христианин принимает крещение во имя Пресвятой Троицы; знак, по которому христианин узнается, есть **крестное знамение**, совершаемое „**во имя Отца и Сына и Святого Духа**“; большинство церковных молитв кончается славословием Пресвятой Троицы; христианский Символ Веры группирует догматы вокруг трех Лиц Божества.

И тысячи мучеников умерли в подтверждение этой тайны, доказывая любовью Любовь.

ГЛАВА II.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ХРИСТОС.

Мы здесь не задаемся целью доказывать историчность Христа : в наши дни, ни один серьезный историк не ставит ее под сомнение.

Ценнейшее указание дано уже языческими авторами, вскользь и, разумеется, без всякого сочувствия упоминающими, в I веке н. э., о деятельности Христа или Его учеников.

Иосиф Флавий (37-100 г. г.), еврейский историк, косвенно говорит об этом :

Когда Альбин (римский прокуратор) был еще в пути, Анна (один из пяти сыновей первосвященника Анны) собрал Синедрион на юридический совет и велел привести ему на суд брата этого Иисуса, называемого Христом (1) (Иудейские древности).

ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ, правитель Вифинии в Малой Азии, направил своему другу, императору Траяну, ок. 111 г., длинное письмо, в котором, среди другого говорится :

Так-как до сих пор мне никогда не приходилось вести дознание против христиан я не знаю, как поступать... Вот поведение, которое я принимаю : после двух или трех допросов, сопровождаемых угрозами, я приказываю казнить тех, кто упорствует, объявляя себя христианами... Отрицая, что они были христианами, некоторые воскурили фимиам и совершили возлияния перед статуями богов; есть даже такие, которые проклинают Христа, чего, как говорят, невозможно добиться ни от одного настоящего христианина... Тот или другой обвиняемый утверждали, что уже лет двадцать, как они перестали быть христианами... Следствие доказало, что они собираются по определенным дням, перед восходом солнца, чтобы между собою петь гимн Христу, как божеству; они обещают клятвенно, не совершать преступлений, но избегать воровства, разбоя и блуда; наконец, они собираются вечером, чтобы разделить общую и невинную пищу (Письма, X,96).

(1) Речь идет об Иакове, родственнике Иисуса Христа; известно, что у иудеев слово „брат” имело гораздо более широкий смысл, чем в наших языках. Им обозначали и двоюродных братьев, и детей одной и той-же матери; до сих пор в церковном языке его смысл остается гораздо более широким, охватывая всех, кто соединен со Христом.

СВЕТОНИЙ упоминает, в 120 г., событие, относящееся к 51-52 г.г.

Клавдий (император) изгоняет из Рима иудеев, ставших, под влиянием Христа (обычная в то время форма слова Христос), постоянной причиной беспорядка („Жизнь Клавдия”, 25). В другом месте он отмечает : „Были подвергнуты казням христиане, люди, предающиеся новому и зловредному суевию ” („Жизнь Нерона”, 16)

Великий историк Тацит, ок.115 г. по поводу пожара Рима, отмечает с оттенком презрения :

„Чтобы рассеять распространившийся слух, он (Нерон) выдал за виновных и подверг утонченным мучениям тех, кто своими гнусностями навлекал на себя ненависть и кого в простонародьи называли христианами. Это имя они получили от Христа, который, в царствование Тиверия, был предан казни прокуратором Понтием Пилатом. Подавленное на время, это отвратительное суеверие проявлялось опять, не только в Иудее, где это зло возникло, но даже и в Риме, куда стекается и где находит последователей все, что только есть низкого и постыдного ” („Анналы”, 111, кн.XV,44).

„Этих документов, при всей их бедности сведениями о жизни Христа, более, чем достаточно, чтобы закрыть рот фантазерам, старающимся изобразить Христа мифом; они нам доказывают, что уже в 64 г. христианство было силой, способной вызывать ненависть и страх... Это мало, но это и много ” (Прат, „Иисус Христос ”, 1).

Христианские источники.

Но наряду с этими случайными свидетельствами безразличных к этому вопросу историков, что сказать об обильных свидетельствах тех, кто знал Христа и Его любил ?

Совершенство этих свидетельств составляет **Священное Писание Нового Завета**; в него входят Евангелия, Деяния Апостолов (описывающие успехи зарождающейся Церкви, после Пятидесятницы), 21 послание апостолов Христа и одно совсем особое произведение — Апокалипсис, всего 27 произведений различного значения, написанных по-гречески, на общекультурном языке той эпохи.

В нашу задачу также не входит доказывать ценность этих документов (1) или пересказывать лишний раз жизнь Христа;

(1) Разумеется, до нас не дошли **оригиналы** этих писаний, как не дошли до нас оригиналы произведений Виргилия или писем Цицерона; нам остались лишь копии, переписанные от руки, — **рукописи, манускрипты.**

До IV века, эти копии писались на очень непрочных свертках **папируса**; до нас дошли лишь очень немногие из этих свертков, будь то светского содержания или религиозного.

Только с IV века писцы стали пользоваться гораздо более прочным **пергаментом.**

При критическом изучении Нового Завета, мы имеем право быть столь-

в этом отношении, ничто не может заменить чтения писаний Нового Завета, если только читать их с умом, честностью и любовью.

Но чтобы облегчить это чтение, напомним некоторые сведения.

Устное Евангелие.

Слово **Евангелие** означает „благая весть”; им обозначается весть о спасении, принесенном Христом людям; эта весть едина; следовательно, **едино** и Евангелие.

Эту весть Христос нам передал **устно**; Он не написал ничего. И это было ясным указанием, что Его учение должно передаваться в веках, прежде всего, как живое слово, как жизнь. Он и сказал апостолам совершенно точно : „**Идите, научите все народы**”. Речь шла не о том, чтобы распространять или комментировать книгу, а о том, чтобы передавать услышанное.

Эта „Благая Весть” была сообщена живым авторитетом, Христом; она должна была передаваться живым-же авторитетом, продолжающим первый : авторитетом христианской общины или Церкви, как мы увидим дальше.

Конечно, **написанный текст** мог быть полезным и скоро он появился в христианской общине; но он не имел основоположного значения. По мысли Христа, Церковь предшествовала писанию, которое должно было быть лишь орудием в ее руках.

же требовательными, как при таком-же изучении светских произведений.

Но на деле, у нас в руках неизмеримо больше, чем о чем-бы то ни было ином, того материала, который доказывает историческую ценность писаний, относящихся к Христу. Пусть читатель судит :

— Мы имеем 4.000 манускриптов Священного Писания, тогда как от Эсхила, например, их осталось пятнадцать, а от Тацита — один !

— Нам осталось еще несколько папирусных отрывков Нового Завета II и III веков и полные пергаментные манускрипты IV и V веков, отстающие таким образом всего на два - три столетия от оригинала, тогда как время, отделяющее оригинал от самого старого дошедшего до нас манускрипта, составляет для Платона... 1.300 лет, для Фукидида, Эсхила, Софокла, Аристофана... 1.400 лет, и для Гомера... 2.300 лет !

— Существует поразительное согласие между этими тысячами манускриптов Священного Писания возникших в весьма разнообразной среде и написанных на различных языках; известно не более 12 мест, в которых текст не совпадает, причем ни одно из этих различий не затрагивает вопросов догмата или морали или значительных исторических фактов.

Действительно, „нет другого древнего текста, который представлял-бы такие гарантии” (Делепьерр, „Свидетели Христа”).

И мы видим, что после вознесения Учителя, апостолы всюду **живым словом** возвещают Благою Весть, излучая Христову истину и любовь и организуя нарождающуюся Церковь.

Можно было-бы опасаться, что, не опираясь на книгу, они изменили полученную ими весть; но для такого опасения нет оснований :

Чтобы усомниться в этом методе (устной передачи) нужно быть лишенным сведений о культурах устного стиля. В такой среде, где письменности недостает, основное средство образования составляет память. Она достигает изумительной степени развития. Еще и в наши дни, на Мадагаскаре, у берберов или афганцев, нередко можно встретить сказителей, повторяющих без колебаний тысячи стихов. Счастливы умы, не атрофированные уверенностью, которую дает письменность!.. То-же мы видим у законоучителей в Иерусалиме. Закон, который они толковали, был, разумеется, писанный; но все их толкования давались, во дворе храма, устным путем. Ученики различных школ передавали их слово... Очевидно, что Господь решил следовать этому традиционному и верному способу учения. Он приготовил учеников к тому, чтобы повторять уроки... После этого не удивительно, что апостолы, а затем их первые ученики, могли зафиксировать в памяти такую весть и передавать ее неизменной.

(Делепьерр, I)

Писанные Евангелия.

Но пришло время, когда Сам Бог внушил людям **записать** все основное в Благой Вести. Авторитет Церкви и ее первенство по отношению к написанному слову были уже достаточно твердо установлены; с другой стороны, некоторые из „свидетелей” Христа уже исчезли, в строй вступало второе поколение учеников; наконец, Евангелие проникало в языческую среду, более привыкшую к письменности.

Таким образом, понятно, что с разных сторон стали появляться письменные отчеты о вестях Христа, сначала очень отрывочные, потом более пространные.

Из них четыре вскоре были признаны, авторитетом Церкви, как подлинные и **бог вдохновенные**, т.е. написанные под Божиим руководством. Это — то, что мы называем четырьмя Евангелиями, т.е. четыре отчета о единой Благой Вести. Их авторов — Матфия, Марка, Луку, Иоанна — стали называть **евангелистами**.

После оживленных споров нецерковные ученые теперь согласны в том, что составление трех первых евангелий относится ко времени до 70 г. н.э., а четвертого — приблизительно к 90 г.; эти ученые оказываются таким образом согласными с тем, что церковное предание утверждало всегда.

У евангелистов культура и интересы были весьма различны; они обращались к различным человеческим группам и составляли свои заметки соответственно с требованиями своей проповеди.

Вследствие этого в их писаниях не приходится искать полной биографии Христа или полного изложения Его учения. Они не приводят ни всех Его слов, ни всех Его чудес. Евангелист Иоанн к тому-же об этом прямо предупреждает, в выражениях несколько гиперболических : „Многое и другое сотворил Иисус; но если-бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить-бы написанных книг” (заключительные строки его Евангелия).

Тем самым, евангелисты весьма мало заботятся о хронологии; то или иное событие в жизни Христа они приводят или наоборот, пропускают, в зависимости от того, что требуется для их проповеди.

Все это смущает наши современные умы, но зато и придает евангелиям характерные для них непосредственность, живость и свежесть.

Заметим, кстати, что если-бы Богу было угодно дать нам полную биографию Христа, евангелистам пришлось-бы писать по Его вдохновению четыре отчета, совершенно тождественных вплоть до мельчайших деталей, т.е. четыре экземпляра одного и того-же труда ! Бог дал нам нечто лучшее : самобытные произведения, внушенные конкретными обстоятельствами жизни Церкви и тем не менее образующие одно единственное Евангелие.

Историческая обстановка.

Для правильного понимания Евангелия, необходимо учитывать, что Христос появился среди нас в определенное время, в определенном месте. Пожелав быть вполне человеком и вложиться в рамки нашего человеческого бытия, Он явился перед нами, как иудей, 20 веков тому назад. Его жизнь понятна только в палестинской обстановке того времени; Его учение определено, в некоторой степени, идеями и обычаями людей, среди которых Он появился.

Чтобы полнее воскресить картину этой страны, следовало-бы говорить о ее климате, временах года, ветрах, атмосферных осадках, сельско-хозяйственных культурах, фауне и флоре; пришлось-бы описывать народный быт, жилища, домашнюю обстановку, домашнее производство (хлебопечение, ткание одежды и пр.), ремесла (плотника, валяльщика, каменщика, горшечника, кузнеца, рыбака, торговца, менялы), сельско-хозяйственную жизнь,

питание, различные наречия, организацию власти, уголовное право, налоги, а в особенности религиозную жизнь, с ее праздниками, постами, очистительными обрядами, временами установленными для молитвы, синагогами, храмом, священниками : обо всем этом упоминается в Евангелиях.

Нужно было-бы, в частности, вспомнить, что задолго до пришествия Христа Бог избрал Себе **народ**, в котором Он должен быть явиться. Он дал этому народу пророков, подготовил его к великому откровению.

И еврейский народ, ревниво храня то, что Бог ему вверил, прошел через многие невзгоды, не мешаясь с другими народами, оставаясь, в общем, удивительно **верным** своему единобожию, своей вере в личное бессмертие и своей надежде на появление Спасителя.

Книги Ветхого Завета (также вдохновенные Богом и подготавливающие появление Христа среди людей) в своей совокупности рассказывают историю этого удивительного народа, призванного Богом играть исключительную роль в религиозном развитии человечества.

Во времена Христа, страна была уже сорок лет занята римлянами, которые поручили ее управление **Ироду**, не принадлежавшему к еврейскому народу. Как никогда раньше, еврейский народ стремился к освобождению.

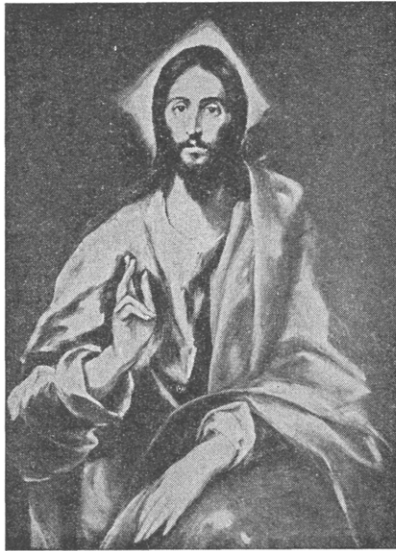
Воздвигая более или менее повсеместно языческие храмы и увеселительные учреждения, Ирод попытался привлечь к себе народ, восстановив, в грандиозно увеличенном виде, **Иерусалимский храм**, единственный, в котором иудеи имели право приносить Богу свои жертвы. Тем не менее, иудеи его ненавидели, в качестве иноплеменника, рабски покорного римлянам и обращавшегося без уважения с их духовными вождями.

„ Чистые ” евреи жили в **Иудее**, составлявшей религиозный центр всей страны. В последнем веке до н. э., часть народа обосновалась в Галилее, где приобрела, благодаря проходившим здесь караванным путям, умонастроение более космополитическое, менее связанное соблюдением иудейской обрядности, более снисходительное по отношению к иноземцам. Между Иудеей и Галилеей пролегла Самария, раскольническая, населенная главным образом потомками переселенцев, в свое время приведенных сюда из отдаленных краев, которые, хотя и приняли в основном еврейскую религию, тем не менее не признавались иудеями.

Итак, иудейский народ ждет Спасителя и обсуждает относящиеся к нему мессианские тексты; римляне наблюдают за этим недисциплинированным народом; Ирод славится своим тирани-

ческим произволом; жители Иудеи смотрят несколько свысока на галилеян, а те и другие вместе с полным презрением относятся к самарянам и к римлянам.

Возвращенные в эту обстановку, страницы Евангелия оживают. Тревоги Ирода при рождении Спасителя, ответ запрошенных им священников, эпизоды в храме, вопрос о платеже подати Кесарю, библейские цитаты в устах Христа, присутствие Пилата и Ирода при Страстях, — это лишь несколько отдельных подробностей, которые мы приводим для того, чтобы возбудить — если в том есть еще надобность — любознательность читателя и побудить его прочесть существующие отличные труды по палестинской исторической обстановке; они помогут ему лучше понять жизнь и проповедь Иисуса Христа.

Греко **ИИСУС ХРИСТОС**

Любовью к ближним пламенея
Народ смиренно Он учил;
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил.

А. Толстой.

ГЛАВА III

ТАЙНА ВОПЛОЩЕНИЯ

Воплощение (соединение с плотью) есть тайна Сына Божия, ставшего человеком.

Евангелист Иоанн так говорит об этом во вступительной главе (I,14) : „ Слово стало плотию и обитало с нами ”. И апостол Павел пишет затем филиппийцам (II,6-7) : „ Он, будучи образом Божиим, . . . унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам ”.

Тайна.

Итак, Слово, Второе Лицо Пресвятой Троицы, от вечности обладающее **божественной природой**, приняло, в определенный момент во времени, **человеческую природу**.

Ясно, что это — факт, превосходящий наше понимание, и не приходится удивляться, что находились люди, которые, стремясь устранить эту тайну, отрицали во Христе :

а) либо **божественную природу** (ариане в IV веке, некоторые протестанты в XVI, а в наше время — рационалисты, „ либеральные ” протестанты и некоторые модернисты); в их представлении, Христос — существо в высшей степени совершенное, но сотворенное, а не Бог;

б) либо **человеческую природу** (гностики I и II века); в их представлении Христос обладал только видимостью тела, был призраком, без материальной реальности, скрывавшим Бога;

в) либо **единство** Его личности (несториане V-го века); в их представлении, двум природам Христа — божественной и человеческой — соответствовали две различные личности; у Христа оказывалось-бы два разных лица.

Против этих ересей, церковное учение утверждает реальность **двух природ, в полноте своей существующих в одной и той-же личности** Иисуса Христа.

Величие соединилось с низостью, могущество со слабостью, смертное с вечным, неприступная природа с природой, подверженной страданию. Истинный Бог родился в цельной и совершенной природе истинного человека, весь полностью со всем, что есть в Нем, весь полностью со всем, что есть в нас.

(Св. Лев. Великий, „Патрология” Миня, 54, столбец 763)

Христос обладает божественной природой, с божественным разумом и с божественной волей : Он обладает человеческой природой, с телом и душой, с человеческим разумом и с человеческой волей.

Он — не человеческая личность, получившая, сверх того, божественную природу; Он — божественная личность, соединившаяся с человеческой природой.

В этой человечности действовало Второе Лицо Пресвятой Троицы; потому-что Второе Лицо приняло на себя ответственность за действия, совершаемые этой человеческой природой, и таким образом дало им бесконечную ценность.

Уже достаточно таинственно, если человеческая природа возвышается до Бога; но если Бог унижается до того, что принимает состояние человека, то это — тайна еще более великая, вновь ставящая перед нами вопрос о любви Божией к нам.

Истинный Бог.

В течение Своей общественной жизни, Христос **утверждает** постепенно Свою божественность.

Он говорит, что Он „ больше Давида, Илии, Моисея”, выше ангелов, которые Ему служат.

Он приписывает Себе власть исправлять души, прощать грехи, совершить в последний день верховный суд над живыми и мертвыми, посылать Святого Духа и давать вечную жизнь.

Он требует, чтобы в Него верили, как верят в Бога, чтобы Его любили больше всех тварей, вплоть до жертвы собственной жизнью, так, как любят Бога; чтобы Ему отдавались, как отдаются Богу; чтобы в Нем искали спасения, как ищут спасения в Боге.

Он говорит, что Он равен божественному законодателю Синая, утверждает, что Он и Отец Небесный — едино.

Наконец, Он предоставляет Петру торжественно провозгласить Его, как Сына Божия, и Он в определенной форме объявляет первосвященнику Свою божественность (Сюллеро, I).

„ Истинно, истинно говорю вам : прежде, нежели был Авраам, Я есмь ” (Ио. VIII, 58) ... „ Прощаются тебе грехи твои ” (Лк. V,20)... „ Я и Отец — одно ” (Ио. X,30) ... „ Все предано Мне Отцом Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына ” (Мф. XI,27) ... „ Ты Христос, Сын Бога живого. — Блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах ” (Мф. XVI, 17-17) ... „ Ты ли Христос, Сын Божий ? — Ты сказал ” (Мф. XXVI, 63-64).

Эти заявления Христос **подтверждает** многочисленными **чудесами**, показывая в них Свою абсолютную власть над природой, над людьми и над демонами. И Его свидетельство о Себе завершается воскресением из мертвых, предсказанным, как доказательство Его божественности.

Истинный человек.

Христос, как человек, обладал телом, которое было зачато Девой Марией и было совершенно реально.

„ О том... что мы слышали, — говорит евангелист Иоанн, — что видели своими очами, что рассматривали, и что осязали руки наши, о Слове жизни (...) возвещаем вам ” (I Ио. 1, 1-3).

Это тело евангелисты показывают нам во всех возможных состояниях: стоя, сидя, лежа на лавке или на дне лодки, отягощенное сном, на коленях или павши ниц в молитве. Они его показывают подверженным всем человеческим немощам: мучимое голодом, томимое жаждой, изнуренное усталостью, покрытое кровавым потом, раздраемое ударами бича, пронзенное копьем.

Движения его рук описываются с точностью и любовью: они благословляют детей, прикасаются к больным для их исцеления, к мертвым для их воскресения, они изгоняют торгующих из храма, смиренно омыают ноги ученикам, преломляют хлеб и передают священную чашу.

Отмечаются все оттенки его взгляда: нежный взгляд на богато молодого человека, сверкающий негодованием на упорствующих в неверии, восхищенный даром бедной вдовы, полный упрека и скорбной любви на отрекшегося Петра.

В его голосе звучат всевозможные интонации: твердости, властности, иронии, радости, нежности.

(Цитировано у Сюллера, „Христианская жизнь”)

Это тело было крепким, способным переносить недостаток сна, долгое воздержание от пищи, непогоду и продолжительные переходы пешком. Проповеди толпам, докучливая настойчивость больных, споры с книжниками, терпеливое втолковы-

вание апостолам, — ничто, как будто, не может исчерпать его жизненных сил, когда апостолы жалуются на усталость, хотя большинство из них — привыкшие к усилию рыбаки.

Внешний вид Христа приводил в восторг матерей („Блаженно чрево, Тебя носившее !”); дети бежали за Ним и без страха отдавались в Его объятия, толпы от Него приходили в восторг.

Христос был наделен тончайшей **чувствительностью**. Он был полон восторга перед красотами природы, постоянно привлекал к ним внимание учеников : птицы небесные, зреющие хлеба, виноградные лозы, обремененные гроздьями, полевые лилии...

В Нем находили отклик все человеческие чувства, а в особенности привязанность. Особая нежность была у Него к Иоанну; была она у Него к Лазарю и, узнав о его смерти, Он плакал; плакал Он и над Иерусалимом, не желавшим Его принять. В особенности Он склонялся над слабыми, над больными, над детьми, над грешниками; из Его любви не исключался никто, даже Его враги.

Его человеческий **разум** бодрствовал постоянно.

Его божественное знание вещей было, очевидно, совершенным, но Его человеческое знание, приобретаемое усилием чувств и разума, возрастало по мере новых восприятий.

Подмечая множество подробностей еврейского быта ,Он пользовался ими с замечательной меткостью, чтобы выразить Свою мысль :

Ему достаточно нескольких черточек, чтобы перед нами встали, как живые, крестьяне, рыбаки, виноградари, купец, торгующий жемчугом, откупщик и торговец, наемный работник, предприниматель и садовник, домашняя хозяйка и бедная вдова, или судья, полководец и царь. Необычайно богатые, с множеством тонких оттенков, притчи описывают нам народный быт во всей его простоте, ребенка, шумно играющего на улице, широкие повязки книжников с написанными на них молитвами, законоучителей в их длинных одеждах, брачное шествие среди ночной тишины, веселый пир, строгую церемонность за праздничным столом, несчастного нищего на улице, покрытого струпами, боязливого мытаря в углу храма...

(К. Адам, „Иисус Христос”)

Мудрость Его ответов вызывает восхищение даже у врагов; Его реплики полны живости. Без малейшего усилия, Он самые возвышенные мысли излагает совсем простыми словами. Но что в особенности поразительно, это — язык, в совершенстве приспособленный к слушателям и вместе с тем остающийся доступным пониманию людей всех времен.

У Христа была человеческая **воля** необычайной силы, твердая, сосредоточенная. Его приказания не допускали возражений, Его решения были окончательными. Он бывал горяч, даже страстен, и вместе с тем продолжал владеть в совершенстве всеми Своими словами и действиями. Во время Страстей, Он остается спокойным; страдание, составляющее то испытание, которое обнаруживает подлинные характеры, оставляет Его, отнюдь не безчувственным, но в полном обладании Самим Собой.

Он подчиняет Себе людей абсолютно; но Он присоединяет к этому столько ласки, такое понимание трудностей, что Он без труда увлекает за собой человеческие толпы, хотя Он и предписывает им исключительно суровую жизненную программу.

В единстве Его личности, эта человеческая воля существовала раздельно от божественной воли, но была совершенно покорна этой последней; поэтому Он и мог сказать : „Я сошел с неба не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца” (Ио. VI, 38); и еще в Гефсиманском саду : „Отче! о если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет” (Лк. XXII, 42).

Воплощение как совершенное осуществление замысла Божия.

Бог сотворил свободные существа, решив привлечь их к Себе, в сияние Пресвятой Троицы, чтобы они получили вечное блаженство.

Люди воспротивились этому замыслу Божию.

И вот, через воплощение, Бог торжествует несмотря ни на что и осуществляет в совершенстве Свой замысел :

в лице Логоса, Он соединяется навеки с сотворенной человеческой природой.

Таким образом, в Иисусе Христе Он осуществляет предусмотренный синтез творения и Творца, человека и Бога.

Во всей вечности, Пресвятая Троица будет со стороны творения предметом любви, любви бесконечно ценной в силу того, что это — любовь человеческой природы, соединенной во Христе со вторым Лицом божества...

Теперь понятно, почему Бог, от вечности предвидя грехопадение, предрешил воплощение Слова, как чистое осуществление Его замыслов, а вместе с тем и как самодостаточное искупление всех времен.

Как мы уже говорили, Богу от вечности было угодно, чтобы был наш мир, тот, который мы знаем, без сомнения искаженный грехом, но зато и искупленный Христом и в Нем объединенный,

потому-что этот мир — именно тот, в котором более всего может проявляться божественная любовь.

И поэтому, на первом плане всего Своего дела Бог видит Иисуса Христа; мир Он видит только через Него, с Ним и в Нем; все сотворенное угодно Ему лишь в той мере, в какой оно вкладывает себя во Христа.

В центре мира, над всем господствуя, все озаряя, для Бога есть только Христос. Он — **альфа и омега**, начало и конец всего сотворенного.

Вокруг Него вращается мир. Основное событие в истории человечества, это — пришествие Бога среди нас.

Раввуни !

Через несколько часов после Воскресения, Мария Магдалина плакала у пустой гробницы, когда кто-то приблизился к ней, — она сначала подумала, что это садовник. Но когда она услышала знакомый голос, сказавший ей : „**Мариам !**” — она сразу узнала Господа и, пав ниц, прошептала с благоговейной любовью : „**Раввуни !**” т. е. „**Учитель !**”.

Мария Магдалина представляла все человечество, с его тоской по счастью, с его потребностью в решении проблемы жизни, с его стремлением найти Водителя и Учителя.

И Мария Магдалина с своей стороны проявила то, что было единственно мыслимым : поклонение. Можно представить себе всю радость, всю нежность, все самозабвение, с которыми она произнесла это слово : „**Раввуни !**”

Христианин, достойный этого имени, есть последователь Христа; и с той-же радостью, с той же нежностью, с тем-же самозабвением, он повторяет : „**Раввуни !**”

Его религия — не система хороших принципов; она в особенности — не свод каких-то предписаний; она прежде всего — страстная привязанность к определенному Лицу.

Христианин сам повторяет вслед за палестинскими слушателями : „Никогда человек не говорил так, как этот человек” (Ио. VII, 46).

Или слова апостола Павла : „ Не я живу, но Христос живет во мне ”.

Или слова другого, позднего последователя : „ Он Тот, Кого с миллионами живущих и с миллиардами умерших я имею великую честь называть Господом Иисусом Христом ” (Ренэ Базен).

Быть христианином это значит ввести Христа в центр своей жизни и действовать только с Ним и для Него...

Но об этом мы подробнее скажем в дальнейшем.

ГЛАВА IV.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АКТ ИСКУПЛЕНИЯ.

Если неосторожный альпинист по собственной вине упал в расщелину, увлекая за собой своих связанных с ним веревкою спутников, то наемный проводник ограничивается тем, что издали кричит кое-какие советы, пока несчастные спутники, голодные, ушибленные, упавшие духом, тщетно пытаются выкарабкаться по отвесному обрыву на залитую солнцем вершину.

Настоящий проводник, действительно преданный своему делу, поступает иначе : он не колеблясь жертвует своим безопасным положением, сам спускается на дно пропасти, присоединяется к путникам, как можно больше отождествляется с ними, разделяет их страдания и тревоги, принимает на себя последствия совершенной ошибки и, первым поднимаясь наверх, на веревке вытаскивает за собою тех, кого хочет спасти, требуя от каждого содействия, в меру его сил.

Так Бог совершил наше спасение : Слово стало одним из нас, спустилось до нас, принимая нашу природу и наше несчастье, слилось с нами, чтобы лучше принять на Себя последствия нашей вины, и поднимаясь первым из пропасти — **первенцем среди людей**, по выражению апостола Павла, — дало и нам возможность подняться.

Только в Нем мы спасаемся. Один Спаситель — Христос; в Нем одном мы исправляем нашу вину. Только соединяясь с Ним мы можем опять стать друзьями Божиими.

Евангелист Иоанн, много говоривший о спасении, показывает его, как тайну единства во Христе, и апостол Павел, пожалуй, с еще большею силой, представляет его тою-же тайной единства. Воссоздавая нас в Себе, возрождая нас в Себе Своею кровью, в Себе давая нам жизнь, правду и святость, в Себе превращая нас в сынов Божиих, в Себе, как во втором Адаме, подводя итог всего рода человеческого и в Себе упраздняя зло, всем нам причиненное первым Адамом, включая нас в Свою жизненную новизну через крещение, Христос становится нашим спасением и искуплением. Как

верно отметил один из лучших комментаторов апостола (Ф. Прат. „Богословие апостола Павла”), здесь все сводится к великому началу солидарности, к истине мистического тела.

(Э. Мерш, „Богословие мистического тела”, 1).

И вот для чего воплощенное Слово прошло через **этапы человеческого существования**, подавая нам образец совершенной жизни.

Вот для чего Оно приняло на Себя **бедность, труд, страдание, лишения всякого рода**, становясь таким образом одним из нас; ни одно человеческое существо уже не может роптать на Бога за то, что Он подвергает его испытанию, которого Он сам лично не изведал-бы, не принял-бы и не претерпел-бы; всякое человеческое существо, каковы-бы ни были его задачи и его страдания, отныне находит в Христе **предшественника, образец и поддержку**.

А так-как грешник заслуживал **смерти**, Христос принял на себя все наказание, в том числе и смерть, и смертию заслужил для нас жизнь.

Эта полная жертва самим собой, принятая Христом и от нашего имени принесенная им Богу, составляет центральный акт искупления, его высшую точку.

На ней нам нужно остановиться. А так-как эта жертва воспроизводит в основных чертах одно из еврейских жертвоприношений — пасхальное, — напомним прежде всего, что такое **жертва** вообще; рассмотрим затем **еврейскую пасхальную жертву** : это позволит нам лучше понять **жертву Христа**.

Жертва.

1. Основной смысл жертвы — **принесение** Богу принадлежащего нам предмета или живого существа в знак признания Его всемогущества, благодарности за Его благодеяния, или для того, чтобы испросить у Него милость или загладить свою вину.

То, что приносится Богу, тем самым Ему **посвящается**, т. е. приобретает священный характер, становясь Его исключительной собственностью.

2. Для более ясного подтверждения того, что мы перестаем быть владельцами приносимого нами, жертвоприношение **может** сопровождаться, когда речь идет о живом существе, **кровавым умерщвлением** приносимой жертвы.

Посвящение Богу совершается до, в момент или после умерщвления; это — второстепенная подробность.

3. Если жертва умерщвляется, то ясно, что это **умерщвление** может быть совершено только один раз; но это не препятствует тому, что **посвящение** этой жертвы Богу может быть повторено несколько раз и различными лицами.

4. Так-как жертва становится „священным” предметом, принадлежащим Божеству, то **есть от жертвы**, когда жертва съедобна, становится способом войти в общение с Богом и приобщиться к Его жизни. Это также — способ тесно соединиться с жертвой и вместе с нею принести Богу себя самого.

Эти четыре положения позволяют нам лучше понять дальнейшее.

Еврейская пасха.

Это был самый торжественный из еврейских праздников : он увековечивал среди израильтян память об **исходе из Египта** и о движении их народа к обетованной земле.

Как известно, Бог повелел евреям принести Ему в жертву непорочного агнца — ягненка, — вымазать его кровью притолку двери их жилищ и затем есть мясо жертвы, не ломая ее костей. В ту-же ночь, Он поразил смертью египетских первенцев, но пощадил еврейские жилища, отмеченные кровью ягненка.

Каждый год к определенному дню бесчисленные толпы евреев, из всех стран еврейского рассеяния, собирались у Иерусалимского храма — единственного места, где Бог принимал поклонение от Своего народа, — для жертвоприношений в память об этих событиях.

14-го нисана, в канун праздника, каждый **умерщвлял** в храме непорочного агнца; священники собирали его кровь и затем изливали ее, как **жертву**, вокруг алтаря.

Этот жертвой ягненок становился священным.

Те, кто его принес, ели его затем в семье, за ужином, который назывался **пасхальной вечерей**. Этим они тесно соединялись с жертвой, которую они принесли Богу и которую Бог им возвращал в знак Своего благоволения и прощения.

ОБРЯД ЭТОЙ ВЕЧЕРИ был полон воспоминаний и грандиозной символики. Председательствовавший за столом начинал пением благодарственного гимна и передавал всем присутствующим первую чашу вина; затем все совершали очистительное омовение рук и

приступали к еде горьких трав и „харосефа“. После этого слушали рассказ о бегстве из Египта, а по окончании его передавалась вторая круговая чаша вина. Опять омывали руки и наконец приступали к еде пресного хлеба и пасхального агнца, ни одна кость которого не могла быть сломана. Ягненок должен был быть целиком съеден присутствующими; кости и другие останки должны были быть сожжены. Третья круговая чаша передавалась в конце вечера.

В тот год, **Христос** в последний раз исполнил предписания закона относительно еврейской пасхи; как в предыдущие годы, в храме был умерщвлен агнец, кровь его излита, мясо его было съедено Учителем и апостолами, в помещении, предоставленном одним из городских жителей.

И в конце этой вечера Христос установил **новое жертвоприношение**, составившее высшую точку Его спасительного служения.

Жертва Христа.

Когда ученики были еще за столом, Христос взял хлеб, произнес слова благодарения, благословил его, преломил и дал ученикам со словами : „**Примите, едите; сие есть тело Мое**“. И взяв чашу (по всей вероятности третью чашу еврейской пасхи), возблагодарил, благословил ее и передал им со словами : „**Пейте от нее все; ибо сие есть кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов**“.

Совершилось новое жертвоприношение :

— Христос, от имени нас всех, приносил **Своему Отцу** единственную Жертву, угодную Богу : Свое собственное Тело и Свою собственную Кровь.

И чтобы быть одновременно и священником, приносящим жертву, и самой приносящейся жертвой, Христос взял хлеб и вино и претворил их в Свои Тело и Кровь. Символическим разделением Тела и Крови предзнаменовывалось кровавое жертвоприношение, которое должно было состояться на следующий день.

— Христос Свои Тело и Кровь дал в пищу **апостолам**.

Этим Он давал им возможность тесно соединиться с Его жертвой и через Него, с Ним и в Нем посвятить Богу себя самих.

Вместе с тем Он давал им залог прощения Божия, поскольку Бог разрешал им потребить в пищу Ему принадлежащую жертву.

Акт людей по отношению к Богу через Христа, акт Бога по отношению к людям через Христа : таков двойной смысл жертвы, принесенной в Страстной Четверг.

Эта жертва **реальна**, поскольку приношение было реальное. Эта жертва **бескровна**, но она предвещала кровавое жертвоприношение : Христос давал апостолам тело, которое должно было „быть предано”, и кровь, которая должна была „излиться”. С этого момента, Он бесповоротно принял Свои страдания и смерть : Он уже был **жертвой**.

В Страстную Пятницу, Христос на кресте оставался в полном сознании всего происходившего; в силу этого Он продолжал приносить Себя Отцу, как Он приносил Себя Ему накануне вечером.

Таким образом, в Страстной Четверг было реальное и полное принесение жертвы, которая должна была быть умерщвлена; в Страстную Пятницу, на кресте, было реальное и полное принесение жертвы, которая умерщвлялась.

Мы уже говорили, что жертва, хотя и умерщвляемая только один раз, может быть принесена несколько раз; одна и та-же жертва может служить для нескольких жертвоприношений. Это замечание нам пригодится в дальнейшем, когда мы будем говорить о божественной литургии.

Бросаются в глаза аналогии с еврейской пасхой, которая, впрочем, представляет собою лишь подготовку и прообраз вечной жертвы Христа. Тут и там :

священник, являющийся посредником между Богом и людьми; непорочный агнец и кровавое умерщвление;

алтарь (кровь течет на кресте, как на алтаре);

ни одна кость не ломается (вспомним евангельский текст : воины, „пришедши к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени” (Ио. XIX, 33);

обрядовая трапеза, во время которой жертва, ставшая собственностью Бога, целиком съедается теми, кому она предлагается в пищу.

Счастливая вина...

Так совершается дело примирения между Богом и людьми.

„Пасха наша, Христос, заклан за нас”, говорит апостол Павел (I Кор V, 7). И апостол Петр : „Искуплены вы... драгоценною кровию Христа, как непорочного и чистого агнца” (I Петра I, 18-19).

Вольною жертвою одного из своих членов — Христа Божочеловека — человечество полностью загладило свою вину; оно с избытком дало удовлетворение божественной правде; оно искупило сверх всякой меры; свое непослушание оно загладило героиче-

ским послушанием Христа; жертвой, принесенной Христом, оно заплатило полную цену за божественную жизнь, которую Христос тем самым ему возвращал.

Жертвоприношение **совершенно**, потому-что совершенна Жертва; оно **единственно**, потому-что умерщвление полное — умереть можно только один раз; однако, оно может быть **возобновлено**, если та-же Жертва приносится снова.

Христос просто применил на деле Свое учение : „Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Ио. XV, 13) ... „Я есмь пастырь добрый : пастырь добрый полагает жизнь свою за овец” (Ио. X, 11).

Внутреннее чувство Христа выразил Паскаль в своей „Тайне Иисуса”, вкладывая Ему в уста следующие слова, которые Он обращает к душе : „Тебе Я более друг, чем тот или иной; потому-что для тебя Я сделал больше их, они не претерпели-бы того, что претерпел Я за тебя, и не умерли-бы за тебя, во времена твоей неверности и жестокости, как умер Я”.

Напомним еще потрясающие слова Христа св. Ангелине Фолинской : „Не напрасно Я тебя возлюбил”.

И теперь можно понять дерзновение Церкви, которая на Западе поет в Пасхальную ночь : „Счастливая вина, позволившая нам иметь такого Спасителя !”

Как Бог довел до такого предела Свое снисхождение ? Это остается тайной, но тайной, которая вполне созвучна всем тем, с которыми мы уже встречались. Все они сливаются в одной центральной тайне : в любви Бога к нам.

Что таинственно в искуплении . . . это — непостижимая любовь Бога к Своему творению. К этой тайне все время привлекают наш взор распятия, висящие в наших домах, непрерывно убеждая нас превратить наши страдания и смерть в любвеобильный ответ на бесконечное милосердие.

На коленях перед распятием, означаящим „для иудеев соблазн и для эллинов безумие”, мы можем лишь повторять слова евангелиста Иоанна : „Мы, христиане, уверовали в любовь, которую Бог возлюбил нас”.

Эта любовь, перед которою разум теряется, потому-что она до такой степени его превосходит, есть первое и последнее слово нашей веры, основа нашей надежды и то вечное, что питает нашу любовь.

(Сюллеро, I)

ГЛАВА V

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО, ПАСХА НЕТЛЕНИЯ

Все четыре евангелиста заканчивают свое повествование описанием страстей Господа Иисуса Христа и Его воскресения из мертвых. Последнее изображено, так, что оно как бы является логическим следствием Страстей, их увенчанием и их смыслом.

Проповедь о крестных страданиях в устах самого Господа, рассеянная на всем пространстве Его учения, неразрывно связана с проповедью о воскресении.

С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту и в третий день воскреснуть. (Мф. 16,21)

Вот мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и Его осудят на смерть... и убьют Его; и в третий день воскреснет. (Мрк. 10, 33-34)

И когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый. И Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: не бойся; Я есмь первый и последний и живой; и был мертв и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти.

(Апок. Откровение Иоанна 1,17-18)

Все это показывает что смысл, или как философы говорят — энтелехия страстей Христовых, вся совокупность которых именуется крестом и распятием, есть воскресение Христово. С самых древних времен объединены в органическое неразрывное двуединство „Пасха Распятия” и „Пасха Воскресения”.

Церковь вспоминая страсти Господни так построила свои службы, что в них воспоминание о тайной вечере и страданиях Господа являются как бы траурной и печальной прелюдией к ослепительной белизне, блеску и безграничной радости пасхального воскресения.

И не столько учение о кресте Сына человеческого, сколько учение о воскресении оставалось и остается по сей день камнем преткновения (Деян. 17, 18-32 и др).

Человеческому сознанию в его естественном виде доступна идея надругательства кривды над правдой, но реализованная идея воскресения из мертвых в зарегистрированном Писанием факте — есть нечто до сих пор наименее воспринимаемое людьми, особенно так называемыми образованными, ссылающимися в своем противлении как будто на законы природы — хотя они в любой момент могут быть отменены действием всемогущества Божия.

Однако, как видно из 16 главы Евангелиста Марка — это неверие, которое названо даже жестокосердием, было свойственно самим Апостолам.

Повествование об этом неверии и об этом противлении так называемого естественного разума представляет значительную долю Евангельских сказаний о Воскресении. Как верно замечает проф. протоиерей Светлов — это противление радостной вести о воскресении ближайшего окружения Господа есть один из сильнейших аргументов в пользу правдивости этого повествования.

Однако вера в воскресение, которую Господь соединяет с обрядом крещения, есть основное условие спасения.

Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет.
(Мк. 16,16)

Идея воскресения из мертвых и сокрушения власти тьмы никогда не оставляла человечество.

Этой идеей полны греческие елевзинские мистерии, которые папа св. Ипполит именует в своем произведении *Philosophumena* „великими и достойными” ибо они основаны на идеи бессмертия.

Отец Павел Флоренский так определяет основную идею этих мистерий: посвященный не увидит смерти (уничтожения, небытия).

Подобно тому и в Ветхом Завете, весьма скупом в этом отношении — то небольшое что в нем содержится блещет удивительной яркостью и не двусмысленной определенностью.

Ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть гление.
(Пс. 15,10)

А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию; и я в плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого увидят Его.
(Иов 19, 25-27)

Толкование книги Иова было недавно написано современным известным психологом и психиатром К. Юнгом в произведении „ответ Иову”. На основании чисто научных соображений он

считает, что воскресение Христово есть действительный и фактический ответ Иову со стороны Высшего Существа.

Господь воскрешает мертвых вплоть до торжественного воскрешения Лазаря (Иоанн 11,1-45).

Повествование это несмотря на его духоносность полно такого реализма, такой жизненности, таких неизобретаемых, чисто житейских деталей, и так тесно связано с семейным еврейским бытом той эпохи, что ни о какой выдумке здесь не может быть и речи.

Это чудо было поводом торжественного входа Господа в Иерусалим и оно же наряду с обличительной речью по адресу фарисеев и первосвященников (Мф. 23,1-39) было основным поводом распятия и умерщвления Господа на древе крестном. В силу этого придется сказать не только, что воскресение заключает собою распятие, но что оно его и начинается.

Господь действительно смертью смертью поправил как говорит об этом Церковь, т.е. это значит, что Его смерть была тем путем, которым Он проник в темные бездны обладателя смерти и наполнив их Своим божественным светом — тем светом, который ученики уже видели в Преображении Господа (Мф. глава 17) — разрушил смерть.

Егда к смерти снишел еси, животе бессмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества — поет святая Церковь.

Апостол Павел совершенно определенно говорит, что вне воскресения Христова проповедь и страсти Господни не имеют никакого смысла. Не имеют смысла тогда все страдания мира и мир действительно представляется „дьявольским водевилем“, о котором говорит у Достоевского неверующий в воскресение Христово, хотя и любящий Христа, Кириллов.

В этом отношении особенно важна 15 глава первого послания к Коринфянам. Она представляет настоящую систему христианского богословия взятую с точки зрения воскресения Христова, которое поставлено во главу всей христианской веры. Некоторые тексты этой главы вошли в Никео-Царьградский символ веры.

Воскресение есть истина сверхразумная, но ни в коем случае не противоразумная, как и творение, и мое существо. Ибо если Бог мог вызвать меня из небытия — „ибо сам собой я быть не мог“ (Державин), то тем более Он может воскресить меня уже сущего и „восставить из праха распадающуюся кожу мою“.

Во главу всех служб церковных поставлены службы дня воскресного со всем тем, что ему предшествует. Важно отметить, что в русском словоупотреблении седьмой день недели посвященный восстанию Христа из мертвых назван воскресением, как бы в вечное памятование о самом важном событии в истории рода человеческого.

Центральное таинство церковное — таинство Евхаристии учреждено Господом ради воскресения из мертвых и жизни вечной.

**Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную,
и Я воскрешу его в последний день** (Иоанн 6,54; см. 48-59)

Святой Игнатий Антиохийский, отец церкви второго века, растерзанный дикими зверями на римской арене, выразительно именуется таинство Евхаристии — лекарством бессмертия.

Из послания к Римлянам Ап. Павла (6,3-11), которая читается в великосубботную литургию видно, что воскресение Христово, и с ним принципиально соединенное общее воскресение человечества и обновление космоса в новой твари, есть факт не только центральный, но и фундаментальный; подобно творению, он есть дело божественной любви, дело Бога любви, который по выражению великосубботней службы искал падшего Адама и не найдя его на земле сошел даже до ада лютого, чтобы воскресить его и вывести оттуда вместе с Собой.

С воскресением Христовым все мироздание наполняется смыслом и все жертвы и все страдания оправданы. Крест Христов, за которым непосредственно следует воскресение, это единственная вполне и до конца действенная форма теодицеи, т.е. оправдание Бога в страданиях мира. Эта теодицея одновременно является и антроподицей, т.е. явлением ноёй твари вместе с новым Адамом. а не погублением старого ветхого Адама. Воскресение же Христово совершило праведный суд Божий над смертью и адом уже одним фактом победы над ними.

Кто благочестив и боголюбив, тот пусть насладится этим прекрасным и светлым торжеством. Кто раб благоразумный, тот пусть войдет радуясь в радость Господа своего. Кто потрудился, постясь, тот получит ныне динарий. Если кто от первого часа работал, пусть примет справедливую плату. Если кто пришел после третьего часа, пусть празднует благодаря. Если кто поспел к шестому часу, пусть нисколько не сомневается — ибо никак не будет отвергнут. Кто опоздал к девятому часу, пусть приступит, нисколько не сомневаясь, ничего не боясь. Кто достиг одиннадцатого часа, да не устрашится промедления: любвеобилен Владыка — и принимает последнего как первого : упокоивает пришедшего в одиннадцатый час также как и делавшего с первого часа. И последнего милует и первому угождает,

и тому дает, и этому преподносит, и дела принимает и намерения приветствует, и делания почитает и рассуждения хвалит. Посему войдите все в радость Господа своего: и одни и другие принимайте награду. Богатые и убогие, ликуйте друг у друга. Воздержанники и ленивые почитите этот день.

Постившиеся и не постившиеся — возвеличьтесь сегодня. Трапеза полна, все наслаждайтесь пиrom веры: принимайте все богатства благодати. Пусть никто не рыдает о своем убожестве, ибо явилось общее царство. Пусть никто не оплакивает грехов, ибо воссияло прощение из гроба. Пусть никто не боится смерти, ибо освободила нас Спасова смерть. Угасил ее, Держимый ею. Пленил ад, Сошедший во ад. Огорчил его, вкусившего Его плоти. И, предвидя это Исаия возопил: ад, говорит, огорчился, встретив Тебя долу: огорчился, потому что упразднился; огорчился, потому что был осемян; огорчился, потому что был умерщвлен; огорчился, потому что был низложен; огорчился, потому что был связан. Принял тело — и коснулся Бога, принял землю и встретил небо: принял, что видел и попался в том, чего не видел. Смерть, где твое жало!? Ад, где твоя победа? Воскрес Христос — и ни одного мертвеца в гробу: восстал Христос из мертвых, положив начало усопшим. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

(Слово Иоанна Златоуста, читаемое на светлой пасхальной заутрени)

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ !

РАЗУМНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАШЕЙ ВЕРЫ ВО ХРИСТА

Письмо В. С. Соловьева графу Л. Н. Толстому.

Свое непоколебимое убеждение в истинности факта воскресения Христа и в несомненности будущего всеобщего воскресения В. С. Соловьев высказывал настойчиво и неоднократно, как в своих печатных произведениях, так равно и в частных беседах и письмах, в которых нередко традиционное поздравительное „Христос Воскресе” сопровождается утверждением, что это не простая условная фраза, а сообщение о действительном бесспорном событии.

Печатаемое ниже письмо В. С. Соловьева к графу Л. Н. Толстому помещено в третьем томе сборника писем В. С. Соловьева (С.-Петербург. 1911 г.). То же письмо, в его существенной части было напечатано в журнале „Вопросы Философии” за 1905 г.

28-го июля - 2-го авг. 1894 г. Петербург.

Дорогой Лев Николаевич,

Со времени моего последнего письма, отправленного через г. Крауцкопфа, я был дважды серьезно болен и не хочу далее откладывать важного разговора, который я Вам должен. Все наше разногласие может быть сосредоточено в одном конкретном пункте — воскресении Христа. Я думаю, что в Вашем собственном мирозерцании (если только я верно понимаю Ваши сочинения) нет ничего такого, что мешало бы признать истину воскресения, а есть даже нечто такое, что заставляет признать ее.

Сначала скажу об идее воскресения вообще, а потом о воскресении Христа.

1) Вы допускаете, что наш мир прогрессивно видоизменяется, переходя от низших форм и степеней бытия к высшим или более совершенным;

2) Вы признаете взаимодействие между внутренней, духовной жизнью и низшею, физической, и

3) на почве этого взаимодействия Вы признаете, что совершенство духовного существа выражается в том, что его собственная духовная жизнь подчиняет себе физическую жизнь, овладевает ею.

Исходя из этих трех пунктов, я думаю, необходимо прийти к истине воскресения. Дело в том, что духовная сила по отношению к материальному существованию не есть величина постоянная, а возрастающая. В мире животном она вообще находится лишь в скрытом, потенциальном состоянии; в человечестве она освобождается и становится явной. Но это освобождение совершается сначала лишь идеально в форме разумного сознания: я различаю себя от своей животной природы, сознаю свою внутреннюю независимость от нее и превосходство перед нею. Но может ли это сознание перейти в дело? Не только может, но отчасти и переходит.

Как в мире животном мы находим некоторые зачатки или проблески разумной жизни, так в человечестве несомненно существуют зачатки того высшего состояния, в котором дух действительно фактически овладевает материальной жизнью. Он борется с темными стремлениями материальной природы и покоряет их к себе (а не различает только себя от них).

От степени внутреннего духовного совершенства зависит большая или меньшая полнота этой победы. Крайнее торжество враждебного материального начала есть смерть, т. е. освобождение хаотической жизни материальных частей с разрушением их разумной, целесообразной связи. Смерть есть явная победа бессмыслия над смыслом, хаоса над космосом. Особенно это ясно относительно живых существ высшего порядка. Смерть человека есть уничтожение совершенного организма, т. е. целесообразной формы и орудия высшей разумной жизни. Такая победа низшего над высшим, такое обезоружение духовного начала показывает, очевидно, недостаточность его силы. Но ведь эта сила **в о з р а с т а е т**. Для человека бессмертие есть то же, что для животного разум, смысл животного царства есть животное разумное, то есть человек. Смысл человечества есть **Человек бессмертный, то есть Христос**.

Как животный мир тяготеет к разуму, так человечество тяготеет к бессмертию. Если борьба с хаосом и смертью есть сущность мирового процесса, при чем светлая, духовная сторона хоть медленно, но все таки **о д о л е в а е т**, то воскресение, то-есть действительная и окончательная победа живого существа над смертью есть необходимый момент этого процесса, который в принципе этим и оканчивается; весь дальнейший прогресс, строго говоря, имеет лишь экстенсивный (распространительный) характер — состоит в универсальном (всеобщем) усвоении этой индивидуальной победы или распространении ее следствий на все человечество и на весь мир.

Если под чудом разуметь факт, противоречащий общему ходу вещей, то воскресение есть прямая противоположность чуду — это факт безусловно необходимый в общем ходе вещей; если же под чудом разуметь факт **впервые случившийся, небывалый, то воскресение „Первенца из мертвых“** есть, конечно, чудо — совершенно такое же, как появление первой органической клетки среди неорганического мира, или появление животного среди первобытной растительности, или первого человека среди оранг-

утангов. В этих чудесах не сомневается естественная история; так же несомненно и чудо воскресения для истории человечества.

Разумеется, с точки зрения механического материализма все это *nil et non avenu* (не существует и никогда не имело места). Но я был бы очень удивлен, если бы с Вашей точки зрения услышал какое-нибудь принципиальное возражение. Я уверен, что идея воскресения и „первенца из мертвых” для Вас также естественна, как и для меня. Но спрашивается, осуществилась ли она в Том историческом Лице, о воскресении Которого рассказывается в Евангелии? Вот основания, которыми я подтверждаю свою уверенность в действительном воскресении этого Лица, Иисуса Христа, как первенца из мертвых.

1. Победа над смертью есть необходимое натуральное следствие духовного совершенства; то Лицо, в котором духовное начало забрало силу решительно и окончательно над всем низшим, не может быть покорено смертью; духовная сила, достигнув полноты своего совершенства, неизбежно переливается, так сказать, через край субъективно-психической жизни, захватывает и телесную жизнь, преобразует ее, а затем окончательно одухотворяет, неразрывно связывает ее с собою. Но именно образ полного духовного совершенства я и нахожу в евангельском Христе; считать этот образ вымышленным я не могу по множеству причин, приводить которые нет надобности, т. к. и Вы не считаете евангельского Христа мифом. Если же этот духовно-совершенный Человек действительно существовал, то Он тем самым был первенцем из мертвых, и другого такого ждать нечего.

2. Второе основание моей веры позвольте пояснить сравнением из другой области. Когда Леверье посредством известных вычислений убедился, что за орбитой Урана должна находиться другая планета, а затем увидел ее в телескоп именно так, как она должна была быть по его вычислениям, то едва ли он имел какой-нибудь разумный повод думать, что эта видимая им планета не есть та, которую он вычислил, что она не настоящая, а настоящая еще, может быть, откроется впоследствии. Подобным образом, когда, основываясь на общем смысле мирового и исторического процесса и на последовательности его стадий, мы находим, что после проявления духовного начала в идейной форме — с одной стороны в философии и искусстве эллинов, а с другой — в этическо-религиозном идеале пророков еврейских (понятие Царствия Божия) — дальнейший, высший момент этого откровения должен был представить явление того же духовного начала личное и реальное, его воплощение в живом лице, которое не в мыслях только и художественных образцах, а на деле должно было показать силу и победу духа над враждебным дурным началом с его крайним выражением — смертью, т. е. должно было действительно воскресить свое материальное тело в духовном — и когда вместе с тем у свидетелей-очевидцев, неграмотных евреев не имеющих никакого понятия о мировом процессе, его стадиях и моментах, мы находим описание именно такого Человека, лично и реально воплощающего в Себе духовное начало, при чем они с изумлением, как о событии для них неожиданным и невероятным рассказывают, что Этот Человек воскрес, т. е. представляют чисто эмпирически (то есть на опыте), как последовательность фактов, то, что для нас имеет внутреннюю логическую связь, — видя такое совпадение, мы решительно не в праве обвинять этих свидетелей в том, что они выдумали факт, все значение которого для них самих было неясно.

3. О третьем основании моей веры в воскресение Христа я упомяну только в двух словах, так как оно слишком известно, что не уменьшает

его силы. Дело в том, что без факта воскресения необычайный энтузиазм апостольской общины не имел бы достаточного основания, и вообще вся первоначальная история христианства представляла бы ряд невозможностей.

-Разве только признать (как это иные делали), что в христианской истории вовсе не было первого века, а что она началась прямо со второго или даже третьего.

Я лично, с тех пор как признаю, что история мира и человечества имеет смысл, не имею ни малейшего сомнения в воскресении Христа, и все возражения против этой истины своею слабостью только подтверждают мою веру. Единственное оригинальное и серьезное возражение, которое мне известно, принадлежит Вам. В одном недавнем разговоре со мною Вы сказали, что если признать воскресение и, следовательно, особое сверхестественное значение Христа, то это заставит христиан более полагаться для своего спасения на таинственную силу Этого сверхестественного Существа, нежели на собственную нравственную работу. Но ведь такое злоупотребление истиною в конце концов есть лишь обличение злоупотребляющих. Так как на самом деле Христос, хотя и воскресший, ничего окончательно для нас без нас самих сделать не может, то для искренних и добросовестных христиан никакой опасности квиетизма (бездейственной пассивности) тут быть не может. Ее еще можно было бы допустить, если бы воскресший Христос имел для них видимую действительность, но при настоящих условиях, когда действительная личная связь с Ним может быть только духовною, что предполагает собственную нравственную работу человека, — только лицемеры или негодяи могут ссылаться на благодать в ущерб нравственным обязанностям.

К тому же Богочеловек не есть всепоглощающее абсолютное восточных мистиков, и соединение с Ним не может быть односторонне - пассивным. Он есть „первенец из мертвых“, указатель пути, вождь и знамя для деятельной жизни, борьбы и совершенствования, а не для погружения в нирвану (небытие). Во всяком случае, каковы бы ни были практически последствия воскресения Христова, вопрос об истине его решается ими.

Мне было бы в высшей степени интересно знать, что Вы скажете об этом по существу. Если Вам неохота или некогда писать, то подожду свидания.

Будьте здоровы, сердечно кланяюсь Вашим всем.

Искренно Вам преданный Влад. СОЛОВЬЕВ.

(Прим. Объяснения некоторых иностранных слов в тексте даны редакцией).

ГЛАВА VI

АНГЕЛЫ.

Священные тексты Писания обоих Заветов насыщены упоминанием об Ангелах, главным образом о добрых Ангелах, послушных Богу и выполняющих Его волю. Злые ангелы во главе с сатаной упоминаются значительно реже, но зато эти упоминания так важны и существенны, что Св. Писание утратило бы значительную долю своего смысла, если бы мы не отнеслись с вниманием к этой стороне христианского вероучения. Ангел — слово греческое и означает посланец, разумеется посланец Божий, выполняющий волю Божию. Такая функция предполагает два свойства : разумную волю и силу. В соответствии с этим как священные тексты так и святые отцы и богословы, а также литургическая литература по отношению к Ангелам употребляет два выражения : „умы” и „силы”. Всем посещающим церковь известны такие тексты как : „**Ныне силы небесные с нами невидимо служат**”, „**Господи сил с нами буди**”, „**Да торжествует бесплотных умов естество**”. Первый член Символа Веры гласит : **Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым.** Общее мнение отцов и учителей Церкви, что под небом здесь разумеется не столько астрономическое видимое небо, сколько вся совокупность сил небесных со включением в них, конечно, и святых торжествующей Церкви, которых вполне можно уподобить силам ангельским по их функциям. Глава святых — Пресвятая Богородица — именуется Царицей сил небесных, честнейшей Херувим и славнейшей без сравнения Серафим. Этот невидимый мир при обычных условиях недоступный нашим телесным очам, хотя и часто переживаемый внутренним чувством с силой и реальностью, особенно касается преимущественно тех сил небесных, которые именуются Ангелами хранителями и о которых непосредственно говорит Сам Господь :

Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного.
(Мф. 18,10)

Из этого текста следует, что одной из главных функций именно Ангелов хранителей является связь между обитающим в неприступной славе Господом и тварным человечеством в лице каждого из его представителей, взятых в качестве личного существования. Отцы Церкви даже склонны толковать Ангела хранителя как представителя идеального и чистого замысла Божьего о данном человеке, который является живым и одушевленным существом, постоянно предстоящим человеку как его совесть и как указание на его идеальное назначение, как божественная мера всех его дел, поступков и целеустремлений. О. Сергей Булгаков в своем замечательном труде „Лестница Иаковля” посвященном проблеме ангельского мира указывает на то, что Ангелы хранители являются проводниками и носителями Божественной любви и Божественного Промысла о людях. В сущности говоря, без понятия невидимого мира умов и сил небесных невозможно даже себе представить осуществление Божественного Промысла в мире. А без понятия Промысла падает и само понятие Бога — благого существа создавшего мир и пекущегося непрестанно о нем. Однако понятие „умов” и „сил” означает еще и другое назначение Ангелов. Они являются исполнителями воли Божией в творении мира, в промысле о нем, а также и во всем том, что касается суда над миром, наказания зла и поддержания добра. В этом смысле Ангелы переживают благоговейным религиозным сознанием, как существа высшего порядка внушающие нам страх и трепет смешанные с восхищением. Есть в духовной природе человека нечто весьма родственное ангелам и это касается не только ангелов добрых, но, увы, и ангелов злых.

О святых Церковь часто любит говорить, что они являются земными ангелами и небесными человеками; но так же и всякого рода деяния противные добру или промыслительной воле Создателя караются словом Божиим страшным уподоблением виновных — противнику воле Божией — сатане. Иуда Искариот получает из уст самого Господа ужасающее наименование дьявола (Ио. 6,70). Когда Ап. Петр стал противоречить Господу по поводу Его желания пострадать за мир, то он получил грозную отповедь: „Отойди от Меня, сатана, ты мне соблазн, ибо думаешь не о том, что Божеское, а о том, что человеческое (Мф. 16,23). Конечно здесь Иуда Искариот и Св. Ап. Петр названы одним и тем же именем в совершенно различных смыслах: Иуда Искариот — как унаследовавший с сатаной его пагубу. А Ап. Петр — как невольнo соблазняющий человеческое естество Господа на путях принятия Им креста.

Из этого также видно, что одной из главных особенностей сатаны является противление воле Божией в виде сияния соблазнов и искушений. Существование Ангелов, как добрых так и злых, познается человеком в непосредственном духовном опыте. Когда человек творит добро, он переживает ощущение некоторой высшей духовной силы, направляющей его к этому и овевающей все его существо блаженством и красотой; но так же и совершение злых и безобразных поступков переживается человеком как действие некоторой посторонней силы, даже как некоторое духовное, и в виде исключения, физическое насилие.

Бог и Ангелы невидимы, но зато их действия вполне видимы и являются их явным обнаружением. А сверх того, при особых обстоятельствах и Сам Бог и Его Ангелы могут становиться видимыми. Так например, Господь Бог воплотившись во второй Ипостаси стал вполне видим и ощущаем :

О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове Жизни.
(I Иоанна 1,1)

Господь Иисус Христос дает нам текст чрезвычайной силы :

видевший Меня, видел Отца (Ио. 14,9)

В крещении Господнем третья Ипостась — Бог Дух Святой принимает видимый облик голубя, а сходя на апостолов в день Пятидесятницы принимает облик огненных языков и дает знать о своем присутствии шумом напоминающим бурю.

Слава Божия видимо неоднократно является в Ветхом Завете, главным образом в скинии Моисеевой. Преподобный Серафим настаивает на том, что Бога и благодать Божию можно видеть очами. Но это, конечно, тогда, когда Сам Господь соблаговолит явиться нам.

Св. Писание неоднократно повествует о явлении Ангелов в видимом образе, большей частью в образе человеческого, что увеличивает значение и ценность самого человеческого образа.

На границе обоих Заветов происходит явление Архангела Гавриила священнику Захарии : „Тогда явился ему Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильного (Лк. 1,11). Тот-же Архангел Гавриил возвещает Пресвятой Богородице зачатие и рождение Ею Сына Божия : „В шестый же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве Мария” (Лк. 1,26-27).

В ночь Рождества являются множества Ангелов, поющих славу божественному Младенцу.

Во время гефсиманского борения Господь посылает изнемогающему Сыну Своему Ангела, укрепляющего Его на начинающемся пути Страстей. (Лк. 22,43).

Наконец, Ангельские силы в человеческом образе возвестили совершившееся воскресение Господне и Его славное вознесение.

В совершенно исключительном и грозном виде являются Ангелы в Откровении (Апокалипсис) св. Иоанна. Здесь они, как правило, являются слугами Божиими в деле отмщения за превысивший всякую меру грех и в деле разрушения оскверненного предельным грехом мира. „Я видел семь ангелов, которые стояли пред Богом; и дано было им семь труб” (Откр. 8, 2). Можно сказать, что Откровение Иоанна Богослова настолько переполнено указаниями на действия Ангельских сил, что эту книгу можно было бы назвать Откровением об Ангелах. Здесь мы также узнаем, что Ангелы являются сослужителями людей в деле Божиим.

Он сказал мне : смотри не делай сего; (не поклоняйся мне) ибо я — сослужитель тебе... Богу поклонись.

(Откр. 22,9)

При самом сотворении своем получает человек не только божественный дар любви, но и возможность любви; не только себя самого, но и своего другого, и не только человеческих друзей, но и духовного друга. Этот другой всякого человека, этот Друг, единственный и личный, свойственный каждому человеку, есть ангел-хранитель, существо не здешнего, не человеческого мира.

Когда стихает шум жизни и умолкают нестройные ее голоса, когда душа омывается тишиной и исполняется молчанием, когда обнажается детская ее стихия и отнимаются давящие ее покровы, когда освобождается душа от плена этого мира и остается наедине с Богом,

когда разрешаются узы земного естества, и душа сама самое обретает, когда отделяется она от земной оболочки и находит себя в новом мире, когда она исполняется светом и омывается лучами бессмертия — тогда чувствует она над собой склонившееся с невыразимой любовью существо,

такое близкое, такое родное, такое нежное, такое тихое, такое любящее, такое верное, такое кроткое, такое ласковое, такое светлое, —

что радость, мир, блаженство, неведомые на земле, закипают в душе. Она чувствует тогда свое НЕ-одинокство и вся устремляется навстречу к неведомому и близкому другу. Ибо узнает душа того Друга, о котором всю жизнь грезилась и томилась, ища слиться с другим до конца, отдать ему безраздельно, в нем обрести свое другое я. Этот другой для каждого человека, этот друг, Богом данный и созданный для него, есть его ангел-хранитель, всегда бдящий над ним, живущий с ним одною жи-

нюю. Он — самый близкий, хотя и далекий, ибо невидный, неслышимый, недоступный никакому телесному или даже душевному восприятию. Столь тихо и кротко его духовное прикосновение, что незаметно и самое его присутствие для человека. Но язык нам свидетельствует, что бессознательно его замечаем. Ибо полных любви, ласки, кротости и заботы близких наших мы невольно, сами не разумея смысла слов своих, называем „ангелами-хранителями” своими. Они составляют для нас свет и воздух, но как те, неприметные, они познаются нами во всем значении своем, лишь когда мы их теряем. Подобно и мы, всегда осеняемые крылом ангела-хранителя своего, не выделяем в своем сознании этого осенения, как будто его не замечаем, хотя всегда оно с нами. Ангел-хранитель, житель горного бесплотного мира, не имеет прямого доступа к нашему вещественному миру, к нашему плотскому естеству. Конечно он мог бы потратить его или даже разрушить это наше бренное естество страшным явлением своим (откуда и происходит еще ветхозаветный ужас пред явлением ангела: нельзя увидеть его лицом к лицу и не умереть). Но на это явление нужна прямая воля Божия, без нее нет для этого основания в тихой кротости ангела. Он грозен и непреборим в заступлении нас от нечистых и лукавых духов, нас обуревающих, „как хранитель душ и телес наших”. В брани духовной без этого заступника разрушено и отравлено, растлено и уничтожено было бы наше естество. Нас всегда хранит от этого сей стратег, воин духовный. В этом он активно деятелен, непрестанно напряжен, он действует всюю силой своей. Но земного друга, хранимого им человека, он не насилует и не хочет и не может насиловать. Он пестует и лелеет его душу, его шопот в слышном молчании навеивает ей благие мысли, в ней самой рождающиеся, однако в такой тишине и кротости, что душа не примечает внушения. Ему заповедано молчание, ибо „молчание есть тайна будущего века”, по слову св. Исаака Сирина, и ангел-хранитель говорит нам только молчанием. Он смотрит в нашу душу и видит нас, и этого довольно для этого таинственного немого разговора души с высшим своим я.

Есть высшая задача воспитания и педагогического такта, — будить и охранять благую самодеятельность, делать так, чтобы все благое в человеке не внушалось извне, а возникало в нем самом, его самого для себя являя и рождая. Иначе не будет достигаться самая цель воспитания, которая состоит в том, чтобы воспитываемый сам становился деятелем, а не послушным орудием в руках воспитателя. Задача последнего в том, чтобы стать совсем неприметным, уничтожаться, сливаясь с волей самого воспитываемого. Этой задаче и соответствует образ воздействий ангела-хранителя, который в нас самих побуждает наше высшее я. Эта небесная педагогия многочастна и многообразна и неистощима. Как нежнейшая мать следит за пробуждением темных и светлых движений в душе ребенка, в его обуреваемой вражескими стихиями жизни, так ангел-хранитель бдит всегда над нами — однако ничего не делает без нас, помимо нас: „ожидаяша самовольного исправления и не понуждаюша” (канон молебный ко ангелу хранителю); „тя хранителя стяжав спребывателя, собеседника, соблюдающа, спребывающа и спасительная предлагаа присно мне” (там же). Это есть непрестанное творчество, непрестанный труд ангела-хранителя над неблагодарным и непослушным материалом посреди грехом зараженного мира. Но этот труд непрестанно совершается. Каждый из нас живет не один, но вдвоем, вместе, неразлучно. С нами всегда дружеская помощь, над нами всегда распростерты дружеские крылья.

(Из книги Прот. С. Булгакова: Лестница Иаковля).

Злые Ангелы.

Откровение Слова Божьего об Ангелах, неразрывно связано с откровением о духе тьмы, о дьяволе.

По слову Господню мир лежит во зле, но согласно тому же слову — свет во тьме светит и тьма его объять не может. Однако зло так поляризовалось по отношению к добру, что ныне, т. е. после того как явился в мире Христос для победы над духом тьмы, никакое учение о добре и праведности, о добрых Ангелах невозможно вне учения о зле и грехе, о злых духах; учение о Христе невозможно вне учения об антихристе, как о сыне противления всему тому, что связано со Христом.

Однако все это несколько не означает дуализма, т. е. изначального и соравного пребывания добра и зла, света и тьмы, красоты и безобразия, истины и лжи — как это мы видим в лжеучении манихейства и зороастризма. В силу слабости человеческого ума и его предрасположения к созданию ложных доктрин, такая точка зрения более распространена, чем обычно это принято думать. Но ее ложность легко показать. В самом деле, если представить себе, что Бог есть положительная бесконечная величина, а дух тьмы — отрицательная бесконечная величина, то ясно, что в результате не должно было бы быть никакого бытия и творение мира было бы невозможно. Однако действительность опровергает это на каждом шагу. Мало того, тот факт, что, несмотря на чрезвычайную мощь зла, все таки добро стоит непоколебимо, солнце светит и „жизнь жительствоует“ посылает нам, что силы добра бесконечно превосходят силы зла — и таковые существуют только благодаря попущительству Божию. Причина, по какой Бог попускает временное сосуществование сил добра и сил зла, и иногда кажущуюся победу зла, ясна из Св. Писания и из святоотеческой письменности. Возьмем книгу Иова, а также знаменитые слова католической литургии о счастливой вине, благодаря которой мир получил такого Искупителя. Силы зла попускаются для вящего торжества сил добра, и, притом, не внешнего их торжества, благодаря насилью, но благодаря их внутренней непреборимости и неодолимости :

**Родился в мире свет — и свет отвергнут тьмою,
Но светит он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, но правдою самою,
Князь века осужден и все его дела.**

Эта последняя строфа гениального стихотворения Владимира Соловьева на Рождество Христово, равно как и строфа другого его стихотворения на ту же тему :

Бессильно зло, мы вечны, с нами Бог

показывают нам изначальную слабость и непрочность сил зла, которые Церковь не напрасно именует „демонов немощными дерзостями“. Закон добра таков, что убиенное ухищрениями зла добро бесконечно увеличивается в своей силе. И капли крови мучеников являются семенами, из которых прорастает роскошный сев вечности на ниве Господней.

Сосуществование зла и добра не есть дуализм еще и потому, что между ними и над ними находится „мерило праведное“ — крест и воскресение Христовы, вознесшиеся над всеми тварями — Абсолютное добро нетварной, но вечной природы. Зло же, хотя и не сотворено Богом, но несомненно тварного происхождения, а потому, как лишенное корня в Боге, непременно погибнет по слову Господа Иисуса: **всякое растение, которое не Отец Мой небесный насадил, искоренится.**

По слову Господню — сначала дьявол согрешил (I Иоанн 3, 3); по картинному и чеканному слову св. Григория Нисского дьявол есть изобретатель зла. Поэтому можно здесь говорить о злоподобии творчества, о карикатурном подражании своему творцу. Ясно, что речь идет о злоупотреблении данной Богом творческой свободы. О причинах же этого злоупотребления спрашивать невозможно, ибо сущность свободы заключается в ее беспричинности; так же как и сущность любви беспричинна, или, вернее — содержит причину в самой себе, так и свобода содержит причину в самой себе. Дьявол самопричина своего падения. Образом же этого падения является гордынное стремление безлюбовного уподобления себя своему Творцу. Ибо сущность Божия есть любовь; и единственным путем богоуподобления является любовь по образу Божию, т.е. жертвенная любовь. Дьявол же пошел путем совершенно обратным — и отсюда его губительная трансформация из ангела света, из денницы каким сотворил его Бог, в духа тьмы, в страшную черно-кровавую звезду погибели. Чтение таких книг св. Писания как книга Иова и Апокалипсис Иоанна Богослова показывает нам, что мировой процесс со времени падения денницы есть непрекращающаяся борьба духа тьмы и его отпавших от Бога ангелов с Богом и Его служителями. Перед лицом этой борьбы человечество разделилось; об этом разделении повествует притча о страшном суде (Мф. 25, 31-46). Борьба эта чисто духовная и в огромном большинстве случаев протекает в невидимом, внутреннем, интенсивном, а не экстенсивном плане.

Потому, что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной. (Ефес 6,12)

Из этого текста, в котором в значительной мере концентрируется учение Церкви о злых духах, видно, что Церковь никогда не воевала ни с материей, ни с плотью, ни с кровью, с которыми и воевать она не могла, потому что они созданы Богом. Воевала же она всегда и будет воевать до второго пришествия Господня с тем, что исказило и растлило материю, плоть и кровь.

В том же послании перечислены с должной степенью подробности и остроты многообразие этого зла или нечестия (Рим. 1,21-32). Самое характерное во всем этом сознательное стремление ко злу и к противлению, что может быть делом только чистого бесплотного духа, а не плоти, ибо характерное свойство последней — бессознательность, или как Иисус Христос говорит в притче о плевелах — сон ; там определенно сказано, что дьявол засеивает свое зло во время сна, т.е. в подсознании человека.

Надо считать, что дьявол сознательно, так сказать, воспользовался или злоупотребил предоставленной ему свободой в момент сотворения мира. Свойство дьявола — злорадство, оно диаметрально противоположность любви, как она в своих свойствах описана Св. Павлом (1 Кор. 13).

Само слово дьявол происходит от греческого глагола диабалло, что значит клевету, извращаю, поэтому он есть также и отец не только лжи, но и всяких извращений и противоестественностей (Рим. 1,26-27). У него есть, как у личного существа, свое собственное имя „денница” сын зари, согласно остатку его ангельства. Все четыре Евангелия, послания Апостольские и Апокалипсис можно рассматривать как грандиозную борьбу с дьяволом. Особенно важно искушение Сына человеческого от дьявола (Мф. 4, 1-11), а также то истолкование, которое дал ему Достоевский в своей легенде о великом инквизиторе. Самое важное в этом комментарии — это приписание дьяволу грандиозного личного ума, в силу чего мы не можем сомневаться в таком сознательном сеянии зла и противлении Богу, у которого вряд ли человек сможет составить себе хотя и отдаленное представление. Он действительно — противник и все следующие за ним — сыны противления, обреченные на гибель.

Так как грех есть беззаконие (1 Иоан 3-4), а закон нового Завета есть любовь — **заповедь новую даю вам да любите друг друга** (Иоанн 13,34), то основной грех сатаны и тех кто с ним есть, соединенная с гордыней, ненависть и братоубийство : „ **всяк ненавидящий брата своего человекоубийца есть** ” (1 Иоанн 3, 15). Апостол любви нас и поучает, что именно этим грехом дьявол „ согрешил от начала ” (1 Иоанна 3,8); поэтому отрицание атри-

бутов любви, вернее, вся как бы персонифицированная совокупность этого отрицания и есть дьявол.

Согласно учению св. Отцов дьявол превратил человека как бы в своего автомата, которому кажется, что он служит злу добровольно, находя в этом зле как бы самоуслаждение и самоутверждение.

Почему апостол назвал дьявола князем века сего? Потому, что природа человеческая почти всецело предалась ему добровольно и намеренно. Христу, хотя Он обещает тьмы благ, никто не внимает; а ему, — хотя он ничего подобного не обещает, а напротив препровождает в геенну, — повинуются все. Он властвует в веке этом, ему повинуются все, у него больше слуг нежели у Бога и ему охотнее повинуются нежели Богу; исключение составляют немногие, и все это происходит от нашего нерадения и беспечности.

(Иоанн Златоуст, Бесед на посл. Ефес. СПб 1858 г., стр. 81)

Как мы сказали, св. Писание Нового Завета можно и должно рассматривать как победоносную борьбу Сына Человеческого с дьяволом. Все начинается с попытки дьявола соблазнить своими искушениями воплотившегося Бога и даже заставить Его служить себе (третье искушение). Дерзость неслыханная! Приняв во внимание необычайный ум сатаны, объяснить подобный акт чистого безумия можно только тем, что сатана сердцем не постиг всей бездны Божественной любви приведшей к Боговоплощению, а ум не приведенный к сердцу и не приобщенный следовательно к любви Божественной всегда обращается в свою противоположность — в чистое безумие.

Исцеление Гадаринского бесноватого, равно как и многочисленные случаи исцеления бесноватых, дарование Апостолам силы, которой подчиняются нечистые духи, слова Господа: „Я видел сатану спадшего с неба как молнию” — все это показывает центральность борьбы с сатаной в деле нашего искупления и спасения. Страсти Господни можно и должно рассматривать как последний этап этой борьбы. Дьявол пошел в своей борьбе с добром до конца.

Вошел же сатана в Иуду прозванного Искарриотом, в одного из числа двенадцати (Лук. 22,3). И после сего куска вошел в него сатана (Иоанн 13, 27).

В этом повествовании нас потрясает больше всего предельное осатанение Иуды „сына погибельного”. В этом грозное предупреждение всему человечеству.

Но вот чаша страданий Божественного Праведника выпита до конца, сатаной истощены все его усилия и ухищрения и кре-

стом Сын Человеческий сходит в ад, для того чтобы в центре владений князя века сего победить „имеющего державу смерти“, т. е. дьявола. Всемогущей силой своей Господь воскресает и сила дьявола оказывается надломленной навсегда. Но по необычайной своей благодати Господь дает еще „время покаяния“ миру лежащему во зле. Этот период приближает нас к той последней и роковой борьбе — последних судорог злой свободы в борьбе с уже победившим добром — что раскрыто в Апокалипсисе.

Согласно диалектическому принципу соприкасающихся противоположностей сатана стремится к воплощению, к тому что можно было бы назвать созданием ада на земле. Апокалипсис Иоанна дает нам тройственный образ этого лжевоплощения: лжепророк, великая блудница и город нечестия Вавилон: причем последние два образа складываются в удивительное двуединство (Откр. 17, 1-18). Но Господь нас, „мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, — благодатью мы спасены — и воскресил с Ним и посадил на небесах во Христе Иисусе“ (Ефес. 2, 5-6), дабы „явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати своей в благодати к нам во Христе Иисусе“ (Ефес. 2,7).

...Который нас посадил вместе с Ним одесную Отца...

(Канон праздника Вознесения)

...наша падшая природа... воссев возле Отца была безмерно почтена.

(Канон праздника Вознесения)

Последняя борьба с сатаной передана св. Павлом (Еф. 6, 13-17); сравн. Апок. 19, 1-16). Последняя твердыня сатаны — Вавилон-блудница и город нечестия сокрушены” и дым ее восходит во веки веков” (Откр. 19, 11-16).

ГЛАВА VII

ДЕВА МАРИЯ

Но почему Бог, в деле спасения рода человеческого, отвел особое место Божией Матери ?

1. Потому-что по Его воле должна была существовать сотворенная личность, принимающая спасительное дело Творца от имени всего человечества.

Бог не навязал нам Христа; Он соблюдал человеческую свободу, полученную нами от Него, и для того, чтобы Его Сын был действительно **посредником**, Ему было угодно, чтобы с нашей стороны это посредничество было принято определенной человеческой волей, представляющей весь человеческий род, и таким образом стало-бы действительным.

Этой сотворенной личностью явилась Дева Мария, когда она произнесла в момент Благовещения : „ **Да будет** ”.

Этими словами, она добровольно приняла от Бога спасение и тем самым **искупление каждого из нас.**

2. Для того, чтобы Христос был подлинно человеком, как мы.

Христос мог-бы, конечно, без участия Божией Матери, облечься в человеческую природу, целиком сотворенную заново; она походила-бы на нашу, как две капли воды.

Но Христос не был-бы нашего рода, не исшел-бы из него; Он присоединился-бы к нашему человечеству, как чужеродный.

Замысел Божий заключался не в этом. Благодаря участию Девы Марии, Христос стал **одним из нас**; Он вышел из наших рядов, потому-что человеческая женщина Его родила. Благодаря ей, Он мог считать Себя вполне нашим, молиться за нас и стать жертвою за нас вместо нас.

3. Для того, чтобы наши отношения с Богом стали еще более близкими.

Бог, сотворивший материнские сердца и знающий все значение матери в нашей земной жизни, знающий всю нежность, на какую мать способна, всю красоту жизни и все облегчение жиз-

ненных тягот, которые она дает своим присутствием, — Бог хотел и сверхестественную жизнь, которую Он возвращал нам через Своего Сына, сделать не менее семейной, чем нашу жизнь естественную, придать ей не меньше нежности и непосредственности.

Поэтому по замыслу Божию должна была быть Дева Мария, в Его деле должна была быть **мать**, она должна была быть связана с этим делом так тесно, что их уже невозможно разделять.

И в этом вся тайна Божией Матери.

Она, тем самым, — не дополнение к Христу; она существенна для Христа, для Его **человеческого проявления**. Христос человек лишь, как сын Девы Марии; лишь, как сын Девы Марии, Он выступает от нашего имени.

Изучать **Христа без Его Матери** значит заранее отказаться от возможности Его понять, а тем самым и от возможности принять полноту Его дела.

Так-же и **изучать Деву Марию без Христа** значит заранее отказаться от возможности высказать о ней что-бы то ни было, и вместе с тем это значит напрасно осложнять тайну спасения, вводя в нее постороннее лицо.

Ничего иного невозможно сказать : **Божия Матерь существенна для дела спасения**. Такова воля Божия.

И то, что есть по воле Божией, — хорошо.

Что Христос получил от Своей Матери.

Очевидно, что Он от нее получил Свое **тело**, как каждый из нас получил свое тело от своей матери.

А вместе с тем и все, что есть хорошего и прекрасного в **человеческой** природе.

Законы наследственности, действующие в нашей жизни и выражающиеся в том, что каждому из нас родители передали определенные черты лица, темперамент и связанные с ним оттенки характера, манеру мыслить, реагировать, желать, — эти законы действовали и для Христа.

Пришедший облечься в нашу природу, тесно соединиться с человечеством, мог-ли Он отвергнуть эти законы? Нет, Он пожелал быть с человеческой стороны образом Своей Матери, как с божественной стороны Он был образом Отца.

А так-как у Христа не было двух человеческих родителей и была только Мать, законы наследственности действовали для Него без смешения и без противоречий. В Назарете, видя Его, люди, должно-быть, говорили, что это — „**вылитая Мать**“, чертами лица, взглядом, походкою, манерами, жестами.

Любовь к природе, отзывчивость на все, образный стиль, привлекавший восхищенное внимание к лилиям, к колосьям, к птицам, к виноградникам, к солнцу, а в особенности дар всеобъемлющей благожелательности, привлекавший к Нему детей, больных, хромых, прокаженных, грешников, — все это было у Христа благодаря Его божественной природе, но также и благодаря Божией Матери.

Что Божия Мать получила от своего Сына.

Как хороший сын, Христос отблагодарил Свою Мать !

От вечности, Бог предвидел сотворение мира, грехопадение человека и его спасение. От вечности Сын, следовательно, предвидел Свою Мать и ее любил.

Когда человек, после падения, получил обещание Спасителя, в этом обещании Божиим уже присутствует мысль о Деве Марии.

По воле Христа, Его Мать должна быть **непорочной** уже в зачатии, чтобы уже заря Спасения предвещала решительную победу над грехом.

По Его воле, Его Мать должна быть свободной от всех недобрых влечений, сияющей святостью, чтобы ничто не отклонило ее от ее материнского призвания.

Из тридцати трех лет Своей земной жизни, Он проводит тридцать в интимной близости со Своей Матерью.

По ее же просьбе Он совершает **первое чудо** Своей общественной жизни, на брачном пиру в Кане Галилейской.

И в предсмертные минуты Он оставляет ее при Себе, чтобы она до конца сотрудничала в нашем спасении.

С высоты креста, Он поручает нас ей; но и ее Он поручает нам.

На небе, не ожидая славы последнего дня, Он берет ее к Себе в ее девственном теле (**праздник Успения**). Свою благодать Ему угодно изливать не одному, а вместе с Его Матерью, становящеюся таким образом „**посредницею всякой благодати**”...

Подобно тому как Христос есть ведущий образ в нашей жизни, — как мы это увидим в дальнейшем — Божия Мать есть тоже наш ведущий образ : Мать не отделима от Сына..

**Богородице Дево, радуйся,
Благодатная Марие, Господь с Тобою,
благословенна Ты в женах
и благословен плод чрева Твоего,
яко Спаса родила еси душ наших.**

ГЛАВА VIII.

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Христос не только загладил, Своею жертвою, человеческие грехи; Он пришел внести в мир **новую закваску, новую жизнь.**

Об этом мы будем говорить ниже; но уже теперь необходимо отметить некоторые особо выделяющиеся черты учения Христа.

Совершенно ясно, что Он стремился в особенности :

— Дать нам более ясное представление о том, что цель, к которой стремится мир, есть Бог-Любовь, **Бог, Который есть Отец;**

— установить на земле **царствие** этого отеческого **Бога;**

— определить основной закон этого Царствия, который есть закон **Любви.**

К Отцу,

Ни одна религия, за исключением религии Христа, не дерзала представлять Творца Всемогущего, как **Отца.** У самих евреев не было такого представления о Боге; они дрожали перед Ним, как перед непреклонным Судией, и боялись даже произносить Его имя.

Чтобы мы посмели так к Нему подходить, необходимо было, чтобы Христос, воплощенная божественная личность, показал нам Его таковым. В этом — главный предмет Его учения и в конце Своей жизни Он говорит : „ Отче, Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить... Я открыл имя Твое человекам ” (Ио. XVII, 4-6).

Единственная молитва, которой Христос нас учит, должна быть, согласно Его воле, обращена к Отцу : „ Отче Наш, сущий на небесах... ” И Он заповедует нам молиться о том, чтобы святилось имя Его и пришло царствие Его.

Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему (Мф. VI, 6) ... „Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду” (Мф. VI,8). „Если вы будете просить людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш небесный” (Мф. VI,14) ... „Взгляните на птиц небесных... Отец ваш небесный питает их” (Мф. VI,26) ... „Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный” (Мф. V,48) ... „Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного” (Мф. V,16) ... После воскресения Своего Он повелевает Марии Магдалине : „Иди к братьям Моим и скажи им : восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему” (Ио. XX,17).

Христос, конечно, стремится приобрести учеников : „Кто хочет быть Моим учеником, да отвергнет себя самого” ... Но Он стремится к этому для того, чтобы привести их к Богу : „Я есмь путь... никто не приходит к Отцу, как только через Меня” (Ио. XIV,6) ... „Отче”, — говорит Он перед Страстями, — „пришел час, прославь Сына Твоего... да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную. Сия-же есть жизнь вечная, да знают Тебя, Единого Истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа” (Ио. XVII, 1,3).

Такова одна из существенных сторон Христова откровения : Бог есть Отец; Он — доброта, милосердие. Невозможно быть последователем Христа, не усвоив отношения к Богу, как сына к Отцу.

Отеческое царствие Божие.

Открывая нам это отношение к нам Бога, как Отца, Христос вместе с тем все время возвращается к той мысли, что Он пришел установить, между людьми, **царствие** этого Отца.

Например, жителям Капернаума, просящим Его остаться у них, Он отвечает : „И другим городам благовествовать Я должен царствие Божие; ибо на то Я послан” (Лк. IV, 13).

Говоря об этом царствии отеческого Бога, Христос указывает некоторые его характерные черты :

— Это царствие начинается с момента **пришествия Христа** на землю.

Иоанн Креститель, возвещая предстоявший приход Мессии, говорил : „Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное” (Мф. III, 2).

В дальнейшем Христос говорит : „Вот, царствие Божие внутрь вас есть” (Лк. XVII, 21).

Начинаясь Христом, это царствие образуется Им, с Ним и в Нем.

„Царство небесное подобно зерну горчичному... которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом” (Мф. XIII, 31-32).

Оно, как человеческая жизнь, скромная, когда начинается в детстве, и развивающаяся до достижения зрелого возраста.

Никто не исключен из этого царства.

„Царство небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего... Рабы, вышедши на дороги, собрали всех, кого только нашли” (Мф. XXII, 2, 10).

Остается последовать зову Христа; но чтобы войти в это царство, нужно быть готовым пожертвовать всем : „Подобно царство небесное сокровищу, скрытому на поле, которое нашедши человек (...) идет, и продает все, что имеет, и покупает поле то” (Мф. XIII, 44).

Развитие этого царства **будет все время встречать противодействие** и внутри его злые примешаются к добрым.

„Царство небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы” (Мф. XIII, 24-25).

Лишь позже добрые будут отделены от злых : „Чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам : соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их; а пшеницу уберите в житницу мою” (Мф. XIII, 29-30).

Это царство — **в здешнем мире**, на этой земле, но **не здешнего мира**.

„Царство Мое не от мира сего” (Ио. XVIII, 36)... „Отче Святый ! Те, которых Ты Мне дал,... они не от мира, как и Я не от мира” (Ио. XVII, 11, 14).

Оно, как закваска в тесте, не принадлежащая к тесту, но изменяющая его и заставляющая его подняться : „Царство небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все” (Мф. XIII, 33).

Это царство прежде всего — **внутреннее**, невидимое.

В дальнейшем мы увидим это подробнее : царство Божие основывается и расширяется в душах. „Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему, и обитель у него сотворим” (Ио. XIV, 23).

Одна и та-же благодатная жизнь будет изливаться от Христа в души, устанавливая общение между Творцом и Его творениями, между Отцом и Его усыновленными детьми : „Отче, Я в них, и Ты во Мне” (Ио. XVII, 23).

Таким образом души будут жить в „общении с Отцом и Сыном Его” (I Ио. 1, 3), в общении с Духом, и так образуется

это царство — великая семья, „собрание”, „церковь” („церковь” и значит „собрание”), получая в общей жизни — в благодати — свою внутреннюю связь, свое единство и свой динамизм.

Эта церковь будет по праву „вселенской”, т. е. всеобщей и всемирной, распространяющейся на все, не исключаящей никого, потому-что, действительно, все творение есть дело Отца и к Отцу возвращается.

— Но это царство будет иметь также **видимую организацию**, имеющую своим назначением обеспечивать и облегчать развитие этого внутреннего царства.

Ее основные линии постепенно устанавливались Христом :

Он выбирает Своих видимых представителей, апостолов, и указывает им их задачи : учить („Идите, научите все народы”), управлять („Слушающий вас Меня слушает”), освящать („Крестите... что Я творю, творите в Мое воспоминание”),

Он дает им видимого и единого главу в лице апостола Петра и его преемников : „Ты — Петр (камень) и на сем камне Я создам Церковь мою... И дам тебе ключи царства небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах” (Мф. XVI, 18-19).

Эту видимую организацию, в которой Он невидимо остается („Я с вами до скончания века”), Он обещает оживать Духом, светом, силой и любовью, — тем самым Духом, который царил в двух делах любви : в сотворении мира и в воплощении.

Эта видимая организация должна заменить строй еврейской религии, строй тоже видимый, но уже непригодный для принятия нового учения („Не вливают вино новое в мехи старые”).

— Это царство, наконец, **завершится на небе**, после второго пришествия Христа, когда Он принесет это царство в дар Отцу.

„Жатва есть кончина века” (Мф. XIII, 39)... Тогда Христос „придет во славе Своей... и разделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов... Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его : Придите, благословенные Отца Моего... Тогда скажет и тем, которые по левую сторону : Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный” (Мф. XXV, 31-41).

И апостол Павел добавляет : „А затем конец, когда Он предаст царство Богу и Отцу... Когда же покорит все Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему” (I Кор. XV, 24, 28)... „Тогда праведники воссияют, как солнце, в царстве Отца их” (Мф. XIII, 43).

Основной закон Царства.

В этом царстве все призваны стать детьми Божиими и поэтому все люди должны обращаться друг с другом по братски : „Все вы братья, — говорит Христос. — Ибо один у вас Отец, Который на небесах” (Мф. XXIII, 8-9).

Уже в законе Моисеевом было сказано : „Люби ближнего твоего как самого себя” (Левит XIX, 18).

Но закон этот соблюдался так мало, что Христос мог сказать : „Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас” (Ио. XV, 12).

В царстве, устанавливаемом Христом, все отношения людей между собою и все их отношения с Богом подчиняются двойному закону любви, можно сказать — **единственному** закону : „Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим”. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей : „возлюби ближнего твоего, как самого себя” (Мф. XXII, 37-39).

Благотворное действие этого закона Христос распространяет на всех людей, даже и на врагов : „Любите врагов ваших, благотворите ненавидящих вас... да будете сынами Отца вашего небесного. Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных” (Мф. V, 44-45).

И Христос Сам дает пример, принимая участие в грешниках, чтобы спасти их, и прощая Своим палачам.

Следует, конечно, соблюдать известные степени в наших привязанностях; но **закон любви** должен быть отличительной чертой всех, кто принадлежит к Царству : „По тому узнают, что вы Мои ученики”... „Здесь нет различия между иудеем и эллином, потому-что один Господь у всех” (Рим. X, 21).

Святой апостол Иоанн, почти уже столетним старцем, все время повторял своим ученикам : „Любите друг друга... Это — заповедь Господня. Исполняйте только ее”. (1).

(1) Любить ближнего значит прежде всего признавать и уважать его неотъемлемые права; или — как говорят восточные Отцы Церкви — видеть в нем прежде всего образ и подобие Божие; а для этого требуется воздавать ему долг **справедливости** раньше того, что обычно называется „любовью”. К этой теме мы вернемся, когда будем говорить о распределении материальных благ.

Заключение.

И вот, действительно, после того, как Христос перестал быть нам видим, мир присутствует при глубочайшем из когда-либо бывших переворотов; несмотря на бесчисленные испытания, которым оно подвергается, несмотря на суровость требований его собственного учения, прочно утверждается, всюду сияет и, благодаря действующему в нем Духу Божию, еще и через двадцать веков остается все таким-же живым **новое** установление : **Вселенская Церковь.**

Церкви девятнадцать столетий; а кажется, что ей девятнадцать лет !
(Монс. д-Юльст)

С Христом **новая** реальность, видимая и невидимая, которая сама не от мира, вступила в мир. Эту реальность нам теперь предстоит изучить более подробно, проследить ее действие, убедиться в ее заботе о людях и о всем, что служит человечеству.

ПРОДОЛЖАЮЩЕЕСЯ ПРИСУТСТВИЕ ХРИСТА НА ЗЕМЛЕ

ГЛАВА I.

НЕВИДИМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЦЕРКВИ.

„Если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода” (Ио. XII, 24).

Зерно умирает и воскресает, чтобы передать свою жизнь колосу.

Так и Христос умер и воскрес, чтобы жить в нас.

Божественную жизнь, которой Он обладал во всей полноте, Христос теперь изливает во всем мире и сообщает ее душам, имеющим волю к добру.

Колос ,который был скрыт в зерне, прорастает и растет, наливаясь всем богатством Христа.

Так исполняется слово : „Я есмь жизнь... Я пришел, чтобы люди имели изобилие жизни”.

Божественная жизнь Христа изливается на землю, входит в тех, кто ее принимает, вновь воплощается в них и будет оставаться в них вечно живою : такова основная истина, из которой вытекают все изумительные богатства вселенского христианства.

Результатом той совершенной новизны, какой явилось христианство, был не только воссиявший свет; Христос, согласно учению вселенской Церкви, принес людям не только уверенность в некоторых истинах : Он принес им иную жизнь.

(Ж. Гуайо, „Католичество”).

Иначе, как в смысле продолжающегося присутствия Христа среди нас, невозможно понять такие слова : „Я с вами во все дни до скончания века” (Мф. XXVIII, 20)... „Кто любит

Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим” (Ио. XIV, 23)... „ Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня; ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете, вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас” (Ио. XIV, 18-20).

Благодать.

Благодать есть именно божественная жизнь, которая, совершенным образом воплотившись в человеческой природе Христа, изливается из нее и распространяется по всему человечеству. Это — продолжающееся воплощение, т. е. **вплетение божественного в человеческое**.

Благодать — это изумительный поток жизни, который, изойдя от Бога через Христа, возвращается к Богу, унося с собой наше бытие, наши труды, наши слабости и беды, если только мы сами не противимся его торжествующей силе.

Эта божественная жизнь не налагается на нас как одежда на тело; она **внутри** нас; она нас пропитывает, как сок дерево со всеми его живыми частями. Она проникает во все наше существо, как душа в тело, так, что отныне каждое наше действие уже не просто человеческое, а бого-человеческое, тем самым неизбежно приобретающее вечную ценность.

То, что действует в наших добрых делах, это не мы одни, и не одна благодать, а мы и благодать с нами. Когда дело сделано, оно имеет божественную ценность, благодаря благодати; и оно — наше, в силу вложенного в него нашего действия; и то и другое — едино, потому что благодать воплощения есть соединение божественного и человеческого. Таким образом мы творим божественные дела, достойные вечной награды.

(Э. Мерш, „ Мораль и Мистическое Тело ”)

Этот поток жизни **достигает до каждой души**; ни одна не остается вне его действия; благодать обращается к продавцу за прилавком и к каждому из его покупателей, к кровельщику, чинящему крышу на соседнем доме, к вожатому, управляющему тяжелым троллейбусом, к каждому прохожему на улице.

Если душа отказывается принять благодать, — благодать старается ее размягчить постепенно, как морская волна, без устали размывающая плотину в порту. Наоборот, если душа не противится ее напору, она наполняет ее, возвышает ее, придает ей сверхестественное качество и уносит ее к Богу.

На земле мы таким образом не „одиночки“, с трудом пробирающиеся к далекому Богу : **Бог посреди нас (*)**. Нам остается только узнать Его, принять и любить.

Бог не отождествляется со Своим творением, что вело-бы к пантеизму. Но как железо, сохраняя свою природу, изменяется, когда его погружают в огонь, так наша жизнь вступает в сияние Божества и этим обожествляется.

Действие Бога, обитающего в нашей душе благодатью, сильно даже настолько, что в конечном итоге оно превосходит нашу человеческую деятельность. Это и выражает, отточенными как меч словами, апостол Павел, говоря о первенствующем значении благодати в его деятельности : „Уже не я живу, но живет во мне Христос“. Можно-ли было быть более уверенным в продолжающейся жизни Христа на земле?

По своему происхождению, благодать у одного человека та же, что у другого : она — жизнь самого Бога, в той мере, конечно, в какой эта жизнь может быть сообщена сотворенным существам.

После этого не приходится удивляться, что между всеми, кто ее принимает, эта божественная жизнь устанавливает **родственную** связь, объединяя их в большую **семью, общину, церковь (церковь и значит община)**.

В этой **семье** течет одна и та же кровь : благодать, которая делает нас „божественного рода“. Человеческие родовые различия стираются, уступая место единственному, что имеет значение для Бога : роду **детей Божиих**.

В этой **семье** отец — Бог : Он дает жизнь Своему Сыну Единородному, Иисусу Христу, и через Него и в Нем — Своим усыновленным детям, какими являются люди. Таким образом мы становимся сынами Божиими, братьями Христа, братьями друг друга и сонаследниками Царства. Как сказано во вступлении Евангелия от Иоанна : „Тем, которые приняли Его, (Христос) дал власть быть чадами Божиими“.

В этом **обществе**, в этой „Церкви“, жизненный обмен устанавливается между святыми, т. е. между всеми, кто получил благодать, будь они на небе (**торжествующая Церковь**), в чистилище (**страждущая Церковь**) или на земле (**воинствующая Церковь**). Между их душами существует тесное сотрудничество, братская взаимопомощь в духовной области : это есть „**общение святых**“.

*) Перед чтением Символа Веры на литургии предстоятель говорит : „Христос посреди нас“; сослужащие отвечают : „И есть, и будет!“

Церковь это — Христос, всегда остающийся воплощенным в мире, включенный в мир и от мира не зависящий.
(Аббат Жоли, «La Route», январь 1939 г.)

Церковь это — Иисус Христос, распространенный и сообщенный другим; это — весь Иисус Христос; это — Иисус Христос в Своей полноте.
(Боссюэ)

Церковь это — человечество, организованное в Боге Христом. В мире существует отныне синтез божественного и человеческого, основанный Христом в Его воплощении и продолжающийся в нас тем непрерывным общественным воплощением, которое называется Церковью.
(Сертильжанж, „Катехизис неверующих”, 11)

Мистическое тело Христово.

В связи с этой продолжающейся жизнью Христа среди нас, чрезвычайно значительным и плодотворным представляется учение, все более привлекающее внимание просвещенных верующих и пространно развитое в одной из папских энциклик : учение о мистическом Телѣ Христовом, выражающее нашу веру в таинственное продолжение, через века, Того, Кто пожелал остаться с нами до окончания века, таким-же живым и деятельным, как некогда на дорогах Палестины !

Совокупность учеников Христа можно, действительно, назвать **телом**, по аналогии с живым организмом, состоящим из множества клеток и органов, но живущим единою жизнью. А так-как эта общая жизнь всех Его учеников есть таинственно продолжающаяся жизнь Самого Христа, то ясно, что это тело есть **мистическое** Тело Христа. И подобно тому, как мы говорим о членах живого организма, все христиане представляются **членами мистического тела Христова**, призванными друг другу помогать, как части одного организма.

Как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело : так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, иудеи и эллины, рабы и свободные; и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих... И вы — тело Христово, а порознь — члены.
(I Кор. XII, 12-14,27)

И не эта-ли истина потрясла апостола Павла, по дороге в Дамаск, где он собирался преследовать христиан, когда он услышал слова явившегося ему Христа : „Что ты гонишь Меня ?” Это, ведь, означало, что поднимая руку на христиан, Павел поднимал руку на Христа, — гнал Самого Христа гонением на христиан.

Виноградная лоза.

Чтобы дать понять, что Он останется с нами после Своего вознесения, Господь Сам высказал образ может-быть еще более внушительный, чем у апостола Павла : „ Я есмь лоза, а вы ветви ”.

Действительно, лоза указывает на растение **в целом**, это — и ствол, и ветви. Христос не сказал : „ Я ствол ”, — Он сказал : „ Я — все растение, ветви — это тоже Я, Я — вся лоза ”. Таким образом, христиане — составные части целостного Христа.

В образе лозы заключено богатейшее содержание :

Как лозу сажают для того, чтобы она дала ветви и выразила-бы в них свою жизнь, так Христос явился среди нас лишь для того, чтобы **передать нам божественную жизнь**;

Как лоза без ветвей была-бы если не бесполезным, то во всяком случае неполным и бесплодным растением, так и Христос без нас. Ему недоставало-бы возможности проявить и сделать действенным искупление, совершенное Им Его смертью : христиане являются **необходимую частью Христа**;

Как **сок** в стволе и в ветвях **один**, так божественная жизнь **одна** в Христе и в христианах;

Как лоза ветвям, так Христос дает **единство** душам, живущим Его жизнью;

Как ветвь не может приносить плода, если она отделена от лозы, так и христианин : только те его действия составляют заслугу и имеют вечную ценность, которые им совершаются в Христовой благодати.

Точно в тот самый момент, когда лист отделяется от ветки, придающей ему его жизненный смысл, когда он уносится вихрем, кружась в мнимой свободе, когда он оказывается самим собою и больше ничем, он становится опавшим листом, т.е. обреченным на умирание.

(П. Шарль, „ Молитва всех часов ”).

Закключение.

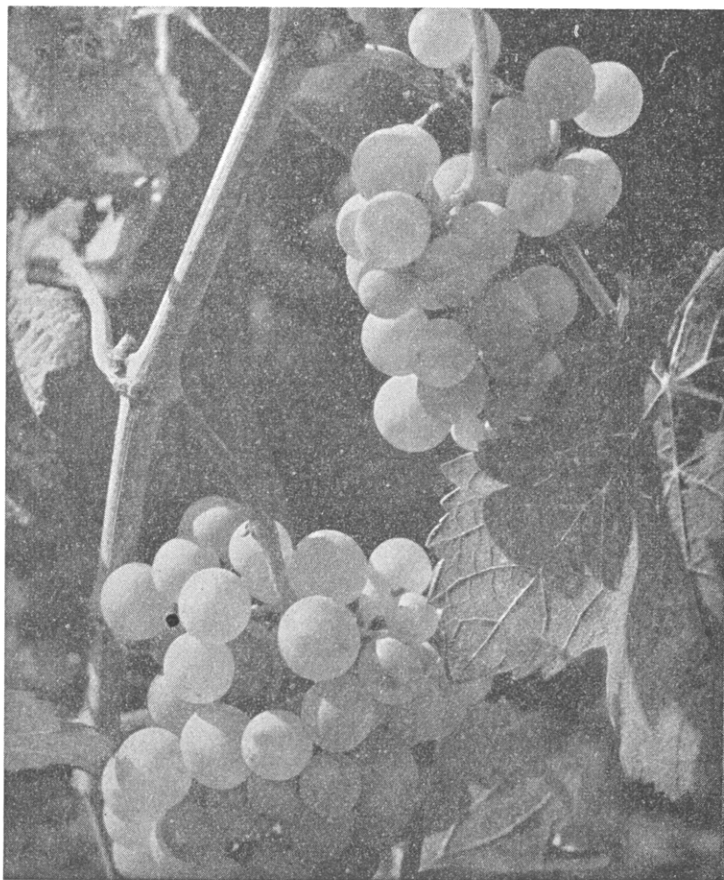
Христос продолжает жить; христиане принадлежат к Нему, как Его части; Его жизнь продолжается в них; Он пришел лишь для них, чтобы дать в них плоды святости : таково это основное учение вселенской Церкви.

Христианство не есть нечто завершенное : по самому своему существу оно — нечто растущее, становящееся. Оно растет и становится, потому-что растет и становится Христос, Христос мистический и целостный. Христианство есть развитие, во времени, человечности Христа. Во все времена и во всех местах, Бог ставший человеком, Глава мистического Тела, присоединяет к себе новые члены. Все время Он растет, пополняется, пока не достигнет всей Своей полноты.

«К. Адам, „ Иисус Христос ”)

Христианство глубочайшим образом отличается от всех других религий тем, что ни одна из них никогда не дерзала утверждать, что ее основатель продолжает жить, таинственной, разумеется, но реальною жизнью в своих учениках, не только своим влиянием, своими религиозными идеями и нравственными правилами, но и их прямым приобщением к своей собственной жизни.

Эта продолжающаяся жизнь Христа на земле составляет единственное удовлетворительное объяснение цельности, плодотворности, динамизма и неувядающей молодости Вселенской Церкви, эту жизнь возвещающей.

Я есть лоза, а вы ветви.

ГЛАВА II

ВИДИМОЕ ЯВЛЕНИЕ ЦЕРКВИ

Дело Христа было, конечно, духовного порядка; но Он его совершил человеческим словом и конкретными действиями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что то-же дело, в дальнейшем порученное Им Церкви, должно продолжаться по Его воле в определенных видимых рамках.

Мы уже говорили, что Христос, действительно, дал Своей Церкви эти видимые рамки. Призвание и организацию Церкви нам нужно теперь рассмотреть более подробно.

Тройное дело было поручено Христу Отцом :

— **Научить** людей полному решению проблемы жизни.

Для этого Он открыл им полноту замысла Божия.

Он был **Учителем** в совершенном смысле этого слова, говорившим так, как никто другой не говорил.

— **Освящать** души, т.е. сделать их святыми и угодными Богу.

Для этого Он от их имени принес Богу единственную и притом бесконечно ценную жертву, жертву Своим телом и кровью; эту жертвой Он дал людям возможность вернуться в милость Божию и вновь участвовать в божественной жизни.

Он был **священником** в совершенном смысле этого слова, т.е. совершенным посредником между Богом и людьми.

— **Направлять** людей к Богу, дав им практические правила жизни и осуществляя по отношению к ним власть, полученную Им от Отца.

И приблизившись, Иисус сказал им : дана Мне всякая власть на небе и на земле.
(Матф. 28,18)

Он был совершенным Пастырем, ведущим человечество к Богу.

Это тройное дело Христос затем поручил Своей Церкви, т.е. — хотя конечно и в различных размерах — всем, кто следует за Ним : „ Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас ” (Ио. XX, 21).

Это дело поручено, следовательно, не одним только руководителям Церкви, как это слишком часто думают по ошибке. Миряне, потому-что они в Церкви и к ней принадлежат, также являются посланцами Христа; они также, в им присущей степени, принимают участие в тройном деле Христа, им также предназначена активная роль, как мы это и увидим вскоре.

А. ЗАДАЧА НАПРАВЛЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО К БОГУ

Необходимость власти.

Чтобы в любом обществе был порядок, необходима **власть**, следящая за осуществлением установленной программы, обеспечивающая сплоченность данной группы, направляющая на общее благо деятельность ее отдельных членов, предписывающая этим последним действия, необходимые или полезные для всей группы, и воспрещающая такие инициативы, которые, даже если они сами по себе хороши, грозят нанести ущерб всему целому.

В силу этого, устанавливая видимое общество, Христос должен был объединить Своих учеников вокруг видимых руководителей.

Как мы уже говорили, Он выбрал двенадцать апостолов и дал им власть над Своими учениками : „ **Слушающий вас Меня слушает** ”.

Среди них одного Он сделал центром средоточия апостольского собора и камнем, на котором основана Церковь :

Ты — Петр, и на сем камне я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи царства небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах.

(Мф. XVI, 18-19)

После Своего воскресения, Он торжественно подтвердил данные Петру полномочия; получив от него трехкратное исповедание любви, Он сказал Ему : „ Паси агнцев Моих.. Паси овец Моих ” (Ио. XXI, 15-17). Это значит : прими на себя руководство всеми верными.

Это видимое общество должно было существовать в веках и поэтому ясно, что Христос эти полномочия давал и законным **преемникам** Петра и апостолов.

Таким образом, католическая Церковь, по воле Христа, представляет собою всеединую организацию, которую некоторые богословы именуют монархически организованным обществом, т.е. священным обществом, повинующимся единому главе; она наделена **иерархией**, т.е. „ священною властью ”, носителями которой являются преемники Петра и апостолов и которая имеет

своею задачей сохранять на верном пути движущийся к вечности собор всего несметного множества учеников.

Таким образом мы находим в Церкви :

1. Преемника Св. Петра — **Папу**.
2. Преемников апостолов — **епископов**.
3. Преемников учеников — **всех других членов Церкви, как священников, так и мирян**.

Папа и епископы обладают властью, данной непосредственно от Бога, — властью **богоустановленной**; только они являются пастырями стада Христова.

Папа и епископы могут перепоручать некоторые свои полномочия тем или другим ученикам, приобретающим тогда **каноническую** власть, т.е. власть, основанную на церковном праве (канонах). Таково, например, право юрисдикции предоставляемое священникам.

Папа.

Слово „папа” происходит от греческого „паппас”, что значит **отец**; это название — Папа или Святой Отец — подходит более всякого другого, чтобы обозначать главу Церкви. Его власть, как власть Самого Бога, должна быть, действительно, чисто отеческой; он — „общий отец верных”.

Свою власть он имеет лишь для того, чтобы служить ученикам Христа, и поэтому все свои официальные документы он подписывает : „Раб рабов Божиих”. Ведь и сам Христос сказал о Себе : „Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить” (Мф. XX, 28).

Таково именно христианское понимание власти, каким его Господь проводит в Евангелии и каким его воспринимает Церковь : „Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою” (Мф. XX, 26).

Папу называют также **викарием** (наместником) Иисуса Христа, верховным **Пастырем, видимым Главою** Церкви (ибо Христос остается ее невидимым Главой), **вселенским Архиепископом** (т.е. высшим епископом).

В управлении Церковью папа обладает прямой властью над всеми епископами и над всей паствой, без помощи посредствующих лиц. Он избран пожизненно.

Папа созывает время от времени епископов всего мира на общее собрание, которое называется **вселенским Собором**; чтобы вместе с ними уточнить то или иное в церковном учении в первые века христианства и в Средние Века на соборах принимали учас-

тие также и миряне. Некоторые созывались по инициативе императора (напр. первый вселенский собор по инициативе имп. Константина). Но все соборы утверждались Папой и согласие папских легатов было обязательно для действительности постановлений.

Папа является вместе с тем **епископом Рима**. Дабы избавить духовную власть от давления властей светских, территория **града Ватикана** (всего 44 гектара) объявлена независимым государством, суверенное управление которого принадлежит Папе.

При правительствах государств, поддерживающих с ним дипломатические отношения, он представлен **апостольскими нунциями**.

Епископы.

Епископы, как преемники апостолов, обладают духовную властью над определенными частями Церкви, называемыми **епархиями**.

Несколько соседних епархий объединяются в одно церковно-административное целое; епископ, стоящий во главе его, называется **архиепископом**.

У каждого епископа ему в помощь имеются обычно **викарные архиереи**.

Священники.

Епископу помогают в его деятельности :

— Священники его **епархиального духовенства**.

Одни из них (приходские священники) духовно управляют определенными частями епархии, которые называются **приходами**; другие учат в **епархиальных** учреждениях, зависящих непосредственно от епископа, управляют теми или другими отраслями церковной деятельности, или осуществляют духовное руководство в монастырях, в больницах и пр.

Несколько приходов составляют **благочиние**.

— Члены различных монашеских общин, существующих в епархии, священники, являющиеся в то-же время монахами, составляют **черное духовенство**.

Верные.

Остальные члены Церкви называются **верными**; действительно, они должны отличаться своей верностью Церкви и ее иерархии. Они не должны ограничиваться только принятием веры, которой их учат, но также повиноваться на практике указаниям

всякой законно существующей церковной власти, подобно тому, как это требуется от членов всякого правильно организованного общества.

Конечно, многие честные люди, искренне следуя указаниям своей совести, но не достаточно зная подлинное учение Христа, внешне не принадлежат к Католической Церкви или даже решительно противятся ей находясь в плену у тех или иных пред-рассудков. Относясь матерински к этим душам, Церковь учит, что не может быть, чтобы Бог их покинул и лишил Своей благодати; поэтому она считает, что они **по праву** принадлежат ей, даже, если они фактически проходят мимо нее или на нее нападают, или принадлежат к категории **раскольников**, т. е. — крещеных, не признающих власти Папы в Церкви, или **еретиков**, отвергающих то или иное церковное учение.

Могут возникать положения, при которых верующие должны принимать участие в деле направления человечества к Богу, в основном порученном Папе и епископам.

Таково, в частности, положение родителей по отношению к их детям, учителей по отношению к их ученикам и т. п.

Б. ЗАДАЧА УЧИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

Видимая Церковь, организованная, как указано выше, обязана прежде всего передавать всем поколениям — в настоящее время нашему поколению и нашему современному миру — и всем народам земли истины, открытые нам Христом (**догматы веры**) и средства идти к Богу (**правила морали**); она продолжает дело Христа, как Учителя.

На ком лежит эта задача.

Задача возвещать Благую Весть лежит на **всех** членах Церкви. Каждый из них должен распространять вокруг себя знание Христа и Его истины, хотя-бы только своим примером; каждый должен быть учеником, сторонником, свидетелем, проповедником Христа; иначе он изменяет Его делу.

Христос об этом говорил с полной ясностью : „Кто исповедует Меня перед людьми, того исповедую и Я перед Отцом Моим”... „Что говорю вам тайно, провозглашайте на крышах”.

Но не всякий христианин наделен достаточными данными, чтобы учить **с уверенностью**. Поэтому нетрудно понять, что Христос эту учительскую задачу возложил преимущественно на апостолов и на их преемников. К ним в особенности относятся

Его слова : „Идите, научите все народы”; им Он дал определенное обещание Своего постоянного присутствия : „Се, Я с вами во все дни до скончания века” (Мф. XXVIII, 20); и им-же Он обещал постоянную помощь Своего Духа : „Дух Святой... напомним вам все, что Я говорил вам” (Ио. XIV, 26).

Таким образом, задача учить лежит прежде всего на Папе и на епископах; они составляют то, что называется **учащею Церковью**. Священники и верные, хотя они и несут свою долю ответственности за передачу истины, составляют **научаемую Церковь**; священники получают от епископа полномочия учить верных.

Папа обладает **полнотою** учительской власти; он имеет право учить всю Церковь. Это право принадлежит и епископам, когда они выступают вселенским единством и в единении с Папой.

Каждый епископ в отдельности выполняет эту задачу в пределах своей **епархии**.

Чему должна учить Церковь ?

Христос открыл Своим апостолам все, что людям необходимо знать : **Откровение** закончено.

Как мы уже говорили, Христос возвещал Свое учение устно, Он не написал ничего. После Него, апостолы **устно-же** распространяли в мире Его истину.

Совокупность истин, переданных этим путем, называется **устным Преданием**, или просто **Преданием**.

Но мы уже отметили также, что часть учения Христа и Его апостолов была затем записана, под действием Святого Духа, что устраняет возможность ошибки в этих записях, совокупность которых составляет Священное Писание Нового Завета: (1)

Задача Церкви — учить истинам, заключенным в Предании, очень значительная часть которых сохраняется в Священном Писании.

В течение веков Церковь все более осознает истину, которую она должна передавать; она постепенно пополняет регистр неисчерпаемых богатств, заключенных в этой истине.

(1) **Предание** таким образом шире **Писания**; оно охватывает **полноту возвещенного** Христом. Это можно лучше понять посредством такого сравнения : определенное учебное заведение ревниво оберегает свои традиции (правила, обычаи, праздники); часть их записана; но эта часть не составляет совокупности традиции, которой придерживаются профессура и учащиеся.

Сохраняя неприкосновенной и нерушимой сокровищницу веры, она под воздействием Св. Духа постепенно раскрывает предложенные истины с все большей полнотой, более ясно определяет то, что было до сих пор воспринято суммарно.

Сам Господь Иисус Христос лишь медленно и нисходя к человеческим слабостям раскрывал тайны Нового Завета и Царствия Божия, исходя из общеизвестных принципов Ветхого Завета (см. его разговор с сиропиникиянкой; сюда относится и видение Ап. Петра в связи с крещением римского сотника Корнилия).

В силу этого Церковь время от времени провозглашает догматы, являющиеся как бы **новыми** в отношении нашего догматического сознания, но косвенно содержащиеся в Предании или в Писании; так было, например, с догматом Непорочного Зачатия Приснодевы Марии. Или Церковь приводит души к более ясному пониманию и жизненному восприятию некоторых особо богатых содержанием и поэтому более сложных истин, уже содержащихся целиком в Священном Писании (как это происходит в наши дни с учением о мистическом Теле Христовом).

Поступая так, Церковь лишь подражает Тому, Кто на дорогах Палестины постепенно раскрывал перед Своими слушателями Свое учение.

Пусть будет рост, пусть будет углубление понимания, в знании и мудрости, и для каждого человека, и для всей Церкви; но пусть это развитие остается в той-же идейной линии, в том-же направлении и в том-же мышлении!

(Ватиканский Собор, Денцингер, 1647)

Напомним, с другой стороны, что учение Христа должно пропитывать всю человеческую деятельность и вносить в нее благодатное начало. Между тем, человеческая деятельность развивается все время, принимает новые формы и ставит новые вопросы, в свою очередь оказывающие влияние на текущую жизнь, даже, если они касаются области только материальной.

После этого понятно, что Церкви приходится уточнять **применение принципов** к представляющимся **частным случаям**. Со стороны Папы, напоминанию этих принципов и разъяснению их практического применения посвящаются **буллы**, радиовещания, и в особенности **энциклики**, т. е. послания, обращающиеся к епископам всего мира и, через них, ко всем христианам. Этим посланиям обычно дается название по первым словам их текста, написанного, как правило, по-латыни; так например, энциклика, изданная в 1891 г. Папою Львом XIII о социальном положении

трудящихся, известна под названием „Рерум Новарум”, энциклика, изданная в 1931 г. Папою Пием XI о восстановлении принципов справедливости в социальной жизни, называется „Квадрагезимо Анно”.

Епископы обычно обращаются к своей пастве путем **пастырских посланий**.

Церковная учительская власть имеет право вмешиваться во все, что касается Христовой истины и спасения душ. Только она сама, а не посторонние ей силы, как например государство, имеет право определять, как далеко распространяется ее поле деятельности.

Дело Церкви — возвещать истину; но истина едина и не терпит компромиссов. Поэтому истинная Церковь Христова не может не быть **непримиримой** в принципиальных вопросах, будучи вместе с тем снисходительной по отношению к личностям. Тем самым, эта непримиримость, которую часто ставят Церкви в упрек, в действительности свидетельствует, напротив, о ее подлинности.

Может-ли Церковь ошибаться в своем учении?

Совершенно ясно, что любой верный, священник, епископ и даже папа может порою примешивать свои личные и ошибочные мнения к той истине, которую он должен возвещать.

Но не может быть, чтобы организация, учрежденная Самим Богом и получившая от Него обещание особой помощи, заблуждалась в существенных и жизненно-важных вопросах.

Мог-ли Христос, послав апостолов как Его послал Отец, не обеспечить их самих и их преемников от всякой существенной ошибки и не приобщить их для этого не только к Своему Делу, но и к присущей Ему безошибочности?

Действительно, Он сказал : „Дух Святой научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам” (Ио. XIV, 26). Какой смысл могли-бы иметь эти слова, если-бы Церковь была подвержена заблуждениям?

Поэтому Церковь учит, что для преемников апостолов Христос устранил возможность ошибаться в тех случаях, когда они, в определенных условиях, учат истинам, в которые следует верить, и средствам, которыми следует пользоваться, чтобы жить согласно Божией воле; иными словами, Он сделал их, в некоторых определенных условиях, безошибочными.

Безошибочность (непогрешимость в вопросах учения; ее тоже можно было бы назвать „незаблуждаемостью”) есть особая

помощь Святого Духа, которая дается Богом всей Церкви, чтобы она была в состоянии хранить без искажений истины Откровения и правильно их передавать.

Папа обладает лично **безошибочностью**, но действующей лишь в некоторых **исключительных** условиях : тогда, когда он говорит о морали или о догматах с ясно выраженным намерением осуществлять во всей полноте свое учительское призвание. В этих случаях говорится, что он принимает решение «*ex cathedra*», т. е. „ с кафедры ” — в качестве Пастыря всех верных и видимой главы вселенской Церкви. Это бывает редко : например, когда объявляется догмат.

В своей **обычной** учительской деятельности, папа не пользуется безошибочностью. Тем не менее, каждый христианин обязан ему послушанием, как боец своим начальникам, хоть те, очевидным образом, и не бывают ни в каких случаях неподверженными возможности ошибаться!

Каждый епископ, взятый отдельно, ни при каких обстоятельствах не обладает безошибочностью. Но общее учение всех епископов, рассеянных по всему миру, выражает безошибочно истину Откровения.

Епископы всего мира, в единении с Папою, собираются порою на общие собрания, называемые вселенскими Соборами, и тогда имеют возможность безошибочно уточнить то или другое в учении Христа.

В. ЗАДАЧА ОСВЯЩАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

Христос был послан руководить нами и научить нас Своему учению для того, чтобы вновь сделать нас друзьями Божиими. Его дело, таким образом, заключается прежде всего в том, чтобы **освящать** наши души, т. е. делать их чистыми и угодными Богу.

Вернуть себе близость Божию мы можем только через Христа и Бог только через Христа дает нам возможность участвовать в божественной жизни.

В Нем встречаются порыв человечества к Богу и благоволение Бога к людям.

Тем самым, Христос — совершенный Посредник между Богом и людьми, первосвященник, обладающий **полнотой священства**.

Как мы уже говорили, Христос, чтобы сделать нас друзьями Божиими, совершил одно единственное **жертвоприношение**. Кроме того Он установил **таинства** : осязательные средства дать нам или увеличивать в нас Божию благодать.

Видимая **Церковь** есть „живущий в ней Христос“; поэтому и она направляет и учит лишь для того, чтобы освящать. Святость ее членов составляет и для нее, как некогда для Христа, конечную цель всей ее деятельности.

Вся Церковь представляет собою как-бы огромное таинство в широком смысле этого слова : это — видимая форма невидимой благодати, эмпирический организм, служащий орудием и проводником божественной жизни.

(Э. Мерш, „Мораль и Мистическое Тело“)

Она предлагает нам средства, установленные Самим Христом :

- Участие в Его жертвоприношении;
- Таинства.

Участие в жертвоприношении Христа.

Мы говорили о том, как Христос, в Страстной четверг, принес Себя в жертву Отцу и при этом призвал апостолов „приобщиться“, т.е. присоединиться к Нему в этом жертвоприношении.

Христос мог-бы этим ограничиться : возможность принести Богу святую Жертву и соединиться с нею через причастие могла-бы быть предоставлена только тем, кто присутствовал при Тайной Вечери.

Но, кончая вечерю, Христос добавил : „Сие творите в Мое воспоминание“.

Этими словами Он поручил представленной апостолами Церкви **продолжать** в веках Его жертвоприношение Отцу и раздавать Его тело и кровь ученикам, чтобы и они тесно присоединились к Его жертве.

Жертва была умерщвлена в определенный момент — в Страстную пятницу, — в определенном месте — на Голгофе, — но на Церковь лег долг приносить ее Богу **всегда и везде**, в той именно форме, в какой Сам Христос принес ее вечером в четверг перед Страстями.

Все значение **литургической жертвы** — в этом **двойном акте**, который Церковь должна была отныне продолжать в веках :

- в принесении Богу единственной Жертвы, Его достойной;
- в предоставлении этой Жертвы людям, чтобы они, соединяясь с нею, принимали участие в жертвоприношении Христа и тем самым получали залог любви Божией.

Во время литургии, происходит **реальное приношение**: реальное принесение Жертвы, ранее умерщвленной и ныне присутствующей на престоле в алтаре.

Реального умерщвления во время литургии нет, ибо Христос не может умирать снова. Реальное умерщвление Христа было только один раз — на Голгофе; с момента Воскресения, Его Тело, Кровь, Душа и Божество соединены нерасторжимо.

Но во время литургии происходит, по примеру Тайной Вечери, **символическое умерщвление**, — Тело под видом хлеба символически отделяется от Крови под видом вина.

При посредстве священника, литургию **совершает целостный Христос**, Христос со Своим мистическим Телом, Христос со Своею Церковью. А так-как каждый христианин участвует в Церкви, каждый приносит эту Жертву вместе со священником, с Церковью и с Самим Христом; тем самым он, некоторым образом, участвует в священстве Христа.

Также и **приносится в жертву целостный Христос**, Христос со всем тем, что Его, т.е. Христос со Своим мистическим Телом, со Своею Церковью. Тем самым, каждый христианин должен приносить себя Богу, со Христом, через Христа, во Христе.

Причастие составляет неотъемлемую часть обедни; оно знаменует единение Церкви с ее Главою — Христом в Его Жертве.

Поэтому при литургии обязательно должен быть хотя-бы один причащающийся: по меньшей мере служащий литургии священник.

Церковь повелевает каждому верному по меньшей мере один раз в год соединяться с приносимую Жертвой; это — **говение перед Пасхой**.

Она также обязует причащаться каждого, кто находится в смертельной опасности, например, смертельно больных.

И она советует каждому христианину причащаться каждый раз, когда он присутствует при литургии, если его совесть не отягощена тяжелыми грехами.

В течение веков, Церковь окружила различными обрядами то, что Христос сделал за Тайною Вечерей. Все богатство этих обрядов развертывается в современной обедне.

И так Церковь уже двадцать веков продолжает акт Христа, принесшего Себя Богу в жертву за грехи человечества.

Двадцать веков она нам предлагает Христа, чтобы мы в причастии спяли свое существование с Тем, Кто постоянно приносит Себя в жертву в наших алтарях для восстановления нашего единения с Богом.

Литургия вместе с ее неотъемлемой частью — причастием — составляет совершеннейшее средство к нашему освящению.

Таинства.

Благодать невидима, как невидим Бог. Но по воле Христа она обычно достигает до нас видимыми путями.

Для этой цели Он установил таинства, представляющие собою по учению Церкви „**видимые знаки, установленные Господом для явления или умножения благодати в наших душах**”.

Поступая так, Христос действовал в соответствии с **бого-человеческим** характером всего Его дела. Уже Своим воплощением, Он тесно соединил Бога и творение, небо и землю, благодать и природу.

Как и следовало ожидать, Его дело отмечено тем-же соединением божественного и человеческого, духовного и материального, видимого и невидимого.

Соответственно с этим, для передачи нам требуются человеческие руки и уста; требуется даже неодушевленная материя : вода, хлеб, вино, растительное масло (елей).

Для нашего освящения, Христос установил **семь** таинств :

1. „Быть святым” значит жить в единении с Богом, поэтому ясно, что предельным таинством является Святое Причастие или **Евхаристия**.

Своей тесной связью с обедней, Евхаристия приводит нас к самому источнику благодати : к Голгофской жертве, из которой проистекает действенная сила нашего искупления;

Она соединяет нас с Тем, Кто обладает полнотой божественной жизни; она является как-бы введением к тому, внутреннему единению с Богом, которое составит нашу вечную жизнь.

Таким образом, Евхаристия — средство активно участвовать в жертве Христа и вместе с тем таинство, служащее умножению в нас божественной жизни.

От нее все другие таинства получают свой смысл и свою действенность; к ней все они ведут, как в церкви все ведет к алтарю, где совершается пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы.

2. Чтобы участвовать в Жертве Христа через Евхаристию, надо быть членом мистического Тела Христова.

Присоединяет нас к Церкви, сообщая нам благодать, таинство **Крещения**.

Это таинство кладет на нас неизгладимую печать, превращающую нас в детей Божиих и членов Церкви; оно дает нам право участвовать во всей деятельности Церкви и в частности в литургической Жертве.

3. Божественная жизнь, полученная в Крещении и умножающаяся Евхаристией, не может в нас остановиться. Христос пришел для всех; Его увлекающая сила распространяется, как огонь : „ **Огонь пришел Я низвесть на землю, — говорит Христос, — и как желал-бы, чтобы он уже возгорелся** ”.

Христианин участвует в этом поступательном порыве Христа, живущего в нем; он должен быть апостолом, должен стремиться к тому, чтобы, через Христа, привести всю вселенную к Богу.

Таинство **миропомазания** вводит христианина в его общественное служение в Церкви и дает ему силу нести ответственность, лежащую на нем, как на христианине.

4. Чтобы принимать Бога через Святое Причастие, необходимо, как мы уже говорили, быть Ему угодным; поэтому, если серьезный проступок отчуждает нас от Бога, необходимо предварительно получить за него прощение.

Для этой цели Христос установил таинство **Покаяния**, через которое человек, раскаивающийся в своих грехах, получает за них прощение.

Раненый палец мешает всему организму. Так и грешный христианин своею виною ослабляет жизнь Церкви.

Палец выздоравливает только силою всего организма. Так и христианин восстанавливает свое духовное здоровье только, покоряясь действию Церкви, в лице ее представителей, и исправляя нанесенный им вред.

Это таинство возвращает нам благоволение Божие, если мы его лишились, совершив смертный грех; оно усиливает это благоволение, если мы, вовсе и не отпав от благодати, раскаиваемся в мелких проступках, представляющих собою упущения в служении Богу.

5. Таинство **елеосвящения** возвращает больному христианину телесное здоровье в тех случаях, когда это полезно для его души, о чем судит Бог; или-же оно подготавливает соединение души с Богом, залогом которого является Святое Причастие.

6. Христос особо благословил союз христианских супругов и обогатил его таинством **брака**.

Это таинство дает супругам благодать вместе идти жизненными путями, угодными Богу, и оно подготавливает вступление

будущих детей в Церковь для их участия в жертве Христа и в дарах благодати.

7. Чтобы обеспечить обновление кадров Своей Церкви, Христос установил таинство **Священства**. Принимающие его берут на себя задачу продолжать жертвоприношение Христа, раздавать благодать через таинства, заботиться о сохранении веры во всей ее чистоте и руководить христианской общиной.

Дело верных.

Только апостолы и их преемники получили полноту освящающей власти в Церкви; поэтому только папа и епископы могут совершать все таинства.

Священники, получившие таинство священства, нуждаются еще в полномочиях от своего епископа, чтобы осуществлять свое служение; эти полномочия могут быть более или менее широкими и, в частности, дают им право совершать некоторые таинства.

Миряне реально участвуют в освящающей деятельности Церкви. Мы уже говорили об активном участии, которое они должны принимать в литургической жертве.

Но бывают случаи, когда на них ложится обязанность совершать некоторые таинства. Так, при некоторых исключительных условиях они могут совершать таинство **крещения**, чтобы ввести человеческую душу в круг божественной жизни.

С другой стороны, при таинстве брака, сами супруги совершают таинство один для другого; священник тут присутствует, как предствитель Церкви, а не как лицо, совершающее таинство.

Святость в Церкви.

Христос воспринял совершенную человеческую природу, в которой все находилось в гармоническом равновесии и ничто не оказывало ни малейшего сопротивления соединившейся с нею божественной природе. Как совершенный синтез человеческого и божественного, Христос не был подвержен ни малейшей погрешности и, тем самым, ни малейшему упреку.

В мистическом Теле Христа, в Церкви, этого уже не может быть; в нем **свято** то, что от Бога; то, что с человеческой стороны привносится, как материал для действия Божия, **отягощено** всеми недостатками, какие могут быть свойственны человеческой воле.

Таким образом, в синтезе божественного и человеческого, осуществляемом в Церкви, неизбежны изъяны, даже серьезные.

Эти изъяны неизбежны не только у верных; они могут встречаться и у пастырей, как-бы ни был высок их сан; ибо Христос Свое божественное дело доверил человеческим рукам.

Из этого вытекает, что если Церковь с полным правом приписывает себе святость, потому-что она основана Тем, Кто есть сама святость, и что если она, кроме того, обладает средствами для освящения душ, то у ее членов тем не менее имеются **погрешности**, как во всяком другом объединении, где действуют люди.

Христианство нашло человека больным от себя самого, и оно предприняло его исцеление. Оно создало не академию или лицей для дилетантов оно основало общество грешников, применяло мораль, пригодную для грешников, где требуется постоянное усилие, чтобы вновь подниматься, потому-что человек постоянно падает вновь.

(Сертилланж, „Христианство и философии“)

Таким образом, тени, существующие в деле, основанном Христом, не должны нас удивлять или, тем более, вызывать у нас сомнение потому-что мы знаем, что это дело — богочеловеческое.

Не приходится-ли, напротив, удивляться тому и тем восхищаться, что это общество, созданное двадцать веков тому назад, остается здоровым в своих принципах и неповрежденным в своем учении, несмотря на слабость, и даже на измену, многих его членов ?

Разумеется, Христос мог-бы вмешаться и плевелы были-бы вырваны, но, ведь, Он сам сказал, что нужно оставить расти все, пока не наступит жатва.

Так не надо нам пытаться быть мудрее Христа и требовать немедленного наказания !

ЕДИНСТВО И ВСЕЛЕНСКОСТЬ ЦЕРКВИ.

В символе Веры мы исповедуем единую, святую соборную или вселенскую (согласно греческому тексту) и апостольскую Церковь.

Церковь едина в двойном смысле : есть только одна единственная Церковь Христова; изнутри этой Церкви все объединено и связано узами Христовой любви.

Иисус Христос основал только одну Свою Церковь (Мф. 16, 18); всякое царство разделившееся само в себе опустеет (Мф. 12, 25).

Все овцы Христовы объединены в одно единственное стадо : и будет одно стадо и один пастырь (Иоанн 10, 16).

По воле Христовой Церковь отличается устремленностью к совершенному единению на всех ступенях бытия, начиная с благодатного единения верующих в божественной любви Христовой и кончая единством внешней иерархической и каноническо-административной организации; иными словами, единство Церкви должно быть Богочеловеческим, ибо „как Ты послал Меня в мир, так Я послал их в мир”, Церковь есть продолжение воплощения Христова.

Верное отражение воли Христовой относительно единства Церкви мы находим в учении Ап. Павла о Церкви как соборном теле Христовом. „Умоляю вас поступать достойно звания... стараясь сохранять единство духа в союзе мира. Одно тело и один дух... один Бог и Отец всех... И Он (Христос) поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями... на дело служения для созидания Тела Христова...”

Согласно этому тексту Церковь есть не только один дух, одно невидимое благодатное объединение людей, но и одно тело, одно видимое живое соборное целое, одно совершенное „общество верующих”, связанных между собой органическими узлами подчинения невидимому жизненному началу и видимым объединяющим органам.
(С. Тышкевич, Церковь Богочеловека)

Единство Церкви по замыслу Божию не есть единообразие, но есть единство в разнообразии и разнообразие в единстве, основное условие всякой красоты и всякого совершенства. В день Пятидесятницы, когда чудом пришествия Святого Духа была основана Церковь, ее многообразное единство сказалось чудесным образом : все апостолы были малообразованные иудеи, знавшие только свой язык, но внезапно они заговорили на языках всех присутствующих в это время в Иерусалиме народов : **парфяне, мидяне, эламиты, критяне, и аравитяне.... слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих** (Деяния 2, 9-11). Несомненно, этому многообразию языков соответствовало многообразие культур и духовных установок. Слава Божия проповедуется не столько тем, что она провозглашается на разных языках мира, сколько тем, что все они несмотря на различие их образа жизни, устроения и культур соглашаются во всем что касается Бога и единогласно славят Его.

В благодарственной молитве первых христиан мы встречаем такой текст : ” подобно этому преломленному хлебу — некогда рассеянному по холмам, и собранному затем, в одно целое, так и Твоя Церковь да будет собрана со всех концов земли в Твоем царствии.” Подобно тому как каждое зерно зреет на холме, где оно было посеяно, каждый человек живет там, где Бог ему предназначил и должен стремиться взрастить доб-

родители свойственные особенностям его душевного уклада и его родной земли. Но колосья собираются в одно целое... И Господь заложил в сердце человека жажду соединиться со всем человечеством и вместе приносить поклонение. Достоевский видит в этом глубочайшее свойство человеческой духовной природы — томление по духовному единству.

Прекрасное по своему существу и по замыслу это единство лишь с великим трудом и большими страданиями осуществляемо в истории. При наличии христианской любви разнообразие народов, личностей и культур ведет к взаимному обогащению каждого тем, чего нет у других. Даже самые устойчивые ячейки человеческого общества, как например семья, основаны на этом принципе взаимного дополнения. Это можно даже проследить в устройстве органического и неорганического космоса до мельчайших деталей.

Но когда христианская любовь охладевает, то это разнообразие является с другой и противоположной стороны и становится источником вражды, войны и взаимоистребления.

К несчастью случилось так, что в течение первого тысячелетия христианской эры отношения между христианами Востока и Запада постепенно утратили братский характер в силу множества исторических, иногда роковых, причин. Таким образом христиане Востока и Запада кончили тем, что перестали знать друг друга и начали друг друга порицать и даже презирать.

После нескольких тяжелых недоразумений приведших к временным разрывам, произошло, наконец, роковое разделение в 1054 году в Константинополе между константинопольским Патриархом Михаилом Керуларием и папским легатом Кардиналом Гумбертом.

Западные богословы последнего времени начинают сомневаться в правомерности этого разделения, основываясь на том, что до самого разделения папа Лев IX делегировавший кардинала, умер и таким образом прекратились полномочия Гумберта. Следовательно, можно задать себе вопрос, не превысил ли Гумберт свои полномочия в период папского междуцарствия, тем более, что он был делегирован по ограниченному ряду вопросов и не был уполномочен принимать решения по делу такого исключительного для судеб Церкви значения. Большая доля вины в том, что это разделение не было улажено, а превратилось во все более расширяющуюся трещину, падает на патриарха Михаила Керулария. Кроме того исторические события также сыграли свою роль. Одной из самых значительных причин того, что этот конфликт достиг степени непримиримости

закоренелого недуга, надо безусловно считать взятие рыцарями крестоносцами Константинополя в 1204 году, его варварское разграбление и основание так называемой Латинской империи. К этому надо прибавить что Папа Иннокентий III резко осудил этот акт.

Что же касается отношений к России и к русской Церкви, то следует заметить, что христианство в России началось задолго до великого разделения, да и после него у таких князей как напр. Ярослав Мудрый отношения с Римом и Западом были вполне дружественными.

В период татарского владычества Россия была отрезана от Запада и за все это время односторонние антиримские влияния идущие из Византии преобладали над противоположными. Этому еще способствовал тот факт, что соседние с Россией государства — тевтонский орден меченосцев, а также Польша и Литва осуществляли политику агрессивного захвата русских земель. Таким образом у русских создался прочный антиримский комплекс, в силу которого принадлежность к христианству Западного типа рассматривалась как враждебная антирусская и антиправославная установка.

Таким образом термины „ христианин-католик ” и „ христианин-православный ”, которые раньше дополняли друг друга означая один — вселенскость, а другой — правоверие, свойственные единой вселенской Церкви, стали резко противопоставляться друг другу. Попытка соединения произошла на Флорентийском соборе и привела к согласованию догматических установок, но из-за политических неблагоприятных условий не дала ожидаемых результатов и в известном смысле усугубила разделение между Россией и Римом.

По этому поводу папа Пий XII в послании к народам России 1953 года пишет :

И если в то время и впоследствии, по причине ряда неблагоприятных обстоятельств эти сношения, как с той, так и с другой стороны, становились все более затруднительными, вследствие чего затруднительнее стало и общение духовное, — хотя вплоть до 1448 года не имеется ни одного официального документа, в котором ваша церковь (Русская) объявлялась бы отделенной от Апостольского Престола — это однако, в общем, не может быть поставлено в вину роду славян, ни тем менее нашим предшественникам, которые всегда относились к славянским народам с отеческой любовью.

Здесь высшим авторитетом католической Церкви подчеркивается тот факт, что причиной разделения является ряд неблагоприятных исторических конъюнктур. Смягчению вражды разделения в значительной степени содействовали труды Влади-

мира Соловьева, который не переставая быть верным сыном русской православной Церкви, признавал вселенский авторитет Папы римского, как наместника Петра.

В переживаемую нами трагическую эпоху наступления на мир безбожного материализма особенно важно, чтобы христиане осознали возможность принадлежать к единой Церкви, сохраняя все свое духовное наследие и своеобразие, и приложили усилия к сближению и возвращению к первичному единству Церкви. Можно сказать, что двадцатому веку даны особые благодатные силы преодолевать то, что в 19 веке казалось еще непреодолимым. В самых различных странах вселенной и среди различных христианских вероисповеданий началось мощное движение к преодолению средостений и к восстановлению христианского единства. Это движение связано также с исполненным любви братским стремлением знакомиться друг с другом и взаимно обогащать друг друга. К этому благодатному движению должны примкнуть и мы...

Следует подчеркнуть значение инициативы папы Иоанна XXIII по созыву Вселенского Собора, по поводу которого он высказался в духе благожелательной объективности с признанием обоюдной ответственности.

В ответ на послание папы Иоанна XXIII надо отметить исполненное любви и благожелания и надежды послание Патриарха Константинопольского Афинагора (1 января 1959 г.).

„Наша радость тем большая, пишет патриарх, что призыв к единству исходит из древнего христианского центра — Рима”. Говоря затем о современном положении мира, в котором материальная культура душиет духовную, Патриарх продолжает: **„сознавая всю ответственность за происходящее в мире, христиане должны сотрудничать друг с другом и продвигать дело христианского единства.**

Указав на то, что православная Церковь уже участвует в междуцерковных движениях, Патриарх выражает свою готовность войти в сношения с древней Римской Церковью, чтобы облегчить „уныние народов и недоумение”. Далее Патриарх говорит о возможности встречи „для совместного обсуждения нужд миллионов верующих ищущих разрешения современных проблем.” „Поэтому, заключает Патриарх, мы считаем, что всякий призыв к единству должен сопровождаться действиями, доказывающими, что наши дела соответствуют нашим словам. Возможно, поэтому, сближение пока на практической основе, при условии справедливости, духовной свободы и взаимного уважения.”

Некоторые читатели могут возразить : „ все это прекрасно. но единство все равно не осуществится : ни Папы, ни восточные патриархи не уступят, когда вопрос пойдет о папской непогрешимости ”.

На это следует ответить, что все в руках Божиих. Мы должны молиться об осуществлении единства угодными Богу путями, даже если от нас потребуются жертвы. Объективное изучение спорных вопросов тоже может открыть совершенно неожиданные перспективы для сближения. Так например, работы Ф. Дворника о патриархе Фотии способствовали изменению — в лучшую сторону — мнения о нем на Западе. А что касается вопроса о папской непогрешимости, приводим здесь выдержку из статьи епископа Болеслава Слосканса „ Воспоминания об Экзархе Л. Федорове ” (на Соловках).

Русский епископ на аудиенции у Папы Иоанна XXIII.

В особенно тесном контакте о. Экзарх находился с Высокопреосвященным архиепископом Илларионом Троицким, бывшим Ректором Московской Духовной Академии и правую рукою Патриарха Тихона. Они всегда беседовали на апологетические темы, касающиеся Церквей : Восточной православной и Западной католической. Однажды была между ними горячая беседа о папской безошибочности в делах веры и нравственности, как догмате католической Церкви. Ясно, что Высокопреосвященный Илларион был убежденным противником этого догмата. Отцу Экзарху как-то удалось при помощи соловецких монахов проникнуть в бывшую монастырскую библиотеку и там он нашел подлинный текст провозглашения этого догмата. При следующей встрече о. Экзарх показал своему собеседнику — архиепископу Иллариону этот подлинный текст католического учения о папской безошибочности. Его Высокопреосвященство, внимательно его прочитавши (он хорошо владел латинским языком), руками развел и прямо сказал, что он должен признаться, что он никогда до сего момента не видел подлинного текста догмата о папской непогрешимости и что, прочитавши текст, он должен откровенно сказать, что в таком толковании учение о папской безошибочности является совершенно приемлемым для православной Церкви. До сего времени Высокопреосвященный Владыка был убежден, что, провозглашая догмат, Папа налагает на верующих свою личную веру и это все. Согласно же догматическому тексту выходит, что Папа лишь открывает всем верующим постоянную, непрерывную веру Святой Церкви. Папа лишь торжественно провозглашает эту веру Церкви, сам ей покоряется и делает ее обязательной для всех верующих.

ГЛАВА III.

НЕКОТОРЫЕ ИНЫЕ ЧЕРТЫ ПРОДОЛЖАЮЩЕГОСЯ ПРИСУТСТВИЯ ХРИСТА НА ЗЕМЛЕ.

Из предыдущего уже достаточно ясно, что **Христос продолжает присутствовать** среди нас : Он живет благодатью в мистическом Теле; Церковь продолжает Его дело; Его жертвоприношение продолжается и доходит до нас; даже присущую Ему безошибочность мы находим и теперь на земле.

Но воля Христа — быть продолженным здесь на земле в полной мере, не исключая ничего из того, что в Нем есть.

Как зерна **колоса** воспроизводят все основные признаки зерна, его породившего, — форму, качества, законы развития, — как молодая **лоза** сохраняет свойства саженца, из которого она развилась,

так и в **мистическом Теле Христа** должны повторяться определенные черты Его земной жизни.

Рассмотрим некоторые из них.

Продолжение Христа трудящегося.

Бог сотворил мир незавершенным; Он предоставил людям завершать Его дело, призвал их к сотрудничеству по раскрытию ценностей, заложенных в мироздании, на благо самим людям и во славу Творца.

От сотворения мира, и еще до грехопадения человека, на него была возложена задача трудиться на стройках Божиих. Грех придал этой задаче тягостные и болезненные черты.

В течение тридцати лет, **Христос** подчинялся этому закону труда. Сын трудящегося, он Сам пожелал быть среди людей **трудящимся**. Став плотником, Он тем самым избрал скромный, однообразный и тягостный труд, чтобы смешаться с бесчислен-

ным множеством трудящихся, знакомых только с занятиями такого рода.

Он подлинно воплотился в их человеческом труде, чтобы вернуть этому труду его подлинное достоинство и тот первоначальный смысл, согласно которому человек есть продолжатель Бога, по воле Творца.

И отныне, всякая человеческая деятельность, как-бы ни была она скромна, представляет собою, если только это деятельность честная, продолжение труда Самого Христа :

Портниха, поздно вечером заканчивающая свою работу, каменщик, на ледяном ветру работающий на дороге, рабочий в шахте, мать, баюкающая ребенка или готовящая обед, служащий в учреждении, милиционер на перекрестке, вагонновожатый, ученик в классе, — все они, если они „ помнят о Боге ” т. е. если в них есть благодать, продолжают труд Христа.

Таково высокое понятие о труде, освящающее самую „ неблагодарную ” работу и придающее сверхестественную ценность самой скромной задаче. Трудясь, мы не „ поражены проклятием ” : мы — сотрудники Божии, дети в доме Отца, продолжатели трудящегося Христа. Звание трудящегося вновь стало почетным.

В Евангелии (Ио. XXI, 1-14) есть эпизод, выражающий с особой яркостью этот призыв к сотрудничеству, обращенный Христом к Его последователям. Это — эпизод чудесной ловли рыбы, после Воскресения Христа. Когда апостолы подплыли к берегу, они увидели Христа, уже испекшего несколько рыб им на обед.

И Христос, заботясь о том, чтобы не уронить их достоинства, сказал : „ Принесите рыбы, которую вы поймали ”.

Точно Он не мог Сам приготовить им достаточно на обед !

Но Он хотел, чтобы апостолы присоединили к Его дарам плоды своего труда, и хотел через них призвать каждого из нас присоединить наш каждодневный труд к Его вечному делу .

Продолжение Христа в Его сыновней любви.

В сердце Христа была та **любовь, единственная** в своем роде, которую ребенок любит только мать, и мы уже говорили, сколько Он сделал для Своей Матери.

Умирая на кресте, Он совершенно точно поручил ее апостолу Иоанну, и Церковь всегда считала, что Иоанн в данном случае представлял все человечество; сказав ему „ Вот мать твоя ”,

Христос выразил желание, чтобы сыновняя любовь, которой Он ее окружал, продолжалась на земле.

Таким образом, Христос и теперь **продолжает** ощутительно любить на земле Свою мать, тою любовью, которую проявляем к ней мы.

Он Сам, например, через нас и вместе с нами, создает в Церкви все проявления почитания Божией Матери и праздники, установленные в ее прославление; Он Сам в течение веков все более ясно возвещает через Церковь исключительное положение Царицы Небесной; Он Сам побуждает лучшие души посвятить себя ей.

Это значит, что наше почитание Божией Матери вовсе не составляет излишнего осложнения нашей веры и не является добавкой к иным нашим культам; это почитание — **одна из сторон почитания нами Самого Христа.**

Благодаря Божией Матери, Христос стал нам ближе; почитая Божию Матерь, мы благодаря ей становимся ближе к Христу.

Как жизнь и спасительное дело Христа немислимы без Божией Матери, так немислима без нее и наша привязанность к Нему; своим присутствием **Божия Матерь** создает ту **духовную атмосферу,** в которой только и может развиваться наше поклонение Христу.

Продолжение Христа страдающего.

Мы говорили в самом начале о центральном значении **проблемы страдания** для всякого, кто стремится понять жизнь.

В наши дни выдвигаются широковещательные программы обновления мира; но необходимость уделить место страданию все они, или почти все, обходят молчанием. А между тем, чтобы ни делать, страдание никогда не будет устранено из нашего существования.

И получается, что эти теории могут удовлетворять некоторых идеалистов, или даже толпу, но только на некоторое время; рано или поздно, все они будут оставлены, потому что они не соответствуют действительной жизни.

Что может сказать, например, молодой рабочий, страдающий туберкулезом, осужденный доживать свои дни в гипсовом корсете, когда ему говорят о коммунистической революции, о будущем перераспределении всех земных благ и о „последнем и решительном бое“? На вопрос о том, какую роль он, больной может играть в возникновении нового мира, нет ответа; его собеседнику придется признать, что для тех, кто страдает, никакой задачи не предусмотрено.

И это равносильно признанию несостоятельности всей теории : как мы уже и говорили в введении, эта теория просто обходит молчанием один из существеннейших элементов человеческой жизни.

Из всех учений, существующих в мире, **только одно смотрит на страдание открытыми глазами**, только одно объясняет страдание и, что еще важнее, придает ему ценность. Это — учение Христа, страдавшего на кресте из любви к человечеству.

Потому именно, что только божественный Основатель Церкви и Его учение сливаются в едином, проникновенном и благодарственном заключительном аккорде гимн освящающего страдания и гимн христианской радости, одна только Церковь дает нам возможность устремить все наши энергии к абсолютному самоусовершенствованию без страха в чем-бы то ни было исказить реальность.

(Ж.М. Кардоль, „ Физическое развитие и католическое учение ”)

Теперь мы в состоянии **разрешить** проблему страдания.

Напомним во-первых то, что мы уже говорили : человек по самой своей природе подвержен страданию;

лишь по особому вмешательству Творца первые люди были от этого избавлены, чтобы иметь возможность жить в благодати Божией без внешних стеснений.

Когда человек лишился благодати, он вместе с тем потерял и этот исключительный дар; он познал страдание, которое затем оказалось усугубленным сверх всякой меры его собственными грехами.

Но почему Христос, возвращая нам благодать, не оградил нас опять от страдания, не вернул нам дар бесстрастия? Таков вопрос.

Отметим сначала, что Он вернул людям благодать Своим **страданием**; и нет сомнения в том, что нам не легко воспринять эту очевидную истину !

Христос стал подлинно одним из нас, чтобы понести последствия нашего первородного греха и всех наших последующих грехов.

После этого, когда перед нами такая любовь, подобало-ли нам быть совершенно освобожденными от тех-же последствий и предоставить страдание **одному** Христу?

Нет. Бог еще раз призвал нас к **сотрудничеству** : подобно тому, как Он на нас возложил задачу завершить Его дело творения, так Он и наши страдания сделал **необходимым допол-**

нием к страданиям Христа, чтобы мы вместе с Христом стали соучастниками в деле искупления мира *)).

Апостол Павел прекрасно выразил эту основную христианскую истину, написав : „Ныне радуюсь в страданиях моих за вас, и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь” (Кол. 1, 24).

Этот текст, краткий и сжатый, поразительным образом расширяет наши горизонты. Страдание уже не представляется абсолютным злом; оно в основном перестает даже быть наказанием; оно становится **участием избранных** в деле спасения : каждый человек, страдающий в единении с Христом, продолжает страдание Христа и **завершает дело спасения**.

Страдание Христа и Его любовь имеют, без сомнения, бесконечную ценность; но по воле Христа Его дар должен быть бесконечным дополнением к нашему убогому взносу и становится действительным только в той мере, в какой мы согласны давать то немного, что у нас есть и что одно Ему дорого.

(А. Жоли, „Благородный риск веры”).

И сотворенная личность, раньше всех других призванная дополнить страдание Спасителя, — это та, которая, казалось-бы, больше всех должна была-бы быть пощаженной : Его Мать.

Вспомним то, что было на Голгофе : Христос умер на кресте, Его страдания кончились; но страдания Его Матери продолжают...

Христос ее не пощадил, чтобы она была соучастницей в деле искупления, — так как-же пощадил-бы Он нас ? Да и могли ученик требовать для себя больше, чем для учителя ?

*) Это не значит, что Церковь призывает к пассивному отношению к страданию. Из того что Церковь освящает и благословляет страдания — особенно страдания за Христа и Его Церковь и страдания невинные — совсем не значит, что она остается пассивной ко всему тому, что облегчает или прекращает страдания, включая сюда и помощь науки и различные формы социальных организаций.

Обостренная чувствительность Церкви к страданиям ее членов и всего человечества — согласно притче о Милосердном Самарянине — заставляет ее с удвоенным вниманием и активно посещать места страдания. Однако она знает, что „мир во зле лежит” и страдания неизбежны до окончательного освобождения мира вторым пришествием Христовым. Даже сами усилия человечества освободиться от страданий часто приводят к усугублению этих страданий.

Страшны не столько страдания, сколько их бессмысленность. Христос, Его крест и Воскресение сообщили страданиям смысл и вырвали тем у дьявола самое ядовитое из его орудий мучения рода человеческого — отчаяние.

Когда мы признаем искупление и продолжающееся присутствие Христа на земле, христианский смысл страдания становится очевидным :

Искупление страданием не закончено : страсти Христовы должны продолжаться.

По выражению Паскаля, „Христос остается в агонии до скончания века”, — остается в страдающих членах Своего мистического Тела. Когда придет „конец века”, искупление будет закончено; Тело Христово перестанет страдать; виноградная Лоза больше не будет подрезаться.

„Страдание есть тайна. Весь вопрос в том, тайна-ли это жизни или смерти” (Э. Берер, „Вознесение страдания”). Только христианство может ответить : это — **тайна жизни**. Только оно принимает, как особо ценных сотрудников, больных, расслабленных, все бесчисленное множество тех, кто страдает физически или морально. Как хозяин на пиру в евангельской притче, оно с особой радостью встречает их на пиру Жизни, потому-что здорové так часто отвергают его призыв..

Эта книга в особенности обращается к несчастным людям, неизлечимо больным, на всю жизнь прикованным к постели. Большинство из них — избранные жертвы; но многие-ли из них сознают, что они совершают великое дело искупления, и для себя, и для других ?

На небе и на земле, не было никого,кто так страшно просил-бы, как милостыни, Любви ! Раны на Его руках, это — два вечно пустых кошелька и Он их протягивает нам для того, чтобы каждый вложил в них хоть немного своих собственных страданий и слез. (Гюйсманс, „Жизнь Святой Лидвины”).

Каким это было-бы ограничением даров Христа, если-бы Он пожелал страдать одиноко и скрыть в Своих собственных ранах все сокровища искупительных мук ! Крест — это царский подарок. Иметь возможность все разделять со Христом, и радость, и горе, во всем на Него походить, лишь ступая по Его стопам подниматься на вершины, Им для нас завоеванные, и нести при этом то-же самое бремя : какое счастье для каждого, кто способен понимать ! (Сертильжан, „Катехизис неверующих”)

Нужно туберкулезному рабочему, о котором мы говорили, показать крест Христа; нужно объяснить ему замысел Божий, согласно которому каждый должен все, что у него есть, посвящать благу других; нужно ему сказать, что он, обреченный болезнью на неподвижность, призван Христом присовокупить к Его страданиям свое страдальческое бездействие, для искупления других людей, — потому-что дело спасения не закончено.

И если Бог внушит нам настоящие слова, взор у больного оживится, исчезнет напряженное выражение лица, сжатые руки

раскроются и возьмут крест, положенный рядом с ним на постель; и он будет благодарить нас за то, что мы сумели помочь ему найти смысл жизни. Постепенно он станет меньше жаловаться на свои страдания; он приучится владеть ими, как средством, так, как рабочий владеет своим инструментом. И может-быть настанет день, когда он их полюбит настолько, что перестанет просить у Бога здоровья, чтобы до смерти оставаться спутником страдающего Христа.

Все мне безразлично, все : физическая усталость, моральные страдания; я люблю только Христа и Его Матерь и Им хочу отдать свою жизнь в искупление своих грехов . . . Я счастлива, не вопреки страданиям, а благодаря им.

(Ева Лавалиер, „Интимные заметки ”)

Верю, что Иисус Христос преобразил, освятил, почти обожил страдание. Верю, что для души страдание есть великий двигатель спасения и освящения. Верю, что Бог есть любовь и что в Его руке страдание есть средство любви для нашего улучшения и спасения.

(Елизавета Лесер, „Дневник и каждодневные мысли ”)

Дивным достижением католического учения является это превращение ценностей, которое среди радостей божественного замысла уделяет место даже страданию . . . Вот — чудо, вот — дело Божие; вот — диво, может-быть даже еще более удивительное, чем творение. Перед Страданием терялись все древние мудрецы . . .

(П. Дюпуйе, „Письма и очерки ”)

Итак, стократ да будет благословенно страдание, приведшее меня назад к Нему !

(Фр. Коппэ, „Доброе страдание ”)

В страдании тебе недостает духа радости. Страдания это — драгоценные камни, которые Бог тебе дал, чтобы ты спасал своих братьев; а ты Ему возвращаешь булыжники. Да разве я могу равнодушно смотреть на бриллианты и оставить их на ложе иссушенной души ? . . . Нет, я страстно хочу воспользоваться этими великолепными днями, чтобы делиться своими страданиями с бедными. Не теряй ни крупинки ! Все отдай ! Расточай !

(Ж. д-Арну, „Речи выходца с того света ”)

Мы никогда не освободились-бы от связывающих нас уз, если-бы Сам Бог не разрезал некоторые из них страданием . . . Страдание развивает матрицу, оно высвобождает дух; благодаря ему мы становимся свободными. Правильная оценка ценностей, чувство реального приобретаются только страданием; блаженны те, кто знает страдание !

(Ж. Леклер, „Доверие ”)

Человеческое страдание, тем самым, что оно было воспринято воплощенным Словом, преобразено. Став одно с Богом, оно приобрело божественную ценность и из наследия греха оно превратилось в противоядие греха, стало началом высшей жизни.

(Э. Мерш, „Мораль и Мистическое Тело ”)

Искупительные страсти Христа возобновляются, продолжают некоторым образом и завершаются в Его Мистическом Теле... Страдая в Своем Мистическом Теле, Христос желает иметь нас соучастниками в Его искуплении... В виду того, что мы — Тело Христа и каждый из нас — Его члены, все, что терпит Глава, должны терпеть и члены.

(Папа Пий XI)

Продолжение Христа в Его смерти.

Среди крестов, которые человек должен нести и от которых он хотел-бы избавиться, есть один, от которого он явно отбивается всеми силами и ни в каком случае не может уйти : смерть. При мысли о ней, большинство людей содрогаются.

Но они не умеют смотреть действительности в глаза.

Никто не судит о вышивке по изнанке, где нити перепутаны, то исчезая в беспорядке, то опять появляясь в другом месте без видимой причины. Вышивка для того сделана, чтобы на нее смотрели с лицевой стороны.

Так дело обстоит и со смертью : если на нее смотреть с нашей стороны, то это — безвозвратная потеря всего, что нам приятно на земле, пропасть, поглощающая наши надежды и наши привязанности; это — небытие.

Но если ее сблизить со смертью Христа, то она становится решающим актом нашего существования, вершиной нашего дела, высшею жертвой, какую мы только можем принести Богу.

Христос умер : но в Его смерти недостает нашей смерти, чтобы дело спасения совершилось полностью.

И тогда, не **честь**-ли для нас — эта возможность соединиться с Ним в акте высшего великодушия, которым завершилась Его земная жизнь ?

И не **проявление**-ли **любви** — эта возможность отдать свою жизнь за Любимого ?

Христианин, желая распоряжаться своим бытием и своею жизнью так, как Тот, Кто принес высшую жертву, становится священником вместе с Ним, в Его смерти, и завершает, в этот последний момент, ту жертву, которой он был посвящен при крещении и которую он должен был продолжать во все дни своей жизни.

(Боссюэ, „Размышления об агонии Христа “)

Можем-ли мы, после этого, отгоняя мысль о смерти и отказываясь принять с открытым сердцем теперь-же то, что должно соединить нас с Голгофскою драмой, растрчивать таким образом то богатство, которое в тот день должно стать нашим ?

А кроме того, смерть не прекращает нашей жизни; напротив, она для нас означает момент **удвоения жизни**; это — поднятие занавеса, солнце, просвечивающее сквозь туман, это — наводняющий нас свет, это — наш Господь, являющийся перед нами во всей Своей красоте, ласковый и сострадающий.

Смерть — это **присутствие Божие**.

Если мы жили со Христом и были готовы умереть вместе с Ним, из любви к Нему, — то чего-же еще нам бояться смерти ?

Продолжение Христа в Его Воскресении.

В момент, когда Христос воскрес, глубинная природа мира изменилась. Христос воскрес во славе и все возвращено нам с избытком. Нечто новое появилось на земле, полностью изменившее образ вселенной.

Отныне все увлекается неудержимым потоком вслед Воскрешему и ничто не может остановить этого **восходящего движения**.

Ни бешенство безбожников, ни человеческое безразличие не могут сопротивляться этому воскресению. Его смысл :

Во-первых воскресение душ.

Бог постепенно распространяет жизнь среди человечества и всякая душа, принимающая благодать, усиливает восходящее стремление мира, который прежде, из-за греха, был обречен на смерть.

Всякая душа, возвышаясь, возвышает мир. (Е. Лесер)

Обратно, каждый грех стесняет распространение божественного в человеческом, замедляет действие той закваски, которая должна превратить весь мир в хлеб для служения литургии.

Воскресение также и материального мира.

Отныне природа может опять выполнять свою благородную задачу : помогать человеку в осуществлении его сверхестественного призвания.

Тем самым, природа преображается; она опять становится таинством, видимым знаком, через который благодать Божия достигает до нас; она говорит нам, если только мы умеем ее

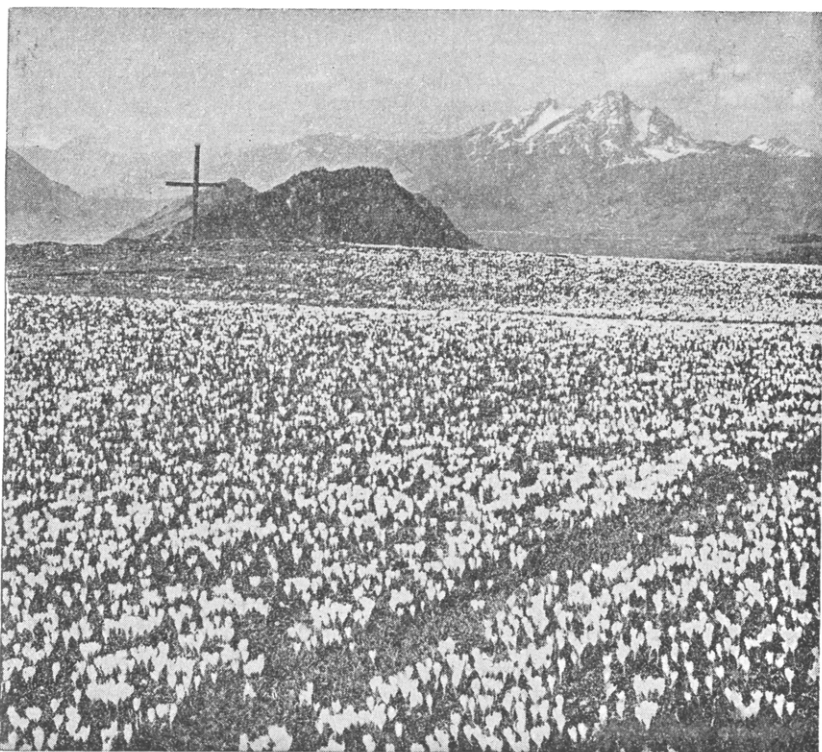
слушать; она сопутствует нам в нашем движении к Богу, если только мы ею не злоупотребляем.

К этой теме мы еще вернемся.

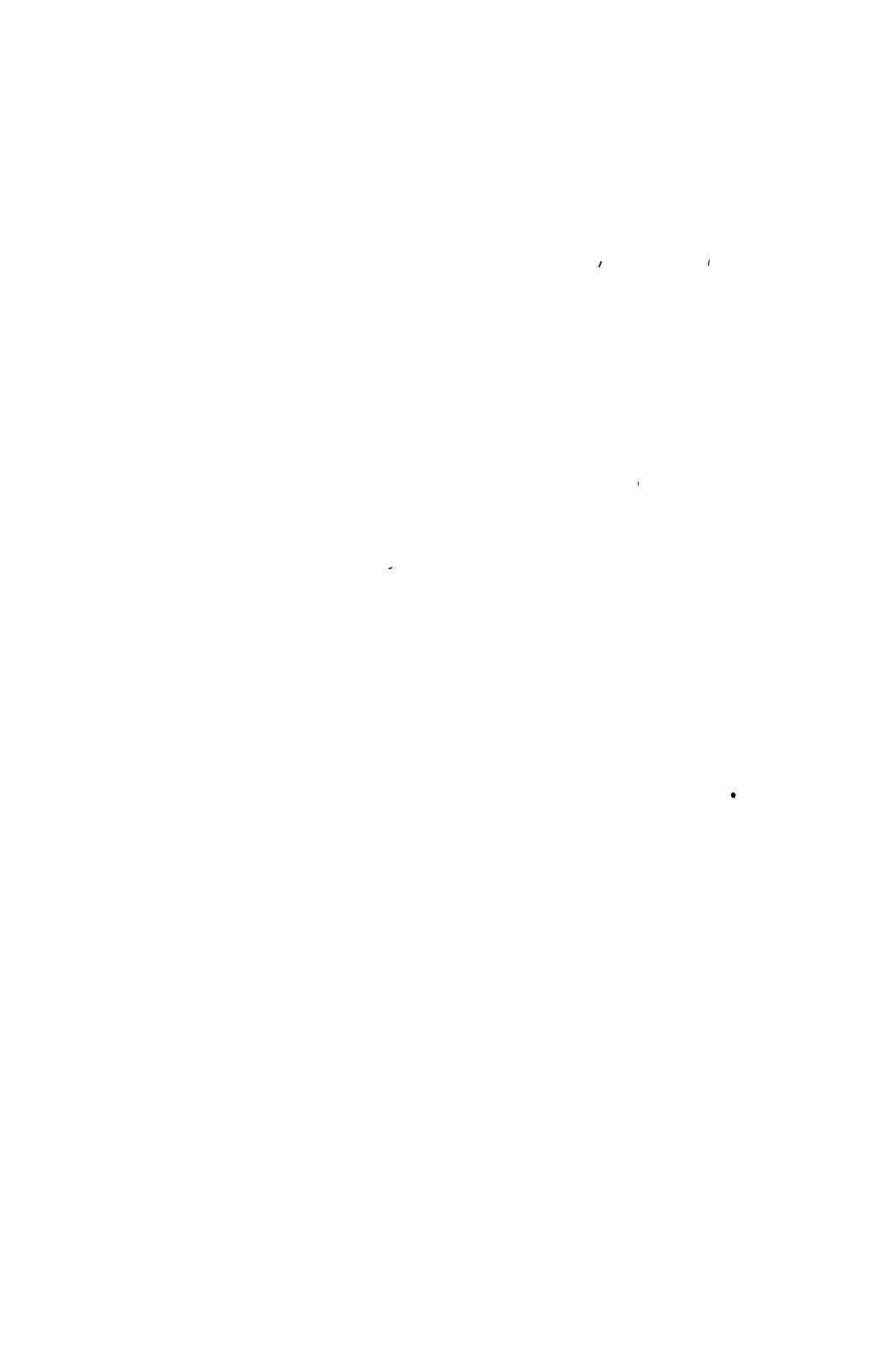
Заключение.

Христос живет и действует среди нас и в нас; Его приход был зарею нового мира.

Этот новый мир нам остается изучить более подробно в дальнейшем.

На лоне природы где каждый цветок, каждое дерево и каждая гора исполняет свое предназначение, виднеется крест, символ страдания и победы над смертью Иисуса Христа. Там прошел священник... как представитель Христа на земле он тоже выполнил свою миссию: приносить в благодарность Богу Тело и Кровь Искупителя; приносить людям то же Тело и ту же Кровь, чтобы они могли слить свою жизнь с жизнью Отца сущего на небесах.

IV

ЧЕЛОВЕК ПО ЗАМЫСЛУ БОЖИЮ

ВВЕДЕНИЕ

Христос, как мы говорили, пришел внести в мир новую завязку : **благодать**. Этим глубоко меняется все и не меняться не может.

Но тут именно и возникает вопрос : это божественное начало, отныне внедрившееся в начало человеческое и через него во все временное, — не потрясет-ли оно самые основы сотворенного мира ? Не придется-ли нам платить очень дорогою ценою за эту милость, позволяющую нам стать, через благодать, детьми Божиими ?

В частности, не придется-ли нам пожертвовать естественными и законными стремлениями нашего существа ?

Иными словами, — становясь **учеником Христа**, не перестанет-ли человек быть **вполне человеком** ?

На это мы уже ответили категорически : **Нет**; между Спасителем и Творцом нет противоречия; благодать не упраздняет природы; вечное не искажает временного.

Верно обратное : все, из чего это временное образуется, — во-первых **человек** со всеми заложенными в нем неисчерпаемыми возможностями, **семья** и **государство**, естественные человеческие общества и сам материальный мир, — все это призвано к дивному расцвету, если человечество принимает Божий план во всей его полноте.

Нужно повторить : Христос явился среди нас не для того, чтобы разрушить дело творения, а для того, чтобы это дело завершить в благодати. Крест это выражает символически : распростертые руки Христа готовы объять весь мир, чтобы вознести его к Отцу.

Такова воля Христа и таково учение Церкви : все ее усилие направлено к тому, чтобы все привести к Христу — **все повторить во Христе**, по учению апостола Павла, — не обесценивая все существующее, а напротив, развивая заложенные возможности до такой степени, до какой человек без благодати не мог-бы подняться ни делом, ни даже мыслию.

Благодать не ниспровергает естественные законы, как и божественность не подменила человеческой природы Спасителя.

(Э. Мерш, „Мораль и Мистическое Тело”)

Язычество не было врагом природы; но только христианство расширяет природу, возвышает ее и вводит ее в человеческий ритм.

(Бернанос, „Дневник деревенского священника”)

Нам остается показать более подробно, что отношение Церкви к чисто естественным ценностям, действительно, таково.

Но приступая к изучению Церкви в ее отношениях с светской жизнью, необходимо сделать три предварительных замечания :

1. Церковь имеет право вмешиваться в светскую жизнь.

Прямая задача Церкви — учить людей их **сверхестественному назначению** и давать им, для этого их назначения, соответствующие средства.

Но это назначение тесно связано с тем, как человек выполняет свою земную задачу.

Поэтому особое призвание Церкви включает задачу напоминать людям о их **естественном назначении** и заботиться о том, чтобы они уважали естественный порядок вещей, установленный Богом.

Следовательно, Церковь не выходит за пределы присущей ей деятельности, когда она уточняет **естественные права** человека — как право на жизнь, на труд, на справедливый заработок, на личную собственность, — или когда она напоминает о правах и обязанностях семьи, государства и пр.

По любому существенному вопросу, труда и капитала, кинематографа, печати, понятия расы или нации, распределения материальных благ и т. д. — Церковь имеет право и долг выступать с напоминанием принципов, согласно которым должны решаться эти вопросы, и с осуждением любых решений, ставящих под угрозу сверхестественное назначение человека.

2. На Церкви не лежит задача устанавливать светский порядок.

Единственная задача Церкви — помогать человеку осуществить его сверхестественное назначение; она лишь в той мере может и должна заниматься вопросами временной жизни, в какой они связаны с вечностью.

Поэтому на Церкви не лежит задача устанавливать светский порядок; она не квалифицирована заменять собою те естествен

ные общества, которые для этого установлены Богом : семью и государство.

Она, напротив, обязана признавать и уважать законные права этих обществ и даже выступать в их защиту против всякого, отказывающегося им подчиняться.

Из этого вытекает, что нельзя требовать от Церкви больше того, что входит в круг ее задач. Например :

— Церковь может напоминать о том, что нужно заботиться о **физическом здоровье**; но в круг ее задач не входит изыскание наилучших методов физкультуры.

Однако, если частные лица или государство предлагают метод физкультуры, оказывающийся в противоречии с нравственным законом (если он, например, вместо культуры внедряет культ тела), то Церковь имеет право и долг выразить свое неодобрение.

— Церковь может напоминать о том, что **жилища** должны обеспечивать семьям возможность иметь и воспитывать несколько детей. Но не дело церкви указывать, в каком стиле и с каким расположением комнат надо строить дома !

Церковь будет, однако, проявлять свое неодобрение всякого рода жилищ, исключающих на деле возможность воспитывать детей.

— Церковь может напоминать о **назначении государства**; но не ее дело указывать, каким в государстве должен быть образ правления.

Но если то или иное правительство превышает свои права, попирая права личности или семьи, то Церковь возвысит свой обличающий голос.

— Не дело Церкви устанавливать конкретно размер заработной платы рабочего. Но она может напомнить о том, что заработная плата должна давать рабочему возможность содержать свою семью, что равносильно осуждению такого экономического строя, который лишает его этой возможности.

И так далее.

Итак, не будем ожидать от Церкви всего; не будем ставить ей в упрек, что она не руководит каждым шагом нашей жизни.

Столяр не спрашивает у архитектора указаний, как ему лучше вбивать гвозди или строгать доску. Но все представители разных профессий имеют право ждать от архитектора, что он даст им достаточно точный план строящегося дома.

Так обстоит дело и с Церковью : на ней лежит задача уточнять принципы, согласно которым должны решаться вопросы светского порядка; но изыскивать практические решения она

предоставляет личностям и правомочным для этого обществам.

Она одобряет всякое решение, соответствующее природе вещей и сверхестественному призванию человека; и она осуждает всякое решение, им противное.

И она должна уважать законные права личности, семьи и государства. Нарушая их, она доказала-бы тем самым, что она сама не происходит от Бога. Потому-что у Бога не может быть противоречий в том, что Он делает.

3. Церковь нельзя смешивать с отдельными ее представителями.

Напомним, наконец, что Церковь, божественная по своему происхождению и по задаче, возложенной на нее по отношению к нам, вместе с тем поручена людям и что поэтому в ней человеческое неизбежно примешивается к божественному.

Таким образом, можно быть заранее уверенным, что отдельные христиане — и даже официальные представители Церкви — действуют порою вопреки учению, которое они должны распространять.

Когда мы будем говорить, например, об отношении Церкви к человеческому телу и о сочувственном внимании, которое она ему уделяет, каждому читателю нетрудно будет возразить, что бывают священники, выступающие против занятия молодежи физкультурой!

Когда мы скажем, что Церковь с огромным сочувствием относится к научному прогрессу, читателю не придется даже особо напрягать память, чтоб вспомнить, что в определенный момент один из представителей Церкви осудил научные открытия Галилея!

Нужно честно признать, что в Церкви были и еще существуют миряне и представители духовенства нерадивые, несведущие и даже недостойные, как бывают бойцы и представители командного состава, не соответствующие своей должности.

В залитом солнцем пейзаже есть тени. Так и в Церкви. Это не должно мешать нам видеть тот удивительный свет, который от нее изливается на все человеческие проблемы, и эти тени не должны мешать нам различать источник этого света: Иисуса Христа, Основателя Церкви, Который Сам сказал о Себе, что Он есть **Свет**.

Оговорив все это, рассмотрим сначала **человека как такового** и, не забывая о предыдущих замечаниях, посмотрим, как Церковь относится к различным человеческим ценностям.

ГЛАВА I.

ЦЕРКОВЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ.

I. ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

Постановка вопроса.

Если судить только по внешности, жизнь отдельного человека мало что значит : родиться, жить, умереть, все это в период нескольких лет, и затем — исчезновение.

С этим исчезновением человек мирится не легко; он инстинктивно желает продления своего бытия и цепляется за то, что превосходит продолжительность его земного существования.

Но **что продолжается за гранью земной жизни ?** Два ответа мыслимы :

— или личность остается живой;

— или остается какой-либо иной элемент, который не есть личность.

В зависимости от того, которое из этих решений принять, или все, что не есть личность, должно быть подчинено личности, или личность окажется лишь средством для чего-либо иного.

Все учения, сталкивающиеся в мире в настоящее время, так или иначе ответили на этот основной вопрос и стремятся обеспечить торжество своей точки зрения.

1. Что продолжается за пределом отдельной человеческой жизни ? Одни отвечают : сам **человеческий род**.

Личность обречена на небытие; только человечество продолжает жить.

В силу этого, идеалом отдельного человека будет — трудиться для того, что его превосходит, жертвовать собою для коллектива, обеспечить поколениям, которые будут жить после него, больше счастья, чем имел он сам, с тем, что сам он этим уже не воспользуется.

В этом — сущность коммунистической идеологии.

2. Другие отвечают на тот-же вопрос : за пределом отдельной человеческой жизни продолжается **раса**.

Отсюда вывод : торжество должно быть обеспечено расе. Личность ценна лишь в той мере, в какой она служит обогащению расы; она вредна в той мере, в какой она расу ослабляет, вольно или невольно.

Тут перед нами — расистская идеология, по которой личность должна жертвовать собой, чтобы сохранять расу чистой и сильной. Устранить влияние других рас, устранить личности, отличающиеся физической или умственной неполноценностью или просто ненужные, объединить все группы, принадлежащие к данной расе, завоевать жизненное пространство, необходимое для ее нормального развития, и пр., — таковы будут вполне логические выводы : права расы превыше всего.

И если считается, что по глубоким законам бытия, одна определенная раса предназначена к господству над другими, единственной целью всей мировой деятельности окажется торжество этой избранной расы.

Такова сердцевина гитлеровского толкования жизни.

3. Что остается после личности ? **Нация**, к которой эта личность принадлежит.

Если так, то личность должна все подчинять интересам нации; ее деятельность, во всех областях, должна содействовать защите прав нации и осуществлению национальных стремлений. У самой личности нет прав, кроме тех, которые нация согласна ей дать.

Здесь перед нами — пестрая группа различных национализмов.

И так далее...

У всех этих учений та общая черта, что они личность приносят в жертву той или иной земной величине. Отдельный человек, обреченный на исчезновение, должен подчиняться тому, что не исчезает : Расе, Нации, Человечеству, Науке, Прогрессу, и т. д.

Точка зрения Церкви.

Церковь стоит на точке зрения, противоположной всем этим теориям : она говорит, что только **личность вечна**, и поэтому для личности требует первого места.

Она не считает личность единицей, затерянной в массе, но признает за ней абсолютную ценность и объявляет ее священной.

При этом Церковь, разумеется, отнюдь не отвергает понятия человечества, расы, нации; напротив, она утверждает прису-

щие им права, как мы это увидим в дальнейшем. Но она приписывает им лишь преходящую ценность, подчиненную ценности человека.

Каждый раз, когда наше блестящее человеческое естество начинало писать с большой буквы названия тех или иных из великолепных плодов своих исканий и усилий, — точно они вдруг становились достаточным оправданием всей жизни, — страшное внутреннее расстройство скоро предупреждало о том, что мы „все трудились“... Достигнутые успехи оборачивались против целей, которым они должны были служить. Когда вы думаете спасти человека одним из временных созданий его гения — Наукой, Философией, Искусством, Идеей, Государством, — вы ведете человека к его гибели.

Когда-же вы хотите просто заниматься философией, искусством, наукой, предоставляя другим отраслям решать целиком проблему человека и его назначения, — тогда вы остаетесь на верном пути и можете принимать на себя связанный с этим благородный риск, почти никогда не остающийся без награды.

(Э. Мазюр, „Христианский гуманизм“)

Что таково учение ее Основателя, Церковь может доказать без труда; для этого достаточно обратиться к Евангелию.

Христос занимается **человеком**. Все остальное этому подчинено: „Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?“ (Мф. XVI, 26).

И Он не останавливается на коллективах, на отдельных человеческих группах; Он нисходит до каждой отдельной личности, будь то ребенок: „Пустите детей приходиться ко мне“ (Мк. X, 14)... „Кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня“ (Мк. IX, 37).

Каждый человек, к которому Он обращается, имеет перед Ним **абсолютную ценность**: Петр, Лазарь, Мария Магдалина, благоразумный разбойник, — каждый из них заботит Его так, как если-бы это был весь мир. Чтобы спасти одну единственную душу, Он уже воплотился-бы; Он — добрый Пастырь, разыскивающий одну заблудшую овцу и временно оставляющий девяносто девять остальных.

Доступ к **божественной жизни** Христос открыл не человечеству, не той или другой нации, не той или другой расе, а **каждой душе**, проявляющей добрую волю: „Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и мы придем к нему, и обитель у него сотворим“ (Ио. XIV, 23).

Иисус Христос первым показал с очевидною ясностью ценность каждой индивидуальной души и никто больше не может вернуть эти души к их прежней униженности... Никто не может оспаривать, что он один привел человечество к этим вершинам... По

отношению к Нему, по отношению к тому, что он возвещал, можно становиться на какую угодно точку зрения; но одно несомненно : с того дня, ценность нашего рода возросла. Подлинное уважение к человеку есть, сознательно или нет, признание на деле того, что Бог есть Отец.

(Гарнак. „ Сущность христианства ”)

Верная в передаче учения Христа, Церковь поэтому требует признания за каждую личность первенствующей ценности перед всеми преходящими ценностями, привлекающими внимание людей.

Нужно-ли напоминать, что благодаря ей достоинство раба женщины, ребенка, нищего, больного, калеки было восстановлено в глазах других людей ?

Уже двадцать веков Церковь утверждает и возвышает ценность человеческой личности; двадцать веков она осуждает всякую идеологию, превращающую человека в средство к цели.

Государству как и семье она ставит основной целью сохранение, развитие и усовершенствование человеческой личности.

Приходится-ли удивляться после этого, что на Церковь нападают все те, кто хочет человека приносить в жертву тому или иному избранному ими кумиру ? Но она стоит нерушимо и без усталости защищает „ высокое достоинство человеческой личности ”.

2. ПРИЗВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

Как мы уже говорили, человек сотворен для того, чтобы он :

— знал и любил Бога;

— сотрудничал в деле любви, используя полученные им дарования на большее благо человечества, временное и вечное,

— и тем заслужил-бы будущую жизнь в близости с Богом. (1)

С тех пор, как совершилось Искупление, человек может выполнять свое призвание лишь со Христом, во Христе и через Христа; вне Его, не может совершиться ничего, имеющего вечную ценность.

(1) Часто возражают : „ Вы, христиане, стараетесь для награды ! ” На это следует ответить, что во-первых человек не может быть вполне незаинтересованным (об этом см. во 2-й части); далее, что надежда на награду всегда останется для многих мощным стимулом; и наконец, что Церковь старается внушать своим членам, что награда не должна быть конечной целью их деятельности. Существуют молитвы, которые свидетельствуют об этом достаточно ясно.

Тому, кто соединен со Христом, все может служить для выполнения его призвания, земного и вечного. Болезнь, не меньше и может быть даже еще больше, чем здоровье, становится средством освящать себя самого и других обращать ко Христу; это верно и для бедности, как для богатства. Даже смерть уже не есть поражение; во Христе и она становится средством обогащаться самому и обогащать других.

Порою кажется удивительным, что Церковь восхваляет противоположности : жизнь и смерть, девственность и деторождение, болезнь и здоровье, бедность и богатство, покорность и инициативу.

Дело в том, что для тех, кто любит, все — средство ! И если Церковь до такой степени проявляет себя **вселенской** — т.е. **всеобъемлющей** — своим сочувствием по отношению ко всем этим внешне противоречивым явлениям, то это потому, что в каждом из них она видит средство работать на общее дело спасения и освящения человечества.

Призвание Церкви — напоминать все время о самом важном и на все остальное смотреть, как на средство. Это — не тенденция принижать или презирать светскую реальность; это — забота о том, чтобы каждая ценность стояла на ей подобающем месте.

3. ВЫРАБОТКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Как и весь окружающий его мир, человек не сотворен завершенным; он должен, в сотрудничестве с Богом, **сделать себя человеком**, стать „самим собой”, приобрести свою особую личность.

Это не легко. Во 2-й части мы говорили о том, что внутри себя самого человек, наряду с глубоким стремлением к единству и равновесию, находит также хаос различных и, по видимости, противоречивых тенденций.

Сама его погруженность в мир в свою очередь не завершенный и непрерывно меняющийся не облегчает этой задачи !

Тем не менее, мы можем установить три закона, которыми должно руководствоваться постоянное усилие человека по овладению своей собственной личностью.

Закон прогресса.

Это во-первых закон прогресса.

Человек должен убедить себя в том, что на нем лежит обязанность **совершенствоваться**, развивать полученные им ест-

ественные и сверхестественные дары, чтобы ими служить исполнению Божиего плана. Он сам — засеянное поле и он должен будет дать отчет об урожае.

Человек обязан **всегда** идти вперед; он не может позволять себе остановки; даже в вынужденном бездействии, больным на постели, он должен продолжать это поступательное движение, еще более отдаваясь на Божию волю для осуществления Божиего замысла, на духовное благо своих ближних.

Никогда и ни в какой области человек не может считать себя достигшим совершенства.

Живое существо не есть мысль, осуществленная раз и навсегда. Это — мысль, находящаяся в процессе своего осуществления, идея, руководящая жизненным развитием... „Жизненный порыв” Бергсона — не плод философского воображения, а истолкование того непрерывного возникновения все более высоких форм, о котором нам говорит история мира.

(Жоли, „Дивный риск веры”)

Закон гармонии.

Но человеку недостаточно развивать как попало все добрые стремления, которые он находит в самом себе; дело в том, что одностороннее развитие некоторых из них может вредить всему целому. Свобода дана человеку для того, чтобы он мог, в частности, ставить все на свои места и каждому явлению давать правильную оценку.

Таким образом мы подобны архитектору, выбирающему материалы, собирающему их и строящему здание; нам приходится созидать в определенном порядке целый маленький мир. Бог, создавший порядок мироздания, привлекает нас к сотрудничеству в Его деле, предоставляя нам самим созидать, с Его помощью, нашу личность.

Эта гармония, которая должна быть осуществлена внутри каждого из нас, была в совершенстве осуществлена Богом в первом человеке :

— тело с его чувствами было проникнуто духом и покорно его велениям;

— разум был открыт для всякой истины, как-бы сложна она ни была;

— воля была покорна Богу и без труда следовала внушениям совести и благодати;

— земная жизнь была целиком направлена к достижению вечной жизни.

Это равновесие нам и нужно восстановить.

Парадоксальность человека целиком заключается в следующих трех положениях: материя, пропитанная духом; земная жизнь, призванная, уже теперь, стать небесной; судьба, ограниченная временем, но связанная с вечным призванием.

И парадоксальность нашей эпохи в том, что в расчет принимается только часть нас самих, притом наименее высокая, часть, которую ориентируют на материю в ущерб духу, и для которой организуют жизнь чисто земную, отрицая или полностью игнорируя наше призвание к вечности.

(Сертилланж)

Таким образом, чтобы осуществить совершенный тип человека, необходимо развивать самого себя гармонически, утверждая первенство человеческого начала над началом животным, достигая полного владения самим собой и подчиняя всю свою деятельность Богу, чтобы больше любить других людей и лучше им служить.

Закон жертвенности.

В нас, как и во всей природе, Бог с избытком изливает Свои дары.

Из многих желудей никогда не вырастут дубы; многие цветы никогда не расцветут.

Так и в нас многие наши дарования никогда не разовьются. Тот или иной человек мог-бы проявить себя в науке, в искусстве, или в иной определенной области; но значительные события или, гораздо чаще, невесомые причины дали его жизни иное направление; пришлось **делать выбор** и, тем самым, жертвовать тем, что не было выбрано.

Эта мысль о жертве **пугает**; но важно отметить, что в каждый момент **человеку приходится приносить какие-то жертвы**.

Скульптор, работающий над куском мрамора, жертвует осколками, которые он удаляет, чтобы осуществить свое произведение искусства;

Турист, решающий на перекрестке взять влево, жертвует своим интересом к тому, что есть по дороге направо;

музыкант, поступающий в оркестр играть на кларнете, тем самым отказывается играть на гобое; и т.д.

Закон жертвенности неизбежен для всех:

Молодой человек, желающий сохранить чистую душу, должен пожертвовать чтением сомнительных книг, нескромными разговорами, дурной компанией, нехорошими стремлениями и неподходящими действиями;

а тот, кто, напротив, предпочитает следовать этим нездоровым стремлениям, должен будет пожертвовать радостью быть честным, внутренней свободой и спокойствием совести.

Таким образом, этой необходимости **жертвы** нельзя избежать; но тогда и понятно, что **надо быть готовым** на те жертвы, которых требует гармоническое развитие заложенных в нас физических и духовных качеств; следует даже **стремиться** к тем жертвам, которые будут для нас средством к обогащению, к движению вперед, к осуществлению гармонии, во что бы то ни стало.

Нужно выбирать ценности и их укреплять, подчиняя низшие высшим, и даже жертвуя низшими, до тех пор, пока они, задерживая нас на месте, препятствуют нашим завоеваниям. Орел, слишком насытившийся мясом и легший на своей добыче, склонен забыть свою жизнь на горных вершинах.

(Э. Мазюр, „Христианский гуманизм“)

Было-бы преувеличением утверждать, что монах, точно следующий своему строгому уставу, пользуется мирскими благами больше, чем кутила или миллиардер Ротшильд; но по существу, что тут ненормального? Радость измеряется не внешним накоплением вещей, могущих нам ее доставлять; она — в способности нашей души ее переживать.

(А. Жоли, „Дивный риск веры“)

Христианский гуманизм.

Христианский гуманизм — единственный полный гуманизм — стремится в каждом человеке осуществить тот идеальный тип, который задуман Богом.

В христианском воспитании, конечною целью оказывается — привести воспитываемого — „питаемого“ этим учением — человека к добровольному подчинению этим трем законам:

— внедрить в его сознание долг постоянного **движения вперед;**

побудить его **развивать гармонически** свои способности, в соответствии с возложенной на него задачей;

— убедить его в разумности, и тем самым, в **приемлемости жертве**, которых требует такой идеал.

Все это — на основном фоне близости с Богом, чтобы лучше посвящать свои силы счастью человечества, земному и вечному.

Вся подготовка человека к жизни имеет единственной целью сделать его хорошим работником в деле совершенствования его самого и всего человеческого рода.

(Ж. Леклер, „Естественное право“)

Но при слове „жертва” опять встает уже указанный нами вопрос : совместимы-ли, действительно, христианские ценности и ценности человеческие ? Не придется-ли одними из них жертвовать для других ?

В частности, молодежь, чувствуя, как жизнь в ней кипит, и мечтая в полной мере развить эти жизненные силы, боится оказаться в чем-то ущемленной, если она полностью отдастся Христу.

Этот вопрос мы рассмотрим более подробно в последующих главах и, напротив, покажем, каким образом учение Христа — а тем самым и учение Церкви — уважает и возвышает человеческие ценности.

ГЛАВА II.

ЦЕРКОВЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО (1).

Однажды нам довелось видеть две фотографии, выставленные в книжном магазине и ловко смонтированные с очевидной пропагандной целью.

Одна изображала молодых атлетов, полных жизни и здоровья, — обнаженный торс, напряженные мускулы, высоко поднятая голова, ясный взгляд, радостные лица.

На другой была показана группа молодежи, выходящая из церкви после причастия : опущенные головы, вытянутые лица, согбенные спины, неуверенная походка, — ни красоты, ни молодости.

Вот, стало-быть, что Церковь делает с молодым поколением; и вот чего достигает иной новый режим...

Правда-ли, что Церковь презирает человеческое тело ? Сосредотачивая наши мысли на вечности, обязует-ли она нас, или нет, относиться с безразличием к теперешнему, к осязаемому, и в особенности к тому, что определяет наше место в пространстве, — к нашему телу ?

Ждала-ли Церковь появления современных теорий, чтобы проявить некоторое внимание к человеческому телу ?

На эти вопросы необходимо ответить.

I. ЦЕРКОВНЫЙ ДОГМАТ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО.

Уже в Символе веры можно найти основы отношения Церкви к человеческому телу.

(1) Эта тема сознательно разработана здесь значительно подробнее других : мы хотели на одном конкретном примере показать все богатство церковного учения, его догматов, морали и литургии.

Догмат творения.

„Верую во Единого Бога... Творца видимым всем...” — т. е. Творца всех видимых вещей.

Это значит, что Церковь считает тело — которое видимо — не созданием некоей нечистой силы, а творением Божиим. Вопреки еретикам первых веков, она утверждает, что все телесное и чувственное создано Всемогущим Богом.

К тому-же Книга Бытия с поразительной настойчивостью говорит о том, что тело человека сотворил Бог.

Таким образом, окраска тела, гармоничность лица, выражение глаз, очертания губ, телесные пропорции, стройное телосложение юноши, грациозность девушки, — все это создано Богом.

Ничто не может так побудить нас восхищаться умением всевышнего Художника и Его прославлять, как несказанное искусство, проявляющееся в создании наших тел.

(Святой Иоанн Златоуст)

Нет ни одной части тела, которая существовала-бы без творческого участия Бога; все они, даже самые сокровенные, не содержат в себе злого начала. Все и каждая присутствовали в плане Творца.

Если видимые вещи вообще должны служить нашему продвижению к Богу, то это тем более верно по отношению к человеческому телу, представляющему собою вершину творения; созерцание этого тела могло бы служить такой-же подготовкой к молитве, как созерцание розы или лилии.

Церковь не стесняет вдохновения художников, когда они, например, объединяют в образе Божией Матери все идеальные красоты женского лица.

Но человеческое тело — нечто большее, чем просто материальное творение; оно также — **обиталище души.**

Из всех материальных существ, человеческое тело есть то, которое более всего приближается к духу, потому-что оно одно образует, вместе с духом, первое разумное создание в восходящей цепи существ.

Тесное единство устанавливается таким образом между телом и душой: то и другая необходимы для жизни сложного человеческого целого.

Поэтому все, что возвышает душу, отзываясь и на теле.

Гениальные догадки, упорная воля завоевателей, героизм мучеников, мистические прозрения созерцателей, — все это всегда осуществлялось лишь с помощью тела.

Не достаточно-ли этого, чтобы утвердить ценность тела ?

Догмат первородного греха.

Не упраздняет-ли догмат первородного греха эту исключительную ценность, которую акт творения придавал человеческому телу ?

Верно обратное : догмат грехопадения дает новое подтверждение ценности тела; дело в том, что Церковь, как мы уже говорили, не допускает мысли, что тело было при этом извращено в самом своем существе, хотя оно и потеряло связанные с даром благодати исключительные дары бесстрастия и бессмертия.

Связи между душой и телом оказались, правда, ослабленными и вследствие этого тело легко поддается своим стремлениям, которые здоровы сами по себе, но могут вредить человеческому целому, когда удовлетворяются сверх меры или недолжным образом.

Человек, правда, может теперь злоупотреблять своими высшими способностями — разумом, чувством и волей, — допуская противоестественное действие стремлений, по существу законных, своего тела.

Но Церковь повелевает нам верить, что это тело после грехопадения остается благом; его качества остаются положительными; зло содержится всегда лишь в извращенной воле, а не в теле и не в его членах.

При условии сохранения в нас первенства духовных и моральных ценностей, тело остается драгоценным сотрудником в осуществлении человеческого совершенства.

Догмат Воплощения.

„И воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы”...

Бог, чистый Дух, ненавидящий зло и пришедший для уничтожения зла, не остановился перед тем, чтобы воспринять, в единстве Своей личности, всю полноту человеческой природы, т. е. и душу, и тело.

Мыслимо-ли чтобы Бог показал более ясно, что тело — не зло ?

Относительно тела Христа, толкователи Евангелия старательно указывали на его красоту и силу; художники пытались восстановить его гармонические черты.

Оно было совершенно чистым, потому-что по воле Божией оно было плодом непорочного тела Девы Марии.

Оно было совершенно гармоничным, потому-что Дух Святой породил его во чреве Девы Марии, а все, что исходит непосредственно от Бога, — совершенно.

Но если Бог с такою тщательностью творил тело Своего Сына, то разве не ясно, что тело вообще Ему не безразлично ?

Когда священник западного обряда напоминает о том, что „ Слово стало плотью ”, он преклоняет колена, поклоняясь этой тайне, в которой Бог соединился с человеческой природой, а следовательно и с человеческим телом.

Догмат Искупления.

„ Распятого-же за ны... и страдавша ”...

Искупление человечества произошло через страдания души и тела Спасителя, получившие бесконечную ценность благодаря исключительным расположениям бесконечно святой души.

Это скромное орудие, — тело — Бог избрал для того, чтобы участвовать в возвращении нам самого высшего дара и восстановления нашего божественного призвания.

Во всем огромном мироздании, подавляющем нас своими чудесами и тайнами, Бог смотрел с благоволением только на Господа Иисуса Христа, безропотно переносившего невыразимые муки в душе и в пригвожденном, изнеможенном и окровавленном теле. Эту цену мы стали опять Его детьми !

И поэтому нашим знаменем, по которому мы, христиане, друг друга узнаем, стал распятый Богочеловек !

Догмат Воскресения.

„ И воскресшего ”... **Воскресшего во плоти.**

Прежде всего, — зачем-бы Христос вернул жизнь Своему телу, если-бы тело не заслуживало ничего, кроме презрения ?

Но и не только это : по воле Христа, именно воскресение во плоти должно было стать неопровержимым доказательством Его божественности.

Действительно, чтобы доказать истинность Своего учения, он заранее объявил Своим противникам, что Его тело избегнет могильного тления. И, сравнивая Свое тело с величественным Иерусалимским храмом, Он сказал, что, будучи разрушенным, это тело воскреснет в третий день.

Таким образом, это тело становится не только ценою искупления человечества, но и осязательным доказательством божественности дела Христа : это тело возвращается к жизни для того, чтобы ясно показать, что Христос есть Бог.

Можно-ли превознести еще больше ценность человеческого тела ?

Догмат Вознесения.

И Символ веры добавляет : „И восшедшего на небеса ...”.

Для чего это восхождение к Богу человеческого тела ?

Значение этого — огромно. Вводя и Свое тело в Свою славу, Христос давал нам понять, что Он сохраняет тесную связь с нашим человечеством. Связи между душами было Ему недостаточно. Он пожелал остаться спаянным с человеческой природой даже и ее материальным элементом : телом.

Христос увлек с Собой в Свою славу человеческое тело, чтобы утвердить его достоинство и значение в деле спасания.

Догмат Евхаристии.

По воле Божией, жертва Христа должна продолжаться в веках и в пространстве : „ **Сие творите в Мое воспоминание** ”, сказал Христос, заканчивая Тайную Вечерю.

И с тех пор, ежедневно, без перерыва, тысячи священников склоняются над частицами хлеба и произносят слова освящения : ” Сие есть тело Мое...”.

Из всех богатств мира, которые мы могли-бы принести Богу, — драгоценные камни, редкие ароматы, произведения величайших гениев, — Бог принимает только один материальный дар : Тело Своего Сына.

И Бог потому распространяет Свою любовь на всю землю, что человечество, уже двадцать веков, приносит Ему, в Святых Дарах, это чистое и непорочное тело...

И когда Бог дает людям залог Своей любви, Он дарует им только одно : Тело Сына Своего — соединенное, с Его кровью, и с Его Божеством, — которое дается людям в пищу в Святой Евхаристии.

В причастии Тело Христа становится Святыми Дарами, т. е. таинством святым из святых, осязательным знаком, посредством которого Бог увеличивает в нас благодать.

Только это Тело может обеспечить нам вечное блаженство; священник и произносит в момент, когда верующий принимает Причастие : „ **Тело Господа нашего Иисуса Христа да сохранит тебя (или — твою душу) для жизни вечной** ”; а на восточной литургии хор поет во время причащения : „ **Тело Христово примите, Источника бессмертного вкусите.** ”

Догмат общего воскресения.

„ Чаю воскресения мертвых ”...

До сих пор речь шла о теле Христа; но здесь уже речь идет, совершенно точно, о нашем собственном теле.

Мы верим, что дивным действием силы Божией наше тело, обратившееся во прах, получит опять свою силу и красоту и вновь соединится с душой, чтобы вместе с нею жить вечною жизнью, как два друга, соединяющиеся после вынужденной разлуки...

Когда апостол Павел, проповедуя в Афинах, заговорил о воскресении, его слушатели стали смеяться...

Многие современные слушатели, отказывающие в поклонении Богу, чтобы поклоняться Науке, Красоте или Пороку, пожимают плечами, когда перед ними провозглашается этот догмат нашего Символа веры.

Точно Бог, сотворивший нас без нашего участия, не может воскресить нас, не останавливаясь на наших плоских возражениях !...

Когда наше появление на свет остается для всех нас тайной, разве не нелепо отрицать возможность для Бога возродить для вечной жизни наши плотские тела, в той форме, в какой Ему будет угодно !

Наше тело представляет собою один из элементов, созданных Богом как средства для нашего освящения; поэтому приходится даже признать вполне логичным, что Творец предоставляет и телу участвовать в вечной славе.

Итак, мы верим, что наши тела воскреснут, как воскресло тело Христа.

Пусть другие пожимают плечами, — только пусть они уже не говорят, что Церковь пренебрегает человеческим телом ! Где та человеческая идеология, которая научила-бы миллиарды людей относиться к телу с таким уважением ?

Догмат сверхестественной жизни.

Если душа должна быть внутренним святилищем, куда вселяется божественная жизнь, освящающая благодать, то тело есть храм, воздвигнутый для этого святилища : по учению апостола Павла, мы должны **нести Бога в наших телах.**

Благодаря своему соединению с душой, тело, таким образом, тоже приобщается к благодати.

Нашу религию считают враждебной плоти ! А она ее превращает в нечто вечное. Уже теперь она вводит в нее божественное начало, превращая ее в храм Святого Духа.

(Сертильланж)

Но и не только это : в конечном итоге, благодать приносит все свои плоды и открывает нам вечную жизнь через действия, в которых участвует тело, в единении с нашей свободной волей.

Распределяя наше время между вполне материальными задачами, мы через их выполнение умножаем в себе благодать и таким образом получаем доступ к вечному единству с Христом.

Даже самые скромные действия, служащие поддержанию жизни нашего тела, приобретают положительное значение : „Едите-ли вы, пьете-ли, все делайте во славу Божию”, говорит апостол Павел.

Создание Божие, орудие нашего спасения, осязательный знак благоволения Божия, храм благодати, — что еще Церковь могла-бы сказать в утверждение достоинства нашего тела ? Какое другое учение превознесло его больше этого ?

Противопоставим этим догматам догматы современного натуразма — и пусть читатель делает выводы.

Среди множества пошлостей, щедро распространенных материалистическими учениями, возьмем для примера передовую статью, напечатанную в июле 1937 г., во французском журнале „Ваша красота”, пользовавшемся одно время значительным успехом. :

Вот дивное лето. Это — сезон для вашего тела.

Перестать думать. Быть просто прекрасным животным, играющим, прыгающим, веселящимся без удержу.

Весь свой ум применить для того, чтобы забыть о своем уме.

Вернуться к первобытному состоянию, то-есть стать прекрасным животным, здоровым и сильным.

Не утруждать себя больше подавлением своих дурных инстинктов или стремлением исполнять свой долг; жить животною жизнью.

Живите животною жизнью, живите прекрасно, пусть даже слегка глуповато, то-есть как самое прекрасное создание в мире.

Можно-ли в таких немногих словах нагромоздить столько вздора ?

Действительно, нам, верующим, нечему учиться у этих современных шарлатанов.

II. ЦЕРКОВНАЯ ЛИТУРГИКА И НАШЕ ТЕЛО.

Представляя собою совокупность проявлений общественного культа, литургика дает догматам внешнее выражение в определенных обрядах и этим глубже вводит их в сознание и в сердца христиан.

Поэтому не приходится удивляться, что и здесь мы встречаемся с широко выраженным уважением Церкви по отношению к человеческому телу.

Божественная Литургия.

Обедня, литургия в узком смысле слова, составляет центр всех церковных богослужений; и она содержит многочисленные указания на достоинство тела.

Прежде всего, при нашем участии в бескровной Жертве, Церковь требует от нас не только внутренней молитвы : по ее учению, славить Бога должно все наше существо.

Поэтому она предписывает верным — а в особенности священнику — определенные **телодвижения**. Руки, принимающие особое положение, преклоняющиеся колена, склоняющиеся головы участвуют по-своему в молитве.

Даже при иссушенном состоянии души, остается возможность положением тела выразить Богу покорность и поклонение; даже сведенная к этому минимуму, молитва еще сохраняет подлинную ценность.

Само собою разумеется, что в молитвах, обращаемых к Богу во время Литургии, многократно упоминается тело Христово : „ Сие есть тело Мое ”... „ Еще верую, яко сие есть самое святое тело Твое ”...

Но и наше тело не забыто. В целом ряде прошений, возносящихся во время Литургии, Церковь молится об удовлетворении наших самых обычных телесных потребностей : „ Об умножении плодов земных ” и т. д.

Тело, наше тело, не остается незамеченным в официальной церковной молитве; Церковь, напротив, заботится и о нашем физическом здоровье и постоянно спрашивает для нас и этот дар.

Таинства.

То-же уважение к телу проявляется и при совершении таинств.

Напомним во-первых, что таинства сами по себе представляют собою чувственные (видимые) знаки; они достигают души лишь через тело : это — вода, возрождающая нас при **крещении**, миро, укрепляющиеся нас при **миропомазании**, хлеб и вино, пресуществляющиеся и становящиеся после этого нашей духовной пищей в **причастии**, елей, удаляющий остаток наших грехов при

елеосвящении, которое, кстати, одним из своих назначений имеет вернуть физическое здоровье больному если это угодно Богу.

„Во исцеление души и тела”, — прямо говорит священник при совершении этого таинства.

При таинстве **священства**, епископ низводит благодать Св. Духа через возложение рук на главу будущего священника.

А в таинстве брака веществом таинства и его видимым знаком являются сами брачующиеся, взаимным согласием соединяющие свое существование до самой смерти и обеспечивающие продление человеческого рода. Итак наше тело тоже может быть веществом таинства.

Таким образом, Церковь не перестает, от самого рождения, заботиться о нашем теле; и благодать она вносит в нас, прикасаясь к нашему телу.

И все это совершается человеческими действиями и человеческими словами, часто являющимися существенно необходимыми для действительности таинства.

Церковные праздники.

Не заводя нас в отвлеченные рассуждения, Церковь ежегодно укрепляет нашу духовную жизнь, вспоминая в определенные дни конкретные факты из жизни Христа, Пресвятой Богородицы и святых.

Тело нередко и здесь играет существенную роль.

Благовещение напоминает о девственном зачатии Самого Господа Иисуса Христа.

В праздник Обрезания вспоминается священный ветхозаветный акт, совершенный над плотью Христа.

Рождество, Страстная пятница, Пасха, Вознесение, это — рождение, страдание, воскресение, прославление Того Кто был во плоти.

В латинском обряде, та-же тема с особою силой звучит в празднике непорочного зачатия Божией Матери, освобожденной от первородного греха, в празднике Тела Господня, установленном для особого поклонения Святым Дарам, и в празднике Святого Сердца — человеческого сердца Христа, как символа Его божественной любви.

Во всем этом столько уважения и нежности к человеческому телу, что церковные люди, привыкнув, часто перестают даже вполне отдавать себе в этом отчет.

Заупокойные обряды.

Можно возразить, что во всем вышесказанном речь идет или о Теле Христовом, или о нашем теле, пока оно остается соединенным с душой.

Ответ на это возражение нам дается заупокойными обрядами, когда тело христианина уже разлучено с душой.

Душа покинула свое земное жилище; но Церковь не оставляет безжизненного тела. Она учит достойному обращению с ним; она складывает ему руки как-бы в молитве, — мертвое тело продолжает участвовать в сосредоточенности уже ушедшей души. Если это тело священника, Церковь одевает его в облачения, как-бы для того, чтобы предстать перед Богом в алтаре.

Духовенство окропляет это мертвое тело святой водой и сопровождает его в храм, где двери широко открываются, чтобы в последний раз принять одного из чад Церкви.

Обедня — высшее проявление молитвенной действенности — совершается в присутствии тела, которому предстоит согласно слову Божию обратиться во прах; священник кадит ему, подтверждая его достоинство.

По выходе из храма, священник сопровождает останки до места их погребения. Он благословляет землю прежде, чем она примет эти останки христианина : в глазах Церкви, тело крещеного человека освящено и это освящение неизгладимо, поэтому ничто оскверняющее не должно прикасаться к этому теперь беззащитному телу.

И всю совокупность своих заупокойных молитв и обрядов Церковь утверждает свою веру в воскресение тела : умершие упокоились на некоторое время, — они „ уснули ” в Боге, в ожидании своего вступления в жизнь славы.

Раньше, чем гражданские законы стали регулировать места погребения, Церковь уже стремилась объединять тела своих членов вблизи от своих храмов, по соседству с теми местами, где совершается святая Евхаристия; она этим напоминала о том, что они остаются под взором Пастыря, знающего Своих овец...

Так Церковь с замечательной заботливостью создает атмосферу мира, молитвы и надежды вокруг смерти, которой мы так боимся.

Какое человеческое учение когда-либо так последовательно проводило уважение к человеческому телу ?

Почитание икон.

Можно было-бы сослаться на почитание икон, чтобы показать, как высоко Церковь ценит чувственное видимое восприятие людей.

Разве оно не доказывает уважение и почитание Церковью тела Христа, Божией Матери и святых, раз она изображением этих тел старается внушить, укрепить и усилить благочестие ?

Во множестве икон Спасителя, Пресвятой Богородицы, Св. Николая Чудотворца и других святых почитается многообразие явления их любви к миру.

Разве дело Божие и достоинство человека лучше защищались иконоборцами, отвергавшими почитание икон ?

Почитание мощей.

Церковь воздаёт особый культ останкам своих лучших членов — святых. Она считает даже заслуживающими особого уважения реликвиями любые предметы, пусть самые обыденные, им принадлежавшие и более или менее непосредственно входившие в соприкосновение с ними.

Этим мощам и реликвиям Церковь кадит, она благословляет верующих этими почитаемыми останками.

Немало замечательных храмов построено специально для того, чтобы хранить раки, содержащие мощи святых.

И каждая церковь, даже самая маленькая, хоть даже в самой забытой деревне, должна обязательно содержать хоть частицу мощей, перенесение которой составляет наиболее существенную часть освящения храма.

Это обязательное присутствие мощей в алтаре имеет глубочайший смысл : жертвенник в алтаре представляет собою образ Христа, краеугольного камня, на котором держится все здание нашего спасения. Вкладывая частицу мощей в антиминс, лежащий на жертвеннике, Церковь учит тому, что тело святых принадлежит к мистическому Телу Христа. Она подтверждает их нерасторжимую связь с евхаристической жертвой; литургия совершается в присутствии этих свидетелей Христа и на их теле.

Этих кратких замечаний достаточно, чтобы показать уважение к телу, которое само собой широко проявляется в церковном богослужении.

Они доказывают лишний раз, что Церковь, руководимая благодатью, остается человеческой, для нее естественно уважать и прославлять дело Божие везде, где она с ним встречается.

3. ЦЕРКОВНАЯ МОРАЛЬ И НАШЕ ТЕЛО

Церковь исходит из принципа, что над жизнью владычествует один Бог; он один творит душу и соединяет ее с зарожденным телом.

Право разделять то, что Он соединил, принадлежит Ему одному. Этого божественного права человек не может нарушать : он обязан уважать свою жизнь и жизнь других.

Поэтому Церковь с неустанным рвением защищает человеческую жизнь :

1. В зачатке.

— Она всеми силами борется с ухищрениями, предупреждающими зачатие.

Искать радость плотского соединения и в то же время сознательно устранять то, для чего оно дано человеку, есть грех.

— С момента зачатия, ребенок имеет право на жизнь, которую он получил в основном от Бога.

Получив существование через свободный акт своих родителей, ребенок не может рассматриваться как „ незаконно вторгнувшийся пришелец ”, от которого можно отделаться. Все, что может быть предпринято для того, чтобы его устранить, составляет убийство.

Да будет известно всем дающим и пользующимся средствами против рождения, что они убийцы.

(Кормчая книга — собр. канонов Восточной Церкви)

Между семенем, ростком и колосом нет существенной разницы.
(с. Беллуар, „ Ответы Христа на вопросы людей „)

— Когда ребенок родился, если только он наделен человеческой жизнью, он не может быть устранен, как бы ни был он непривлекателен.

Всякая уступка в этой области открывала-бы дверь для всевозможных предлогов, которыми пользуются в оправдание определенного убийства.

2. В течение жизни.

— Человек не имеет права подрывать свои физические силы, калечить себя или лишать себя жизни.

Поэтому Церковь осуждает самоубийство, а также и вредные для тела излишества, как неумеренность в питье или обжорство.

Она осуждает половую распущенность, представляющую собою злоупотребление силой, которая должна служить продлению рода, а не эгоистическому наслаждению отдельного человека.

Церковь также объявляет человеческое тело неприкосновенным, защищая целость всех его членов, кроме тех случаев, когда удаление того или другого члена необходимо для сохранения самой человеческой жизни.

Но это не только запреты : Церковь идет дальше и положительно предписывает нам заботиться о здоровье тела, поддерживая гигиену и чистоту, занимаясь спортом, как мы увидим в дальнейшем.

— Человек не должен вредить **жизни других.**

Церковь поэтому запрещает человекоубийство, а также все виды физического насилия.

Этот запрет убивать действует безоговорочно только по отношению к безвинным; он не распространяется на случаи самозащиты : если каждый человек имеет право жить, то он имеет и право защищать этот дар жизни, полученный от Бога, против всякого, кто на него покушается.

При этом, однако, сопротивление должно придерживаться некоторой меры, в соответствии с действительными или достаточно правдоподобными намерениями нападающего.

Почти нет даже надобности напоминать, наряду с этими запретами, то, что Церковь сделала положительного для телесной жизни людей : своей заповедью любви она породила множество соответствующих учреждений — больниц, приютов, родильных домов и т.д.

— Государство, существующее по воле Божией как естественное общество, не может произвольно распоряжаться **жизнью своих граждан.**

Однако, государство также имеет право и долг сопротивляться несправедливой агрессии, угрожающей жизни его граждан или неотъемлемым правам (целости, независимости) группы населения.

Таким образом государство имеет право прибегнуть к войне в защиту своих законных прав; и в этом случае оно имеет право требовать от своих граждан содействия, вплоть до жертвы жизнью для общего блага.

3. На закате жизни.

До последнего мгновения своей жизни человек зависит от Бога. Поэтому положить предел нашему земному существованию может только Бог.

Поэтому Церковь не разрешает ни по какому поводу убивать больных или престарелых; ибо пока человек жив, у него остается возможность увеличивать свою любовь к Богу и людям. Если даже больной отказывается видеть в своих страданиях богатство, которое он может использовать, — ему нужно оставить возможность это понять, нужно стараться просветить его, а не убивать.

Тем более Церковь не признает за государством права убивать больных и стариков под тем предлогом, что они ложатся бременем на его финансы. Даже оставив в стороне принцип, что человеческою жизнью владеет Бог, — принцип, о котором Церковь не забывает никогда, — простой здравый смысл говорит, что в этом вопросе малейшая уступка позволила-бы оправдывать любые злоупотребления.

Существует-ли человеческое законодательство, которое так матерински и с таким глубочайшим уважением относилось-бы к человеческому телу ?

IV. ЦЕРКОВЬ И ФИЗКУЛЬТУРА

Но читатель, вероятно, ждет ответа на возражение, часто встречающееся в наше время : **почему у Церкви не видно проявлений внимания к физкультуре, к гигиене, к спорту ?**

Не приходится оспаривать, что в прошлые века Церковь занималась больше больными, чем здоровыми; она не столько выстраивала ряды атлетов, сколько склонялась над страждущими, открывала больницы скорее, чем стадионы или катки, породила и утвердила целый ряд монашеских общин, поставивших себе целью уход за больными, за ранеными, за прокаженными, а не подготовку инструкторов физкультуры.

Таков неоспоримый факт; но во-первых, этими, часто героическими, усилиями милосердия, преодолевавшими физическое страдание и болезнь, разве не доказывала Церковь еще раз, какое значение она придает физическому здоровью своих членов ?

Она не согласна замкнуться в одной только проповеди сверхестественного учения и в совершении таинств, потому-что она знает, что для полного развития христианской морали и жизни требуется некоторый минимум здоровья (как и некоторый минимум материального благосостояния). Поэтому она оставляет за собой право открывать больницы и ходить за больными.

Но возражение уточняется : Церкви более определенно ставят в упрек, что она, в прошлом, недостаточно занималась тем, что мы теперь называем **положительной медициной** : физкультурой, гимнастикой, спортом, — иными словами, что она не

предупреждала болезни рациональным развитием тела и его органов, не работала на создание более выносливой и сильной породы людей.

На это можно было-бы уже возразить, что во-первых Церковь не имела дела с теми явлениями вырождения, которые распространяются в современном мире. Прежние поколения больше влекло к жизни на свежем воздухе; они неизмеримо меньше, чем мы, сосредотачивались в перенаселенных городах, явившихся последствием машинной цивилизации. У них меньше, чем у нас, сказывалась потребность организовывать здоровый отдых и говорить о „возврате к природе”.

Но подлинная причина „безучастного отношения” Церкви к физической культуре была иной : дело в том, что это задача не Церкви, а государства. Действительно, забота о материальном прогрессе человечества есть в первую очередь дело светского общества, а не Церкви.

В те времена, когда медицина объясняла чуму „ тлетворным и подрывным сочетанием некоторых небесных светил или злокозненным аспектом звезд” (согласно заявлению парижского медицинского факультета в 1580 г.) можно-ли удивляться тому, что богословская наука не проявляла больше дерзания и осведомленности в такой области, которая не касалась ее непосредственно ?

В течение веков, Церковь занималась благотворительностью так широко, как только могла. Количество и разнообразие учреждений, созданных ее милосердием, должны вызывать восхищение всех непредвзято мыслящих людей. Разумеется, не получив в этой области особого откровения, она не могла предугадать современную технику; ей приходилось пользоваться теми, часто примитивными, средствами, которые наука в разные эпохи ставила в ее распоряжение.
(Кардинал ван-Рой, речь 10 мая 1946 г.)

Не приходится-ли пожалеть о том, что только в XX веке общество стало сознавать свою ответственность и свои задачи по отношению к здоровью молодежи ?

Не приходится-ли удивляться тому, что во многих культурных странах, материально хорошо оснащенных, этот вопрос и теперь едва только ставится и его решения едва намечаются ? И как многое в этом отношении и теперь еще делается наощупь !

Таким образом, невозможно упрекать Церковь за то, что она не опередила науку. До чего можно дойти, если начать злословить Церковь за то, что она не открыла и не изобрела раньше ученых и мастеров ради, электрическую лампочку, железобетон, фотографию, удобные кресла и щипцы для сахара !

Но всякое человеческое действие имеет свою моральную сторону и поэтому Церковь должна интересоваться решениями, которые даются людьми различным человеческим проблемам, и она должна высказываться о их положительном или отрицательном качестве.

Вследствие этого, особого внимания с нашей стороны требует отношение Церкви к данной проблеме, когда она поставлена, и к решениям, которые предлагаются для ее разрешения.

И тут ясно, что Церковь (не говорим об отдельных ее представителях, которых пугает всякая новизна) проявляет к спорту, к физическим упражнениям глубокое сочувствие. Хотите фактов? Их сколько угодно!

Например, основатель **скаутизма** Баден-Поуелл повторял многократно, что наибольшее сочувствие **скаутизм** встретил в католической Церкви.

Упомянем речь, обращенную к атлетам кардиналом **Мерсье** во время олимпиады в Антверпене 14 августа 1920 г.; папу **Пия XI**, который был выдающимся альпинистом и выпустил книгу на эту тему; замечательного спортивного деятеля, молодого итальянского ученого **Фрассати**, умершего в 1924 г. и известного своей святой жизнью; католические **гимнастические общества** и **Христианский Союз Рабочей Молодежи**, который в целях физического воспитания молодых рабочих, проводит рациональную организацию игр, спортивных состязаний и экскурсий, создает всеобъемлющий медицинский надзор и организует курсы инструкторов физкультуры; **Институт физического воспитания** при католическом **Лувенском университете**, который первым среди университетов Бельгии и Франции, стал выдавать университетские дипломы в этой отрасли; сошлемся на цветущие католические организации отдыха на свежем воздухе, и т.д.

20 мая 1945 г. в пространной речи, обращенной к 10.000 молодых людей представлявших различные итальянские спортивные организации — альпинизма, велосипедного спорта, гребли, плавания, борьбы, конькобежного спорта, хоккея, лыжного спорта и пр., — папа Пий XII, в частности, сказал :

Далеки от истины те, кто обвиняет Церковь в отсутствии у нее заботы о теле и физической культуре. Точно тело — творение Божие в такой-же мере, как и душа, с которой оно соединено, — не должно иметь своей доли в хвалении, подобающем Творцу!

В действительности, Церковь всегда проявляла по отношению к человеческому телу заботу и внимание, каких материализм, в своем идолопоклонническом культе, не проявлял никогда...

Спорт это — действенный противовес размягченности и удобству жизни, он пробуждает чувство порядка, он вырабатывает самообладание, при презрении к опасности...

Спорт это — школа честности, смелости, выносливости, решительности, всемирного братства : все это — естественные качества, но служащие твердым основанием для добродетелей сверхестественных ...

Прилагайте к этому решительно ваши усилия, в уверенности, что в области физической культуры христианской мысли нечему учиться у других, что скорее она может учить других... Только христианская оценка спорта может с успехом противостоять ложным представлениям; она обогащает физическую культуру всем тем, что содействует увеличению духовной ценности человека; лучше того, она превращает ее в служебную силу для полностью христианской жизни. Физкультурник, когда он остается верным принципам своей веры, осуществляет подлинно апостольскую миссию.

7 апреля 1947 г. папа Пий XII говорил представителям Студенческой молодежи Франции :

„ Все связано и свежая христианская молодежь, укрепленная физическими упражнениями, понятными и осуществляемыми здраво, охотно вносит свой порыв, свою выносливость, свою гибкость в духовную борьбу ”.

Указания Св. Престола относительно **человеческого тела** были недавно собраны и изданы отдельной книгой Солэмским аббатством : можно только удивляться количеству, разнообразию и богатству этих документов.

Заключение.

Нет, **христианское совершенство** не связано с калечением, с разрушением, с уничтожением; оно связано с **подчинением низших ценностей высшим**, с определенной дозировкой, ведущей к гармоническому развитию, во славу Божию и на пользу другим людям, тех „ талантов ”, которые доверил нам Бог.

Верно то, что культ тела, развившийся за последние годы, стоит в очевидном противоречии с гармоническим развитием человеческих качеств; к тому же некоторые проявления этого „ натурализма ” не имеют вообще ничего общего ни со спортом, ни со здоровьем. Тело перестает быть орудием и вместо этого становится простым источником удовольствия; под предлогом физкультуры порою ищут всего только удовлетворения плотских инстинктов.

Не заботу о человеческом теле осуждает Церковь в восхваляющих тело современных теориях, а забвение или даже прямое отрицание подчиненности низших ценностей высшим.

В той мере, в какой первенство высших ценностей остается признанным, Церковь с глубоким сочувствием относится ко всему, что содействует развитию человеческого тела.

Он тем более мужественен, тем более открыт для жизни, что он христианин.
Благодать не разрушает природу, но возвышает ее, доводит до вершин
и открывает ей новые горизонты.

ГЛАВА III

ЦЕРКОВЬ И ПОЗНАНИЕ

Общая установка.

Путем чувств мы познаем окружающий нас мир материальных объектов, в частности, благодаря им мы открываем красоту вещей.

Как и само тело, они — **творение Божие**; вот почему, их использование, само по себе, есть благо.

Но чувства — только **орудия**, имеющие служебную роль для души. Следовательно, душа должна не переставать владеть чувствами, не для угашения их деятельности, а напротив, для их полноценного использования, в той мере, в какой их развитие составляет источник обогащения человеческой личности.

Таково, в основных чертах, церковное учение.

Отношение к красоте.

Благодаря чувствам, мы улавливаем в материальных предметах нечто, живо нас радующее : **красоту**.

Это „нечто” вещи получили от Бога; Ему было угодно дать им, помимо их материального значения, эту надбавку, благодаря которой многие из них становятся особо приятными для наших чувств; вспомним только красоту заката, птичьего пения, лесной светотени или гармонически сложенного человеческого тела.

Восприятие красоты есть, следовательно, восприятие **Божиего дара**; Христос и Его Церковь, не могут его не одобрять.

Можно даже утверждать, что Церковь обладает неотъемлемо и в крайнюю меру возможным обогащает своих последователей тем **особым внутренним сочувствием**, которое необходимо для эстетического переживания :

она не только учит нас видеть дело Божие в природе, **предмете** этого переживания;

она не только рассматривает как дары Божии те **орудия** — чувства, — благодаря которым это переживание становится доступным для нас :

но она также самому **переживающему** дает возможность внутренне соприкоснуться с Творцом красоты. В самом деле, она ему дает благодать, а благодать есть ничто иное, как присутствие Бога в нас. И можно-ли мечтать о состоянии, более благоприятном для восприятия произведения искусства, чем непосредственный контакт, тесное общение с тем, кто это произведение создал ?

Поэтому не приходится удивляться, что Церковь с глубочайшим сочувствием относится к красоте, будь то красота **природы**, — создания Божия, или красота **искусства**, — создания людей.

Прекрасный Божий мир.

Еще раз, достаточно внимательно прочесть Евангелие, чтобы увидеть, как безраздельно Христос восхищался природой.

Он откликнулся на красоту волнующихся и белеющих хлебных полей, и полевых лилий, „ одетых так, как и Соломон во всей славе своей не одевался ”, и живых ковров красных анемонов, „ более богатых чем порфира Соломона ”, и воробья, „ который не упадет на землю без воли отца ”, и курицы, „ собирающей птенцов своих под крыльями своими ”.

У природы Он заимствовал большинство образов, которыми пользовался; Он говорит нам о плодоносящей виноградной лозе, с которой Он сравнивает себя самого, о смоковнице, о горчичном зерне, о нежной жемчужине, об осле и воле, о заблудшей овце и ягнятах, о рыбах, о голубе. Вся природа отражается в образной речи Учителя.

Такое-же восхищение перед природой-мы находим в Церкви.

Церковь видит в природе прежде всего не химическую лабораторию, не сложный механизм и не источник материальных благ, а творение любви, свидетельствующее о Боге и ведущее нас к Нему.

Видимые вещи Церковь рассматривает прежде всего как вестников, намеками говорящих нам о невидимом и ведущих нас к Богу, открывая нам Его Разум, Его Всемогущество и Его Благодать.

Пойди в лес : деревья и камни научат тебя тому, чему ты не мог бы научиться у твоих учителей.

(Св. Бернард)

Христианство, победившее религии природы, ввело зато природу в религию. Всякое творение — ничто иное, как „свидетельство о Боге“; это — Бог „в делах Своих“, по выражению Блаж. Августина, т.е. Бог, превращающий их в выражение Своей мысли и в орудие для Своих целей.

(Сертильланж, Христианство и философии)

Церковная молитва движется через сотворенные вещи и вводит нас в общение с ними, чтобы тем вернее ввести нас в общение с Богом.

Огромное место в этой церковной молитве занимают псалмы, в которых постоянно появляются сотворенные вещи, преображенные и возвеличенные :

„Небеса проповедают славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание” (Пс. 18).

„Хвалите Господа . . . Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, все звезды света. Хвалите Господа от земли, великие рыбы и все бездны, огонь и град, снег и туман, бурный ветер, исполняющий слово Его, горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры, звери и всякий скот . . .” (Пс. 148).

Другой ветхозаветный текст, также сохранивший немалое значение в церковной литургии, „Песнь трех отроков в печи огненной”, подряд перечисляет всевозможные звенья сотворенной природы, призывая их славить Господа.

И прославляя Божию Матерь, Церковь не находит неуместным говорить о ней посредством самых материальных образов : мистическая Роза, Врата небес, утренняя Звезда, стебель неувядаемого растения, ковчег позлащенный Духом, нива произрастающая многоплодие милостей.

Лучшие из детей Церкви великолепно воспели природу. Как пример, напомним Св. Франциска Ассизского, „Фиоретти”, о нем рассказывавшиеся, и в особенности им самим составленную „Песнь творений” :

Хвала Тебе, Боже, за светлого брата, за солнце, Творенье Твое !
 Им свет излучаешь,
 Им день озаряешь,
 В нем Имя вещаешь Свое.

Хвала Тебе, Боже, за звезды на небе, хвала за сестру их, луну !
 Чисты и прекрасны,
 Искристы и ясны
 Струят в наши души весну.

Хвала Тебе, Боже, за брата нам ветра, за воздух за облака тень !
 Твое сотворение —
 Небес прояснение.
 Тобою дарован нам день.

Хвала Тебе, Боже, за воду — сестру нам, за реки, ручьи и моря.
 Чисты и смиренны,
 Они драгоценны,
 Нам жизни течение дая.

Хвала Тебе, Боже, в стихийном горенье могучего брата — огня,
 Что плоть согревает,
 Что тьму освещает,
 Ночное томленье гоня.

Хвала Тебе, Боже, за тучную землю, сестру нам и нежную мать !
 В ней злаков рождение,
 В ней радость цветенья,
 В ней жизни твоей благодать.

(Русский текст Б. Ширяева)

В своих **храмах** Церковь с любовью принимает цветы; в церковных изображениях и архитектурных орнаментах встречается множество символов, заимствованных из природы : ягненок, голубь, ветви деревьев и пр. Если-бы Церковь считала природу злом, она отвергала-бы такие заимствования !

Таким образом, наша установка ясна : следуя примеру, который Церковь дает нам, мы должны уметь **наслаждаться природой**,

уметь **видеть** величественность леса и морской волны, **слушать** шопот ручья и пение жаворонка, **чувствовать** свежесть вспаханной земли и запахи травы, с нежностью **осязать** распускающую розу, зреющий плод и пух птицы . . .

Поступать иначе означало-бы отвергать дар Божий и противиться учению Церкви.

Художественное творчество людей.

Человек не ограничивается восхищением перед красотами природы; он стремится в свою очередь **творить прекрасное**, пропитывая человеческим разумом поддающуюся его воздействию бесформенную материю. Сам созданный по подобию Божию, он хочет, подобно Богу, быть творцом.

Способный ощущать красоту, он стремится прежде всего воспроизводить ее **в себе самом**, своим состоянием и поведением. Вид величественной горной цепи или речной долины, как и фильм олимпийских игр, вызывают в нем мысли о величии, желание гармонии, потребность в порядке и ритме, великодушные настроения, сами по себе являющиеся уже осуществлением красоты.

Но в особенности он стремится **вне себя самого** воссоздать впечатление, получаемое его чувствами при контакте с прекрасным. Таково происхождение искусства, т.е. отраженного выражения красоты в чувственной форме (живопись, скульптура, музыка, танец и пр.).

Господи, благодарю Тебя за краски, которыми я так наслаждался, за формы, способные говорить, и за ту новизну, которую Ты вносишь в привычные нам вещи . . . Благодарю Тебя за цветы каждого года, за мой сад и за поля. Благодарю Тебя за чистые глаза и за детскую улыбку.

(Р. Базен, „Этапы моей жизни“)

Художественность произведения заключается не в том, чтобы рабски воспроизводить черты, положения, краски, звуки, которые мы находим в природе. Чтобы создать художественное произведение, человек должен, как Бог, внести в него свою мысль, свой гений; он должен исправлять, идеализировать, следить за тем, чтобы чувственное не задерживало внимания сверх меры, но позволило-бы мысли проявиться как можно скорее (1).

Каково отношение Церкви к подлинному искусству?

Ее отношение к природе мы уже знаем и заранее можем сказать, что ее отношение к искусству не может не быть сочувственным. Призванная привлекать людей к Богу и вдохновлять их молитву, она знает, что человек есть существо духовное и телесное одновременно; поэтому она должна поддерживать все то, что пробуждает чувства на пользу человеку.

И действительно, во всех христианских странах храмы составляют ценнейшую часть их архитектурного наследия, а вместе с тем, как справедливо говорилось, „синтез и симфонию всех искусств”.

Назначение католического храма — быть обиталищем Бога и Его окутанной тайною человечности. Стремясь создать такое обиталище, мы хотим его сделать достойным, чтоб по крыше можно было узнать Живущего здесь. Природа тут дает пример человеку.

Осуществление-же этого нового творчества — задача искусства. Во все это естество — в камень, в золото, в мрамор, в дерево, в стекло, в свинец, в железо, в керамику, — искусство должно влить человеческую душу, чтоб оно трепетало под дуновением великих вдохновений, поднималось-бы ввысь и распространялось-бы вширь, насыщенное глубоким символизмом.

(П. Сертильланж)

Церковный культ состоит из постоянных обращений к чувствам. Достаточно присмотреться к его любому обряду : церков-

(1) Нужно признать, что в настоящее время очень много людей настроены слишком утилитарно, чтоб любить красоту, потому-что эта любовь требует незаинтересованного стношения; тем самым, они разучились ценить произведения искусства. В их оправдание следует, впрочем, добавить, что современная техника, слишком часто преследуя утилитарные цели, усиленно воспроизводит произведения, лишенные ценности, понижая этим вкусы людей.

С другой стороны, престиж искусства подрывается крайностями некоторых художников, скульпторов, музыкантов. Стремясь будто-бы выразить в особенности ту или иную идею, они в конце концов забывают о том, что идея должна быть выражена в форме достаточно доступной чувствам, чтобы перенестись в сознание зрителя или слушателя. Часто форма оказывается столь растворенной, чувственная сторона говорит так мало, что лишь немногие посвященные способны еще уловить мысль художника... если таковая у него есть!

Микель Анжело

Пиета — Скорь Пресвятой Богородицы

ные облачения, цветы, иконы, свечи, человеческие голоса, ладан, телодвижения священника и прислуживающих с ним — все рассчитано на то, чтобы пробуждать деятельность чувств. Поклонение, воздаваемое Богу Церковью, должно соответствовать человеческой природе; это значит, что в нем должны участвовать чувства.

И на деле Церковь в течение веков покровительствовала деятелям искусства и **поощряла** их. Многие папы и епископы этим прославились, об этом свидетельствуют сокровища множества церквей, а также церковных музеев, как Ватиканского, где собрано столько произведений и религиозного, и светского искусства : глубокое сочувствие Церкви к искусству не вызывает сомнений.

Надо-ли еще напомнить о том, что искусство получило от Церкви **несравненные сюжеты** : Христа, Его жизнь и дело, Божию Матерь, Святых ? Очень-ли много останется от живописи, от скульптуры, даже от музыки, если откинуть все те произведения, которые заимствовали свои сюжеты из христианской религии ?

Опасность чувств.

Но при всем своем положительном отношении к деятельности чувств, Церковь напоминает о том, что это всего лишь орудия, предназначенные служить выработке нашей личности и осуществлению нашего призвания.

Между тем, когда они предоставлены самим себе, чувства оказываются **ограниченными и своевольными исполнителями**; если ими не руководить, они разбредаются в разные стороны и без разбору заывают к нам всякий сброд, который встречается им по дороге.

Они подбирают все, что видят, все, что слышат, все, к чему прикасаются; если не остерегаться, они к нам занесут всевозможный нежелательный элемент, который, расположившись у нас, окажется чрезвычайно стеснительным.

Поэтому, чтобы не терять обладания самим собой, необходимо **следить за своими чувствами**, контролировать их действие, порою отказывать им даже в законном удовлетворении, чтоб было ясно, что не они повелевают, а разум.

Так объясняются **правила предосторожности**, которые Церковь устанавливает для своих членов. Их смысл не в том, чтобы создавать препятствия действию чувств, а в том, чтобы направлять это действие на благо всего человека.

Опасность искусства.

Не будем останавливаться на опасности **идолопоклонства**, хотя именно в виду этой опасности Ветхий Завет запрещал изображения каких-бы то ни было тварей.

Существует другая опасность : опасность видеть в искусстве абсолютную ценность, иными словами, искать **искусства для искусства**, или точнее, искать искусства для одной только чувственности, не считаясь с его влиянием на всего человека.

Утверждение, что искусство не имеет **никакого отношения к морали**, — неверно.

Всякое человеческое действие имеет моральную сторону, для того, кто его совершает, и для тех, кого оно затрагивает.

Тем самым, художник, стремящийся к дурной цели, создает произведение, которое дурно, по крайней мере для него самого.

Кроме того, это произведение обычно должно вызывать какой-то отклик у других лиц. Этот отклик невозможно ограничить одной только чистой чувственностью, которая в чистом виде вообще не существует; отклик продолжится во всем человеке, вызывая нравственную или безнравственную установку у того, кто воспринимает впечатление от данной картины, статуи, музыкального произведения или танца.

Но неуместно также утверждение, что искусство должно быть **обязательно морализирующим**, обязательно выражающим какой-то урок морали.

Как художник не получил кафедры для преподавания каких-бы то ни было истин, так-же точно он и не призван улучшать наши нравы !

Церковное учение более тонко различает оттенки :

искусство обращается непосредственно не к разуму и не к воле, а к чувственности, которую оно стремится обогатить;

Между тем, чувственность не есть нечто обособленное, а составной элемент целого, предназначенного к гармоническому развитию;

следовательно, искусство не должно удовлетворять чувственность в ущерб всему целому и, в частности, в ущерб воле, которая должна стремиться к добру.

Таким образом, **если произведение искусства вызывает здоровые эстетические переживания без вреда для остальных человеческих качеств**, то оно одобряется Церковью : оно служит спасению и нравственности, даже, если художник непосредственно не преследовал этих целей.

Если произведение кроме того обогащает высшие способности человека — и в частности его волю, — то оно представляется тем более прекрасным, потому именно, что вносит больше гармонии в человека.

Если-же произведение искусства, глубоко потрясая чувственность, вместе с тем **влечет человека ко злу**, оно тем самым нарушает иерархию ценностей и становится дурным. Церковь его осудит, несмотря на его художественную ценность.

Но применяемое нами понятие человека — отвлеченно. Конкретная личность это — данный подросток, данный молодой человек, данный знаток искусства. На одно и то-же произведение их отклики будут различны; то, что на одного действует приятно, не вредя его воле, способно глубоко смутить другого. В связи с этим, принципы, указанные выше, должны будут применяться различно. О произведении нужно будет судить в зависимости от того, к кому оно обращается.

Церковь должна будет требовать от компетентной — государственной — власти устранения из общественной жизни того, что может принести вред молодежи (будь то в витринах книжных магазинов, в кинематографе, на пляжах или в парках). Она должна будет настаивать на том, чтобы вход на данное зрелище — в кинематографе, в театре, в музее — разрешался только тем, кого оно не может „разложить“; и т.д.

Заключение.

Церковь всемерно поощряет законные стремления нашей чувственности.

Но на ней лежит долг напоминать беспрестанно о том, что гармоническое развитие человеческой личности требует порою жертв, ограничений в той или иной области, для большего блага человека.

И это есть проявление подлинного понимания человеческой личности и глубокого уважения к ней.

ГЛАВА IV.

ЦЕРКОВЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ.

Здесь мы увидим, что Церковь принимает и вместе с тем очищает законные **человеческие привязанности**. Действуя на эти чувства, сверхестественное начало позволяет им достигать такого развития, о каком не знала и даже не догадывалась языческая древность.

I. ДРУЖБА.

Пример Христа.

Церкви достаточно направить свой взор ко Христу, чтобы оценить дружбу.

Дружба предполагает некоторое равенство; и чтобы она стала возможной с Ним для каждого из нас, Второе Лицо Пресвятой Троицы воплотилось и таким образом упразднило расстояние, отделяющее нас от Бога. Отныне всякий, кто этого хочет, может стать близким Христу и называться Его другом. „Вы друзья Мои, — прямо говорит об этом Христос, — если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами... но Я назвал вас друзьями” (Ио. XV, 14-15).

У каждого человека имеются вполне законные **предпочтения**. Христос их проявлял по отношению к определенным апостолам : Петру, Иакову и Иоанну; Он желал иметь их при Себе, как в минуты славы (при Преображении), так и в горькие часы (в Гефсиманском саду).

Один из трех, Иоанн, повидимому, особо расположил сердце Учителя, свежестью своей души, чистотою взгляда, тонкостью чувств и глубиной ума. Ему Христос в конце концов поручил то, что у Него было самого дорого на свете : Свою Мать.

Среди друзей Христа, пользовавшихся особым Его предпочтением, нужно также отметить **Лазаря**; когда Он приближался к гробнице Лазаря, человеческое сердце Христа было охвачено

состраданием до такой степени, что, не будучи в силах сдерживать Свою скорбь, Он молча плакал, и не счел это несовместимым со Своим божественным достоинством.

Христос и **сестрам Лазаря**, Марфе и Марии, отводит особое место в Своих предпочтениях, давая тем самым совершенный образ дружбы в ее наиболее тонких проявлениях.

Как все это далеко от исключительной поглощенности попусторонним! Нисколько не сужая неизмеримо огромного поля Своей любви, Христос развивает в Себе тот чистейший цветок, который называется **дружбой**; в Своей полнейшей человечности, Он ничуть не подавляет это вполне человеческое, но трудно определяемое стремление, в силу которого мы предпочитаем некоторые определенные души, особо откликающиеся на наши чувства и чаяния.

В каждом отдельном случае дружба Христа прозрачно чиста, она не отвлекает Его от Его призвания, не обедняет Его чувствительными и расслабляющими излияниями. Она дает Ему Самому ту таинственную поддержку, которая составляет основной благотворный результат здоровой и искренней дружбы.

Что Церковью вносится в дружбу.

Древний мир знал и прославлял дружбу : Церковь приняла и до конца освятила ее. Внесла в нее **понятие души**. Тем самым, перед общностью чувств, составляющей основу дружбы, открывается неизмеримо широкое поле.

Церковь дает возможность родственным душам **сливаться в высшей дружбе** : в дружбе Христа, оберегающего их от чрезмерно чувственных влечений и облегчающего им их восхождение к общему идеалу.

Наконец, уча нас тому, что смерть не является концом нашего существования, Церковь позволяет нам **по ту сторону смерти** продолжать это общение душ. Начала веры и надежды, вводящиеся ею в нашу жизнь, поразительным образом расширяют и обогащают сферу человеческой дружбы.

Что Церковью советуется.

Все в человеке может стать опасным, а сердце в особенности. Поэтому на Церковь лег долг предостерегать нас от всякой ложной дружбы.

Свою моралью она отстраняет все то, что может осквернять это очень благородное и очень чистое чувство; от нас она требует большой чистоты намерений и постоянной бдительности;

она открывает нам глаза на различные формы эгоизма, которые могут примешиваться к дружбе.

Этим она создает вокруг нас атмосферу, благоприятную для полного развития подлинной дружбы и, как в стольких других сложных вопросах, она проявляет себя матерью, очень разумной и очень доброй.

II. ЛЮБОВЬ

Бог есть первоисточник тех высоких стремлений, которые влекут друг к другу мужчину и женщину; в нашем сердце Он пробуждает и развивает эту потребность любить и быть любимым, давать и принимать; Он накапливает в нашем сердце запасы любви, которые, нормальным образом, находят затем свое применение у семейного очага. (1)

После этого, вообразимо-ли, чтобы поток божественной любви, излитый на землю Христом и распространяемый Его Церковью, мог уничтожать ту законную привязанность, которую в нашем сердце породил Сам Бог ?

Церковь пропитана глубоким уважением ко всему, что касается любви.

1. Женщина.

До пришествия Христа, состояние женщины часто было бедственным. Правда, античная литература создала очень возвышенные женские образы, как Ифигении, Антигоны, Андромахи; но история показывает достаточно ясно, в каком состоянии униженности юридически, морально и социально, женщина обычно жила.

Христианство глубочайшим образом изменило это положение. Оно утвердило, как принцип, равенство полов, признало у женщины бессмертную душу и участие, наряду с мужчиной, в дарах Искупления : „ Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского : ибо все вы одно во Христе Иисусе ” (Гал. III, 28).

(1) Как любовь, Бог дает себя; как совершенное Существо, Он ничего не ищет в обмен. Его любовь совершенно незаинтересована.

Сотворенный по образу Божию, человек также призван к тому, чтобы давать себя. Но как ограниченное творение, находящееся еще в процессе своего завершения, он стремится также получать чтобы себя восполнить; если он правильно понимает свое призвание, то он это будет делать для того, чтобы лучше отдаваться самому.

Каково бы ни было ее моральное состояние, каждая женщина может приблизиться к кресту, с высоты которого Христос соединил в единой любви Пречистую Деву и грешницу Марию Магдалину.

Присутствие Божией Матери в деле спасения в особенности создало вокруг женщины эту атмосферу уважения. В течение веков, миллиарды людей, склонившись, повторяли : „Радуйся, благодатная... Благословенна ты в женах“. Мог-ли отблеск от этого почитания Марии не распространиться и на всех ее сестер ?

И действительно, христианская культура создала **рыцарское** отношение к женщине; в особенности на средневековом Западе это новое отношение проявлялось у рыцарей, ради своей „**дамы**“ принимавших на себя опасности, труды и невзгоды, потому-что они отчасти видели в ней отблеск благодатной **Царицы Небесной**.

В связи с этим **любовь в христианском понимании** преобладает женщину; Церковь объявляет ее духовной сестрой мужа, сердцем семейного очага, первоочередной воспитательницей детей; она восхваляет материнство наряду с девственной чистотой.

По мере того, как христианское учение перестает проникать в общественные и частные нравы, любовь теряет свой смысл и женщина, хоть и под видомостью весьма утонченных и „культурных“ форм, превращается опять в игрушку мужских страстей, в необходимый предмет для удовлетворения его инстинктов, в рабыню эгоистического существа.

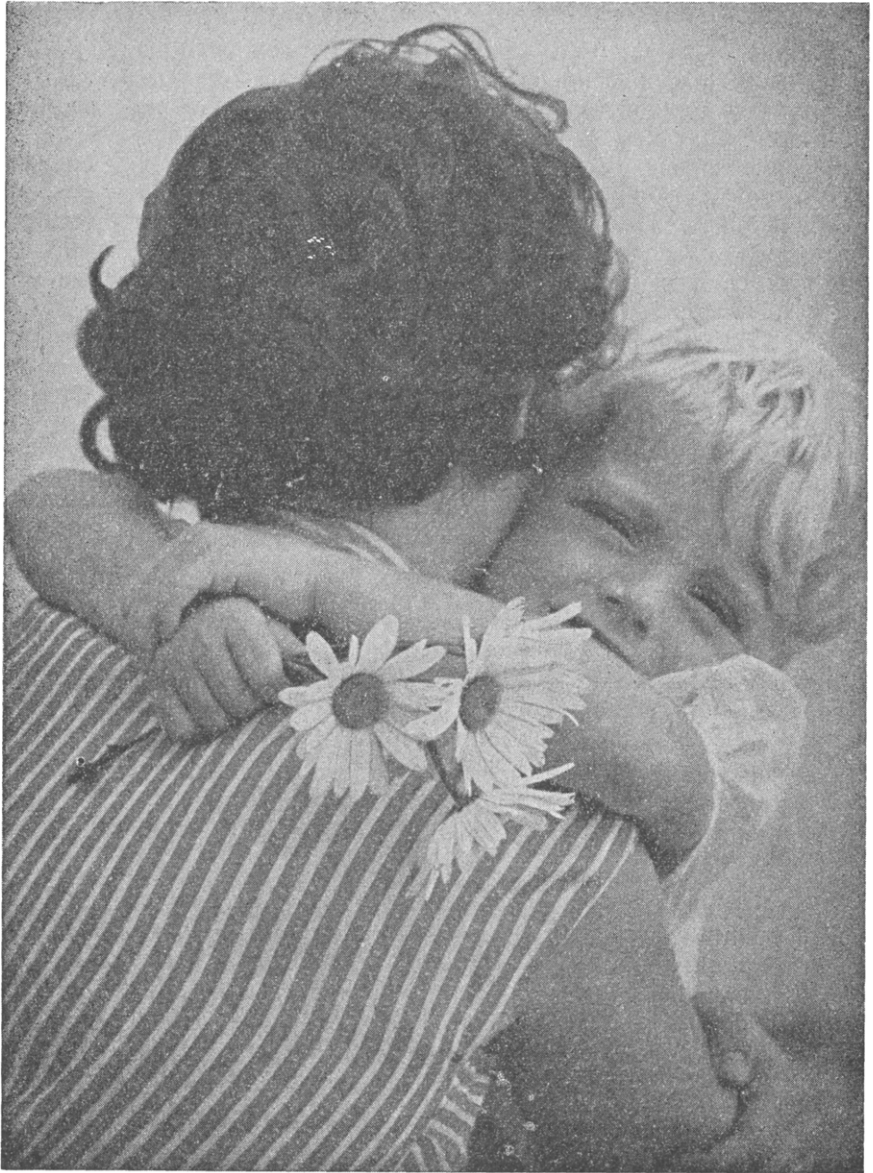
2. Брак.

В древности брак походил более на торговую сделку чем на подлинный союз двух личностей для общего дела.

Вопреки обычаям того времени, **Христос** вернул браку его первоначальную нерасторжимость; по Его воле брак должен быть полной и безвозвратной взаимной самоотдачей двух существ, которые становятся единою плотью и единою душою ради лучшего осуществления своего человеческого призвания.

Жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слов приобретаемы были . . . Также и вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами . . . оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни . . . Будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосердны, дружелюбны, смиренномудры.

(I Петра III, 1-8)

Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя (Говорит Господь).
(Исаия 49,15)

Христос превратил даже брак в **тайнство**, т. е. сделал его осязательным знаком благодати, средством усилить господство в душах божественной жизни. И чтобы ясно проявить Свою высокую оценку такого союза, Он присутствовал на браке в Кане Галилейской и там совершил в дар новобрачным, первое из рассказанных в Евангелии чудес.

Брачный союз настолько прекрасен, что апостол Павел не стесняется сравнивать его с тем союзом, который соединяет Христа и Его Церковь :

„Как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее” (Еф. V, 24-26).

3. Ребенок.

Плоду любви, ребенку, а в особенности девочке, в древнем мире отводилось юридически весьма сомнительное положение.

В **Афинах**, женщина имела право задушить своего ребенка при рождении; в **Спарте**, ребенок был собственностью государства и от него разрешалось избавиться, оставляя его на Таигетской горе; в **Риме** закон был точен : „Если ребенок уродлив, пусть отец умертвит его своею рукою, без формальностей !”

И теперь еще, там, где христианство не утвердилось прочно, а также и там, где оно воспринимается недостаточно и вытесняется из общественной жизни, такое-же презрение к ребенку проявляется опять; и в тоталитарных режимах, проявляющих к ребенку столько интереса, он является прежде всего орудием, предназначенным служить определенной идеологии.

Христос появился, ребенком в яслях; а впоследствии Он сказал : „ Не препятствуйте детям приходить ко Мне... Что сделаете одному из малых сих, Мне сделаете ”.

В Вифлеемских яслях и в словах Христа Церковь черпает материнскую любовь к детству и старается привить ее нам. Она защищает ребенка с момента зачатия; с самого рождения заботится о нем, стремясь приобщить его к благодати; охраняет его от несправедливых требований некоторых родителей и государств; для него ею создается множество учреждений — ясли, школы, приюты.

Заключение.

Наша общественная жизнь так пропитана христианством, что мы перестаем даже сознавать, чем только дружба и любовь не обязаны Церкви.

В действительности, она безмерно очистила, облагородила и возвеличила и ту, и другую.

Церковь представляет собою в настоящее время единственное место, где человеческое сердце с его самыми глубокими привязанностями пользуется нераздельным уважением.

Свое учение о дружбе и любви западная Церковь сконцентрировала в широко распространенном ею культе : в поклонении **Святому Сердцу** Христа, — Его человеческому сердцу, переполненному любовью к людям и открытому для всего, что они Ему пожелают доверить.

ГЛАВА V.

ЦЕРКОВЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РАЗУМ.

Некоторые противники Церкви повторяют на каждом шагу, что у нее нет и не может быть благожелательности к **разуму** и **науке**; но они плохо поняли отношения между верой и разумом.

1. Что сделала Церковь для разума.

1. Как мы уже говорили, по церковному учению грехопадение не лишило человека возможности нормально владеть своими способностями. Вследствие этого, Церковь учит, что и после грехопадения человеческий разум, хотя и поврежденный, остался способным **воспринимать истину и реальность**.

Большинство **течений современной философии** утверждают, что человеческий разум не способен проникать дальше внешности вещей и достигать самого бытия. Исключение составляет католическая философия, главные течения пост-кантовского идеализма и интуитивная философия, главным представителем которой является Бергсон на Западе и Н. Лосский в России. Соловьев, Трубецкой, Бердяев, Булгаков и Франк также отстаивают способность человеческого разума познавать действительность. Церковь, в частности, признает за разумом возможность утверждать бытие Божие без помощи веры.

Что касается **истин естественного порядка**, в той мере, в какой они не касаются морального поведения людей, Церковь прямо объявляет себя некомпетентной и предоставляет ученым полную свободу изысканий.

Даже и по отношению к **истинам Откровения**, Церковь отрицает, будто она производит давление на разум; она стремится к тому, чтобы каждый христианин, в меру своих умственных способностей, обосновывал и разумом принятие тех истин, которые превосходят разум. **Вера** христианина должна быть **разумной** и все наше изложение имеет единственной целью помочь

читателю придти к разумному согласию с христианским решением проблемы жизни.

2. Но Церковь идет дальше : она приписывает разуму **примат над волей**, оставляя за ним руководство жизнью и внесение порядка в нее (*).

Как только люди начинают сомневаться в разуме или начинают видеть в нем только средство для открытия и использования материальных богатств, они, естественно, все свои предпочтения переносят на чувство и волю.

Они говорят : мыслить чтобы искать истину — потеря времени; утверждать существование **абсолютной истины**, растративать свою энергию на то, чтобы улавливать ее и за нее держаться, даже ценою тяжких жертв, или даже ценою жизни, в представлении этих людей — совершенное безумие.

(*) Христианский Запад в силу присущего ему стиля культуры особенно настаивает на примате разума.

Восток, основываясь на библейской и ветхозаветной письменности, а также на опыте аскетичности предпочитает специфический синтез сердца и разума — высший образ сочетания разума и воли в символике сердца, являющийся центральным мотивом христианской мистики и христианского благочестия.

Библейская, святоотеческая и индийская письменность под сердцем понимает сокровенный центр личности, сокровенную глубину, побуждающую человека следовать вечным путем истины, добра и красоты, сливающихся в Божием Существо. Эта последняя глубина человека человеку же недоступна, а доступна только одному Богу — вот почему право последнего суда принадлежит одному Богу : „не судите, да не судимы будете”.

Б. П. Вышеславцев в книге „**Вечное в русской философии**”, говоря о сердце как об органе религиозного опыта ссылается на тексты Св. Писания : глубоко сердце человека более всего... кто познает его ? Я, Господь, проникаю в сердце и испытываю внутренности (Иерем. 17, 9-10); Он знает тайны сердца... (Пс. 43,22) и т. д.

„Совершенно исключительное значение придается сердцу человека : только Богу вполне ведомы его тайны. Мы должны чувствовать трепет благоговения перед этой таинственной глубиной в сердце своем и в сердце своих ближних. Здесь лежит истинная красота и истинная и вечная ценность человека. У Ап. Петра... есть удивительные слова, полные вдохновенной поэзии, посвященные этому „потаенному сердцу человеку”.

Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но потаенный сердца человек в нетлении безмолвного и кроткого духа, что драгоценно пред Богом (I Петр. 3,4). Здесь собрано все ценное, что можно сказать о сердце : оно есть тайный центр человека; оно „безмолвствует”, апофатически утверждает свою глубину; в нем скрыта нетленная красота духа, подлинная красота; и этот нетленный духовный центр есть абсолютная ценность, он „драгоценен пред Богом. Прозанческий апостол нашел самые поэтические слова для этой таинственной глубины”.

Это рассуждение лежит в основе всех **прагматических представлений о жизни**, так распространенных в наших дни.

Последствий этого не приходится долго ждать : так например, если воля получила преобладание над разумом и истинное уступило свои права полезному, человек быстро доходит до утверждения, что истина есть то, что доставляет материальную выгоду, он начинает признавать реальностью только то, что подходит его вкусам и удовлетворяет его вожделения, он возводит относительное в абсолют.

Он уже не дает себе труд размышлять : если та или иная идея понравилась, даже если она неправильна или неполна, этого достаточно, чтобы мобилизовать его энергию и развязать действия; чтобы восторжествовать, он тогда готов беспощадно попирать все, в том числе и очевидность, и права разума, и здравый смысл. Это мы и видим в тоталитарных движениях современности...

Достаточно констатировать страшную бедственность нашей эпохи, чтобы отдать себе отчет в неправильности того пути, на котором руководство жизнью было отнято у разума : потеряв контакт с абсолютной истиной, человек ищет опоры уже только в себе самом и надменно и неосновательно приписывает себе право создавать истину вместо того, чтобы подчиняться ей.

Церковь, с своей стороны, признает только **истину**.

Теперь как и прежде, не обращая внимания на нападки одних и на предложения сотрудничества других, она спокойно утверждает прежде всего существование абсолютной истины и способность человеческого разума достигать до нее собственными силами.

Она учит далее, что на этом улавливаемом разумом, вечном и абсолютном порядке вещей человек может и должен основывать свою жизнь и что, следовательно, разуму, а не слепой воле, принадлежит первенствующее право и честь организовывать действие.

Она учит, наконец, что человек будет судиться по тому, согласовалась-ли или нет его жизнь с вечными законами, доступными его разуму.

Но и не только это показывает, до какой степени Церковь сочувствует разуму; о том-же свидетельствует и многое другое :

— Для участия человека в благодатной жизни Церковь требует от него, как первое условие, не принятия определенных правил поведения, а принятия **истин** Откровения, из которых правила поведения проистекут лишь, как следствие.

— Она милосердна, когда дело идет об ошибках поведения; но она непримирима, когда нужно отстаивать **истину**.

— Она учит, что обещанная человеку вечная награда будет состоять главным образом в созерцании **разумом**, становящимся для любви неисчерпаемым источником блаженства; человеческая воля тогда уже не будет желать ничего, она будет наслаждаться предметом, достигнутым разумом...

Теперь, как и прежде, тираниям этого мира Церковь противопоставляет не армии, не пушки, а **мысль**, обогащенную всеми истинами, открытыми нам Христом.

Она отказывается включиться в какую-бы то ни было систему, отрицающую неотъемлемые права человека и, в частности, право разума руководить волей.

Она нам говорит : „Истина сделает вас свободными” (Ио. VIII, 32), истина, а не влечения слепой воли.

Провозглашая таким образом самодовлеющую ценность истины и первенство разума над волей, — разве не возносит Церковь в необычайной мере нашу мыслительную способность ?

II. ЧТО ЦЕРКОВЬ СДЕЛАЛА ДЛЯ НАУКИ

Плоды своих изысканий человеческий разум объединяет в различных науках. Это :

Экспериментальные науки (1) (изучение доступных чувствам явлений природы), **философские науки** (изучение методов мышления, души, моральной жизни, Бога, — в той мере, в какой это может постигаться одним разумом), **исторические науки** (изучение человеческих действий).

Церковь, как мы уже говорили, не призвана непосредственно развивать светские науки; ее дело — возвещать нам истину Спасения и помогать нам жить соответственно с этим.

Поэтому и не пришлось-бы даже ставить Церкви в упрек, если-бы она совершенно воздержалась от проявлений сочувствия к науке.

Но на деле ее отношение к науке в высшей степени благожелательно : все человеческое привлекает ее внимание, потому-

(1) Экспериментальные науки в особенности пользуются уважением в самых широких кругах, не столько из-за истин, которыми они обогатились за последние сто лет, сколько из-за материального прогресса, который благодаря им оказался возможным в разных областях текущей жизни. Так например, большинство людей интересуется не принципом передачи звуковой волны, а практическими результатами этого открытия : радиоаппаратами, их усовершенствованием, устранением паразитов, и т. п. ! Здесь опять истина отступает на задний план перед полезностью, непосредственной выгодой !

что Христос, Которого она продолжает среди нас, не отвращался от самого близкого участия в наших человеческих занятиях. Он, ведь, учился, например, чтобы стать плотником и, без сомнения, старался совершенствоваться в этой профессии — „преуспевал в премудрости... у Бога и у людей” (Лука, II, 52).

Поэтому нет ничего удивительного в усилиях, приложенных Церковью :

Для распространения светских наук.

Тут фактов сколько угодно и мы можем привести лишь несколько примеров.

Вспомним, например, тысячи **школ**, учрежденных Церковью для обучения молодых поколений не только Христовой истине, но и человеческим знаниям.

До XV века, Церковь одна занималась воспитанием масс. И надо думать, что она в этом преуспела не так уж плохо, раз именно в этот средневековый период, по данным новейшей исторической науки совершенно напрасно очерненный многими противниками Церкви, на Западе возникли, например, те чудеса не только искусства, но и мысли, какими являются романские и готические соборы.

Надо-ли напоминать о том, как широко, начиная с XVI века, она в своих школах знакомила молодежь с **гуманитарными науками древности** ?

Уже в ту эпоху стали основываться многочисленные монашеские общины, поставившие своей целью воспитание молодежи. В одной Франции перед революцией 1789 г. насчитывалось 25.000 бесплатных начальных церковных школ и 900 колледжей. И в наши дни, с благословения Церкви сотни тысяч священников, монахов и монахинь посвящают себя воспитанию молодежи, по всему земному шару, даже и в самых отдаленных его районах.

Церкви принадлежит честь основания первого в Европе университета, Парижского, насчитывавшего в XIII веке 40.000 учащихся !

С тех пор университеты основывались ею в самых различных местах и теперь еще она сохраняет, за собой руководство очень значительными высшими учебными заведениями, как католическим университетом в Париже, Лувенским университетом, насчитывающим наибольшее в Бельгии число студентов, и пр.

Вспомним многочисленные **библиотеки**, в которых Церковь ценою тяжелых усилий собрала сокровища человеческой мысли и предоставляет их в распоряжение работников умственного труда. В одной только маленькой Бельгии, библиотека Лувенского

университета и библиотека Болландистов в Брюсселе знамениты на весь мир...

Вспомним, что большинство **величайших литературных произведений древности** только благодаря Церкви сохранились и дошли до нас. Без скромного и кропотливого труда тысяч писцов, всю жизнь переписывавших древние рукописи в тиши средневековых монастырей, у нас не было бы ни поэм Гомера и Виргилия, ни Платона, ни Аристотеля, ни речей Цицерона, ни многого другого. А ведь все это были произведения совершенно светские и к тому же языческие.

Когда появилось **книгопечатание**, Церковь не колеблясь приняла это изобретение и стала широко им пользоваться не только для распространения священных текстов, но и произведений человеческой мысли. Можно даже задаться вопросом, произошли ли-бы на Западе такой умственный подъем без помощи Церкви.

Еще и теперь, только препятствия, создаваемые сектантским духом некоторых правительств, мешают Церкви развивать еще больше центры своей умственной деятельности и шире участвовать в распространении научных знаний.

Для развития светских наук.

Церковь не ограничивается распространением плодов человеческой науки : она активно участвует в научных открытиях.

Нет надобности доказывать **исключительно благоприятную настроенность**, которую приобретает ученый, если он следует законам церковной морали : любви к истине, профессиональной совести, незаинтересованности, равнодушию к земным благам, чистоте, сдержанности, милосердию, кротости, выдержке, и т.д.

Не оттого-ли столько людей проявляют так мало интереса и способностей к умственному труду, что все их время поглощается удовлетворением страстей ? Церковь ограждает своих подлинных последователей от того, что рассеивает мысль ; она вносит в их жизнь порядок и этим содействует развитию многих выдающихся умов.

И на деле, Церковь насчитывает многих своих сынов среди **светских ученых**, тем самым доказывающих, что религиозная вера — не препятствие для научной работы !

Приведем несколько имен ученых, выдвинувшихся в области точных и экспериментальных наук в XIX и XX веке и являвшихся церковными людьми :

Верными католиками были наиболее крупные ученые в области электричества и радиоволн : **Ампер, Вольты, Гальвани, Бе-**

лен, Маркони, Бранли; то-же нужно сказать о **Пастере** как и о **Лазннеке**, **Клоде Бернаре** и **Ш. Николле**, прославившихся своими медицинскими открытиями; далее приходят на память : математики **Коши**, **Шаль**, **Ш. де-ла-Валлэ-Пуссен**; энтомолог **Фабр**; астрономы **Секки** и **Леверрье**; основатель органической химии **Ж. Б. Дюма**; выдающиеся геологи **П. Термье**, **де-Лаппарен**; **М. Планк**, изобретший теорию квантов; **Мендель**, открывший законы наследственности в биологии; археологи **Шамполлион**, **Де Ружэ**, **Морэ**, **Капар**, **Шейль**, **Росси**; ориенталист **Л. де-ла-Валлэ-Пуссен**; в области изучения радиоактивности — **Беккерель**; специалист по философии науки **Э. Ле-Руа**, и др.

В области исторической критики могли-бы быть упомянуты : **Озанам**, **Г. Курт**, **Имбар де-Ла-Тур**, **П. де-ла-Горс**, **Тюро-Данжен...**

Церковь делает, далее, особый вклад в науку, предоставляя многим священникам и монахам посвятить себя научной работе.

Приведем, из прошлых веков, папу **Сильвестра II**, за широту своих научных познаний названного Архимедом X-го века; английского францисканца, отца экспериментальной физики **Роджера Бэкона**, польского каноника **Коперника**, основоположника всей современной астрономии.

Отметим замечательный труд **Болландистов**, уже три столетия работающих над научной критикой документов, относящихся к жизни святых; аббата **Миня**, выпустившего 379 томов критического издания греческих и латинских отцов Церкви; каноника **Руссело**, основавшего во Франции первую кафедру экспериментальной фонетики; аббата **Лемэтра**, профессора Лувенского университета, лауреата премии Франки по космической физике; аббатов **Брей** и **Буиссони**; о. **Пуадебара** и о. **Тэйарда де-Шарден**, выдвинувшихся своими исследованиями по доисторическому прошлому; покойного бр. **Шиллэ**, известного своими работами по цветоводству (Бельгийское Конго); миссионеров, выпустивших несметное множество научных исследований, в частности, по лингвистике (Общество заграничных миссий выпустило за сто лет 40 словарей и грамматик) и т.д., и т.д.

Приведем теперь имена русских верующих ученых :

Ломоносов один из величайших русских ученых, один из основателей современной химии, физико-химии и учения об атмосферном электричестве и великий религиозный поэт. **Попов** — сын протоиерея, современник Маркони, открывший антену и детектор беспроволочного телеграфа; **Пирогов** — один из основателей современной хирургии и мыслитель; **Кондаков** — известный историк церковного искусства; **Тураев** — известный егип-

толог; **Флоренский** — известный энциклопедист, инженер-электрик, автор новой теории трансформаторов, математик, автор книги о применении мнимых величин в геометрии, блестящий богослов и филолог.

И. П. Павлов — сын протоиерея, создатель теории условных рефлексов.

Самыми лучшими русскими философами имеющими значение вне своей страны оказываются только те, которые связаны с религиозным метафизическим подходом к теме. Сюда относятся **Вл. Соловьев**, князя **С. Н. и Е. Н. Трубецкие**, **Лосев**, **Л. М. Лопатин**, **Вышеславцев**, **Н. О. Лосский** **С. Л. Франк**, **Н. А. Бердяев**, **Отец Сергей Булгаков**, **Л. И. Шестов**. **В. Ф. Эрн** и т. д.

Католические университеты представляют собою не только учебные заведения, но центры научно-исследовательской работы. За неимением цифр, отонсящихся ко всей Церкви, приведем данные об одном только секторе: одни только иезуиты руководят 31 университетом, 8 обсерваториями и 152 научными изданиями.

Отношение Церкви к науке подобающим образом отразилось в **Ватикане**. Не приходится удивляться, что здесь мы находим обсерваторию, замечательные музеи и библиотеки, а также различные научные учреждения, из которых последнее, Академия Наук Святого Престола, основано в 1936 г. папою Пием XI; среди своих 70 членов, избранных из наиболее выдающихся ученых всего мира, эта Академия насчитывает не только католиков, но и протестантов и даже неверующих, при единственном условии, чтобы они не относились к Церкви с сектантской враждебностью.

III. НАУКА И ВЕРА

Может-ли возникнуть конфликт между подлинной наукой и подлинной верой? Нет!

Действительно, **наука** изыскивает в природе законы, вложенные в нее **Богом**;

вера передает истины, открыты **Богом** непосредственно.

А противоречий **в Боге** не может быть.

Тем самым, поскольку Бог является источником того, что различными путями приносят нам наука и вера, между той и другой не может быть противоречия, при том условии, чтобы наука и вера были подлинными.

Вот почему Церковь никогда не боялась науки; напротив, она желает науке развиваться все больше и больше, — раз наука

в конечном итоге позволяет нам лучше познавать Бога в Его делах.

Эти замечательные научные открытия, которые одобряются и поощряются Церковью, выявляют с большою силою и действительностью, чем когда-либо, вечное могущество Божие”.

(Папа Пий XII, речь 22 января 1947 г.)

Может-ли возникнуть конфликт между подлинной наукой и утверждениями, без оснований введенными в область веры? Ясно, что да.

Нередко именно так и возникают кажущиеся конфликты: не столько сами ученые, сколько люди, нахватавшиеся некоторых научных сведений и неумеющие или нежелающие додумывать тему до конца, ставят Церкви в упрек то или иное учение, находящееся, по их словам, в явном противоречии с открытиями науки; но если только они дают себе труд ближе ознакомиться с действительным положением дела, они узнают к малому своему удивлению, что никакого церковного учения на данную тему не существует! Вспомним здесь то, что мы уже говорили насчет сотворения мира в шесть дней...

Бывает также, что такие люди выдают за научную истину то, что в действительности является только гипотезой; из этого возникают другие конфликты. Вспомним то, что мы уже говорили, например, об эволюционной гипотезе.

Но с другой стороны, нужно также честно признать, что порою некоторые носители церковной власти — не выражавшие при этом непогрешимого голоса Церкви — напрасно тревожились из-за тех или иных научных открытий и осуждали их без должных оснований.

Смущаться этим не приходится: Церковь есть явление человеческое и божественное одновременно; она может ошибаться, за исключением того, что относится к основам Христова откровения.

Заключением к этой главе может лучше всего послужить одна страница Паскаля, говорящая о том, насколько неприкосновенными остаются неотъемлемые права человеческого разума, когда мы соглашаемся принять учение подлинной веры:

Исповедание веры, хотя оно и происходит от нашей воли (просвещенной благодатью), тем не менее зависит прежде всего от нашего разума. Вера не есть как-бы насилие, совершаемое воображением или волей над ценностями рассудка, или какое-то тщетное и вместе с тем тревожное восстание иррациональной силы против верховного авторитета разума.

Вера, чтобы быть принятой разумом, должна ему ясно явиться тем, что она есть, не темной и расслабляющей тюрьмой, не Прокрустовым ложем, нелепым и в такой же мере унижительным, а напротив, благотворным климатом для его предельного расцвета, высшим дополнительным данным, стимулирующим и расширяющим его за пределы всего, чего он только может желать.

Я верю не оттого, что понимаю; я верю также не вопреки разуму :

Я верю, что мой разум дает мне понять, что я могу верить и должен верить.

Нужно уметь сомневаться, где нужно, удостоверяться, где нужно, подчиняться, где нужно.

ГЛАВА VI.

ЦЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ.

И все-же, как-бы ни было глубоко уважение Церкви к человеческой природе, она нам повторяет без устали, что **лишь одно необходимо** : включить нашу жизнь в жизнь Христа, установить между Ним и нами тесную общность мысли и действия.

Самое удачное телосложение, самый живой ум, самые утонченные чувства, самое любящее сердце не стоят души, живущей в общении с Богом.

Без божественной жизни внутри нас, без благодати, мы можем метаться, сколько угодно : наши усилия остаются бесплодными.

Ибо без Меня не можете делать ничего. (Иоан., 15,5)

Как не можете вы из двух сторон построить треугольник, так не получите вы и цельного человека из тела и души, с тех пор как сверх этого Бог добавил к человеку Себя самого. Цельный человек — христианин. (Пусель, „Мое крещение“)

Заканчивая наш обзор вопросов, касающихся человеческой личности, нам и нужно вернуться к самому важному.

Мы уже говорили, что наша принадлежность Христу имеет две стороны :

Одна сторона, невидимая, это наше **включение в Его мистическое Тело**;

Другая сторона, видимая, это наша **принадлежность к видимому общению Церкви**.

Рассмотрим каждую сторону в отдельности, чтобы придти к некоторым практическим выводам.

I. ВКЛЮЧЕНИЕ В МИСТИЧЕСКОЕ ТЕЛО ХРИСТА.

Настоящая реальность.

Нет ничего реальнее воздействия на нас невидимого.

В области материальной, современная наука дает множество доказательств этого. Вот пример :

В тот самый момент, когда читатель читает эти строки, бесчисленное множество невидимых волн пробегают между его глазами и этой страницей. Со всех концов света они несут музыку, речи, известия, даже секретные распоряжения гражданских и военных властей!

Чтобы убедиться в этом гигантском вихре звуков, со всех сторон обрушивающихся на читателя, достаточно поставить между его глазами и этой страницей маленький радиоприемник и, включив его, покрутить по волнам различной длины. Невидимое станет тотчас доступным чувству!

Таким образом, верить в невидимое в XX веке — немудрено и вполне естественно.

В области духовной, божественная жизнь распространяется по всей земле, как радиоволны, не материально, но столь-же реально, как они, и столь-же таинственно..

Как мы говорили, самое важное — уловить эту жизнь, идущую к нам, принять благодать, прилепиться к Христу, стать живою клеткой Его мистического Тела.

Эта **идея** до такой степени **не устарела**, что коммунисты, извратив ее, приняли ее на свой счет.

В официальных документах КПСС говорилось не раз, и до последней войны, и после, что :

Ленин умер, но продолжает жить в каждом члене партии, вся партия это — коллективное продолжение Ленина.

Устраняя только имеющийся здесь пантеистический элемент, христиане и говорят с своей стороны :

— Христос жив, Он продолжает жить в каждом члене Своего мистического Тела, вся всемирная христианская семья есть продолжающееся коллективное воплощение Христа.

Итак, с одной стороны — чисто символическое продолжение жизни Ленина, тем более „мертвого”, что его поклонники распространяют учение, согласно которому человек совершенно уничтожается смертью.

С другой стороны, — постоянное присутствие Христа, со времени Своего воскресения более живого, чем когда-бы то ни было !..

Духовная жизнь.

Бог постоянно действует в нас Своею благодатью, поэтому необходимо уметь замечать Его действие.

Обращать внимание на это присутствие и действие Божие — это и называется на духовном языке **иметь внутреннюю жизнь.**

Таким образом, тот живет внутренней жизнью, кто сознает в себе присутствие Божие и старается согласовать свои мысли, слова и действия с этою обитающею в нем реальностью.

Живя во плоти, мы и своим внутренним взглядом ищем возможности воплощенного существа; поэтому мы представляем себе Бога скорее всего в **человеческом образе Христа** и свою внутреннюю жизнь понимаем, как близость с Христом.

Поэтому смысл внутренней жизни может быть в конце концов сведен к простому призыву : „ С Тобою, Господи ! ” (*)

Завершение благочестия, смысл его существования и его конец — это близость с Богом. Между тем, эта близость удается лишь сравнительно немногим душам. Многие считают ее невозможной; почему это так ? Основная причина в нашей привычке думать о Боге как об отсутствующем. Могу-ли я сблизиться с тем, кто никогда не со мной ? Близость предполагает присутствие...
(Р. Плюс, „ Бог в нас ”)

Призванные продолжать на земле дело Христа, мы как-бы только управляем тем, что принадлежит Ему : вместе с Ним мы обходим Его поля, показываем, что мы сделали для увеличения урожая и что еще остается сделать, не скрываем от Него допущенных нами ошибок и у Него спрашиваем совета и указаний.

Вот как следует нам жить с Богом и молиться Ему, но внося при этом в наши отношения с Ним доверие и непосредственность, которые будут возрастать тем более, чем теснее будет наша внутренняя связь с Ним.

Мир как оправа внутренней жизни.

Все души, имеющие волю, призываются к постепенному восхождению на этот уровень, где Бог перестает быть далеким и недоступным и становится близким и отеческим.

Было-бы ошибкой считать, что одиночество есть то нормальное состояние, которое указывается нам Богом для того, чтобы так Его познавать и любить.

Напротив, воля Божия в том, что вся совокупность христиан должна оставаться **в мире** и здесь достигать внутренней жизни.

Отче, не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла... Освяти их истиною Твоею.

(Ио. XVII, 15, 17)

(*) В действительности, Христос, как мы говорили, пришел для того, чтобы мы знали и любили Его Отца. Но и тут, мы преимущественно со Христом придем к Отцу.

Конечно, это требует от нас **упорного сосредоточения**, привычки к размышлению. Действительно, совсем не так просто принадлежать к Царству небесному, которое не от мира сего, и в то-же самое время жить в этом мире; совсем не так просто прилепиться к Богу и в то-же время пользоваться материальными благами.

Эта проблема тем более сложна, что мир, в котором мы живем, организован так, что он ведет нас к забвению Бога. Вместо того, чтобы возвышать нас к Нему, мир Его игнорирует; газеты, кинематограф, радио, государство весьма редко говорят нам о Боге; все вокруг нас организуется так, как если-бы Бога не было и Спасение никогда не приходило (*).

Христианство не от мира; но оно в мире, и только освящая мир оно его спасает... Включенное в мир, находящийся в постоянном процессе становления, постоянно опять выпускаая из рук то, что едва только было им спасено, оно все время должно начинать снова свою изнурительную работу. Сам Иисус Христос предвидел эту бесконечную муку и Он не простил-бы Своим ученикам иллюзии, которой они порой поддаются, будто мир, наконец, стал христианским навсегда.

(Э. Жильсон, журнал „Эспри“, 1947)

Не приходится этому удивляться: мир не принял Христа; как Христа, он не принимает и христиан; для него они — сторонние и он на них смотрит с любопытством или безразличием, как на монету, не имеющую хождения!

Такова проблема, решать которую приходится каждому христианину: жить с Богом в мире, не допускающем Бога, действовать по-христиански в мире не христианском. Чтобы выйти победителем из этого испытания верности, ему дается благодать.

Обычные занятия как орудия внутренней жизни.

Было-бы ошибкой думать, что духовное совершенство, к которому нас призывает Бог, должно состоять в свершении исключительных дел.

Нет: по воле Божией, любое из наших обычных занятий составляет средство к усилению нашей внутренней жизни.

Заботы домашней хозяйки, ответственность директора пред-

(*) Под **миром** мы понимаем организацию, которую люди создают для себя, не считаясь с Богом. Такая организация может иметь положительные стороны и успешные достижения; но в целом она будет неизбежно порождать зло и нарушение подлинного порядка вещей.

приятия, страдания больного, занятия студента — не препятствия к развитию внутренней жизни; напротив, все это — пути, которыми Бог все больше дает нам Себя.

Как жители Назарета, ожидавшие Мессию, окруженного славой и светскими успехами, и не оказавшиеся в состоянии узнать его в плотнике, которого они встречали каждый день, мы склонны вообразить, что благодать должна с громом войти в нас и в мир... И как современники Христа, входя в Его мастерскую, слышали только скрип рубанка и в этом слишком уж земном звуке никак не могли различить голоса Божия, так и теперь каждодневные задачи с их действиями и шумами кажутся людям слишком обыденными, чтоб в них могло содержаться действие Божие.

Христос, живущий в нас, — не затворник, отделенный от внешних влияний непроеходимой преградой. Он принимает участие в конкретных условиях нашей жизни. Внешние события служат поводами для нашего спасения. Сами по себе, они не составляют помощи для внутренней жизни. Но они могут стать такою помощью. Бывает, что человек особо призван к тому, чтобы удалиться от мира и в более полном одиночестве говорить с Богом; но большинство людей имеет своею задачей использовать мирские элементы и вести беседу с Христом среди шума наших городов.

(Рош, „Христиане в миру”)

Ибо сам Христос сказал : „ Не всякий говорящий Мне „ Господи ! Господи ! ” войдет в Царство небесное, но творящий волю Отца Моего ”; таким образом, свою любовь христианин доказывает своими делами, подчиняя всю свою жизнь Божиему закону, судя обо всем соответственно замыслу Божию, без усталости внося свой собственный труд в дело творения и спасения.

Литургия как очаг внутренней жизни.

Мы говорили, что благодать дается, увеличивается или возвращается таинствами. Центральное таинство есть святая Евхаристия, в которой мы через литургическую жертву участвуем в деле искупления.

Участвуя в литургии, мы более личным и более сознательным образом включаемся в великий поток жизни, любви, прощения и единства, устанавливающийся между Богом и человечеством.

Мир, затронутый грехом, но затронутый и Христом, целиком возвращается к Богу в литургии. Хлеб и вино — одновременно плоды земли и плоды человеческого усилия : Святые Дары представляют все творение и весь труд человечества.

(Ж. Муру, „Христианский смысл человека”)

В свою очередь мы приобретаем при этом увеличение в нас божественной жизни и укрепление наших связей с Богом : „ Яду-

щий мою плоть и пьющий Мою кровь — говорит Господь — пребывает во Мне, и Я в нем” (Ио. VI, 56).

Обедня, так понимаемая и переживаемая, очевидно, уже не является второстепенным эпизодом нашего дневного или недельного времяпрепровождения; она — высший **акт**, определяющий всю нашу жизнь, **центр**, к которому сходится наша вчерашняя деятельность и от которого исходит свет и сила для нашей деятельности сегодняшней.

Она — **очаг**, от которого излучения Христа распространяются, через наши каждодневные действия, в мире, призванном во Христе вернуться к Отцу.

II. ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ВИДИМОМУ ОБЩЕНИЮ ЦЕРКВИ

Мы видели, что Христос видимым образом продолжается на земле в Своей Церкви и что Он дал Церкви власть учить, освящать и направлять тех, кто Ему принадлежит.

Вне Церкви нет спасения.

Принадлежать к видимой Церкви есть единственный способ принадлежать Христу. Есть только один Пастырь : Христос; есть только одна овчарня : Церковь.

Иными словами : „**Вне Церкви нет спасения**”.

Необходимо, однако, напомнить, что по собственному представлению Церкви многие люди принадлежат к ней фактически, хотя внешне и формально не выражают этой своей принадлежности.

Действительно, Церковь учит, что Христос может давать Свою благодать не только через таинства, которые ей вверены; можно-ли представить себе, например, чтобы Бог отказывал в благодати язычнику, никогда не слыжавшему о Христе и о Церкви и тем не менее живущему в полном согласии со своей совестью ?

Церковь — единственный ковчег спасения, вне которого погибнет всякий, кто в него не войдет. Однако, следует также считать несомненным, что жертвы непреодолимого незнания истинной религии не несут от этого никакой вины перед Богом. А затем, кто приписал-бы себе право установить пределы этого незнания ?

(Папа Пий IX, 1854 г.)

Покоряясь Богу, стремясь исполнять Его волю в той мере, в какой они ее знают, такие души тем самым примыкают фактически к видимой Церкви Христовой. Они несут в себе любовь

ко всему делу Божию, даже, если они не знают о пришествии Христа на землю, даже, если они, зная о Воплощении и Искуплении, не поняли воли Христа основать видимую Церковь и собрать всех Своих под посохом единого Пастыря.

Это незнание может быть таким, что эти души думают защищать Христа, нападая на Церковь; и в силу этого, немало нынешних противников Церкви будут спасены, потому-что они фактически включились в то самое дело, которое они думали разрушить.

Но верным остается, что Христос выразил Свою волю установлением видимой Церкви; Он считал ее необходимой для обеспечения, при нормальных условиях, спасения и освящения своих. Потому-что „возможности, предоставляемые Церковью для использования доброй воли, — огромны; они позволяют божественной жизни в душе развиваться гораздо дальше и гораздо быстрее; они дают этой душе обеспечение от серьезных опасностей” (Сертильанж, „Катехизис неверующих”).

Дух активного послушания.

Но если „вне Церкви нет спасения”, то **внутри** Церкви спасение еще не обеспечено. Недостаточно внешне принадлежать к Церкви, присутствовать при богослужениях, принимать таинства; недостаточно даже соглашаться с церковными догматами; нужно также повиноваться Церкви, когда она предписывает те или иные правила поведения.

В любом **оркестре**, каждый музыкант должен повиноваться дирижеру, даже, если он не согласен с тем, как исполняется данное произведение. Если каждый начнет играть в том ритме, какой ему нравится, получится уже не симфония, а какофония! Тот, кто не желает повиноваться, может уйти.

Каждый летчик в **эскадрилье** обязан повиноваться командиру, даже, если он не согласен с тактикой, принятой для атаки.

Не обладая безошибочностью, дирижер и командир эскадрильи имеют, таким образом, право требовать повиновения.

Так-же дело обстоит и в Церкви, являющейся организованным обществом: она имеет право требовать повиновения, даже тогда, когда ее решениям не обеспечена безошибочность. Чтобы повиноваться начальнику, нет надобности быть уверенным в его безошибочности.

Таким образом, тот, кто хочет быть членом Церкви, должен ей повиноваться; если он отказывается в повиновении, ему остается выйти из общения, отлучить себя от Церкви.

Иными словами, недостаточно **верить** в то, чему Церковь учит, нужно еще **повиноваться** тому, что она предписывает. Духа веры недостаточно; требуется еще дух послушания.

„Слушающий вас, Меня слушает”, сказал Христос; ограничиваться принятием истин веры, не считаясь в то-же время с практическими указаниями Церкви, значит извращать Его мысль.

Дух апостольства.

Как и Свои страдания, дело распространения Своей истины Христос не пожелал взять на Себя одного.

Чтобы „благая весть” передавалась каждому поколению и каждой душе, Он обратился к Своим ученикам; Он поставил им задачу **продолжать** Его собственную проповедь и пропитать весь мир божественной жизнью. Сами выражения, в которых Он говорил об апостолах, указывают на это призвание: „Вы свет мира, соль земли, закваска в тесте”.

Таким образом, быть **христианином** значит быть **апостолом**.

Для подлинного ученика Христа, быть **апостолом**, — не фантазия, а долг. По самому своему существу, христианин это — человек, свидетельствующий об определенной истине, ее „исповедующий”, как исповедовал сам Христос: „Кто исповедует Меня перед людьми, того и Я исповедаю перед Отцом”.

Да и может-ли быть иначе, раз христианин участвует в самой жизни Христа, стремящейся к распространению и росту? „Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал-бы, чтобы он уже разгорелся”...

Может-ли христианин не участвовать в этом безбрежном стремлении Церкви, к которой он принадлежит и которая, будучи по праву вселенской, старается всюду утвердить царство Христа?

И разве заповедь **любви к ближнему** не равносильна этому возложенному на нас долгу приводить людей ко Христу?

Таким образом, каждый человек, получая благодать, вместе с тем получает повеление ее распространять, как на пасхальной заутрене человек, зажегши свою свечу, наклоняет ее к соседу, чтобы тот мог от ее пламени зажечь свою. Таинство миропомазания имеет свою особую целью вселить в христианина этот апостольский дух.

Мы хотим быть Одно с Тобою в Твоем великом деле Спасения; вот тайна славы — быть с Тобою спасителями душ, в Твоей жертве поклонения и хвалы, обращенной к Твоей Вечности любви.
(Леон Блуа)

Христианин должен быть динамичным — в нем должна быть покоряющая сила. Великий грех современных католиков в том, что они слишком часто бывали статичны, т.е. думали, что им достаточно сохранять веру, не развивая ее, или защищать ее без обязанности ее распространять, повиноваться Церкви без обязанности с нею сотрудничать.

(Ж. Леклер, „Уставная жизнь”)

Христианин призван участвовать во **всемирном** деле, в единении со всеми последователями Христа, — во **вселенском**, т. е. всеобъемлющем деле.

В наши дни, „Католическое действие” — „католическое” т. е. „вселенское”, потому что таков точный смысл этого слова, — означает, однако, более определенную форму деятельности, которую нужно уточнить.

За последние полтора столетия, антихристианский дух медленно разлагает общественное здание, упорным усилием Церкви воздвигнутое на христианских основах. Философский и политический либерализм, равнодушие, чаще всего скрывающее враждебность, отделение Церкви от государства и иные события поколебали христианский мир.

По всему миру распространилась волна материализма и ничто не ускользает от ее тлетворного действия, — ни личность, ни семья, ни общество.

Чтобы бороться с этим злом и восстановить права Христа, Церковь располагает численно недостаточно сильным духовенством; с другой стороны, определенные общественные круги оказываются закрытыми для прямого воздействия священника.

В силу этого, Церковь обращается к мирянам и напоминает им их апостольское призвание. Находясь на грани двух миров, сверхъестественного и материального, они представляются Церкви в наибольшей степени приспособленными к тому, чтобы вводить благодатное начало во всю совокупность человеческой жизни, воплощать божественное в человеческом и все возродить во Христе.

Естественно, что в этой апостольской деятельности, за которую отвечает вся Христова Церковь, миряне должны оставаться в непосредственной зависимости от церковных властей, находя у духовенства ту духовную поддержку, которая поможет им жить и действовать в соответствии с подлинным духом Христа.

Таким образом, „Католическое действие”, каким оно было задумано папою Пием XI, представляет собою мобилизацию всех мирян, обладающих доброю волей, которые сами организуются в одно единственное объединение и полностью и безоговорочно ставят себя в зависимость от своих епархиальных церковных

властей, чтобы помогать им в деле проникновения божественного в человеческую жизнь.

В Церкви нет двух групп, из которых одна — духовенство — была-бы активной, а другая, состоящая из массы мирян, была-бы пассивной. Нет, каждый член Церкви призван к активности.

Чтобы быть христианином, недостаточно быть записанным в церковной ведомости при крещении; нужно служить Христу всем своим существом, быть Его воином, или, если можно так выразиться, Его „ активистом ”.

А для этого жизнь Христа, Его учение и учение Церкви должны войти в наши плоть и кровь, в наш дух, в нашу волю.

Нужно быть верным Христу, верным любовно и безоговорочно.

Только так может осуществляться идеальный человеческий тип, каким он должен быть по замыслу Божию.

Только так можно спасти и развивать в полной мере, на благо человечества, все человеческие ценности.

V

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ВВЕДЕНИЕ.

В этой последней части книги речь идет об огромном и плодотворном усилии по конкретному приложению католической Церкви к конкретным условиям современного Запада основных принципов ценности личности, справедливости, соответствующего самой природе вещей плюрализма экономических форм и т. д. Этими принципами всегда и везде будут вдохновляться любые правильные решения, хотя практически эти решения по необходимости будут выглядеть весьма различно в зависимости от того, приходится ли исходить из частного или из государственного капитализма.

Например, если принцип социального мира всегда остается неизменным, то его применение, намеченное в отношении предпринимателей (хозяев) и рабочих, уже не оказывается приложимым, когда речь идет об отношениях между рабочими и хозяйственно-технической бюрократией, фактически держащей предприятие в своих руках.

Хотя картина хозяйственно-экономической и социальной жизни на Западе и картина той же жизни в современной России представляет собою как бы полные противоположности, но на деле столкновение производственных отношений со свободной личностью рабочих создает все ту же картину. Разница лишь в том, что место владельца и частного капитала здесь занимает государство и государственный капитал, а произвол частно-владельческих отношений к рабочему занимает произвол всемогущей бюрократии, к тому же еще скованной идеологической линией, в силу чего рабочий оказывается под тройным прессом государственного капитала, бюрократии и общеобязательной идеологии.

В учениях отцов Церкви в отношении к социально-экономическим и государственным проблемам много оттенков в зависимости от их мирозерцания и от свойств их литературного таланта. Но в большинстве их следует признать всегда стоящими за трудящихся и обездоленных.

Для ознакомления с деталями этой проблемы мы можем здесь указать на превосходную книгу Аббата Зейпеля «Социально-экономические воззрения отцов и учителей Церкви».

Следует отметить, что наиболее значительные представители русской религиозно-философской мысли XX века прошли путь, который можно характеризовать заглавием известного сборника

появившегося в 1904 году «От марксизма к идеализму». Хотя эти авторы в плане религиозном и метафизическом заняли позицию совершенно противоположную Марксу по той причине, что отсталость, примитивность и грубость материализма не только не могли их удовлетворить, но вызывала сатирическое отношение к себе, они все же остались навсегда друзьями рабочих, врагами эксплуатации и сторонниками самодовлеющей ценности личности, независимо от какой бы то ни было социально-экономической зависимости или государственного строя.

Булгаков в таких книгах как «Философия хозяйства», «Два града», «Свет невечерний». Бердяев в *sub specie aeternitatis* и Н. Федоров в своей книге «Философия общего дела» считают, что вся техника и материальное творчество в качестве цели должны иметь новое небо и новую землю и всячески способствовать осуществлению эсхатологического замысла Божия о новой твари.

Что же касается основного вопроса участия рабочих в предприятии, эта тема была разработана католическими социологами на Западе и она продолжает занимать их и теперь. На русском языке смотреть фундаментальный труд В. Ф. Тотемьянца «Копартнершип», Москва 1916 г. В. Ф. Тотемьянц является одним из предшественников так называемого солидаризма, который в социально-экономической проблематике стремится заменить бесплодную борьбу классов их сотрудничеством и солидарностью.

Среди солидаристов следует назвать С. Утехина и С. Левицкого.

Среди нынешних вершин социально-экономической науки следует еще назвать недавно скончавшихся Л. Визе и П. Сорокина. Л. Визе так же как и Вернер Зомбарт и Георг Зиммель, пытался — не без плодотворных результатов — дать синтез современной культуры в области социально-экономической проблематики. Он искусно стал по ту сторону (вне) борьбы классов, заменив эту уже стареющую в науке точку зрения изучением социально-экономических явлений по существу, не прибегая ни к какой скрытой или открытой политике. Основной его труд Социология напечатан на немецком языке.

Научные интересы П. Сорокина идут по двум основным руслам: стремление по возможности беспристрастно взять социальную проблематику в ее историческо-генетическом аспекте, т. е. изучить состав современной классовой борьбы и структуры классов на основе их истории. Второе русло есть уже упомянутая социальная феноменология взятая в ярко выраженном христианском плане. К сожалению важнейшие его труды изданы в Америке и не переведены еще на русский язык.

НОВЫЕ ОБЩЕСТВА

Только человеческая личность имеет на земле абсолютную ценность : она одна имеет вечное предназначение.

Все остальное — для человека.

Даже видимая **Церковь** с ее таинствами, кадрами и властью...

Даже Христос : как человек, Он для людей. Второе Лицо Пресвятой Троицы воплотилось только для них, „нас ради человек ” как говорится в Символе Веры; чтобы служить, а не чтобы Ему служили.

То же можно сказать и о всяком **человеческом обществе** : не для него существуют его члены, а оно для них.

Таково католическое учение.

Человеческие общества.

В самом широком смысле слова, общество есть прочное объединение нескольких волей устремленных к единой цели.

В силу своей природы, человек принадлежит всегда к двум, так называемым **естественным** обществам : к **семье** и к **Государству**. (*)

Все прочие общества основываются на договоре между людьми : они свободны.

Семья.

Богу угодно, чтобы **два существа** соединялись дабы с Его помощью рожать и растить детей, помогая при этом друг другу в развитии своей собственной личности.

Ради этой цели, Он установил **домашнее общество** или **семью**.

(*) Существует еще третье общество : человеческое общество в целом, или **Человечество**. В самом деле, оно отвечает основным условиям всякого общества, имея Бога в качестве главы, естественный закон в качестве устава и верховное благо в качестве цели. Это объединение всех людей, объединенных общностью своей природы и содействующих друг другу в выполнении своего предназначения. Это „общество ” все более организуется, как это будет показано ниже.

Миссия родителей не заканчивается с рождением ребенка : им вменяется в долг завершение начатого дела, за которое они несут ответственность перед Богом и людьми. Их миссия закончится лишь когда они сделают из ребенка взрослого человека.

Для выполнения этой обязанности, родители располагают **правами** обусловленными их долгом.

К этому вопросу мы еще вернемся.

Государства.

Естественным образом люди объединяются для взаимопомощи.

В самом деле :

1) Человек может пользоваться своими правами лишь располагая известной свободой действия. Алчность и насилие других людей может посягать на эту свободу. Поэтому человек стремится объединяться с другими людьми для защиты своих прав.

2) Предоставленный самому себе и располагая лишь своими собственными средствами, он может удовлетворять лишь весьма несовершенным образом свои многочисленные нужды и свои законные устремления. Наоборот, объединение с другими людьми дает возможность распределять роли, учитывая силы и способности, равно как и потребности каждого.

3) Наконец, земная миссия каждого человека обязывает его способствовать прогрессу всего мира соответственно замыслам Божиим, осваивать скрытые богатства вселенной и обеспечивать земное и потустороннее благополучие его ближних. Это задание требует содружества в труде.

Отсюда стремление человека объединяться в общества более обширные нежели семья или даже профессиональные объединения.

Необходимость создания такого общества обуславливается потребностями человеческой природы и миссией, доверенной Богом людям : оно, следовательно, угодно Богу, и человек не может тем самым от него отстраняться.

В течение веков, это общество принимало все более и более сложные формы по мере развития отношений между людьми.

Сначала личности объединялись в кланы и племена; затем, когда кочевники стали оседлыми, они стали создавать деревни и города. В свою очередь города стали объединяться под властью князя.

Постепенно образовались общества еще более обширные : родились **Нации**, объединенные общностью происхождения, язы-

ка, традиций, устремлений и интересов; общее достояние, общие воспоминания, общая слава, общие беды создавали часто тесную солидарность между их членами.

Там, где нации могли располагать собой, они приняли форму **Государства**, т. е. прочных организованных объединений, имеющих собственную власть и свои законы.

Большинство современных общественных объединений являются в настоящее время Государствами.

Но, поскольку отношения между людьми становятся все более и более интенсивными, люди естественно ищут преодоления этой стадии, как их предки искали преодоления узких рамок кланов и городов. Они стремятся к более обширному объединению, включающему, по возможности, все человечество, не отказываясь однако от всех черт свойственных предыдущим организациям.

Благодаря печати, кинематографу, радио, и телевидению, жители самых отдаленных стран участвуют одновременно в одной и той же жизни. Они слышат те же речи, узнают о тех же событиях, обсуждают те же идеи. Последствия этого не заставили себя ждать. Мало по малу обособленные цивилизации уступают место общечеловеческой цивилизации. Впервые мир достигает единства. Впервые также он сознает это.

(Кардинал Сюр, Великопостное послание, 1947)

Хотя слова „гражданин” и „гражданское общество” являются пережитками частично пройденной стадии (стадии „города”), мы сохраним их для обозначения того естественного человеческого общества, о котором здесь идет речь.

Это общество установлено для человека : его долг — способствовать осуществлению земных обязанностей человека. Государство создано для личности, а не личность для Государства.

Но чтобы выполнять свою миссию, Государство должно пользоваться известными **правами**; мы рассмотрим их ниже.

Новые общества.

Со времени пришествия Христа, естественные общества — семья и Государство — приняли новый характер.

Брак, основывающий семью, стал таинством : новая жизнь наполняет следовательно семейное общество, или, по крайней мере, христианскую семью.

Рядом с Государством возникло духовное общество : Церковь, которой Христос завещал помогать людям на их пути к вечности. Новое положение создалось таким образом, последствия которого нам надлежит рассмотреть.

Начнем с более подробного изучения **семьи и Государства**.

I. ДОМАШНЕЕ ОБЩЕСТВО ИЛИ СЕМЬЯ

Ряд **ложных представлений**, господствующих, увы, во всем, что касается семьи, подготовки к браку, супружеской любви, не-расторжимости брачных уз, рождения и воспитания детей, повинны, по крайней мере в значительной степени, в том смятении умов, которое человечество переживает в настоящее время.

Газеты, иллюстрированные журналы, книги, фильмы, театры, радио — все современные орудия пропаганды широко распространяют эти ошибочные понятия, вносящие глубокое расстройство в жизнь многих людей.

Все эти проблемы могут быть разрешены правильно и безболезненно **одним только путем** : решение их дано Богом и преподается Церковью.

A. ЗАМЫСЕЛ ПРОВИДЕНИЯ.

Замысел Провидения может быть сведен к нескольким принципиальным положениям :

1) В этом мире, Бог не творит один то, что Он может творить **сообща с другими**.

Напомним то, что уже было сказано выше : мир был создан в незаконченном виде. Каждая тварь и человек в особенности призваны завершать его создание.

На наших глазах, вселенная постоянно обновляется без прямого вмешательства Творца : вот поле, где пшеничное зерно произросло и где теперь развиваются колосья; вот малиновка, собравшая былинки и выующая из них свое гнездо; вот расцветший колокольчик, уже несущий семена; вот, высоко на небесах, солнце, дарующее свет и тепло...

2) Дабы привлечь все твари к сотрудничеству с Собой, Бог вложил в них инстинктивные устремления, побуждающие их действовать в определенном смысле.

Пшеничное зерно, малиновка, колокольчик, солнце действуют, повинуюсь именно этим, глубоко заложенным в них силам.

В частности, живые существа (растения, животные, люди) ощущают инстинктивную потребность совершать целый ряд актов, направленных не только к самосохранению (они дышат, питаются, защищаются), но и к продлению рода, к передаче жизни.

Их организм приспособлен Богом к исполнению этих задач.

Поскольку эти инстинкты от Бога, поскольку Он вложил их в свои создания, эти инстинкты совершенно чисты. Ни в одном из них нет ничего нездорового или порочного.

3) Дабы обеспечить продление рода человеческого — и большинства пород растений и животных — Богу угодно, чтобы **два существа** соединялись и сотрудничали с Ним в передаче жизни.

Он вложил в них инстинкт сближения — влечение, которое мы называем **любовью**, влечение как физическое так и духовное, в силу которого два неоднородных существа стремятся сбиться и соединиться друг с другом.

Само собой разумеется, что это чувство честно и чисто.

Человеческая любовь не нарушает следовательно, замысла Создателя: напротив того, она исходит от Бога и, правильно понятая, ведет к Богу; она теоцентрична по существу, потому что призывает человека принять участие в Божием начинании.

Тем самым, было бы величайшей ошибкой видеть в человеческой любви и в ее естественных последствиях, инстинкт удаляющий нас от Бога и несовместимый с любовью к Нему.

4) Дабы созданные им существа охотно участвовали в Его творческом деле и дабы вознаградить их за их сотрудничество, Бог сопровождает обычно **внутренним удовлетворением** осуществление естественных и инстинктивных тенденций.

Возьмем, например, **питание**. Если бы наша пища была бесвкусным месивом, мы бы не стали питаться как следует.

Но Бог есть любовь и творит только из любви. Ему угодно, чтобы наш труд вознаграждался имманентной наградой. Именно Он, а не люди и злые духи, наполнил апельсины живительным соком и персики — сладостью; именно Он дал вкус вину и наполнил ароматами наши яства.

Мир со всем что мы любим в нем, есть дом нашего Отца. Как хорошо накрыт стол! Как разнообразны блюда! Неприлично было бы брезгать ими!

Мы не имеем, следовательно, права считать неважным, ненужным или даже вредным, то, что Бог создал для нашей радости.

То же можно сказать и о **передаче жизни**.

Появление ребенка влечет обычно для семьи расходы, заботы, трудности и страдания; но Богу угодно, чтобы, давая жизнь, человек ощущал удовлетворение и радость, и притом не только духовного, но и физического порядка; ибо, не будем забывать, что человек одновременно и дух, и плоть.

Конечно, душа должна сохранять господство над слепыми, а потому часто беспорядочными, влечениями тела; конечно, духовные устремления должны преобладать над удовлетворением плоти; конечно, человеку следует иногда воздерживаться от дозволенного, дабы не забыть своего долга и не превзойти границы своих прав.

Но следует почитать совершенно чистыми все плотские удовлетворения сопровождающие передачу жизни. Бог даровал их нам и отказываясь от них мы противились бы Его замыслу.

Видеть в этих радостях лишь уступку, неохотно сделанную нам Творцом значило бы не верить во Всемогущество Его отцовского Промысла.

5) Однако, создав человека **свободным**, дабы он мог с любовью участвовать в созидании мира, Бог дал ему, тем самым, возможность злоупотреблять инстинктивными задатками его тела.

Вместо того, чтобы пользоваться своим разумом и своей волей дабы владеть своими инстинктивными устремлениями, человеку свойственно, подчас, отдаваться им всецело, забывая, для какой цели они ему даны, и стремясь извлечь из них возможно большие удовольствия.

Так поступает, например, **обжора**, находящий удовлетворение лишь в еде. Пища перестает быть для него средством для поддержания жизни : она становится самоцелью. Он стремится лишь услаждаться ею, хотя бы во вред своему организму.

Так поступает и **скупой** : испытывая законное удовлетворение в обладании денег, он ограничивается этим и не думает о том, чему эти деньги должны служить.

Так поступает, наконец, и **нечистый** человек, ищущий ради них самих и в неестественных условиях те радости, которые по воле Божией связаны с воспроизведением рода. В таких случаях, эти радости, сами по себе положительные, становятся на деле дурными.

В этой области, предписания католической морали являются следовательно, вполне логичными :

а) **до брака**, она запрещает человеку искать плотских радостей : они даны ему для передачи жизни. Они допустимы, следовательно, лишь в союзе двух существ и в рамках общества, достаточно прочного чтобы воспитание ребенка, рождающегося из физического союза двух существ, было обеспечено. Тем самым все попытки удовлетворения полового инстинкта вне этих условий оказываются оторванными от цели, ради которой возможность этого удовлетворения нам дарована.

Именно в отвлечении человеческих способностей от их естественного предназначения и состоит самое существо греха.

б) **в законном браке** удовлетворения плоти соответствуют предначертаниям Божиим и являются, следовательно, совершенно чистыми, если только супруги не стремятся воспрепятствовать возможному зачатию ребенка.

б) Бог доверил вступающим в брак особую миссию в отношении к ребенку, естественному плоду их союза. Для этой цели им дарованы особые свойства, как физические так и духовные. особые наклонности и повадки.

Мужчина призван прежде всего заботиться о материальных нуждах семейного очага и защищать его. Судьба его — действовать во внешнем мире; он должен открывать и осваивать силы природы, строить, создавать, организовывать, трудиться дабы обеспечить существование семьи. Потому и нрав его естественно суров, как и черты его лица, и его голос; он, инстинктивно, неуступчив и стоит за свои права.

Но в борьбе необходима передышка и потому мужчина ищет существа, способного понять его и оказать ему поддержку. Женщина, для которой муж является как бы первым ее ребенком, может дать ему то, в чем он нуждается.

Бог создал в мужчине эту потребность и Он же дал ему возможность найти удовлетворение в присутствии и любви подруги.

Иное назначение дано Создателем **женщине** : ее призвание — материнство. Она вся направлена во внутрь, к очагу, к колыбели. Даже физически она сложена ввиду ребенка.

Привязанная к очагу и к колыбели, она располагает всеми свойствами необходимыми для этого призвания : у нее тонкие черты лица, ее голос нежен, ее движения деликатны; она привязана к мелочам и любит слабых. Она создана чтобы уступать хрупкому существу и потому она легко жертвует собой, легко поступает своими правами и своими удобствами; ей свойственно самоотречение.

Она повинуется голосу сердца более, чем голосу разума. Она естественно смотрит на вещи с точки зрения чувства : в этом ее богатство и ее слабость.

Но она чувствует — с очень ранних лет — что сможет выполнить свою задачу лишь связав свое существование с сильным существом, способным руководить ею, защищать ее и оказывать ей поддержку. Она стремится найти человека могущего взять на себя ответственность за ее жизнь и за жизнь ее детей.

Это чувство неполноты создано в женщине опять таки Богом и именно Он дает ей возможность найти равновесие благодаря присутствию и любви мужчины.

Ребенок, появление которого еще теснее связывает семью, является слабым существом, нуждающимся в опеке. И чем более мы вникаем в детскую психологию, тем более восхищаемся мудростью Господней, даровавшей обоим окружающим его существам различные дополняющие друг друга качества. В самом деле : отец развивает в ребенке более всего волю, мать — более всего сердце. Отец олицетворяет власть и закон, мать приспособляет то, что диктует чистый разум.

Если отец или мать умирают, оставшемуся в живых почти невозможно заменить целиком другого в его воспитательных функциях. Сироте всегда будет чего-либо недоставать.

Нормально, ребенок должен воспитываться среди своих братьев и сестер. Если в силу эгоизма родителей, он остается единственным ребенком, это почти всегда сказывается в дальнейшем на его мышлении и поступках.

Б. ПОДГОТОВКА К БРАКУ.

Бог заблаговременно prepares нас к выполнению предстоящих нам обычно обязанностей семьянина.

Правда, до двенадцатилетнего возраста это ни в чем не проявляется.

Но примерно в этом возрасте, немного раньше у девочек, немного позже у мальчиков, намечаются глубокие перемены — перемены физические, но сильно сказывающиеся на их психике.

Инстинктивно, мальчик отдаляется от своих сестер и начинает предпочитать им своих товарищей. Он увлекается играми, требующими решительности, смелости и силы; он мечтает о подвигах; он старается быть грубоватым; он избегает сентиментальных проявлений дружбы.

Напротив того, девочку отталкивают резкие манеры ее братьев. В эти годы она ощущает особенно остро потребность в дружбе и сближается с подругами, всячески выражая им свою привязанность.

Это расхождение между мальчиками и девочками угодно Богу : и те, и другие должны идти своей дорогой, развивая свои особые свойства.

Девочка легко обретает физическое и духовное равновесие. Дабы оставаться чистой, ей не приходится обычно вести борьбу со своей плотью и своими чувствами (*). Таким образом ее юность протекает весело и жизнерадостно : она постоянно смеется. Бог хранит ее до того дня, когда замужество наложит на нее трудные обязанности матери.

Что же касается **подростка**, то ему приходится сплошь да рядом сражаться за свою чистоту. Уча его властвовать собою, Бог готовит его к владычеству над миром.

Если развитие мальчика протекает нормально, т. е. в условиях своевременной (очень ранней) осведомленности о целях жизни, постепенного воспитания воли, серьезных и регулярных занятий и доверия к нравственным руководителям (родителям, духовному отцу, воспитателям), — его тревога быстро рассеивается, воля обуздывает инстинктивные запросы тела, его внутренний мир проясняется.

Но в **ненормальных** условиях развития, т. е. если подросток слаб здоровьем, если рост его оказался затрудненным, если он предоставлен самому себе и должен сам находить решение всех жизненных вопросов, если он неосторожно доверяется порочным друзьям, если он соблазняется вредными книгами и опасными зрелищами, тогда тревога его не проходит, а напротив того возрастает по мере того, как нравственные падения ослабляют его волю. Постепенно его охватывает отвращение к самому себе. И если тогда он не найдет в себе достаточно силы, чтобы взять себя в руки и довериться опытному советнику, он будет неминуемо подпадать все более и более под власть своих физических инстинктов. Сознание своей отверженности станет для него скоро невыносимым : он станет искать сообщников и превратится сам в соблазнителя, разрушая собственную жизнь и жизнь других.

(*) Увы, в наши дни это не всегда бывает так. Развитие девушек протекает часто в совершенно ненормальных условиях, порождающих самые пагубные последствия. То, что мы говорим о мальчиках, часто относится тем самым и к девочкам.

Юность является для молодого человека тяжелым испытанием, но он может выйти из него победителем, закаленный нравственно и физически, сохранив чистую совесть и душевную прямоту !

Но, как уже сказано выше, у подростка как и у девушки постепенно зарождается **ощущение неполноты**. По началу смутное, оно вскоре уступает место влечению к другому полу. Так осуществляется промысел Божий : Бог призывает молодых людей к продлению рода человеческого.

У **девушек чувственное** влечение к молодым людям сначала отсутствует или, точнее, не проявляется; но оно может быть возбуждено чтением соблазнительных книг, соблазнительным и преждевременным общением с мужчинами.

Обычно, они ощущают лишь влечение **духовного** порядка : им хочется быть отмеченными и любимыми, найти опору и защиту.

Дабы подготовить их к выполнению их женского долга, воспитатели должны не только воспитывать в них чувство собственного достоинства, но и ознакомить их исподволь и очень осторожно с физическими аспектами брака, здоровыми и законными по существу.

Напротив того, **чувственное** влечение принимает более или менее отчетливые формы у **молодого человека**, живущего в постоянной борьбе. Но он должен сохранять самообладание и развивать в себе возвышенное и **духовное** представление о любви и учиться видеть в ней единство душ и осуществление идеала.

В переходный период, ему не следует напрасно растрачивать свои молодые и еще неуравновешенные силы : пусть они развиваются спокойно ! Торопиться некуда : Бог вложил в него **жажду деятельности и жажду любви**, но удовлетворение их не должно быть преждевременным.

Зная, что влечение его к женскому полу естественно и соответствует предначертаниям Божиим, и присматриваясь к девушкам, с которыми ему случается общаться, молодой человек не должен оказывать ни одной из них видимого предпочтения, пока он не почувствует себя способным сделать разумный выбор и обеспечить прочность семьи.

Пусть он дожидается дня, когда основание семейного очага станет для него возможным и когда идеальный образ подруги жизни станет для него ясен. Лишь тогда настанет время выбирать !

Множество невесомых причин определяют этот выбор; но молодой человек должен помнить, что та, кого он избирает, должна обладать не только внешним очарованием, но интеллектуальными, моральными и духовными качествами, необходимыми для матери его детей.

Этот выбор будет сначала — сознательно — временным : период жениховства можно сравнить с периодом монастырского послушничества. Жениху дается срок ближе вникнуть в личную жизнь избранной им девушки и убедиться в том, что характеры, вкусы и запросы будущих супругов сочетаются гармонически.

В. Б Р А К .

Семья основывается юридически путем особого акта : бракосочетания. Рассмотрим справедливые требования, предъявляемые Церковью в этой области.

Брак - договор.

Брак есть договор, в силу которого два лица основывают естественное общество, т. е. семью.

Это есть **контракт**. Дабы брачный договор был действительным, он должен соответствовать всем условиям, предъявляемым к контракту.

Необходимо, например, взаимное согласие — нелицеприятное и свободное. Любое нарушение свободы — неосведомленность о целях брака, существенное заблуждение в отношении личности вступающего в брак лица, насилие, угроза — лишают брак действительности.

Кроме того, лица вступающие в брак, должны быть признаны к нему способными.

Это контракт **основывающий общество**. Он должен соответствовать природе и целям этого общества; мы увидим ниже, что семья требует единства и нерасторжимости.

Наконец, поскольку семья основывается в рамках более обширного общества, т. е. Государства, брачный договор должен учитывать естественные требования этого общества. Государство имеет, следовательно, право вмешательства в заключение брачного договора.

Брак - таинство.

Дабы отметить высокую ценность супружеского союза, Христос включил брак христиан в число таинств. Это — новый фактор, введенный Христом в семейное общество.

С тех пор, брак соседствует в ряду таинств с таинством священства. Священство обеспечивает внутри Церкви продление благодатной жизни; брак обеспечивает продление естественной жизни.

Для всех крещеных — а таинство брака, как все прочие таинства, предполагает предварительное крещение — брак является, следовательно, источником новой благодати.

Что же касается договора как такового, Христос не внес в него никакого нового юридического элемента (*).

Тем самым, когда речь идет о христианах, брак-таинство неотделим от брака-договора.

Брак церковный и брак гражданский.

Когда речь идет о **не крещеных**, вопрос о церковном браке не ставится, потому что таинство брака подразумевает крещение. В этом случае возможен только гражданский брак, заключаемый перед лицом Государства. Католическая Церковь признает следовательно действительность этого гражданского брака, при условии что требования естественного закона оказываются соблюденными. Ее юрисдикция не распространяется на такой брак.

Но когда речь идет о крещеных, ставится вопрос: **перед какой юрисдикцией брак должен быть заключен чтобы быть действительным ?**

В самом деле, следует иметь в виду, что взаимное и окончательное согласие может быть дано **лишь один раз**, хоть и может быть повторено.

При этом, брак-таинство **неотделим** от брака-договора; договор является одновременно и таинством.

Тем самым, следует признать, что Церковь, которая одна лишь совершает таинства, имеет право утверждать, что она одна уполномочена придавать **действительный** характер согласию

(*) Правда, Церковь требует нормально присутствия священника; но он является лишь официальным свидетелем, он лишь присутствует при бракосочетании. Вступающие в брак, путем взаимного согласия, сами совершают друг над другом таинство.

на брак, даваемому христианами; это согласие действительно лишь, если оно выражено в присутствии ее представителя.

Из этого следует, что согласно католическому учению, согласие даваемое христианами перед лицом гражданских властей, не обязывает их перед Богом.

Однако, Церковь рассматривает регистрацию брака гражданскими властями, как необходимую формальность, регулируемую перед лицом Государства гражданские последствия брака. Логически, эта формальность должна была бы совершаться после церковного брака; но, в миролюбивых целях, Церковь допускает, в некоторых странах, предварительную регистрацию брака.

Единство брака.

Церковь допускает брак лишь между **двумя лицами**; она оуждает многоженство и многомужество.

Поступая так, она, в сущности, утверждает лишь **естественный закон**, т. е. закон, основанный на учете требований созданной Богом природы человека.

Из нижеследующего явствует, что речь идет именно об **естественном законе** :

1. Супругам свойственно обычно признавать лишь союз **двух лиц**. В самом деле, разве любовь их не отмечена исключительностью? Разве она не выражается в формулах исключаящих третье лицо? Разве говоря : **я тебя люблю** мы подразумеваем другое : например : **я тебя люблю, но не отдаю тебе целиком**? И разве эта установка, свойственная огромному большинству бракосочетающихся, не выражает естественный закон?

2. Разве единственность брачных уз не необходима для обеспечения **полной солидарности и полного равенства между супругами**? Разве есть другой способ обеспечить **воспитание детей**? Разве раздробленность чувства не внесла бы в семью предпочтения и противоречия, пагубно отражающиеся на супругах и на их детях?

3. Наконец, разве приблизительно равное число мужчин и женщин, живущих на земле, не указывает ясно, что Богу угодно, чтобы брачный союз заключался лишь между одним мужем и одной женой?

Как бы то ни было, Христос определенно потребовал единства брака, сказав : „ Не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их и сказал : посему оставит

человек отца и мать и прилепится к жене своей и будут два одной плотью” (Матф. 19,4-5).

Вслед за Христом, Церковь требует, следовательно, единства брака.

Нерасторжимость брака.

Другим свойством брака является его нерасторжимость : это свойство имеет тоже естественный характер.

1. Говоря : **я тебя люблю** мы не хотим сказать : „ **я буду любить тебя два года или пять лет, пока не разлюблю** ”. Мы подразумеваем любовь до гроба.

Так рассуждают обычно любящие существа и такой подход является ценным аргументом в пользу нерасторжимости брака.

2. Рождение детей является естественной целью брака. Воспитание детей требует единения между родителями. Это явствует с очевидностью из того, что мы уже сказали о той роли, которую и отец и мать играют в воспитании ребенка.

Но нам возражат может быть : „ А что если брак остался бездетным или если дети уже стали взрослыми, или если несогласие между родителями вредно отражается на детях и подает им дурной пример ” ?

С этим возражением приходится считаться и потому, признавая ценность нашего второго аргумента, мы придаем ему лишь относительное значение. Но имеется третий аргумент, значительно расширяющий вопрос и подсказывающий более определенное решение.

3. Развод вносит глубокое расстройство в общественный порядок. Не доказывает-ли это необходимость нерасторжимого брака ?

В самом деле, согласно одному из прочно установленных принципов морали, все, что в случае обобщения нарушает или даже упраздняет общественный порядок, является тяжким и противоестественным проступком.

Так, если речь идет о краже, присвоение дневного заработка рабочего является тяжким проступком, потому что в случае если бы он стал обыденным явлением, общественный порядок пришел бы в глубокое расстройство. Тот же принцип применим и к клевете, и умышленному нанесению увечий, к обману и другим преступлениям.

В свою очередь, разрешение расторжения брачных уз внесло бы глубокое расстройство в общественный порядок.

Правда, еще сто лет тому назад было бы трудно подтвердить это утверждение фактическими доказательствами; но в наше время, когда развод распространен, легко доказать, как пагубно он отражается как на общественной, так и на частной жизни.

Конечно, поначалу власти стремились допускать развод лишь при наличии важных причин. Определить какие причины должны почитаться важными, так же невозможно, как сказать сколько зерен (100 ? 99 ? или 76 ?) нужно собрать, чтобы составила куча зерна. Фактически уважительными причинами для развода стали постепенно признаваться все менее серьезные причины и, наконец, и причины вовсе незначительные. Более того, браки стали заключаться с задней мыслью : неполадки, так разойдемся. Возможность развода ослабила брачные узы.

Доказав, что „строгая регламентация развода может воспрепятствовать злоупотреблениям” и что развод, не вызывая принципиальных возражений, является лишь вопросом организации”, Платиоль вынужден, однако, признать, что „возможность развода способствует расхождению супругов, которые, не будь этой возможности, оставались бы дружными или, по крайней мере, примирялись бы с необходимостью совместной жизни. Она подобна дымоходу, создающему искусственный сквозняк.

(Цитировано Леклерком „Семья” стр. 114-116)

Все добросовестные наблюдатели признают что основной причиной нынешней смуты является развод поражающий, как гангрена, семью — основную клетку общественной ткани.

Дерево судят по его плодам : развод, разрушающий общественный порядок, должен почитаться противоестественным.

Из этого следует заключить, что в целях общественного благополучия, брак должен быть нерасторжимым.

4. Правда, в силу прискорбного стечения обстоятельств, совместная жизнь становится иногда невозможной.

Однако, несчастные браки должны вызывать в нас жалость, лишь когда супруги невинны. Во всех других случаях, они расплачиваются за свои ошибки.

Напомним также, что в случаях **крайней необходимости**, Церковь разрешает разлучение супругов, не допуская, однако, расторжения брачного договора.

Добавим, наконец, что в этой области, как и во многих других, правильным решением должно почитаться то, которое де-

лает возможно большое число людей счастливыми и возможно меньшее — несчастными. Нет сомнения, что развод создает больше несчастных, чем расторгжимый брак.

Общественная организация, автоматически делающая всех людей счастливыми во всех отношениях, — ничто иное, как миф: ни одна из них не обходится без жертв. Самым совершенным общественным установлением является то, которое создает наименьшее число этих жертв. Послабление брачных уз создало бы больше несчастных, чем их усиление.

(Канонник Леклерк „Семья” стр. 116)

Корабль бросил якорь в порту, где один из пассажиров хотел бы высадиться. Это для него чрезвычайно важно. Допустим, что он стремится увидеться с умирающим отцом или должен присутствовать на суде, от которого зависит благосостояние его близких. Но на корабле обнаружены случаи чумы. Городские власти запретили высадку пассажиров, опасаясь заразы... Вот обстоятельства, при которых как справедливость, так и любовь требуют, чтобы частные интересы были принесены в жертву общественным. Таков руководящий принцип общества.

(Поль Бурже „Развод” стр. 26)

И опять таки, какова бы ни была ценность этих аргументов основанных на естественном законе, будем помнить, что Христос определенно потребовал нерасторгжимости брака, сказав: „Что Бог сочел, того человек да не разлучает” (Матф. 19,6) или еще: „Всякий разводящийся с женою своею и женящийся на другой прелюбодействует; и всякий женящийся на разведенной с мужем, прелюбодействует.” (Лука, 16,18).

Объявление брака недействительным.

Обычно возражают, что Церковь может расторгнуть брак. Это утверждение ложно.

Римская курия никогда не аннулирует брака заключенного по взаимному согласию и действительно свершившегося. Но она может установить, что в том или ином случае, брак был в самом деле недействительным, так как некоторые условия договора не были соблюдены в момент его заключения. Тогда Церковь ограничивается тем, что объявляет недействительным брак, который и был таковым фактически.

Г. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ.

Заключая брачный договор, супруги обязуются оказывать друг другу поддержку в целях возможно лучшего выполнения их земной миссии; они соглашаются разделять все горести и все радости жизни и совершить вместе ведущий к вечности путь.

„И будут два одной плотью“... В своей супружеской жизни, супруги могут искать всех чувственных радостей, при условии взаимного уважения и любви. Важно, однако, чтобы их взаимная любовь проистекала не столько из физической привязанности, сколько из сродства душ.

Супруги остаются **целомудренными** если они не стремятся умышленно препятствовать естественным последствиям полового акта. Однако, в силу основного закона человеколюбия, половые сношения между супругами дозволены, даже если супруги совершенно убеждены в невозможности зачатия.

Все больше познавать Бога, все больше любить Его, все усерднее служить Ему служа человечеству — такова программа супружеской четы.

Служение Богу и человечеству выражается в частности в приятии детей, рождающихся из их супружеского союза.

Хотя Церковь и запрещает супругам принимать меры препятствующие зачатию, **ограничение** рождений возможно, без пользования запрещенными средствами, если этого требует человеколюбие и предусмотрительность. Но, к сожалению, люди склонны быть „предусмотрительными“ в этой области, больше чем во всех других областях!

Высокоразвитая научно-техническая организация как будто подчинила человеку все силы природы, и в своей гордыне, он умирает от усталости и от страха перед жизнью! Он, придающий машинам как бы видимость жизни, страшится давать жизнь новым существам!

(Слово произнесенное в Соборе Парижской Богоматери, кардиналом Пачелли, впоследствии папой Пием XII-м)

Миссия, возложенная Богом на родителей, не ограничивается рождением детей: она продолжается до тех пор, пока дети не стали взрослыми. Родители имеют право **завершить начатое дело**, как землепашец имеет право наблюдать за произрастанием пшеницы, посеянной им на его поле. Как будет объяснено ниже, никакое человеческое установление — даже Государство основанное на природном законе — не властно отнять у них это право.

Долг родителей подготовить детей к выполнению их земной миссии, выполнять которую им придется вне рамок семьи. Семейный круг не должен быть, следовательно, замкнутым кругом; он должен постепенно расширяться, дабы дети приучались к внешней жизни и научались вести себя достойно, без поддержки родителей. Власть родителей должна уменьшаться по мере того как развивается личность ребенка. В этом состоит вся — труднейшая — задача воспитания.

Научите меня действовать самостоятельно : вот о чем ребенок должен просить своих воспитателей.

(Монтессори)

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЛИ ГОСУДАРСТВО

A. СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ЕГО ФУНКЦИИ.

Сущность Государства.

Мы уже видели выше, каким образом, в силу естественной необходимости, постепенно возникло Государство.

В **основном смысле** слова, Государство есть общество образуемое большим числом личностей, проживающих на определенной территории и объединяющих свои усилия дабы обеспечить — повинуясь единому руководству и единому закону — наибольшее благосостояние всех своих членов, или, иначе говоря, дабы доставить своим членам максимум общих (всем) земных (т.е. не вечных) благ.

Вся деятельность государства сводится к длительному обеспечению общего блага, т.е. внешних условий, позволяющих всей совокупности граждан развиваться и совершенствовать условия своего труда, свою материальную, интеллектуальную и религиозную жизнь.

(Папа Пий XII. Послание от 24 декабря 1942 г.)

Законом и целью Государства является общее благо, т.е. установление прочных и нормальных общественных отношений позволяющих как личностям так и семьям легко вести достойную, регулярную и счастливую жизнь, согласно Закону Божию.

(Папа Пий XII. Слово произнесенное 8-го января 1947-го г. в Риме)

В более **узком смысле слова** Государством называют не все общество в целом (правлящих и управляемых), но только правящий слой общества. В таком случае под Государством разумеют „правительство” и „власти”.

Мы будем употреблять слово Государство лишь в основном и более широком смысле этого слова.

Функции государства.

Государство призвано :

1. **охранять**, ради общего блага, **законные права каждого** гражданина : право жить, развиваться физически и нравственно, трудиться над завершением мироздания согласно замыслу Божию, располагать плодами своего труда, основывать семью и руководить ею, исполнять свой долг в отношении к Богу, объединяться с другими гражданами ради благих целей и т.д.

Можно привести не мало примеров полезного вмешательства Государства в общественную жизнь. Так, в целях охраны жизни граждан, Государство может регламентировать городское движение, ношение оружия, требовать соблюдения гигиенических правил труда на фабриках и заводах и т.п.

2. **содействовать** гражданам в их развитии, ради блага всего общества.

Государство обязано следить за тем, чтобы общественная жизнь была для граждан источником обогащения, а не вырождения. Оно должно, например, обеспечить благоустройство городов, соблюдение правил морали в публичных местах и т.д.

С другой стороны, оно может восполнять частную инициативу, создавая стадионы, бассейны для плавания, гимнастические площадки, школы, библиотеки, музеи и т.д.

Как будет видно ниже, некий минимум достатка необходим для поддержания жизни, для процветания и совершенствования каждого человека. Государство должно обеспечить каждому гражданину этот необходимый минимум.

В случае неудовлетворительного распределения материальных благ, Государство обязано приступить к их более справедливому перераспределению. Мы еще вернемся к этому важному вопросу.

3. **стимулировать**, ради общего блага, деятельность личностей и частных обществ, развивая, например, пути сообщения, заключая торговые договоры с другими странами, создавая кредитные учреждения и т.д.

4. **согласовывать** все частные усилия в видах наилучшего использования материальных богатств страны и рабочей силы, и во избежание напрасной траты сил и излишней конкуренции.

Для этой цели, Государство может не только регламентиро-

вать различные сферы деятельности, но и делегировать своих представителей на предприятия национального значения.

5. **восполнять** частную инициативу, если частные лица оказываются неспособными приступить к известным, полезным для общества, начинаниям, или завершить их надлежащим образом.

В таких случаях, Государство может брать на себя выполнение задач непосильных для частных лиц или частных обществ и принимать на себя руководство предприятиями.

Таково учение Церкви о призвании Государства.

Следует помнить, конечно, что в наши дни, жизнь стала настолько сложна, что пределы вмешательства Государства иногда нелегко определить. Это вмешательство должно принимать различные формы, в зависимости от степени зрелости данного народа, от сложности экономических, внутренних и международных отношений, от силы семьи и т.д.

Политика и политические партии.

Политика, в широком смысле слова, есть совокупность мер принимаемых законной государственной властью, в целях обеспечения для всех граждан, вышеперечисленных выгод.

Однако, те или иные выгоды могут быть достигнуты различными и равно законными средствами и выбор их может вызывать между гражданами несогласие. Одни могут предпочитать например республиканский строй, а другие — монархический, одни могут стоять за свободный обмен, другие за таможенную систему и т.д. Это объясняет и оправдывает образование **политических партий**.

Не подлежит сомнению, что в области политики может законно возникать борьба течений, которые, не посягая на правду и справедливость, стремятся дать восторжествовать на практике тем или иным идеям наиболее соответствующим, с их точки зрения, общему благу.

(Папа Лев XIII-й, энциклика «Sapientiae christianae»)

Если бы **политические партии** всегда соответствовали своему истинному назначению, они пользовались бы всеобщим уважением. Но к сожалению, поскольку их деятельность оказывается сплошь да рядом направленной к достижению второстепенных целей или к защите частных интересов, самый термин „политическая партия” принимает все более уничижительный смысл и презрительное отношение к политическим партиям переносится даже на политику вообще. Для многих „заниматься политикой”

значит отдавать предпочтение той или иной партии, пренебрегая общественным благом.

Само собой разумеется, что Государство обязано допускать, в пределах дозволенного, свободное образование различных партий. Государство навязывающее своим гражданам **единую партию**, лишая тем самым граждан свободы выражать свои законные предпочтения, создает фактически диктаторский строй, несовместимый со здоровой демократией, уважающей все неотъемлемые права человеческой личности и в частности право объединения.

Ложные представления.

Как преувеличение, так и преуменьшение роли Государства неизбежно ведет к несправедливости.

Политическая система либерализма сводит к минимуму вмешательство Государства в общественную жизнь, предоставляя ему лишь охранительную роль. Она поощряет полную свободу или точнее своеволие личностей. Такой строй благоприятен лишь сильным и беспринципным людям.

Индивидуалистическая теория превозносит личность и отрицает социальную реальность, видя в организации общества препятствие для развития личной свободы: она приводит к торжеству эгоизма, разрушающего все общественные узы.

(Заявление французского епископата от 15-го ноября 1945 г.)

Политическая система тоталитарных Государств (фашизм, национал-социализм, коммунизм) стремится, наоборот, к максимальному вмешательству Государства в общественную жизнь; она лишает личности всякой свободы и всякой инициативы.

Предоставляя Государству абсолютный контроль над деятельностью граждан и в частности над их деятельностью интеллектуальной, моральной и духовной, тоталитарная теория растворяет человеческую личность в обществе. Личности остаются тогда лишь те права, которые соглашается ей предоставить постоянно изменяющаяся воля коллектива. Каков бы ни был этот коллектив — класс, партия, раса, нация, человечество — эта доктрина ведет к порабощению личности.

(То же заявление французского епископата)

Церковь осуждает оба этих крайних и противоположных учения (например, одновременное осуждение коммунизма и нацизма энцикликами «*Divini Redemptoris*» и «*Mit brennender Sorge*», март 1937).

Государство и личность.

Напомним еще раз, что **Государство существует лишь для личностей**. Они одни имеют вечную ценность; Государство существует лишь на земле и существование его преходяще.

Происхождение и основная цель общества заключается в утверждении, развитии и совершенствовании человеческой личности. (Папа Пий XII, Рождественское послание 1942-го г.)

Личность, к тому же, предшествует Государству. Ее права имеют приоритет над правами Государства. Таким образом, обязанности несомые Государством в отношении личностей должны преобладать над его правами.

Человеческой личности свойственно индивидуальное сознание, при помощи которого она познает внешний мир и самое себя; ей присуща также свободная воля способная устремляться к добру. Личность есть бессмертная душа созданная Богом и призванная упокоиться в Нем. Может-ли она быть в таком случае всего лишь членом общества или Государства, существующих лишь во времени, лишенных всякой духовности, собственной мысли и собственной воли и способных утверждать себя лишь при посредстве сознания и воли личностей?

К тому же Государство и град не существуют искони, и имеются человеческие группировки никогда не знавшие и не знающие политической организации в узком смысле этого слова. Как же можно утверждать, что личность является по самой своей природе, частью Государства?

(Ж. Дабэн. Общая теория Государства, стр. 345)

Государство **обязано**, следовательно, уважать неотъемлемые права человеческой личности (право жить и действовать, право располагать своим заработком, своим временем и своей собственностью, основывать семью, воспитывать детей, выражать свою мысль, объединяться с другими людьми и т.д.) поскольку это допускает нравственный закон и требования общественной жизни.

Государство обязано также, как уже было сказано выше, содействовать развитию и процветанию личности, равно как и частной деятельности направленной к общепольным целям.

С другой стороны, Государство имеет право **требовать** от граждан выполнения известных обязанностей: уважения к законной власти, послушания справедливым законам, патриотизма, отбывания воинской повинности, платежа налогов, участия в политической жизни (объявляя, например, голосование обязательным) и вообще принесения в жертву личных интересов и даже жизни, если высшие интересы Государства этого требуют.

Когда правительства бескорыстно стремятся к благу общества, столкновения между Государством и гражданами происходят редко, но если носители власти отдают предпочтение незаконным интересам той или иной партии, права граждан оказываются нарушенными и защита их оказывается сплошь да рядом затрудненной.

Душою всякого Государства является ясное сознание общественного блага... Если это сознание тускнеет и подменяется грубым владычеством индивидуального или коллективного эгоизма, истинная демократия оказывается под угрозой и диктатура партии вытесняет ее.

(Папа Пий XII, послание швейцарскому народу от 15-го сентября 1946-го г.)

Б. ВЛАСТЬ В ГОСУДАРСТВЕ

Всякое общество требует наличия **правлящего элемента**, направляющего деятельность членов общества и определяющего роль и ответственность каждого из них.

Дабы сочетать эти усилия, правящий элемент должен обладать достаточной **властью**.

Происхождение власти.

Церковь не признает теории „общественного договора”, согласно которой, в силу некоего молчаливого договора, люди отказываются от известной части своих прав в пользу того, превосходство которого ими признается и рассматривается, как источник его власти.

Эта теория, приписывающая власти чисто земное происхождение, придает ей спорный характер в глазах многих членов общества.

Церковь смотрит на вещи шире и учит, что законная власть на земле может быть **только от Бога**.

Ты не имел бы надо Мною никакой власти если бы не было дано тебе свыше — говорит Иисус Христос Пилату, явно указывая на промыслительную роль власти римского начальника, повелевшего распять Его, дабы свершилось искупление мира.

В самом деле, все люди равны по своей природе; происхождение их одинаково и их вечная судьба тождественна; они зависят от одного лишь Бога, которому они обязаны всем.

Ни один человек не имеет, следовательно, права навязывать себя другим людям, располагать ими и повелевать ими, если Бог не сделал его сопричастным Своей власти.

Поскольку существование гражданского общества угодно Богу и поскольку это общество, как всякое общество, требует наличия власти, гражданская власть также угодна Богу и исходит от Него (речь идет здесь о власти в пределах допускаемых божественной правдой, не говоря уже о том, что некоторые виды власти необходимо признать наказанием Божиим посланным за грехи, как это, например, рассматривали благочестивые русские люди по отношению к татарскому хану).

Из этого учения явствует, что Бог доверяет законным носителям государственной власти **священную миссию**, за которую они несут ответ перед Всевышним Судиею.

Будучи сопричастниками **справедливой** и **отеческой** власти они обязаны, следовательно, править справедливо и отечески.

Наконец, как все таланты доверяемые Богом людям, власть дается лишь ради всеобщего блага; носители власти должны, следовательно, служить управляемым.

С другой стороны, все зависящие от законной власти должны повиноваться **по совести** всем ее справедливым требованиям, поскольку эта власть исходит от Бога.

Носители государственной власти.

Итак, всякая власть, и власть гражданская в том числе, исходит от Бога. Но указывает ли Бог **носителей этой власти** ?

Отнюдь нет : Бог доверяет членам общества выбор носителей власти.

Таким образом, Церковь предоставляет своим членам полную свободу **выбора носителей власти** с тем, чтобы в своем выборе они руководствовались исключительно угодным Богу общественным благом. Она поддерживает отношения со всеми правительствами (республиканскими, монархическими и т. д.)

Кроме того, Церковь предоставляет полную свободу выбора способов избрания правителей. Иначе и быть не может, потому что даже избрание пап и епископов принимало в течение веков различные формы, начиная от демократической формы в Средние Века (всенародное избрание) и кончая формой аристократической (избрание одними лишь кардиналами), принятой и в наши дни.

Повиновение властям.

Граждане должны по совести повиноваться законам если таковые являются справедливыми и разумными с точки зрения лиц, способных судить об этом нелицеприятно и со знанием дела.

Если закон противоречит велениям Божиим, граждане обязаны отказывать ему в повиновении.

Если носители государственной власти оказываются в силу своих ошибок недостойными миссии доверенной им Богом и людьми, избравшие их имеют право заменить их другими, применяя для этой цели все законные способы.

Церковь не отнимает власть от тех, кто ею злоупотребляет даже систематически. Она не признает за собой этого права... Как все прочие граждане, христиане могут однако стремиться к смене власти при помощи морально допустимых средств. Но, покуда власть не сменена, она остается властью и повиноваться ей следует во всем, что не противоречит закону Божию.

(И. де Моншей. Церковь и современный мир. стр. 140)

Сократ, хотя и чувствовал себя осужденным на смерть несправедливо, отказался бежать из тюрьмы, потому что считал невозможным не повиноваться законам своего отечества, какими бы они ни были.

Прибегать к восстанию следует лишь в крайнем случае и при условии, что восстание может привести к установлению новой власти, служащей общественному благу...

(там-же, стр. 181)

В. ГОСУДАРСТВО И ДРУГИЕ ОБЩЕСТВА.

Государство и семья.

Католическое учение признает приоритет семьи над Государством, как в плане природном, так и в плане юридическом.

В плане природном, Бог дарует семье плодородие т.е. принцип жизни и, следовательно, право подготовки к жизни. Семья, установленная Богом с особой целью, т.е. для рождения и воспитания детей, имеет поэтому как природный, так и юридический приоритет в отношении к гражданскому обществу.

(Папа Пий XII, Энциклика о христианском воспитании юношества)

Государство обязано, тем самым, **уважать права семьи** (предшествующие его правам) и, в частности, поскольку социальное значение семьи заключается прежде всего в детях, уважать

право семьи на воспитание детей, на выбор воспитателей заслуживающих ее доверие и т. д.

Семья получает непосредственно от Творца миссию и тем самым право воспитывать детей, право неотъемлемое, ибо неотделимое от соответственной обязанности, право предшествующее всем правам Государства и немогушее, следовательно, быть нарушенным никакой земною властью.

(Та же энциклика)

Государство обязано также **содействовать** семье в осуществлении миссии, доверенной ей Богом.

Для этой цели, оно должно, например, обеспечивать всем гражданам заработок достаточный для основания и пропитания семьи (мы вернемся к этому в одной из следующих глав), выдавать пособия, соответствующие числу детей, охранять путем законов прерогативы брака, оказывать особые преимущества многодетным семьям, имея всегда в виду благо всего общества.

Оно должно также способствовать воспитанию детей.

С другой стороны, Государство имеет право вмешиваться в семейную жизнь, если этого требует общественное благо и благо ребенка. Например, оно имеет право обеспечивать прочность семьи — необходимой клетки общественной ткани, требуя единства и нерасторжимости брака.

Оно имеет право наблюдать за тем, чтобы семья исполняла свой долг в отношении ребенка; оно может требовать чтобы дети получали минимум образования, определяя продолжительность школьного обучения, дабы обеспечить им место в жизни.

Ради общего блага, Государство имеет кроме того право наблюдать за **патриотическим воспитанием** юношества, подвергать детей освидетельствованию намечающему их профессиональную ориентацию (оставляя за родителями окончательный выбор), содействовать наиболее одаренным детям, оставляя за собою право приема детей в учебные заведения подготовляющие к общественному служению и т. д.

Государство и частные объединения.

Католическое учение признает за личностями право вступать в объединение с другими личностями, при условии, что это объединение преследует положительные цели.

Государство **обязано** уважать и защищать право на объединение и союзы, образуемые в силу этого права.

Сама природа дала им (частным объединениям) право на существование и гражданское общество установлено для защиты, а не для упразднения естественного права. Поэтому, гражданское общество запрещающее частные объединения, покушается на самое себя, ибо все общества, как публичные, так и частные, проистекают из одного и того же принципа: естественной общительности человека.

(Папа Лев XIII. Энциклика «Rerum Novarum»)

Католическое учение определено высказывается в пользу **децентрализации** внутри Государства; оно желает, чтобы Государство предоставляло частной инициативе организацию всего того, что она может организовать, дабы Государство могло сосредотачивать свое внимание на своей собственной миссии.

Пусть государственная власть предоставляет группировкам низшего ранга попечение о менее важных делах, распыляющих ее усилия; она сможет тогда осуществлять с большей энергией, более свободно и более действенно, функции присущие ей одной, ибо она способна их выполнять, т.е. направлять, наблюдать, поощрять и сдерживать в зависимости от обстоятельств и по мере необходимости.

Да будет ведомо всем правительствам, что чем совершеннее будет организована иерархия различных группировок согласно принципу подсобных функций каждого коллектива, тем более будут возрастать как авторитет и могущество власти, так и общественное благополучие и процветание.

(Папа Пий XI. Энциклика „Куадрагезимо анно“)

Таким образом, католическое учение признает за Государством право „**направлять, наблюдать, поощрять и сдерживать** (деятельность частных организаций) **в зависимости от обстоятельств и по мере необходимости**“. (Папа Пий XI).

Государство и другие Государства.

Выше было уже сказано, как образовались современные Государства, какое сродство (крови, языка и веры), какие географические и исторические обстоятельства привели к созданию этих сравнительно устойчивых группировок.

Мы указали также, что людям свойственно объединяться во все более обширные союзы, долженствующие, в пределе, охватить все человечество, не упраздняя однако этнических, культурных и религиозных различий.

Христианство по существу — вселенское. Оно проповедует общечеловеческое братство и допускает национальный партикуляризм лишь поскольку он служит общечеловеческому благу.

(Ж. Леклэрк. Курс естественного права т.1, стр. 424)

Государство является, следовательно, менее сплоченным чем семья, и потому определение его прав и обязанностей в отношении других Государств более затруднительно.

Всякое Государство **имеет право** требовать от других Государств **уважения и поддержки**.

Оно **имеет право требовать уважения** своей независимости и своей территориальной неприкосновенности, если эти требования не противоречат общему благу человечества. Оно имеет право защищаться против агрессоров : в этом случае речь идет о законной самозащите.

Оно **имеет право на поддержку** со стороны других Государств. В самом деле, несмотря на антагонизм, так часто противопоставляющий их друг другу в наши дни, они глубоко солидарны друг с другом. Совершенно так же как и личности, они не могут постоянно замыкаться в своем партикуляризме : рано или поздно им придется прибегнуть к посторонней помощи, в силу необходимости материального или культурного порядка или для защиты своих прав. (*)

Два особых случая могут возникнуть в области взаимоотношений между организованным Государством и Государством в стадии образования.

1) Если Государство взяло на себя опеку над другими народами (случай колоний), оно обязано предоставлять им все большую независимость по мере их прогрессивного развития до того дня, когда, достигнув полной зрелости, они образуют самостоятельные Государства.

Государству-колонизатору принадлежит тогда право требовать известных компенсаций, главным образом экономического характера, в соответствии с размерами его капиталовложений и сумм, затраченных им на образование колонизованных народов.

(*) Так, в настоящее время, ощущается необходимость нового общества группирующего Государства, призванного устанавливать основные положения международной морали, защищать законные интересы каждого, создавать учреждения взаимопомощи, одним словом пешичь о земном благосостоянии **всего человечества**.

„Лига Наций”, учрежденная в 1919 г. весьма несовершенно справлялась со своими заданиями. Ее заменила Организация Объединенных Наций (ООН). Но всякая международная организация, как всякое общество, может успешно выполнять свое назначение лишь располагая реальной властью и силой, способной заставить уважать эту власть.

Католическая Церковь — сверхнациональная по существу — может лишь приветствовать все попытки отношений основанных на справедливости и любви.

2) Если национальное **меньшинство** под влиянием пробудившегося в нем самосознания, признает свои законные устремления неосуществимыми в рамках данного Государства и требует независимости или присоединения к другому Государству в целях более свободного развития и защиты своих культурных и религиозных интересов, этот вопрос заслуживает самого внимательного рассмотрения.

Одно лишь волеизъявление этого меньшинства не создает соответственного права. Необходимо, чтобы незаинтересованные и компетентные судьи установили, действительно ли данное Государство утесняет данное меньшинство и приведет ли перемена в его судьбе к желанным последствиям. Если ответ их будет положительным, право на самоопределение должно быть признано за данным меньшинством, при условии, что потерпевшее ущерб Государство получит соответственные компенсации.

Г. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Различие между духовной и светской властью.

До пришествия Христа, общественная организация религиозной жизни граждан естественно входила в функции Государства; оно определяло например, формы культа воздаваемого Богу.

Установив Церковь, Христос поручил ей охрану и распространение духовных ценностей среди людей, в плоскости, лежащей вне и выше всех национальных и партийных группировок. Тем самым, Он установил различие между властью духовной и властью светской и определил каждой из них соответственную область.

Бог распределил между властью церковной и властью гражданской поление о благосостоянии рода человеческого. Он вверил первой божественные дела, а последней — дела человеческие. Каждая из них суверенна в своей области; каждая из них действует в точно определенных пределах, соответствующих их природе и их принципу. Каждая из них, ограничена, следовательно, своей собственной сферой, в пределах которой она действует в силу присущего ей права.

Таким образом, все, что, в человеческих делах, так или иначе касается религии, все, что касается спасения душ и служения Богу, по существу, или в силу принципа, от которого оно зависит, подлежит ведению церковной власти.

Все прочее составляет область гражданских политических дел и, естественно, должно быть подчинено гражданской власти.

(Папа Лев XIII, энциклика Иммортале Дэи)

По примеру Христа, Церковь не стремится отнимать от Кесаря то, что принадлежит Кесарю; наоборот, она укрепляет государственную власть, напоминая своим членам, что эта власть является отражением власти Божией, и что они должны ей повиноваться по совести.

Но, с другой стороны, Государство **обязано признавать и уважать** миссию, доверенную Богом Церкви; оно должно предоставлять ей попечение о духовных и вечных благах, и в частности полную свободу преподавания и распространения учения Христова.

Поле деятельности Церкви.

Само собой разумеется, что Церкви принадлежит полнота власти в области **духовных дел в тесном смысле этого слова** (богослужение, освящение душ, изложение богооткровенных истин, свершение таинств и т. д.)

Церковь имеет также право уточнять **естественный закон** и определять правила морали, которым люди должны следовать в своей деятельности, как общественной, так и частной, поскольку они стремятся выполнить свою земную миссию и обеспечить свое вечное блаженство.

Но во всем, что касается **общественной** деятельности ее членов, Церковь неизбежно находит перед собой Государство, миссией которого является также регламентация этой деятельности. Отсюда возможность конфликтов; они становятся неизбежными, если Государство — или Церковь — превышает свои права.

Согласно католическому учению, Церковь имеет право :

1) **формулировать**, истолковывать и охранять все естественные и богооткровенные законы, определяющие течение общественной жизни;

2) **судить** о том, в каком именно конкретном случае, мероприятия Государства соответствуют или не соответствуют этим законам.

Поэтому Церкви приходится иногда определять в основных чертах ту политику, которая, в данных обстоятельствах, одна лишь соответствует как принципам естественного закона, так и указаниям Откровения.

Церковь не намерена высказываться в пользу тех или иных форм, при помощи которых различные Государства стремятся разрешить огромные проблемы внутреннего порядка или международного сотрудничества, если только эти формы считаются с законом Божеским; но, с другой стороны, будучи по воле Божией и в силу

миссии, возложенной на нее Христом, блюстительницей естественного и сверхъестественного закона, Церковь не может не провозглашать эти основные и нерушимые законы перед лицом своих чад и всего мира. Она обязана охранять их от всякого искажения, всякого затемнения, всякого осквернения, всякого ложного толкования и от всякого заблуждения.

(Папа Пий XII, послание от 24-го декабря 1942 г.)

3) Если политика того или иного Государства не считается с вечным законом установленным Богом, если она презирает особую миссию Церкви и не уважает принципы естественной морали, Церковь **может и должна** выступать против нее. Это не означает вмешательства в политику; в таких случаях, политика выходит из своих рамок, препятствуя осуществлению замыслов Божиих и выполнению божественной миссии Церкви.

Бывают случаи, когда кажется что Мы сами, епископы, духовенство и верующие миряне, занимаемся политикой. Но на самом деле, поскольку борьба ведется за религиозную свободу, за благочестие семьи и школы, за освящение посвященной Господу жизни, мы занимаемся лишь религией, защитой религии и религиозных интересов. Это не является политикой... Именно политика посягнула на веру и на алтари. Мы же являемся их защитниками.

(Папа Пий XI, слово от 19-го сентября 1925-го г.)

Если Государство желает действовать согласно предначертаниям Божиим, оно должно уважать справедливые требования Церкви.

Но, с другой стороны, если мероприятия его не нарушают моральных ценностей, Государство имеет право самостоятельно решать земной и преходящий порядок. В этой области, оно суверенно и его представители отчитываются в своей миссии только перед Богом.

Организация светской жизни не зависит от церковной юрисдикции. Церковь на это не уполномочена. Государство черпает свою власть от Бога, оно не является представителем Церкви. Но Церковь определяет границы его власти, ибо зная конечные цели миропорядка, она ведает миропорядком в целом... Когда мы говорим „Церковь“, мы разумеем учение тех, кто дает подлинное истолкование ее доктрины, а не отдельных духовных лиц, претензии которых часто бывают чрезмерными. Государство может и должно защищать свои права от незаконного вмешательства некоторых духовных лиц; в таком случае оно защищает от них подлинное учение Церкви.

(Ив де Монщей, Церковь и современный мир, стр. 137)

Государство обладает суверенной властью в своей сфере и при выполнении своей особой миссии. Церковь требует признания и уважения государственной власти... (Церковь сама) должна ува-

жать автономию Государства, осуществляющего свои собственные функции; она отказывается от всякого вмешательства в область политики.

(Заявление французских кардиналов и архиепископов от 28-го февраля 1945-го г.)

Таким образом, Церковь строго осуждает **клерикализм**, т. е. вмешательство духовенства в собственно политическую область.

Само собой разумеется, что для избежания столкновений между Церковью, ведающей моральной стороной этой деятельности, и Государством, ведающим политической стороной этой деятельности, как от Церкви, так и от Государства, требуется строгое беспристрастие.

Смешанные вопросы.

Смешанными вопросами называются вопросы интересующие одновременно и Церковь и Государство. Таких вопросов много и некоторые из них, например, вопрос брака, мы уже обсуждали. Займемся теперь вопросами **школы и благотворительности.**

— Школа.

Католическое учение утверждает нижеследующее :

— Дети принадлежат, прежде всего, своим родителям; Церковь и Государство должны уважать преимущественную власть родителей, поскольку она считается с благом детей и с благом общества. Так например, Церковь не имеет права крестить ребенка против воли родителей, если только ребенку не угрожает смертельная опасность.

— Как только родители окрестили ребенка, Церковь получает право „наблюдать за воспитанием даваемым окрещенным ею детям, в каких-бы учреждениях, казенных или частных, они не находились, и не только в том, что касается религиозного воспитания, но и в том что относится ко всем предметам преподавания и к организации обучения, поскольку они связаны с религией и моралью.” (Энциклика „Дивини Магистри”).

— Как всякое частное лицо, имеющее надлежащую компетенцию, Церковь имеет право „основывать и содержать свои собственные учебные заведения любой специальности и любого уровня.” (там же).

— Государство имеет право требовать **минимума образования** для всех детей — оставляя родителям свободный выбор школы — дабы дети, став взрослыми, не оказались бы заведомо неприспособленными к общественной жизни.

— Государство имеет право создавать и содержать **учебные заведения**. Но оно не должно оказывать им предпочтения, в ущерб учебным заведениям созданным частной инициативой. Оно должно тем самым справедливо распределять субсидии между различными заведениями.

— Государство имеет право **контроля**, над всеми учебными заведениями — в том числе и над теми, которые находятся под руководством частных лиц или Церкви, дабы обеспечивать компетентность преподавателей, полноценность программ по всем предметам, кроме религиозных, соблюдение требований гигиены и т. д. Одному лишь Государству принадлежит право определять условия, необходимые для получения официальных дипломов.

— Государство имеет право оставлять за собой **гражданское воспитание** детей, в каком бы заведении, казенном или частном, оно ни производилось и с какими бы предметами обучения оно ни было связано (т. е. даже если оно производится во время уроков закона Божьего). Это право идентично тому, которое Церковь оставляет за собой во всем, что касается **религиозного и нравственного** образования.

— Государство имеет право оставлять за собой руководство учебными заведениями, подготовляющими к общественным функциям.

— Благотворительность.

Католическое учение утверждает нижеследующее :

— Как всякое частное лицо, Церковь имеет право заниматься всеми видами благотворительности и пользоваться поддержкой Государства в ее человеколюбивых начинаниях, если Государство оказывает поддержку другим подобного рода начинаниям.

Если я имею право ухаживать за больными, соединять их и создавать больницу, совершенно так же, имея право преподавать, я могу собирать учеников в одном и том же помещении, т.е. в школе. (Кардинал Ван Рой, слово от 10-го мая 1946 г.)

— Государство пользуется тем же правом; оно должно, однако, не препятствовать в этой области инициативе частных лиц и Церкви, выступая лишь в случае их несостоятельности.

— Государство имеет право известного контроля над всеми видами благотворительной деятельности, поскольку того требует общественное благо.

Взаимоотношения между Церковью и Государством.

Объединяя граждан принадлежащих к разным вероисповеданиям равно как и граждан не исповедующих никакой религии, Государство **имеет право** оставаться **нейтральным** в отношении Церкви, т. е. не связывать себя официально ни с какой религией, ограничиваясь исключительно исполнением обязательств, налагаемых религией **естественной**, (например официальным признанием Бога, официальными богослужениями и т. д.)

Желательно, однако, чтобы Государство поддерживало с Церковью (как и со всеми общественными группировками, как научного и экономического, так и религиозного типа) **добрососедские отношения** (например дипломатические сношения со Святым Престолом) и чтобы оно даже поддерживало деятельность Церкви, совершенно так же, как оно поддерживает деятельность других, общественно-полезных установлений.

Что же касается до смешанных вопросов, то Церковь и Государство могут регулировать свои взаимоотношения путем торжественного договора, называемого **конкордатом**.

Государство может лишь выиграть от поддержки Церкви. Она обеспечивает плодородие, прочность и верность семейных очагов. Она проповедует трудолюбие и сотрудничество между классами, основанное на справедливости и любви; она требует честного соблюдения договоров. Она является прочной опорой общественной морали и, хотя деятельность ее всецело направлена к Царствию Божию и к вечному спасению душ, учение ее устанавливает на земле социальный мир.

(Заявление французских кардиналов и архиепископов от 28-го февраля 1945 г.)

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НАЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ.

Замысел Божий.

По замыслу Божию, земля (т.е. совокупность подчиненных человеку творений, которую мы будем называть также **материальными благами**) является сокровищем, из которого человек может черпать все необходимое, дабы, продолжая начатое Творцом, обеспечить человечеству земное благополучие и вечное блаженство.

Вся природа — за исключением человека — создана для служения человеческой личности.

На заре человечества, грехопадение нарушило замысел Божий. Осуществление великого дела, которое человек должен был реализовать в материальном мире сотрудничая с Богом, стало с этого дня чрезвычайно трудным.

Искушение восстановило порядок мироздания. Оно вернуло всему сотворенному — в том числе и космосу — утраченные права.

Отныне, в творении Божиим нет более трещины : все в мире направлено к единой цели : к счастью человеческому в Боге и через Христа.

„Все — ваше” сказал апостол Павел : „Вы же — Христовы, а Христос — Божий.” Весь мир охвачен единым и дивным потоком возносящим его к Богу „через Господа нашего Иисуса Христа”.

Все науки, изучающие историю жизни, учат нас рассматривать Вселенную, как живое целое, обретающее постепенно все более совершенное строение, все более развитую нервную систему, все более могучий мозг, т.е. восходящее к сознательному состоянию, к человеку . . . Один лишь человек в полноте сознания и любви может

привести мир к Богу и прославить Бога в мире. Он тоже связан с природой, но призван господствовать над ней и ее усовершенствовать... Весь мир желает и зовет человека, стремясь обрести своего Господа; вся природа является как бы неким родственным человеку существом, оказывающим братскую помощь тому, кто один лишь может завершить ее развитие и дать ей душу и голос, прославляющий Творца.

(Ж. Муру. Христианское призвание человека. стр. 27)

Делая природу более послушной своей воле, христианин дает ей более возвышенную функцию. Мир — не просто сад, в котором человек прогуливается, срывая плоды. Он преобразуется со всем человечеством во Христе; он — соучастник Искупления. Через христианина, личность которого он как бы продолжает, мир вовлекается в великое дело освобождения.

(П. Рош, Христиане в мире. стр. 126)

Ни эгоистические расчеты, ни наши заблуждения, ни соперничество между людьми, ни международные войны, не способны более оторвать от Бога — то, что вновь соединено во Христе. Люди могут препятствовать устремлению мира к Богу, но они не могут упразднить этот порыв.

Разве Христос не жил **среди творения**, дотрагиваясь до хлеба насущного, до рыбацкой лодки, до орудий плотника, до лилий полей, до виноградных гроздей, до овечьего руна, как бы зовя их следовать за Ним и распространяя на них свою благодать? Разве Он не сказал: „Когда буду вознесен от земли, все привлеку к Себе”?

Таким образом, с того времени, все чем мы пользуемся: земля, железо, цветы, бумага, уголь, шерсть и все искусственные механизмы призванные служить человеку — сопричастно Искуплению — нашему искуплению. Все это имеет духовную ценность, все это имеет отношение к нашей судьбе. Во всех этих предметах не следует видеть как бы злых духов, стремящихся отвлечь нас от неба; наоборот — это наши **бессловесные сотрудники**, предлагающие нам свои услуги и смиренно учащие нас лучше познавать Бога, все больше любить Его и служить Богу и ближнему во Христе и через Христа.

Отношение Церкви.

Постигнув замысел Спасителя, Церковь **благословляет все!**

Она окружает своей заботой — все полезные человеку предметы. Она не похожа на высокомерную царицу, опасющуюся унизиться снисходя до повседневного быта своих подданных; нет, она подобна **матери семейства**, любовно склоняющейся над всеми своими детьми, большими и малыми.

Таким образом, она благославляет не только все, что принадлежит к ее храмам: основоположный камень здания, медь колоколов, статуи, священные сосуды и церковные облачения, воду, соль и вербу. Она вмешивается так же в материальную жизнь своего народа, проникает в дома, в мастерские, в конторы и в шахты; она благословляет семейную трапезу, брачный покой, кирку рудокопа, способы передвижения, спортивные площадки, посевы, скот и т.д.

Она осеняет крестным знаменем все, что полезно или необходимо для человека, дабы отметить права Христа, простирающиеся на все предметы, и чтобы освящать все, что нас касается.

Наше отношение.

Сопричастники жизни Христовой, мы не должны, следовательно, отвергать природу и ее дары, а наоборот, включать все в **порыв влекущий** нас к Богу и соподчинять все нашему единению со Христом.

Весь мир создан для вас Богом: эти деревья, эти цветы, эти горы, эти озера, эти моря, красота и музыка искусства, радость завоевания и творчества, и наконец, любовь — все это — ваше. Но вы не должны подпадать под власть ваших богатств; ваше призвание более возвышенно, вы принадлежите Иисусу Христу, дабы становиться через Него, с Ним и в Нем, сопричастниками божественной жизни.

(А. Жоли, Дивный риск веры, стр. 29)

Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих... в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донне.

(Послание св. Апостола Павла к Римлянам, 8, 19-22)

Мы можем извлекать радость из всего, что создал для нас Отец наш Небесный: радуясь, мы молимся Богу и воздаем ему хвалу. Можно по-христиански играть на гармонике и восторгаться красотой своей невесты, как счастливые дети, благодарные Отцу за все, что Он сотворил с такой любовью.

(Г. Годэн, „Дрожжи в тесте” стр. 41)

Но, поскольку материальные блага являются лишь **средствами**, мы не должны искать их ради них самих. Видеть в их обладании конечную цель нашей деятельности, значило бы нарушать волю Божию; отвлекать предметы от их истинного назначения, предпочитать их Богу, было бы грехом.

Как столяр пользующийся рубанком или чертежник работающий карандашом, мы должны пользоваться материальными благами лишь поскольку они помогают нам выполнять наше задание.

Наша роль, при этом, не должна быть только негативной : мы должны также участвовать в положительном усилии, стремясь вернуть ко Христу весь окружающий нас мир.

Надо, например, чтобы мастерская рабочего или улица, по которой проходит ребенок, чтобы книги, подмостки и дачные места были проникнуты Евангельским духом или, во всяком случае, не препятствовали его распространению.

Само собой разумеется, что в этой области, Государство должно играть значительную роль. Оно должно оказывать частной инициативе действительную поддержку и наблюдать за всем, что может пагубно влиять на людей т.е. за печатью, за радио, за кинематографом, за способами передвижения, за рекламой, за обстановкой труда и отдыха и т.д., дабы устранять все морально нездоровое.

Так например, предоставление полной свободы печати и кинематографу, поставило бы под угрозу общественную нравственность, являющуюся, с точки зрения Государства, основным условием поддержания общественного благосостояния. В таком случае, речь шла бы не о признании права на истинную и чистую свободу, но об узаконении развращения... Дабы понять и принять этот принцип, не надо даже быть христианином.

(Папа Пий XII, слово от 8-го января 1947 г.)

Излишне напоминать, что, под предлогом нейтралитета, современное Государство забывает о своей подлинной миссии !

Таким образом, в нашем бездушном и впавшем в язычество мире, где Государство оказывает злу равную, или даже большую, поддержку, чем добру, нам остается лишь избегать в нашем быту, по мере возможности, всего способного приносить вред, принимая от мира лишь то, что обогащает и возвышает нас духовно.

Мы обязаны также **помогать ближним** советом и убеждением : в этом заключается апостольская роль каждого христианина.

Мы должны **объединяться с другими** дабы создавать для возможно большего числа людей, обстановку благоприятную для развития в духе христианства; эту цель преследует, в частности, Католическая Акция.

И, наконец, мы должны принимать **активное участие в социальной и политической жизни** нашей страны, дабы добиваться оздоровления национальной жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОСВОЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ.

Необходимость труда. (*)

Как мы уже говорили неоднократно, создание мира умышленно не завершено Богом. Все необходимые материалы — налицо. Дело человека — использовать их и построить — при постоянной помощи Создателя, — семейный дом, в котором все человечество найдет стол и кров, мир, которого оно жаждет, и все радости жизни.

Отныне Бог продолжает творение при посредстве человеческого разума и рук человеческих; создав нас по своему образу и подобию, Он сделал нас, в свою очередь, творцами. Правда, мы не можем творить из ничего — нам необходим первичный материал, но мы можем, подобно Богу, влагать в материю нашу мысль и нашу энергию и извлекать из нее пользу для человека.

через творчество, я соприкасаюсь с творческой силой Бога; я совпадаю с ней; я становлюсь не только ее орудием, но и ее продолжением.

(От. Тейар де Шардэн)

Последствия труда.

По замыслу Божию труд должен являться источником прогресса и обогащения как для **трудящихся**, так и для всего **человечества**.

(*) Говоря во 2-й части о миссии человека, мы сказали, что он подчинен закону **труда**; мы употребляли тогда это слово в его широком понимании, разумея всю человеческую деятельность и утверждая, что человек должен посвящать свою жизнь служению ближнему: в самом деле, католическое представление о жизни альтруистично, проникнуто духом общинности и легко излучает духовные энергии. Во всякое время — даже страдая и умирая — мы должны быть труженниками великого мирового строительства.

В настоящей главе, мы употребляем слово **труд** в более узком или техническом смысле, разумея **освоение материальных благ**.

1) **Трудящиеся** должны, по возможности, находить в своем труде удовлетворение своих нравственных и физических потребностей.

Труд ремесленника или мелкого торговца, сохраняющего свою независимость, часто дает трудящимся эту возможность. Но необходимо чтобы и фабричный рабочий, и чиновник, мог если и не развиваться путем своего труда, то по крайней мере сохранять в неприкосновенности :

— **свое здоровье.** Труд должен быть соразмерен физическим силам (отсюда законы о женском и детском труде), должен протекать в здоровых условиях (воздух, свет, чистота), давать возможность отдыха (ограничение рабочих часов, пять дней работы в неделю, оплаченный отпуск и т. д.)

— **свой разум.** По возможности труд не должен быть совершенно механическим и так сказать животным. Он должен требовать от рабочего соображения, позволять ему увеличивать свою квалификацию, совершенствовать технику своего дела и т. д.

— **свою личность.** Труд должен быть поставлен в такие условия, чтобы рабочий вкладывающий в него все свои силы, извлекал из него не только материальную выгоду (премии), но и черпал в нем любовь к своей профессии и желание быть полезным человечеству. Это может быть достигнуто — как мы увидим ниже — лишь путем известного участия рабочего в общем ходе предприятия и, главное, путем соответственного морального воспитания и прививаемого трудящимся мировоззрения.

Наконец, труд должен быть организован в целях постепенного освобождения человека от чисто физического усилия и даже от материальных забот, с тем чтобы человек мог посвящать больше сил развитию своих высших способностей.

2. Все человечество в целом должно находить в разумном труде источник внутреннего обогащения.

Это обогащение выражается в повышении уровня **подлинной культуры**, т. е. в достижении большей утонченности и большей одухотворенности во всех областях человеческой жизни и деятельности.

Мы имеем в виду именно **подлинную культуру**. В самом деле, огромные технические достижения, отметившие последние десятилетия, отнюдь не являются реальным прогрессом; они не возвысили духовно современного человека, все более погрязающего в материализме. Они приносят пользу телу, но часто в ущерб

душе; жажда наживы все более заглушает голос совести; справедливость и милосердие приносятся в жертву личной выгоде.

Церковь не может не осуждать такую „цивилизацию” не считающуюся с иерархией человеческих ценностей.

Напротив того, Церковь, как мы уже говорили, всячески содействует **подлинному прогрессу**, ибо развитие человека угодно Богу. Она одобряет, следовательно, все технические усовершенствования, достигнутые за последние годы, поскольку они могут быть использованы на благо человечества. В самом деле, Бог вложил в природу неисчислимые богатства, открытие которых влечет за собой радикальное преобразование нашей жизни (нефть, пар, электричество, радио, рентгеновские лучи, пенициллин, атомную энергию) лишь для того, чтобы они были использованы человеком.

Мы думаем с содроганием о счастье и о чести которые могла бы нам принести современная наука, если бы мы сумели направить ее к высшим целям. Но мы вынуждены были отвергнуть с проклятием замечательнейшие открытия нашего разума в тот день, когда, в силу нашего эгоизма, они превратились в орудия разрушения и смерти, вместо того, чтобы служить украшению нашей обители, нашему духовному развитию, продлению нашей жизни и преумножению нашего потомства.

(Э. Мазюр. Христианский гуманизм стр. 134)

Все что человек изобретает для своего раскрепощения, превращается в орудие угнетения... Человек изобрел машину; но машина сделала труд еще более бесчеловечным и механический прогресс принес человечеству неисчислимые бедствия и неслыханное рабство... Человек изобрел кинематограф: он может отныне воссоздавать на экране целый мир и, казалось бы, неисчерпаемые возможности использовать новое изобретение, как в воспитательных и образовательных целях, так и для здорового развлечения, открылись перед ним. Но, на деле, он лишь развращается и тупеет, напичканный до отказа безнравственными зрелищами, раздражающими его нервы и расжигающими его страсти.

(Ж. Муру. Христианское призвание человека стр. 146)

Легко вообразить, какое усилие требуется от различных группировок (профессиональных организаций, Государства, ООН) дабы превратить человеческий труд в подлинный источник прогресса и обогащения, а не страданий и гибели.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ.

А. ВВЕДЕНИЕ.

Замысел Божий.

Господу Богу дарующему каждому человеку особую благодать, угодно чтобы каждый человек располагал материальными средствами, необходимыми для осуществления его земной миссии.

Он создал, поэтому, материальные блага в таком изобилии, что каждый может найти на земле все необходимое для поддержания своего существования и для своего развития. Он возжелал этого изобилия для того, чтобы человек имел возможность посвящать большую часть своего времени, развитию своих духовных способностей.

Дабы люди не были рабами своих телесных нужд и имели время и возможность заботиться о своей душе, Бог создал землю достаточно богатой и плодородной, чтобы всем его детям было обеспечено обильное и дешевое пропитание. Процветание и благосостояние всех людей и всех народов, были бы естественным следствием всеобщего послушания закону Господню.

(Летуэз. Евангелие, как жизненный устав. стр. 144)

По замыслу Божию, вся совокупность материальных благ находится, следовательно, в распоряжении человечества в целом; каждый человек должен пользоваться ими в необходимой мере, чтобы жить **по-человечески**, т. е. чтобы иметь возможность развиваться физически и духовно, основать семью, содержать ее, приносить пользу человечеству и т. д.

Блага, созданные Богом для всех людей, должны достигать до них по справедливости, согласно принципам Правды и человеколюбия.

(Папа Пий XII, энциклика 1-го ноября 1939-го г. и слово 1-го июня 1941)

В ответ, Бог требует труда от каждого человека, дабы благосостояние человечества возросло путем максимального использования земных богатств.

Нынешнее положение.

Переходя от рассмотрения божественного замысла к реальному положению вещей, мы убеждаемся, что :

— одни народы прозябают в нищете, тогда как другие пользуются обильными богатствами;

— в странах, где, по видимости, царит достаток, число людей, не располагающих жизненным минимумом, на много превосходит число богатых.

Совершенно очевидно, что в противоречие с замыслом Божиим, материальные блага распределены неправильно.

В наши дни, положение стало настолько критическим, что **социальный вопрос** (который, как указывает самое слово „социальный” должен был бы включать все проблемы человеческих взаимоотношений) все чаще сводится к одной проблеме — проблеме распределения материальных благ между людьми.

Причины, породившие это положение, многочисленны. Основной из них является экономический режим определявший, в течение целого столетия, распределение и освоение материальных благ. Этот режим, называемый **либеральным**, характеризуется нижеследующими установками :

— Каждому человеку должна быть предоставлена полная свобода (отсюда термины : „либеральная система” и „экономический либерализм”) налагать руку на материальные блага и пользоваться ими по своему усмотрению (отсюда : свобода обмена, договоров, конкуренции и т. д.)

— Государство должно воздерживаться от всякого вмешательства в частные дела. Не имея никаких полномочий в экономической области, оно должно предоставлять каждому полную свободу инициативы.

— Свобода конкуренции должна разрешить все вопросы : закон спроса и предложения приведет в конце концов к установлению равновесия между борющимися силами и к установлению справедливости на земле.

Но на деле, этот режим, **либеральный лишь по видимости**, покровительствует эгоизму и приводит сплошь да рядом к **тирании** одних и к **нищете** других.

Извлечение максимальных выгод путем эксплуатации рабочей силы, поспешное и необдуманное применение новейших изобретений в целях увеличения продукции и преумножения дохо-

дов, концентрация все больших богатств в руках отдельных людей, подчиняющих себе государственную власть дабы воспрепятствовать вмешательству Государства в пользу трудящихся масс и т. д. и т. д. — таковы печальные последствия этого режима.

Вместо того, чтобы объединяться, труд и капитал оказываются все более разъединенными :

— с одной стороны, **капитал** (деньги, сырье, земля, машины) оказывается сконцентрированным в руках небольшого числа людей, располагающих тем самым огромной властью не только над трудящимися, но и над жизнью наций;

— с другой стороны, **труд**, дабы найти себе применение, оказывается принужденным предлагать свои услуги обладателям материальных благ, на самых невыгодных условиях.

Так создалось и развилось острое противоречие между ничтожным числом богатых и пролетарскими массами. (*)

В настоящее время, огромное большинство человечества живет если не в нищете, то в бедности и в тревоге; оно страдает от недоедания и от тяжелых жилищных условий; оно не знает, как найти убежище от постоянных хозяйственных кризисов.

Помышляя лишь о хлебе насущном, оно забывает о своем подлинном назначении и, не уважая более свой труд, все более погружает в материализм. Одна забота владеет им : забота об удовлетворении материальных потребностей.

Положение ухудшается с каждым днем. Вопрос распределения материальных благ между людьми требует срочного решения.

Решений предлагается несколько. На каком из них следует остановить наш выбор ?

Мы уже отметили неудачу **либерального решения**; рассмотрим теперь **решение коммунистическое**.

(*) Заметим, однако, что такая постановка вопроса является слишком упрощенной. Люди не разделяются на два класса : на „ капиталистов ” и на „ трудящихся ”. Во-первых, обладатель капитала часто трудится; с другой стороны, рабочий является иногда соучастником капитала, будучи собственником „ акций ”, позволяющих ему участвовать в прибылях „ капиталистического ” предприятия.

Но главное, не надо забывать, что наряду с владельцами крупных состояний и с трудящимися, имеется еще и масса мелких коммерсантов, мелких сельских хозяев и ремесленников, обладающих орудиями производства и прилагающих труд к своему скромному капиталу. Эти трудящиеся-капиталисты не входят ни в одну из вышеупомянутых категорий и представляют собой промежуточные и весьма многочисленные классы.

Коммунистическое решение. (*)

Это решение просто :

— совокупность материальных благ принадлежит всем людям в совокупности; однако, продуктивные блага (земля, шахты, заводы) оказались незаконно сосредоточенными в руках отдельных личностей. Отнимем у них силой, то, что им не принадлежит, и передадим отобранное в управление коллектива.

Таким образом все будет обобществлено (коммунизм) и общечеловеческий коллектив будет располагать как капиталом, так и трудом (коллективизм). И, тем самым, вопрос будет решен.

Чтобы преуспеть, этот режим должен быть распространен на весь земной шар : единая мировая организация должна включить в себя всех трудящихся и все земные богатства; таким образом, все границы должны быть упразднены (интернационализм).

Мир станет тогда подобным крестьянскому хозяйству, принадлежащему сообща всем членам семьи :

— где каждый работает по мере своих **способностей** : старшие — в поле, младшие — охраняя стадо, бабушка — у печки, штопая чулки;

— где каждый получает **по потребности** : работники — обильную пищу, ребенок — молоко разбавленное водой и т. д.

В этом новом мире, о котором мечтают коммунисты, все блага будут принадлежать коллективу или точнее, тем, кто будет его представлять, и каждый трудящийся будет оплачиваться, как чиновник.

Но на деле, такая система может породить лишь зло, **не меньше** чем то, к которому приводит либеральная система. Она неизбежно вырождается в диктатуру, так как те, в распоряжении которых окажутся материальные блага, будут оказывать давление на всех прочих. В самом деле, при коммунистическом режиме, верховная власть оказывается сосредоточенной в руках небольшой группы, которая, располагая материальными благами, законодательной и принудительной властью, может действовать по своему усмотрению во всех решительно областях.

Мы отнюдь не намерены отрицать важности проблемы, которую коммунизм пытается разрешить, и преуменьшать неко-

(*) Мы рассмотрим здесь не все учение коммунизма, а лишь предлагаемое им решение вопроса распределения материальных благ. Нас отделяет от коммунизма прежде всего его отношение к Богу, к душе, к потустороннему миру, к добру и злу, к смыслу жизни и т.д.

торые положительные стороны предлагаемого им решения. Но достаточно ознакомиться с социальной доктриной католической Церкви, чтобы убедиться, что она включает в себе все преимущества коммунистической доктрины не разделяя ее роковых недостатков.

Установки Церкви.

1. Право Церкви на вмешательство в социальную жизнь.

Следует прежде всего установить, что Церковь имеет право участвовать в разрешении социального вопроса, поставленного жизнью.

Конечно, **технический аспект** проблемы распределения материальных благ, т.е. материальный и практический аспект этой проблемы, подлежит компетенции специалистов экономических наук. Церковь не уполномочена Богом ведать этим аспектом : технические формулы, способные наилучшим образом обеспечить всеобщее благоденствие, должны быть выработаны профессиональными организациями и Государством.

Но социальный вопрос имеет также и **моральный аспект**, потому что то или иное решение этого вопроса должно неминуемо затронуть человека в целом. Поставленная Богом блюсти нравственный порядок — основу доверенного ей духовного порядка, — Церковь имеет, следовательно, право и обязанность :

— напоминать о моральных принципах, коими должно вдохновляться подлинно справедливое и гуманное решение социального вопроса;

— одобрять или осуждать практическое решение социального вопроса, в зависимости от того, соответствует ли оно или нет моральным принципам.

Церковь уточнила поэтому свои установки в ряде торжественных актов, в частности в энциклике „Рерум новарум” (в 1891-м году, при папе Льве XIII-м), в энциклике „Куадрагезимо анно” (в 1931-м году, при папе Пие XI-м), а также в различных обращениях Папы Пия XII-го. В этих актах, из которых мы приведем многочисленные цитаты, Церковь определяет, в частности, свои правомочия в социальном вопросе :

Мы имеем право и обязаны, в качестве верховного авторитета, высказаться по поводу социальных и экономических вопросов.

Без сомнения, на Церковь возложена задача вести человечество к вечному блаженству, а не к только временному благополучию; и, даже, она не признает за собой права вмешиваться без осно-

ваний в ведение светских дел. Однако, никакою ценой она не может отречься от вверенной ей Богом обязанности, повелевающей ей вмешиваться, не в техническую область, конечно, по отношению к которой она лишена соответствующих средств и компетенции, но во все, что касается нравственного закона.

(Пий XI, Куадратегиммо Анно)

Церковь не имеет в виду становиться на сторону тех или иных частных и конкретных форм — когда эти формы уважают божественный закон, — посредством которых различные государства стремятся решить эти проблемы... Но Церковь, — хранительница естественного и сверхестественного порядка, по воле Божией и в силу задачи, полученной ею от Христа, — не может отказаться от провозглашения, перед своими сынами и перед лицом всего мира, их основных и непоколебимых законов.

(Пий XII, обращение 24 декабря 1942 г.)

2. Прямое осуждение существующего положения.

И Церковь уже не со вчерашнего дня в суровых выражениях осуждает концентрацию богатств, совершившуюся, притом часто несправедливыми и безнравственными средствами, в руках малого числа людей; она возвышает голос в защиту народного слоя, оказывающегося лишенным жизненного минимума. Она повторяет без устали, что материальные блага плохо распределены и что это должно быть изменено.

Приведем лишь несколько документов, исходящих от Св. Престола :

Мало по малу, трудящиеся, изолированные и беззащитные, почувствовали себя, с течением времени, выданными произволу бесчеловечных хозяев и жадности безудержной конкуренции.

Ненасытное ростовничество применялось беспрепятственно людьми, жадными до наживы и неутолимо стяжательными.

Ко всему этому нужно добавить сосредоточение в руках немногих промышленности и торговли, ставших достоянием малого числа богачей, налагающих почти рабское иго на бесчисленное множество пролетариев.

(Лев XIII, Рерум Новарум, — т.е. уже в 1891 г. !)

С одной стороны — меньшинство богатых, пользующихся более или менее всеми удобствами, которые в таком великом обилии предоставляются современными изобретениями; с другой — огромное множество трудящихся, обреченных на гнетущую нужду и тщетно старающихся из нее выйти.

Капиталу долго удавалось присваивать себе чрезмерные преимущества... Богатства, в таком обилии создающиеся в нашу индустриальную эпоху, распределяются плохо и применяются не так, как следовало-бы, к нуждам различных классов.

(Пий XI, Куадратегиммо Анно, 1931)

Церковь не может не знать и не может не видеть, что рабочий, в своем стремлении улучшить свое положение, наталкивается на совокупность условий, отнюдь не соответствующих природе, а напротив, прямо противных порядку, угодному Богу, и целям, Им установленным для материальных благ... Можно-ли найти человека, в особенности-же священника или христианина, который был-бы глух к воплям, раздающимся снизу и требующим справедливости и духа братства, в мире, сотворенном справедливым Богом ?
(Пий XII, обращение 24 декабря 1942 г.)

Но, в отличие от коммунистов, Церковь не может признать, что эти бедствия порождаются правом частной собственности : они порождаются не этим правом, а его злоупотреблением.

Злоупотребление правом не опровергает самого принципа права и Церковь утверждает, напротив, что частная собственность составляет основу общественного строя; но Церковь вместе с тем напоминает об обязанностях и пределах, присущих этому праву. Это мы сейчас и увидим.

Б. ЗАКОННА ЛИ ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ?

Правом **частной собственности** называют право располагать, в личном порядке, теми или иными вещами или материальными благами. Это право отличается, следовательно, от права на те или иные предметы, могущего принадлежать Государству или иному коллективу.

Материальные блага подразделяются на :

— **предметы потребления** необходимые или полезные для человека, но исчезающие по мере их употребления (хлеб, одежда, уголь, деньги);

— **предметы обихода** отличающиеся от предметов потребления лишь тем, что они изнашиваются медленно или почти незаметным образом (велосипед, радио, мебель, дом);

— **орудия производства** служащие для производства предметов потребления или обихода (земля, сырье, лес, каптированный водопад, завод, доходный дом, деньги приносящие прибыль и т. д.).

Три предварительных замечания.

— Заметим прежде всего, что никто не отрицает за человеком права частной собственности на предметы потребления или даже на некоторые предметы обихода; человек является единоличным собственником хлеба, который он получает или

покупает, одежды, которую он носит, своего запаса топлива, своей кухонной посуды или своей мебели.

Разногласие возникает лишь по поводу **орудий производства** т. е. земли, сырья, земных недр, и, наконец, денежных средств, не являющихся жизненно-необходимыми и могущих приносить прибыль.

Католическая Церковь утверждает законность частной собственности даже на орудия производства; коммунизм отрицает это.

Христианская совесть не может признавать справедливым социальный порядок принципиально отрицающий или практически упраздняющий естественное право собственности как на предметы обихода, так и на орудия производства.

(Папа Пий XII-й, послание от 1-го сентября 1944-го г.)

Мы будем говорить теперь, главным образом, об орудиях производства.

— Заметим во-вторых, что когда мы говорим о частной собственности мы думаем, прежде всего, не о „богачах”, а о мелких торговцах, о ремесленниках и о всех, применяющих труд к своей собственности : о торговце, продающем овощи, которые он приобрел, о сапожнике, употребляющем купленную им кожу, о вложившем свои сбережения в банк, дабы извлекать из них доход. Все они являются собственниками орудий производства.

Именно о них думает прежде всего Церковь, утверждая право частной собственности.

— Заметим, наконец, что говоря о частной собственности, Церковь требует этого права для **всех**.

Она признает, следовательно, за каждым рабочим, за каждым рудокопом, за каждой прислугой, за каждым служащим, право на обладание известной долей материальных благ; она желает установления режима, при котором каждый мог бы постепенно становиться собственником небольшого имущества — „частной собственности” (земля, сырье, деньги), доставляющей ему и его семье большую свободу в настоящем и предохраняющей их от невзгод в будущем.

Достоинство человеческой личности требует, как необходимою жизненную основу, права пользования земными благами, из этого права вытекает обязанность даровать частную собственность, по возможности, всем.

(Папа Пий XII-й, послание от 24 декабря 1942-го г.)

Это естественное право должно быть признано за каждым человеком. Церковь оправдывает это нижеследующими аргументами :

1. Аргумент основанный на универсальном факте.

Всякий человек считает себя вправе располагать, как своей личной собственностью, теми или иными благами. Ребенок ревниво оберегает ракушки найденные им в песке, крестьянин, вспахавший поле и посеявший хлеб, считает его своим, нищий распорядается по своему усмотрению полученной им милостыней. Это явление универсального порядка.

Как согласно учению нашего Предшественника, так и в силу универсальной традиции, присвоение предметов, не имеющих хозяина, и труд, вложенный в переработку такого или иного вещества, полагают основу собственности. В самом деле, занятие пустующего и никому не принадлежащего места, не нарушает справедливости. С другой стороны, труд, затраченный человеком по его собственному почину и придающий тому или иному предмету новую форму и большую ценность, дает ему право на этот предмет.

(Папа Пий XI, „Куадрагезимо анно“)

Во всех подобных случаях, человек вкладывает в вещи частицу самого себя : свою идею, свой труд. Излучение его личности, как бы слабо оно ни было подчас, придает вещам „личный“ характер.

Совершенно так же, как люди обмениваются мыслями, они могут обмениваться плодами своего труда. В этом заключается **обмен**.

Поскольку одни люди деятельнее других, количество и качество предметов, составляющих собственность каждого человека, различны. Если эта собственность приобретена честными средствами и никому не вредит, она является законной и не может быть отнятой от ее обладателя.

Дабы облегчить обмен, люди прибегают к посредничеству **денег**.

Таким образом, материальные блага, т. е. продукты, равно как денежные средства и недвижимые имущества, являющиеся их эквивалентом, могут честным путем сосредотачиваться в руках деятельного труженника.

Всякий человек почитает себя единственным собственником продуктов своих личных усилий и этот универсальный факт доказывает, что право собственности дано человеку природой, т. е. Богом.

2. Аргумент, основанный на свободе.

Каждый человек имеет свое особое призвание : дабы выполнить его, он должен располагать известной **свободой действия**, именно и придающей его деятельности человеческий характер.

Человек не располагающий **лично** минимумом материальных благ, оказывается во власти тех, от кого он зависит материально.

Итак, собственность в известном размере необходима человеку для охраны свободы действия и мысли.

Частная собственность является продуктом упорного усилия труженника, стремящегося обеспечить себе и своим близким справедливую свободу, как в области экономической, так и в области политической, культурной и религиозной.

(Папа Пий XII, послание от 1-го сентября 1944-го г.)

Мы уже упоминали об утеснениях, которым человек может подвергаться и которые легко констатировать в наши дни :

Иногда, речь идет о **диктатуре частных капиталистов**, обладающих орудиями производства и принуждающих трудящихся соглашаться на те или иные условия труда, удовлетворяться той или иной заработной платой, отказываться от тех или иных философских или религиозных убеждений и т. д.

Иногда, речь идет о **диктатуре Государства-капиталиста**, присвоившего себе все материальные блага и принуждающего граждан признавать все, что ему заблагорассудится и даже превращаться в безбожников, контролируя все источники информации, толкуя по-своему события прошлого и настоящего и навязывая свои взгляды во всех областях человеческой мысли и деятельности. Даже если такое Государство провозглашает себя самым демократическим в мире, оно является, в действительности, самым диктаторским. Не имея возможности сравнивать условия своей жизни с теми, в которых живут другие народы, граждане такого Государства, замкнутые в тесных рамках навязанных им учреждений, даже если они признают себя счастливыми, восхваляют свой строй и льстят своим владыкам, являются, по существу, угнетенными рабами.

Государственные законы должны препятствовать экономическому порабощению рабочих, несовместимому с правами человеческой личности.

В чем бы ни заключалось это порабощение — во всевластии капитала или во всемогуществе Государства — последствия его одинаковы; можно даже утверждать, как это увы, доказывает опыт, что гнет Государства, подчиняющего себе всю общественную и частную жизнь и простирающего свою власть на мысль, убеждения и даже совесть граждан, упраздняя всякую свободу, оказывается особенно пагубным.

(Папа Пий XII, послание от 24-го декабря 1944-го г.)

Поэтому Церковь требует — повторяем : для каждого человека — право приобретать своим трудом долю материальных благ, необходимую чтобы предохранить его от тирании.

3. Аргумент, основанный на первичном назначении благ.

Мы сказали, что „совокупность благ предназначена для человечества в целом.”

Совместима-ли с этим принципом доктрина **частной собственности** ?

Церковь отвечает утвердительно на этот вопрос. Более того, согласно ее учению, режим частной собственности наиболее соответствует назначению материальных благ, призванных служить человечеству в целом.

Хоть и раздробленная на частные владения, земля продолжает служить на пользу всех.

(Папа Лев XIII, „Рерум новарум”)

Люди получили право на частную собственность от природы и, тем самым, от Творца, дабы каждый мог обеспечить пропитание себе и своим и дабы, при помощи этого установления, блага, предоставленные Творцом в распоряжение человечества, действительно достигали своего назначения.

(Папа Пий XI, „Куадрагезимо анно”)

Таким образом, согласно католическому учению, лучшим способом извлечения максимальной пользы из материальных благ, предназначенных для человечества в целом, является распределение этих благ между всеми людьми.

В самом деле, по самой своей природе, человек склонен проявлять особую заботу о том, что принадлежит ему лично. Человек, применяющий свой труд к своей собственности (крестьянский двор, поле, магазин мастерская), проявляет себя заботливым хозяином. Заинтересованный в своем труде он извлекает максимум пользы из богатств, которыми он обладает. Работающий за свой счет — т. е. за свой страх и риск — обычно более активен, чем рабочий или служащий, не заинтересованный в процветании непринадлежащего ему предприятия.

Право частной собственности является, следовательно, законным и соответствует замыслам Творца. Но это право не должно быть абсолютным.

Во-первых, человек живет в обществе : он должен уважать права **других**.

Во-вторых, материальные блага даны ему лишь дабы он выполнял совершеннее свою миссию, и следовательно, он не может пользоваться ими **как ему вздумается**.

Перейдем теперь к рассмотрению необходимых ограничений **права частной собственности**.

Мы увидим затем, в каких пределах можно **пользоваться этим правом**.

В. ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. (1)

1. Ограничения вытекающие из прав других частных лиц.

а) право на жизнь.

Возьмем пример : изголодавшийся нищий входит в булочную и тщетно просит о куске хлеба. Воспользовавшись минутой невнимания булочника, он схватывает булку и исчезает с ней в толпе.

Церковь учит, что этот поступок, продиктованный **крайней нуждой**, не является кражей : совокупность материальных благ принадлежит человечеству в целом и, в силу этого принципа, нищий приобретает преимущественное право на хлеб, в котором ему отказывают; он, а не булочник, является его собственником в первую очередь.

Конечно, в наши дни и в наших краях, такая нужда является исключением, так как многочисленные благотворительные учреждения легко доступны неимущим. (2) Но наш пример показывает, с какой твердостью Церковь ограничивает право частной собственности.

б) право приобретения части материальных благ.

Всякий человек, сказали мы, имеет право приобретать, в частном и окончательном порядке, известную долю материальных благ.

Ни один собственник не имеет, следовательно, права монополизировать тот или иной вид материальных благ, становящийся недоступным другим людям.

Возьмем пример : помещик приобрел постепенно огромные земли. Десятки крестьян стали его вассалами и должны арендовать обрабатываемую ими земли. Несколько поколений одной и той же семьи вложили в эту землю свой труд и повысили ее плодородность, но не могут приобрести ее в собственность. Их судьба зависит от воли помещика или даже от его прихоти,

(1) Мы имеем в виду, само собой разумеется, законно приобретенную частную собственность. Незаконно присвоивший себе собственность другого, обязан вернуть ее законному собственнику, или, при отсутствии такового — обществу.

(2) В периоды войны или голода, случаи крайней нужды наблюдаются чаще. В случае кризиса топлива, неимущий, не знающий как согреться, может присвоить излишек топлива, которым располагает частное лицо, если это лицо отказывается поделиться своим запасом или отказ его вероятен. Это присвоение не явится кражей, согласно учению Церкви.

тогда как земля могла бы быть так же хорошо или даже лучше эксплуатируема, если бы каждый крестьянин стал собственником своего участка.

Из всех возможных видов частной собственности, ни один не является более естественным, нежели земля, на которой обитает семья, извлекающая из нее свое пропитание целиком или частично.

(Папа Пий XII, послание от 1-го июня 1941-го г.)

В подобных случаях, Церковь признает за Государством право на вмешательство. За неимением другого выхода, Государство имеет право разделить имение на участки в целях более справедливого распределения собственности, при условии, что помещик получит соответственное возмещение.

Если распределение собственности оказывается препятствием для выполнения частной собственностью ее основных, персональных и социальных функций, Государство может в целях общего блага регламентировать пользование ею, или в случае невозможности иного справедливого решения, экспроприировать ее, возместив убытки собственнику.

(Папа Пий XII, послание от 1-го сентября 1944)

в) Право пользоваться плодами своего труда.

Человек, извлекающий трудовой доход из своей личной собственности (из земли, из магазина, из сырья) продавая собственную продукцию, естественно пользуется плодами своего труда.

Но тот, кто отдает свой труд в наем другому, часто лишен этого естественного права. Мы остановимся более подробно на этом вопросе в главе посвященной предпринятию, но заметим теперь же, что согласно учению Церкви трудящийся должен пользоваться плодами своего труда и что поэтому Церковь ограничивает права собственника на доход извлекаемый им из его собственности.

2. Ограничения, вытекающие из прав Государства.

Призванное обеспечивать земное благосостояние людей, Государство обладает неотъемлемыми правами, в силу которых оно может в известных случаях ограничивать право частных лиц на обладание теми или иными благами.

К этим правам относятся :

а) Право на реальную власть.

В качестве законного естественного общества, Государство имеет право располагать властью, необходимой для осуществления его миссии.

Церковь признает поэтому за ним право не допускать сосредоточения в руках частных лиц чрезмерного экономического и финансового могущества, стесняющего свободу действия Государства и лишаящего его реальной власти.

Капитал становится незаконным, когда в силу своих размеров и могущества, он образует своего рода Государство в Государстве.
(Папа Пий XI, „Куадрагезимо анно”)

Государство может, следовательно, прибегать к контролю и ограничению частного капитала а также запрещать частным лицам приобретение тех или иных предметов (взрывчатых веществ и оружия например).

б) Право взимать налоги с частного имущества.

Освобождая граждан от ряда забот (полиция, внешняя оборона) и облегчая их труд (пути сообщения, сношения с иностранными государствами, развитие наук и искусств и т. д.) Государство имеет, естественно, право требовать от них участия в своих расходах.

Кроме того заботясь о всеобщем благосостоянии, Государство должно принимать на себя целый ряд социальных повинностей (помощь многодетным семьям, сиротам, старикам и т. д.). Этот долг дает ему право требовать от граждан, владеющих материальными благами, участия в государственных расходах.

Церковь признает, следовательно, за Государством право взимать известную часть частного имущества (налог на наследство, подоходный налог на капитал); она настаивает лишь на том, чтобы налоги были прогрессивными и взымались прежде всего с крупных имуществ. Она рекомендует, также, Государству не отягощать население чрезмерными налогами, практически упраздняющими частную собственность.

Государство не имеет права истощать частную собственность чрезмерными повинностями и налогами.
(Папа Пий XI „Куадрагезимо анно”)

Г. ОГРАНИЧЕНИЕ ПОЛЬЗОВАНИЯ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ.

Честное пользование имуществом.

Обладатель материальных благ не имеет права злоупотреблять своим имуществом, даже если это злоупотребление не нарушает прав других лиц и прав Государства.

Злоупотребляя своим имуществом или, просто, не пользуясь им, собственник не совершает несправедливости в тесном смысле слова, поскольку права частных лиц от этого не страдают; но он грешит против благоразумия, трезвости и милосердия и даже против социальной справедливости, поступая несправедливо в отношении к обществу, как таковому.

Собственники обязаны добросовестно пользоваться своим имуществом... Это обязательство налагается на них не во имя распределяющей справедливости, а во имя иных добродетелей; оно является, следовательно, долгом, исполнение которого нельзя требовать судебным путем. Право собственности и законное пользование ею не могут быть, тем самым, ограничены в тех же пределах. Еще большим заблуждением было бы утверждать, что право собственности упраздняется злоупотреблением имуществом или оставлением его без употребления.

(Папа Пий XI „Куадрагезимо анно”)

Человек, обладающий **избытком благ**, приобретенных ценою личного труда или в силу счастливого стечения обстоятельств, обязан употребить на пользу других полученный им талант. Но требуется не мало щедрости чтобы определить, что именно является избытком! Добавим, что милостыня не всегда может почитаться лучшим способом раздачи излишнего; есть и другой, весьма гуманный и социальный способ делиться избытком средств : он заключается в доставлении другим возможности полезного труда.

Использование материальных благ в соответствии с их первичным назначением.

Совокупность благ предназначена человечеству в целом; Церковь признает частную собственность лишь потому, что видит в ней наилучшее средство для достижения этой цели.

Пользуясь своим имуществом, собственник должен считаться не только со своей личной выгодой, но и интересами общества, в особенности, когда речь идет об орудиях производства.

Принимая во внимание, что защита общественных интересов вверена Богом Государству, оно может, согласно учению Церкви, наблюдать за тем, чтобы частные лица располагали своим имуществом в соответствии с замыслом Божиим.

Властям, правящим обществом, надлежит уточнять это обязательство (считаться с интересами общества) в случае необходимости и если оно не уточнено естественным законом. Имея в виду всеобщее благо, власти могут определять, в свете естественного и божественного законов, как именно собственники должны пользоваться своим имуществом. Ясно, однако, что власти не имеют права прибегать к произволу в выполнении этой функции.

(Папа Пий XI „Куадрагезимо анно”)

Если собственник предприятий общественного значения, жизненно необходимых для нации (сельскохозяйственные культуры, шахты, электрическая энергия, кредит и т. д.) хозяйничает неудовлетворительно, Государство имеет право, во имя общественного блага, хранителем которого оно является, **контролировать** и даже **направлять** его деятельность.

Таким образом государство может брать на себя **управление** предприятиями, не становясь, однако, их собственником.

См. вышеприведенный текст : „Если распределение собственности оказывается препятствием для выполнения частной собственностью ее основных, персональных и социальных, функций, Государство может в целях общего блага, регламентировать пользование ею”.

(Папа Пий XII, послание от 1-го сентября 1944-го г.)

Если контроль Государства оказывается недостаточным для обеспечения правильного функционирования насущно необходимых для общества предприятий, власти могут прибегнуть к **огосударствлению** этих предприятий; в таких случаях, Государство подменяет собою законных собственников, возмещает их убытки и становится собственником данных предприятий. (*)

„...” или, в случае невозможности иного справедливого решения, экспроприировать ее, возместив убытки собственнику.

Христианские объединения допускают социализацию лишь, если того требует, действительно, общественное благо, т.е. если нет другого способа прекратить злоупотребления и растрату производительных сил страны, и дабы правильно использовать эти силы, в хозяйственных интересах Нации... Во всяком случае, они утверждают, что социализация должна сопровождаться выплатой собственникам соответственного возмещения, размеры которого должны, в каждом данном случае, справедливо удовлетворять всех заинтересованных лиц.

(Папа Пий XII. Обращение к христианским объединениям)

Конечно, речь идет здесь лишь о крайних случаях; но не приходится отрицать, что Церковь признает за Государством обширные права; дело Государства не злоупотреблять ими.

(*) Мы касаемся здесь животрепещущего вопроса ! В самом деле, одни и те же слова могут принимать различный смысл. Термины **национализация**, **огосударствление**, **обобществление** понимаются по разному. Мы употребляем их в том смысле, который влагают в них заявления Св. Престола и разумеем под этими словами экспроприацию Государством тех или иных орудий производства, сопровождаемую соответственным возмещением, уплачиваемым собственникам.

Фактически, многие Государства злоупотребляют своими правами; именно поэтому Св. Престол настаивает в настоящее время на **очевидной** опасности, представляемой поспешной и неоправданной национализацией.

Совершенно очевидно, что вместо того, чтобы ослаблять механический характер жизни и совместного труда, даже дозволенная национализация может усугубить его, так что выгода ее для общества представляется сомнительной.

(Папа Пий XII. Письмо Шарлю Флори, Председателю Французской Социальной Неделе, от 10-го июля 1946-го г.) (*)

(*) В связи с этим письмом, противники Церкви утверждали, что она вообще отвергает национализацию. Что это не так, видно уже из сказанного выше. К тому же официальный римский журнал „Чивильта Каттолика“, напечатал 7 сентября 1946 г., за подписью А. де Марко, уточнение о смысле и пределах национализации :

„Одним из средств обеспечить социальное назначение собственности является поглощение государством производительных богатств частных лиц, путем национализации промышленных предприятий.

„По социальному мышлению Церкви, национализация предприятий, в определенных случаях, не только допустима, но целесообразна и, следовательно, желательна... Она — одно из средств, которыми располагает государство, чтобы поднять производительную собственность на уровень ее общественного назначения и служения общественному благу... Поэтому, как правило, следует, чтобы государство, среди других экономических мер, национализировало известные отрасли промышленности, в особенности те, которые, имея характер монополий или по природе своей продукции, составляют в руках частного капиталиста средство эксплуатации или же могут придать всему производственному аппарату направление, противное интересам общества. Таковыми могут быть крупные банки, транспорт, военная промышленность, некоторые отрасли химической промышленности и иные, могущие представить в определенных случаях особый национальный интерес или войти в противоречие с требованиями общего блага...

„Но право контролировать производство и распределение произведенных богатств само по себе не оправдывает национализацию того или иного предприятия, ни с точки зрения моральной, ни с точки зрения экономической, поскольку государство располагает многими и различными средствами подчинить производительную собственность ее социальному назначению и экономическим интересам страны. Целесообразная таможенная и налоговая политика, ограниченное участие в капитале акционерных обществ, упорядочение государственных капиталовложений, смелое социальное законодательство, устанавливающее также широкое участие трудящихся в прибылях и в управлении производством, в пределах допустимых функционированием предприятия, являются мерами, которые в своей совокупности, при правильном применении, исправляют злоупотребления частного капитализма, не впадая в государственный капитализм, еще более гибельный”.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРЕДПРИЯТИЕ.

Как сказано выше, мы разумеем под капиталом материальные блага в их отношении к человеческому труду.

Никто не отрицает, что человек, вкладывающий труд в свою собственность (как, например, ремесленник, торговец или земледелец, работающий за свой счет и обрабатывающий то, что ему принадлежит), может пользоваться прибавочной стоимостью, рождаемой его трудом : он является одновременно хозяином и труда, и капитала.

Но как быть, когда собственник материальных благ (земли, леса, недр, завода, парохода, банка, магазина и т.д.) пользуется чужим трудом для придания прибавочной стоимости своему имуществу ?

Может ли он оплачивать нанимаемого им рабочего или служащего как ему заблагорассудится ? Может ли он оставлять за собой прибавочную стоимость ?

Иначе говоря : каковы должны быть взаимоотношения между капиталом одного и трудом другого ?

Вот вопрос, к рассмотрению которого мы теперь обратимся.

В эпоху чистого **либерализма**, этот вопрос решался просто и несправедливо : наниматель выплачивал рабочему условленную между ними плату и сохранял за собой весь доход затраченного труда.

Надо ли напоминать, что Церковь **осудила** и осуждает этот режим и проповедует в этой области, настоящую революцию.

Необходимо сделать все возможное, чтобы по крайней мере в будущем, доля материальных благ, скопляющихся в руках капиталистов, сократилась в справедливой мере и чтобы эти блага изобилили на рабочих.

(Папа Пий XI. „Куадрагезимо анно”)

Церковь не может соглашаться с системами, которые, исходя из совершенно ложного представления о частной собственности, оказываются в противоречии со здоровым социальным порядком.

(Папа Пий XII. Послание от 1-го сентября 1944-го г.)

Сведем теперь учение Церкви к нескольким принципам, не забывая, однако, что не Церковь, а Государство должно решать, каким образом эти принципы должны применяться в каждом конкретном случае.

Капитал и труд.

Два элемента необходимы для производства : труд (физический или умственный) и капитал (материальные блага, деньги, сырье, инструменты).

Подлинным двигателем производства является труд. Один лишь труд способен перерабатывать и производить. Капитал обычно является сам результатом труда, затраченного в прошлом.

Основная роль в производстве материальных благ принадлежит труду рабочих, трудящихся в поле и у станка. Их производительная способность настолько велика, что можно смело рассматривать труд рабочих, как единственный источник национального богатства.

(Папа Лев XIII. „Рерум новарум”)

Капитал необходим для труда; но он является лишь **орудием**; ему принадлежит лишь **служебная** роль. Он может возрастать и приносить „доход”, но этот „доход” не является самоцелью и не может ни в коем случае извлекаться в ущерб трудящимся.

Было бы коренным заблуждением видеть в одном лишь труде, или в одном лишь капитале, единственного создателя того, что создает их совместное усилие; стремление каждой из сотрудничающих сторон оспаривать действительность другой и требовать для себя плоды общего усилия, является совершенно несправедливым.

(Папа Пий XI. „Куадрагезимо анно”)

В хозяйстве старого — сельскохозяйственного или ремесленного — типа, труд и капитал находились в одних и тех же руках : трудящийся обладал благами, необходимыми для его труда.

Напротив того, в современном хозяйстве труд и капитал обычно разъединены. Собственник завода обладает капиталом; труд принадлежит рабочим. Рабочий может обладать „акциями” предприятия, в котором он не работает.

При условии, что капитал приобретен собственником законными средствами, этот режим не является безнравственным сам по себе. Так например, только что упомянутый нами рабочий вложил свои сбережения в предприятие, несколько „акций” которого он приобрел. Его капитал создан личным трудом : это, так сказать, кристаллизованный труд.

Но на деле, этот режим подвергся глубокому искажению и порождает бесчисленные злоупотребления. Сплошь да рядом, отказавшись от своей служебной роли, капитал подчиняет труд своей диктатуре. Ища лишь собственной выгоды, он оказывает на трудящихся постоянное давление. Выходя из своей роли, он расстраивает хозяйственную жизнь. Как уже сказано, строй, при котором капитал подчиняет себе незаконным образом труд, называется **капитализмом**. (*)

Эти злоупотребления порождены главным образом созданием разного рода обществ и, в частности акционерных обществ, крупные и мелкие пайщики которых видят в предприятии лишь источник дивидендов.

Отнюдь не почитая капиталистический режим единственно возможным (и даже предписывая религиозным общинам „коммунитарный” режим объединяющий труд и капитал в одних и тех же руках), Церковь признает законным режим, при котором капитал и труд остаются разобщенными, но уточняет ниже-следующим образом их взаимоотношения :

Предприятие.

Хозяйственная организация, являющаяся местом встречи труда и капитала, называется **предприятием**. Предприятие — это „капитал оживляемый трудом.”

Мы будем говорить лишь о предприятиях, в которых трудящиеся не являются собственниками капитала.

В такого рода предприятиях, труд остается основной производительной силой : капитал является в них лишь необходимым инструментом; его следует ценить и оберегать, как всякий инструмент.

(*) Капитализмом в тесном смысле слова является система, при которой капитал отделен от труда; так понимаемый капитализм не осуждается Церковью. Но в просторечии, капитализмом называют строй, утверждающий примат капитала над трудом; в таком случае речь идет о несправедливом строе, который Церковь всегда осуждала.

С одной стороны люди приносят капитал, который мы предполагаем законно приобретенным; с другой стороны, люди предлагают свой труд.

Капитал и труд, оба необходимых фактора хозяйственной жизни, могут быть объединены лишь одним путем : путем **сотрудничества**.

Ложная доктрина утверждает, что вы — представители труда, и вы — обладатели капитала, должны бороться друг с другом в силу природного закона.. Но социальный мир не может быть достигнут путем упразднения одного из борющихся элементов. Коллективизм не исключает соревнования, потому что конфликт между трудом и частным капиталом заменяется при нем конфликтом между трудом и государственным капитализмом.

Как работодатели, так и работники являются частями единого и высшего целого, объединяющего всех участников производства. Это единство должно стать основанием будущего социального строя.

(Папа Пий XII, слово обращенное к предпринимателям и рабочим итальянской электротехнической промышленности 25-го января 1946)

Именно поэтому Церковь выражает пожелание чтобы трудовой контракт — законный сам по себе — упоминал о необходимом сотрудничестве между хозяином и работником; и тот, и другой равны перед Богом и объединяют свои усилия для освоения материального мира в целях общечеловеческого блага. Трудовой контракт должен, следовательно, включать **известные элементы**, присущие **общественному договору**.

(Мы осуждаем) заблуждение тех, кто объявляет в корне несправедливым договор о найме труда и предлагает заменить его общественным договором... Но мы полагаем, что в нынешних условиях социальной жизни, трудовой контракт должен быть, по мере возможности, смягчен путем внесения в него некоторых элементов присущих общественному договору.

(Папа Пий XI. „Куадрагезимо анно ”)

Мы считаем желательным постепенное привлечение рабочих к участию в организации труда, производства, профессиональной и общественной жизни. Рабочий должен чувствовать себя дома в своем предприятии; его труд должен быть трудом ответственного человека, добровольно влагающего в него свои силы и работающего мужественно, внимательно и добросовестно.

(Заявление французских кардиналов и архиепископов, 1945 г.)

Существует уже целый ряд формул, выявляющих этот дух сотрудничества, и Церковь радуется этому.

Это уже начали проводить в жизнь, к вящей пользе как трудящихся, так и обладателей капитала. Так, рабочие и служащие оказываются привлеченными в той или иной форме к участию во владении и в управлении предприятий, равно как и в прибылях ими приносимых.

(Папа Пий XI. „Куадрагезимо анно”)

Церковь выражает, следовательно, пожелание чтобы рабочие :

— не только получали подобающую **заработную плату**, но и принимали известное участие :

— в **управлении** предприятием;

— во **владении** предприятием;

— в **прибыли** предприятия.

Повторяем, в компетенцию Церкви не входит определение конкретных форм сотрудничества участников предприятия. В ее роль не входит организация светской жизни. Но призванная определять и защищать принципы морального порядка, она указывает в каком смысле должен быть решен вопрос взаимоотношений капитала и труда.

Этот вопрос чрезвычайно сложен ибо :

— участие в управлении предприятием требует компетенции;

— участие во владении предприятием требует разделения сопряженных с ним рисков;

— участие в прибылях предприятия требует предвидения, устраняющего соблазн жертвовать будущим во имя настоящего.

Не входя в рассмотрение технических решений, целесообразность которых выяснится постепенно, опытным путем, мы ограничимся уточнением некоторых принципиальных положений, по поводу коих Церковь сочла необходимым высказаться.

Справедливое вознаграждение труда.

Мы уже сказали, что по замыслу Божию, каждый человек должен располагать минимумом материальных благ, обеспечивающих ему возможность честной и достойной человека жизни.

Рабочий не имеет обычно иного богатства кроме своего труда. Предлагая предприятию свой труд, он предлагает все, что он имеет; он вправе требовать поэтому в обмен все то, что необходимо, чтобы жить по-человечески.

Отсюда его **право на справедливую заработную плату.**

С другой стороны, всякий трудящийся имеет право пользоваться плодами своего труда. Поскольку материальные блага

приобретают прибавочную стоимость главным образом при посредстве труда, рабочий имеет право требовать свою долю прибавочной стоимости.

Отсюда его **право на справедливое участие в прибылях предприятия.**

1) **Право на справедливую заработную плату.**

Церковь точно определяет это право :

Рабочий должен получать заработную плату позволяющую ему прокормить самого себя и своих близких.

(Папа Пий XI. „ Куадратегиммо анно ”)

Заработная плата должна обеспечивать жизнь семьи с тем, чтобы отец мог выполнять свой естественный долг и рождаемые им дети имели здоровую пищу и одежду; трудящийся должен располагать жилищем, достойным человеческой личности, и иметь возможность давать своим детям необходимое образование и воспитание, равно как и запастись всем необходимым на случай кризиса, болезни и в предвидении старости.

(Папа Пий XII. Слово, обращенное к 20.000 трудящихся, 13-го июня 1943-го г.)

В частности, заработная плата должна :

— **обеспечивать жизнь женщин**, призванных трудиться дома, а не на производстве или в конторах.

Матери семейств должны трудиться прежде всего дома; их труд должен быть домашним трудом. Недостаточность мужских заработков, принуждающая матерей искать работы вне дома, пренебрегая своими естественными обязанностями и прежде всего воспитанием детей, является пагубным явлением, которому следует положить предел во что бы то ни стало.

(Папа Пий XI. „ Куадратегиммо анно ”)

Усилия Церкви, требующей справедливой заработной платы, обеспечивающей жизнь рабочего и его семьи, имеют также целью возврат супруг и матерей к домашним очагам для выполнения их подлинного призвания.

(Папа Пий XII. Слово обращенное к итальянским католическим рабочим, 15-го августа 1945 г.)

— давать рабочему возможность **рождать и воспитывать детей**, с тем, чтобы недостаток материальных средств не ограничивал их числа.

Надо приложить все усилия, чтобы обеспечивать отцам семейств заработок, позволяющий нести все нормальные расходы по содержанию семьи... Следует приветствовать начин тех, кто находит способы сочетать заработную плату с семейной нагрузкой, с тем, чтобы рост семьи сопровождался повышением заработка.

(Папа Пий XI. „ Куадратегиммо анно ”)

— позволять трудящимся жить согласно требованиям современной цивилизации и достигать морального и интеллектуального уровня, нормального в наши дни.

Эти блага должны быть достаточно обильными, чтобы... люди располагали достатком и культурой, в той мере, которая, если пользоваться ею разумно, не только не препятствует добродетельной жизни, но наоборот, способствует ей.

(Та же энциклика)

— предохранять от невзгод в будущем (несчастные случаи, болезни).

— Позволять накопление личных сбережений и приобретение личной собственности.

Важно... чтобы как рабочие, так и служащие имели возможность откладывать часть своего заработка и составлять себе скромное состояние.

(Та же энциклика)

Следует, однако, добавить, что определение справедливых ставок заработной платы зависит не только от интересов трудящихся и что справедливые требования рабочих не всегда могут быть немедленно удовлетворены.

Определяя размеры заработной платы, надо исходить из нужд предприятия и тех, кто его обслуживает. Было бы несправедливым требовать ставок грозящих предприятию разорением, катастрофическим и для трудящихся.

Конечно, если предприятие становится убыточным вследствие нерадивости и небрежности, это обстоятельство не может оправдывать снижения заработной платы.

Но если предприятие изнемогает под тяжестью неоправданных расходов или принуждено сбывать свои продукты по пониженным ценам, те, кто доводят его до этого, совершают вопиющую несправедливость: именно по их вине трудящиеся оказываются лишенными заслуженного ими вознаграждения.

(Папа Пий XI. „Куадрагезимо анно”)

Следует также иметь в виду интересы всех трудящихся.

Мы говорим о возможности предоставлять работу всем. Эта возможность зависит, в значительной степени, от размеров заработной платы. Разумно ограниченные ставки позволяют умножать число рабочих; чрезмерно увеличенные ставки ведут к его сокращению... Социальная справедливость требует заработной платы, дающей возможно большему числу трудящихся отдавать в наем свой труд и получать взамен средства, необходимые для подобного человеку существованию.

(Та же энциклика)

2) Право на справедливое участие в прибылях предприятия.

Поскольку труд является основным производителем прибавочной стоимости предприятия, трудящиеся имеют право на известную долю этой прибавочной стоимости, т. е. на участие в прибылях предприятия.

Однако, прибыль не определяется разницей между себестоимостью (сырье, заработная плата и жалования, производственные издержки) и продажной ценой продукта производства. Дабы установить подлинные размеры прибыли, следует сначала определить законную оплату капитала, подобно тому, как мы уже определили справедливую оплату труда.

Справедливая оплата капитала.

1) Собственник должен прежде всего восстанавливать свой капитал, как рабочий должен восстанавливать свои силы.

Капитал восстанавливается путем амортизации; он пополняется путем новых капиталовложений, предназначенных, например, для усовершенствования оборудования предприятия. По мере быстрого развития современной промышленности, капиталовложения все увеличиваются и их ритм ускоряется.

Амортизация, необходимые запасы, новые капиталовложения — все эти расходы должны вычитаться из общего дохода предприятия.

2) Кроме того, вкладывая свои средства в предприятие, собственник лишается возможности располагать этими средствами для других целей и подвергает их известному риску. Он имеет, следовательно, право на **соответственное вознаграждение**.

Возьмем для примера рабочего вложившего часть своих сбережений в акции предприятия, на котором он не работает. Он мог бы оставить эти деньги втуне или истратить их немедленно; вкладывая свои сбережения в предприятие и рискуя ими, он оказывает услугу человеческому обществу. Впрочем, расчет на прибыль облегчает этот социальный акт.

Но риск, в каждом случае, различен. Рабочий рискует в иной степени нежели богатый промышленник. Пайщик общества с неограниченной ответственностью рискует больше, чем пайщик акционерного общества.

Кроме того, считаясь с риском капитала, надо считаться и с риском трудящихся (бесхозяйственность, безработица, несчастные случаи и т. д.). Конечно, рабочий легко расстается с предприятием и тем самым рискует по видимости меньше, чем собст-

венник. Но обладатель акций покидает предприятие столь же легко или даже еще легче : телефонного звонка достаточно, чтобы акции были проданы и деньги вложены в другое дело.

Нелегко поэтому определить риск капитала и установить какими финансовыми преимуществами должен компенсироваться этот риск. Современное законодательство стремится уменьшить риск трудящихся путем различных „ страховок ”; в свою очередь, капитал законно стремится ограничить свой риск, оставляя за собой часть прибыли предприятия.

3) Наконец, собственник, активно участвующий в управлении предприятием, становится сам таким же трудящимся, как и рабочие. Его труд заслуживает **вознаграждения**.

Но, как известно, некоторые капиталисты и некоторые посредники (биржевые маклеры, администраторы акционерных обществ), управляющие чужим имуществом, извлекают огромные доходы из предприятий не вкладывая в них труда и не неся за них никакой ответственности (или достаточной ответственности).. Система, допускающая такие злоупотребления, требует коренного пересмотра.

Участие в прибыли предприятия.

Когда размеры заработной платы и вознаграждения капитала оказываются установленными, определение **реальной** прибыли предприятия становится возможным.

Тогда ставится вопрос о **распределении** прибыли.

Доля каждого должна быть тщательно вычислена. В самом деле, в некоторых отраслях промышленности, прибыль достигается главным образом благодаря труду рабочих; в других отраслях, наоборот, решающую роль играют организационные способности хозяина или достижения инженеров и химиков. Распределение прибыли сопряжено, тем самым, с величайшими трудностями.

Эти вопросы решаются не Церковью, а Государством и специалистами производственной техники. Церковь выразила свое удовлетворение, констатируя, что в некоторых предприятиях „ **трудящиеся так или иначе привлечены к участию в прибылях** ”, но она не высказалась в пользу того или иного способа их распределения.

Участие во владении предприятием.

Пока капитал, принадлежащий частому лицу, не вложен в предприятие и не „ оживлен ” трудом других лиц, никто не вправе

требовать его доли, принимая во внимание все, что мы уже сказали по поводу права частной собственности и распоряжения ею.

Но когда труд рабочих позволил предприятию увеличить свой капитал, нельзя не признать за рабочими, связавшими свою жизнь с предприятием, известное право собственности на увеличенный капитал, при условии справедливого определения доли прибавочной стоимости, причитающейся каждому участнику предприятия.

Церковь не указывает, каким образом должна устанавливаться эта доля. Но она радуется „ **тому или иному участию рабочих во владении предприятием.** ” („ Куадрагезимо анно ”).

Участие в управлении предприятием.

Церковь выражает пожелание, чтобы рабочие были „ **привлечены тем или иным образом к участию в управлении предприятием** ”. (Та же энциклика.)

Ряд причин требуют этого :

— известное участие в прибылях и во владении предприятием, влечет за собой неминуемо участие в управлении им; в атмосфере недоверия, созданной диктатурой капитализма, трудно предположить чтобы рабочие могли доверить кому бы то ни было полный контроль над предприятием;

— с другой стороны, доходность предприятия является функцией его продуктивности; желательно, следовательно, чтобы рабочие, имеющие достаточную компетенцию, могли содействовать успешной работе предприятия;

— наконец, рабочий класс начинает чувствовать себя зрелым и стремится к более активному участию в хозяйственной жизни страны. Подобно буржуазии („ третьему сословию ” добившейся своей эманципации несколько веков тому назад, рабочий класс („ четвертое сословие ”) становится сознательным; его желание играть в обществе активную роль вполне законно.

На деле, однако, многие рабочие еще не вполне доросли до этой роли; поэтому они требуют не столько участия в **техническом** руководстве предприятием, сколько контроля над его финансами; наблюдая за составлением балансов, они надеются иметь возможность точно устанавливать прибыль предприятия в целях обеспечения своих материальных интересов. Однако, даже в этой области, многим рабочим нехватает опыта. Немногие из них способны понять баланс предприятия и у них часто создается впечатление, что дирекция предприятия их обманывает.

К тому же, всякое предприятие имеет свои секреты (способы продукции, преимущества, предоставляемые тем или иным

покупателям и т. д.) и, в интересах самих же рабочих, многие данные не могут быть оглашены на публичном собрании !

Однако Церковь желает, чтобы рабочие привлекались „ тем или иным образом ” к участию в управлении предприятием. Осуществлять это пожелание стремятся в настоящее время „ производственные комитеты ”, где представители капитала и труда встречаются для обмена мнениями, выражения своих пожеланий, предотвращения, конфликтов, совместного руководства общественной взаимопомощью и т. д.

Важно, однако, напомнить, что участие рабочих в управлении предприятий не должно подрывать **авторитета** руководства.

Как уже было сказано, Церковь полагает, что наличие власти необходимо во всяком благоустроенном обществе.

Рабочие должны подчиняться приказам главы предприятия и выполнять, по совести, полученные задания.

Необходимо полное признание единства руководства и авторитета главы предприятия, авторитета основанного на компетенции и морали.

(Заявление французских епископов, 1945 г.)

Но Церковь напоминает одновременно главам предприятий, что их власть является служебной и что пользоваться ею они должны **отечески** по примеру самого Бога. Она повелевает им не забывать об их ответственности перед Богом за рабочих, привлекаемых ими к созидательному труду. Она вменяет им в обязанность разумное руководство, справедливость и милосердие, а также попечение о человеческом достоинстве трудящихся.

Коммунитарная идея проповедуемая Церковью может осуществиться лишь путем все более тесного сотрудничества между хозяевами и работниками, сотрудничества, основанного на компетенции и сознании ответственности каждого, и приятием каждым неизбежного риска.

Но легко себе представить какого самоотвержения, какого бескорыстия это сотрудничество требует от хозяев и от рабочих ! Именно потому, всякая попытка коренного преобразования хозяйственной жизни, пока не изжита атмосфера ненависти и взаимного недоверия, может привести лишь к пагубным последствиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Таково решение мучительной проблемы распределения материальных благ, предлагаемое Церковью.

Категорически осуждая злоупотребления, порождаемые режимом частной собственности, она утверждает, однако, что этот

режим является необходимой основой общественного порядка.

Защищая права рабочих, она не прибегает к демагогии, дабы привлечь к себе их симпатии.

Умудренная Богом и уверенная в Его благодатной помощи, она беспристрастно учитывает все аспекты социального вопроса и блюдет прежде всего неотъемлемые права человеческой личности, присущие как хозяевам, так и рабочим.

Но проведение в жизнь католического учения требует двустороннего сотрудничества :

— **сотрудничества Государства.**

Мы уже неоднократно указывали, что Церковь признает за Государством большие права.

Отнюдь не стесняя его деятельности, Церковь поддерживает всем своим авторитетом мероприятия Государства, направленные к наилучшему использованию и наилучшему распределению материальных благ.

Но она требует, тем самым — от носителей государственной власти бескорыстного стремления к общему благу.

Следует поэтому, прежде всего, вернуть Государству его подлинную роль. Социальный вопрос не может найти справедливого разрешения, там где господствует партийная политика.

Вы хотите, чтобы звезда мира возшла и воссияла над человеческим обществом? В таком случае, содействуйте возврату Государства на путь служения обществу, дабы уважая человеческую личность оно способствовало ее усилиям направленным к достижению вечных целей. Боритесь с заблуждениями... приводящими Государство и государственную власть к отрицанию или забвению их зависимости от воли Творца.

Добивайтесь всеобщего признания истинного учения, согласно которому служение является основным требованием морали и оправданием всякой власти.

(Папа Пий XII. Послание от 24-го декабря 1942)

— **сотрудничества всех подлинных христиан.**

Церковь нуждается не только в благодати Божией, но и естественном разуме своих сынов. Энциклики указывают направление, в котором следует искать решения земных проблем, но практические решения должны выработываться мирянами, погруженными в гущу жизни и призванными обогатить христианское достояние.

Энциклики (социальные) являются нормами, которыми мы должны руководиться, дабы не впасть в заблуждение. Они могут быть уподоблены ветхам, указывающим путь кораблю, но не предел его плавания.

Вдохновляясь уже изданными энцикликами и учитывая исторический опыт, христианская мысль должна непрерывно напрягать свои силы во всем христианском мире, подготавливая энциклики будущего.

(Л. Бернаэрт. Журнал „Этюд“, октябрь 1943 г.)

Христос не преподавал законов приуроченных ко всем эпохам и ко всем положениям. В Евангелии нет речи о колонизации или о минимуме заработной платы. Но дух, который Он вдохнул в Своих последователей, несет в себе зародыши всех благотворных преобразований.

На всем протяжении истории Церкви, Христос действует через людей преобразуя мир. Как не видеть в этом продолжения Искупления? Христос живет сегодня, как жил вчера и как будет жить во веки веков. Мы продолжаем Искупление внутри нас и вокруг нас.

(Э. Рош, „Христиане в миру“ стр. 81)

Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Мы будем кратки : пусть читатель сделает сам свои выводы.

Проблема жизни волнует каждого мыслящего человека. В начале нашего изложения мы поставили требование, что решение, предлагаемое нами, должно учитывать все аспекты реальности и быть приемлемым для каждого человека, во всех обстоятельствах.

И, в самом деле, подводя итог всему сказанному, нельзя не согласиться, что церковное решение вопроса чудесным образом сочетается и преобразует казалось бы в корне противоречивые элементы :

жизнь и смерть, здоровье и страдание, тело и душа, чувства и разум, наука и вера, человеческое и божественное, молитва и действие, справедливость и прощение, грех и святость, инициатива и повиновение, благодать и свобода, временное и вечное, чувство собственного достоинства и самоотречение, частное и социальное, личность и община.

Такое учение может исходить лишь от Бога.

Как радостно убеждаться, что католическая религия захватывает нас целиком и не создавая в нас никакого раздвоения, не стесняя наших естественных и законных устремлений, а наоборот поощряя и согласуя их, привлекает нас, во всей полноте наших жизненных сил, к сотрудничеству с Творцом и Искупителем !

Как радостно сознавать, что уделяя исключительное место человеческой личности, католическая вера не превращает нас в эгоистов, видя в самоотдаче суть нашей земной миссии и мерило нашей духовной зрелости !

Разве не очевидно, что ни одна из современных теорий — во многом здоровых и благонамеренных — не решает проблему жизни столь совершенно и исчерпывающе ?

Как прекрасен был бы мир, если все, ищущие правды, люди приняли-бы учение Христа и Его Церкви...

Но, надо признать, что Католическая Церковь насчитывает множество противников. Искренность многих из них не подлежит сомнению. Откуда же происходит эта вражда ?

Она объясняется иногда недостаточно ясным представлением о католическом учении. Может быть, наш труд поможет некоторым из противников Церкви ближе ознакомиться с этим учением и полюбить вдохновляющего его Христа.

Но многих отвращают от Церкви сами католики, религиозное невежество и образ жизни которых скрывают истинное лицо христианства.

Поэтому, закончив чтение этой книги, христианские читатели должны принять твердое решение следовать во всем заветам Христа и учению Церкви, показывая пример другим.

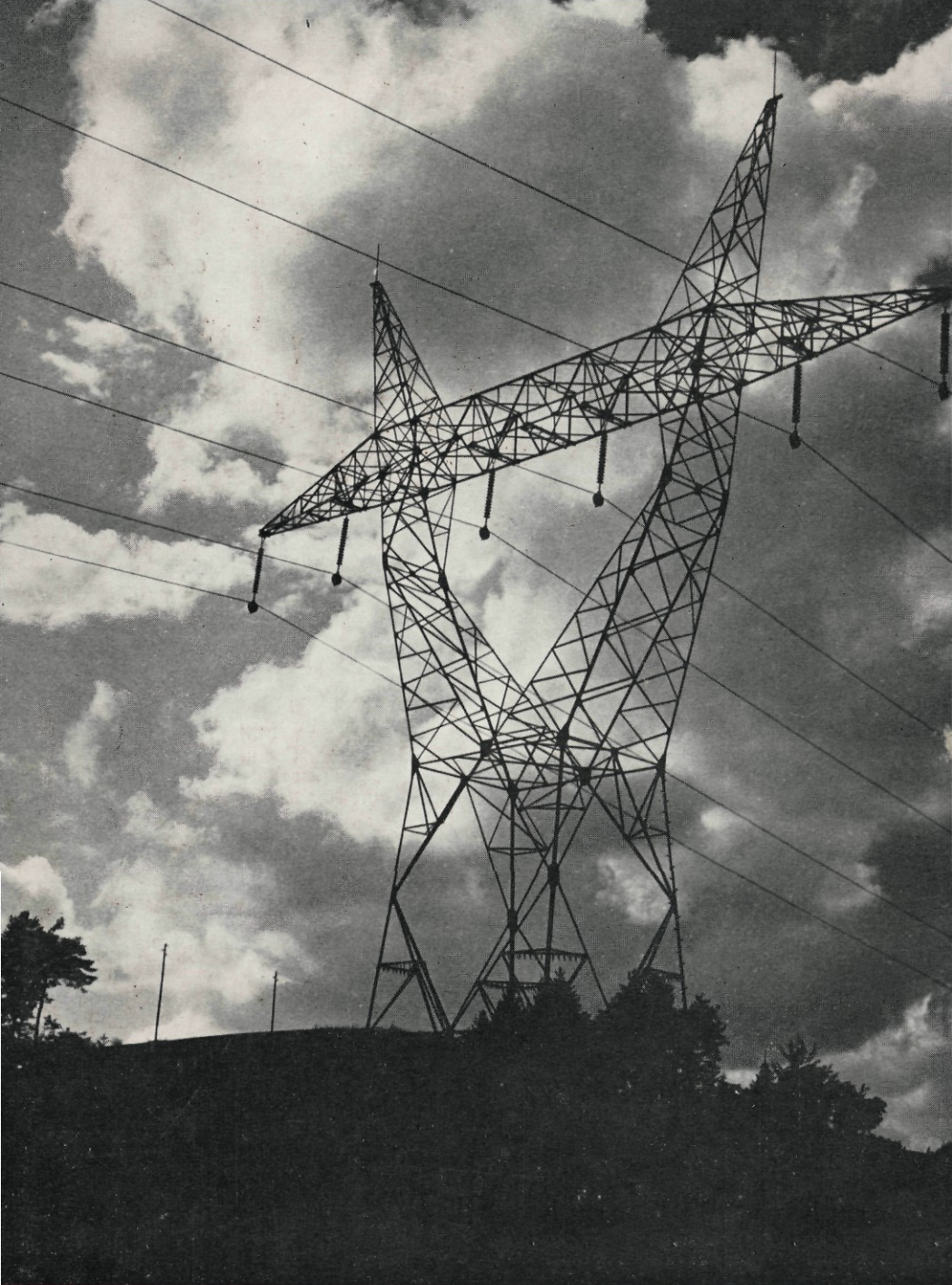
Приходится пожалеть, в частности, что наблюдая настоящее и воображая себе будущее, многие христиане отчаиваются, утрачивают радость жизни, становятся неспособными к труду, к молитве и даже к размышлению.

Можно подумать, что смутные времена переживаются человечеством впервые!

Но Церковь издавна привыкла к испытаниям. Достаточно вспомнить гонения первых веков христианства, нашествия варваров, бесчисленные распри и войны средневековья, расколы и наконец, французскую революцию.

Откажемся раз и навсегда от мечтаний о мире всеобщего благополучия, о мире незнающем братоубийственной борьбы. Разве общество, отрицающее Бога, может порождать что-либо кроме ненависти и отчаяния?

Но перед лицом будущего, столь же мрачного, сколь и прошлое, имеем ли мы право ограничиваться бесплодными причитаниями? Отнюдь нет! Зная волю Господню, будем стремиться распространять вокруг нас Его свет и Его мир, памятуя о словах Писания: «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением».

Недостаточно принести людям больше электричества... надо делиться с ними всеми дарами Божиими : материальными благами и тем более вечным светом и теплом любви, принесенными нам Христом.